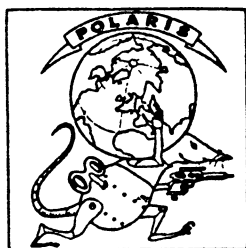

5½ — МАСТЕРА ФАНТАСТИКИ —

МАСТЕРА
ФАНТАСТИКИ

АЙЗЕК
АЗИМОВ
КОСМИЧЕСКИЙ
РЕЙНДЖЕР

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

МАСТЕРА ФАНТАСТИКИ

АЙЗЕК АЗИМОВ

**ЛАККИ СТАРР
И ОКЕАНЫ
ВЕНЕРЫ**

**ЛАККИ СТАРР
И БОЛЬШОЕ
СОЛНЦЕ
МЕРКУРИЯ**

**ЛАККИ СТАРР
И КОЛЬЦА
САТУРНА**

Издательская фирма «Полярис»
1992

© Издательская фирма «Полярис», название серии, 1991

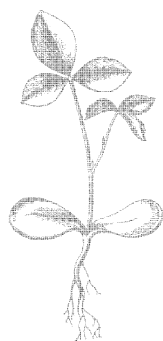
© Издательская фирма «Полярис», составление, оформление, перевод на русский язык, 1992

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом без разрешения издателя — запрещена. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

ISBN 5-88132-013-1

ЛАККИ СТАРР И ОКЕАНЫ ВЕНЕРЫ

Сквозь облака Венеры

Лакки Старр и Джон Бигмен Джонс покинули стены Второй Космической станции и не спеша направились к каботажному суденышку, которое уже поджидало их, распахнув шлюз. Несмотря на то что приятели были облачены в громоздкие и неуклюжие скафандры, их движения, несомненно, говорили о привычке к отсутствию силы тяжести.

Бигмен повернулся, чтобы еще раз взглянуть в сторону Венеры.

— Нет, ну это ж надо! Какая глыбища! — в который раз он не смог удержаться от восторга при виде планеты. Кажется, в восхищении дрожал каждый мускул его небольшого (5 футов 2 дюйма) тела.

Бигмен родился и вырос на Марсе. Он привык к красновато-коричневым почвам родной планеты, видел скалистые астероиды. Даже на Земле побывал — зелено-голубой. А тут вот — такая серо-белая громадина... Венера заслоняла собой половину небосвода. Космическая станция находилась на расстоянии двух тысяч миль от ее поверхности. Вторая станция, точно такая же, располагалась на противоположной стороне планеты. Две станции, служившие ангарами для прибываю-

щих на Венеру межпланетных кораблей, делали виток за три часа, следуя друг за другом, как по наезженной колее.

Впрочем, хотя станции и крутились над самой поверхностью планеты, что-нибудь новое разглядеть не удавалось. Ни тебе континентов, ни морей, ни гор, ни пустынь, ни зеленых полей. Белизна — сверкающая белизна, лишь кое-где нарушаемая серыми линиями.

Белизна — вечно беспокойная облачность, окутывающая Венеру; серые же линии означали границу столкновения воздушных масс. Облака там проседали, и в них приоткрывались щели, в которые можно было разглядеть, что на планету падает дождь.

— Послушай, Бигмен, насмотришься еще на Венеру. Попрощайся лучше с солнышком, — подкусил приятеля Лакки.

Бигмен фыркнул. Для его глаз и земное Солнце было непомерно ярким. А здесь, на орбите Венеры, светило вообще казалось раздувшимся монстром, его яркость в два с четвертью раза превосходила яркость земного и раза в четыре — родного марсианского. Лично он, Бигмен, был даже рад, что Солнце вскоре скроется за облаками. И слава Богу, что на всех окнах опущены жалюзи.

— Ну, — буркнул Лакки, — ты, недотепа марсианская, заходить будешь?

Бигмен очнулся и обнаружил, что добрался до корабля и одной рукой уже держится за люк шлюза. Но от Венеры взгляд отрывать не спешил. Половина ее еще сияла, когда с востока на блестящий диск быстро, со скоростью вращения станции, наезжала тень.

Лакки подплыл до шлюза корабля и свободной рукой слегка поддал пинка зазевавшемуся Бигмену. Тот, кувыряясь в невесомости, медленно исчез внутри.

За Бигменом последовал и Лакки — мягко, одним усилием пальца плавно направив тело внутрь шлюза. Сейчас ему было не до веселья, но все равно он не смог удержаться от улыбки, глядя, как Бигмен, растопырив все конечности, висит вниз головой, пытается хотя бы пальцем дотянуться до внутренних дверей шлюза. Лакки вплыл внутрь, и наружные створки сомкнулись.

— Ты, — негодовал Бигмен, — супермен пришибленный! Вот плечу я на тебя когда-нибудь, и ищи себе кого поглупее!

Воздух быстро заполнил маленькое помещение, и открылись внутренние двери, в которых, уклонившись от болтающихся ног Бигмена, появились двое. Один, с виду — главный, был приземист, коренаст и с невероятно длинными усами.

— Что-то случилось, господа? — поинтересовался он.

— Можем чем-нибудь помочь? — спросил второй, более худощавый, высокий и светловолосый, но с усами примерно того же размаха.

— Можете, — снисходительно кивнул Бигмен. — Покажите нам каюту и скажите, куда повесить скафандры. — Он, наконец, сумел опуститься на пол и принялся разоблачаться. Лакки скафандр уже снял.

Они вышли из шлюза, двери закрылись. Скафандры, внешняя поверхность которых уже остыла в пустоте, моментально покрылись инеем, и Бигмен поместил их в шкаф-сушилку.

— Итак, — продолжил темноволосый, — это вы — Вильям Вильямс и Джон Джонс?

— Да, я — Вильямс, — кивнул Лакки. Псевдонимом он пользовался уже давно. Люди из Совета Науки старались избегать любой огласки. Тем более, когда предстояло очередное расследование. — Вот наши документы. Надеюсь, багаж на борту?

— Все в полном порядке, — кивнул темноволосый. — Меня зовут Джордж Ривал, я пилот, а это — Тор Джонсон, помощник. Стартуем через пару минут. Если хотите чего, то говорите сразу.

Пассажиров отвели в небольшую каюту, и Лакки облегченно вздохнул. В космосе он никогда не ощущал себя комфортно, если, конечно, не сидел за штурвалом своего быстроходного крейсера «Метеор», который отдыхал теперь в ангаре космической станции.

— Хочу вас предупредить, — сообщил темноволосый, — как только мы сойдем с орбиты станции, то гравитация начнет резко нарастать. Если вы почувствуете приступ тошноты...

— Тошноты?! — зарычал Бигмен. — Ты, земноводное, да я уже в детстве держал такие перегрузки, какие тебе и теперь не снятся!

Он оттолкнулся пальцем от стены, скрутил медленное сальто и замер так, что башмаки повисли ровно в дюйме над полом, а палец уперся в ту же самую точку.

— Вот так-то! Попробуй-ка, сделай *такое*, когда будешь чувствовать себя в хорошей форме!

— Слушай, приятель, — ухмыльнулся помощник, — что ты по пустякам разоряешься...

— По пустякам?! — немедленно вспыхнул Бигмен. — Ты, поваренок, какого... — но рука Лакки легла на локоть Бигмена, и окончание фразы повисло в воздухе.

— До встречи на Венере, — хмуро распрощался начальник. Тор, все еще ухмыляясь, кивнул и последовал за шефом в нос корабля, в рубку.

Бигмен, чей гнев моментально испарился, недоуменно обернулся к Лакки:

— Слушай, что у них за усищи? Я таких длинных в жизни не видал.

— На Венере так принято, — пояснил Лакки. — Там все с такими ходят.

— Хм, — задумался Бигмен, потирая свою безусую губу, — а интересно, как бы я с ними выглядел?

— Ну, отрасти, — усмехнулся Лакки. — Глядишь, и лица видно не будет.

Он уклонился от кулака ринувшегося на него Бигмена, и тут пол под ногами дрогнул — «Чудо Венеры» отошло от станции. Каботажник развернулся носом в сторону планеты и начал путь по спиральной траектории, которая вскоре опустит их на поверхность.

Лакки Старр почувствовал, как, наконец, расслабляется, едва только корабль стал набирать скорость. Его коричневые глаза прикрылись веками, умное, правильное лицо расслабилось. И хотя он был высок и на вид казался хрупким, но только казался — мышцы Лакки отличались стальной крепостью.

Лакки изведаль в жизни уже многое. И хорошее, и дурное. Своих родителей он потерял еще в детстве, их убили пираты возле Венеры, примерно там, где он находился теперь. Воспитали его друзья отца — Гектор Конвей, ныне глава Совета Науки, и Аугустус Генри, начальник Отдела Совета.

Они готовили Лакки к тому, чтобы в один прекрасный день он смог бы стать Советником, членом Совета

Науки, организации мощной, осведомленной и в то же время самой скрытной во всей Галактике.

И год назад, окончив Академию, он стал полноправным Советником и вошел в ряды тех, чья профессия — способствовать развитию человечества и бороться с врагами цивилизации. Он стал самым молодым Советником за всю историю и, кажется, оставался им по сей день.

В своих первых схватках он победил. В пустынях Марса и среди мрачных скал пояса астероидов враги были повержены.

Но борьба со злом и преступлениями — дело не одного дня, и вот снова тревога, снова творятся темные дела, на этот раз — на Венере, и все тем более сложно, что обстоятельства происходящего известны далеко не полностью.

— Я не уверен даже в том, что это Сириус опять мутит воду против Солнечной Конфедерации, — сказал, почесав за ухом, Гектор Конвей, Главный Советник. — А ну как это просто мелкий разбой? Наш представитель на Венере пытается разобраться...

— А вы не послали туда кого-либо из наших спец-агентов? — спросил Лакки, который только что вернулся с астероидов.

— Послали, — кивнул Главный Советник. — Эванса.

— Лу Эванса? — темные глаза Лакки радостно блеснули. — Он мой одноклассник. Он великолепен...

— Вот как? А наш резидент на Венере требует его отзыва. Отзыва и расследования дела о коррупции.

— *Что?!* — Лакки в негодовании вскочил на ноги. — Дядюшка Гектор, это немыслимо!

— Что же, слетай туда сам и во всем разберись. Как?

— О Боже со всеми твоими ангелами и архангелами, что за вопрос! Мы с Бигменом летим, как только «Метеор» подготовят к полету.

И вот уже Лакки видит в иллюминаторе, как над Венерой простирается ночная тень. Через час планета погрузится в полную темноту. Все звезды закрылись гигантским диском Венеры.

Вскоре они вновь оказались на освещенной стороне планеты, только в иллюминаторе царил уже серый цвет, поскольку корабль приближался к поверхности, облач-

ность была не видна. По сути, корабль начал уже входить в нее.

Бигмен в это время успешно разбирался с гигантским бутербродом с курицей.

— Тьфу, — сказал он, прикончив его и вытерев губы, — не хотел бы я сейчас тащить корабль вниз сквозь эту муру.

Вышли наружу и зафиксировались крылья, теперь корабль использовал атмосферу и характер полета резко изменился: корабль стало трясти то вверх, то вниз, как если бы они съехали с асфальта на булыжную мостовую.

Межпланетные корабли не слишком удобны для посадки на планеты с плотной атмосферой. Поэтому вокруг таких планет, как Земля и Венера, созданы специальные станции. Корабли, возвращающиеся из глубокого космоса, прилетают туда, а уж с этих станций путешественников доставляют на поверхность планеты каботажные суда, способные перемещаться в атмосфере как обыкновенные самолеты.

Бигмен — а он мог бы провести корабль с Плутона на Марс с завязанными глазами — растерялся бы при столкновении с атмосферой. Даже Лакки, которого в Академии не на шутку натаскивали пилотировать каботажники, и тот не слишком бы обрадовался необходимости сажать корабль вслепую.

— Пока первые люди не оказались на Венере, — сказал Лакки, — они могли наблюдать только ее облачный покров. О планете поэтому знали мало.

Бигмен не отреагировал, поскольку был занят — исследовал пластиковый пакет: не заваялся ли там еще один бутерброд.

— Они не могли даже сказать, — продолжал Лакки, несмотря на отсутствие энтузиазма у слушателя, — с какой скоростью планета вращается вокруг оси. Не знали о составе ее атмосферы. Знали только, что там есть углекислый газ, но почти до конца XX века думали, что на планете совершенно нет воды. А потом оказалось, что все совсем не так.

Лакки замолчал. Его мысли против воли вновь и вновь возвращались к закодированному сообщению, которое он получил на полдороге, в десяти миллионах миль от Земли. Сообщение пришло от Лу Эванса, его

старинного приятеля, которого Лакки известил, что летит к нему.

Текст был краток, ясен и резок. «Не лезь» — вот и все.

На Эванса не похоже. Вывод был только один — друг попал в беду, и, конечно, ни о каком «не лезь» и речи быть не могло. Ровно наоборот.

— Слушай, Лакки, как странно, — подал голос Бигмен, — если подумать, что когда-то, давным-давно, люди сидели на Земле, как в курятнике. И никуда оттуда выбраться не могли. И ничегошеньки не знали ни о Марсе, ни о Луне. Жуть какая-то, если представить.

И тут корабль пробил облачный слой. Даже мрачные мысли Лакки рассеялись от вида, открывшегося внизу.

Все произошло внезапно. Только что корабль окружала вечная и безысходная молочная пелена — и вдруг — кругом прозрачный воздух. Поверхность планеты освещалась чистым, ясным светом, а сверху была видна матовая изнанка облаков.

— Лакки, — только что не взвизгнул Бигмен, — ты взгляни!

Под ними на мили, до самого горизонта простирался плотный ковер сине-зеленой растительности. Там, внизу, не было ни возвышений, ни впадин; поверхность была ровной, словно ее разровнял гигантский атомный бульдозер.

Но землянина этот вид бы ошарашил. Там не было ничего! Ни дорог, ни домов, ни городов, ни рек. Одна только неизменная сине-зеленая поверхность.

— Это все углекислый газ, — пояснил Лакки. — Оттого тут все так безумно растет. На Земле его в атмосфере всего три сотых процента, а тут — почти десять.

Бигмен, много лет проживший на Марсе, в углекислом газе понимал.

— А облака почему так светятся?

— Ты забываешь, Бигмен, — улыбнулся Лакки, — что Солнце тут светит раза в два ярче, чем на Земле. — Он снова выглянул в иллюминатор, и его улыбка потухла.

— Странно, — пробормотал он.

Внезапно он вскочил на ноги.

— Бигмен, к пилотам, быстро!

В два прыжка Лакки оказался возле служебного отсека. Еще два прыжка — и он у дверей рубки. Дверь не заперта. Он толкнул — та распахнулась. Оба пилота, Джордж Ривал и Тор Джонсон, сидели на своих местах, тупо уставившись в приборную панель. Никто из них не обернулся.

— Послушайте... — начал Лакки.

Никакой реакции.

Лакки коснулся локтя Джонсона, и рука помощника раздраженно дернулась, стряхивая с себя захват. Молодой Советник ухватил помощника за вторую руку и крикнул:

— Займись вторым, Бигмен!

Коротышка ринулся вперед, не задавая лишних вопросов, как лихой забияка.

Лакки выдернул Джонсона из кресла. Тот встал на ноги, покачнулся и бросился на пассажира. Лакки увернулся от удара в лицо и прямым правой в челюсть уложил Джонсона на пол. Почти одновременно с ним Бигмен вывернул руку Ривала за спину и быстро пресек его дальнейшее сопротивление.

Затем Бигмен выволок оба тела из рубки и запер дверь. Покончив с этим, он обнаружил, что Лакки лихорадочно возится с управлением.

— Что случилось? — только теперь он позволил себе задать вопрос.

— Мы не начали выравнивание перед посадкой, — мрачно пояснил Лакки. — Я глядел вниз и увидел, что поверхность приближается слишком быстро. И ничего пока не изменилось.

Он отчаянно искал ручку, управляющую элеронами, чтобы изменить угол полета. Синяя поверхность Венеры неумолимо приближалась. Она просто-таки рушилась на них.

Глаза Лакки впились в показания прибора, следящего за давлением снаружи корабля: чем больше он показывает, тем ближе к поверхности корабль. Теперь плотность нарастала медленней. Лакки осторожно выжимал рукоятку управления. Так и надо: медленно, медленно — иначе на такой скорости элероны просто сорвет. До нуля счетчика высоты оставалось совсем ничего. До поверхности было сотен пять футов, не больше.

Ноздри Лакки раздулись, на шее вспухли вены, он продолжал медленно разворачивать элероны.

— Выравниваемся, — бормотал Бигмен, — выравниваемся...

Но высоты не хватало. Навстречу падала сине-зеленая стена, уже ничего не было видно, кроме нее, и, со скоростью слишком большой и под большим углом, «Чудо Венеры» врезалось в Венеру.

2

Купол над океаном

Будь поверхность Венеры такой, какой она казалась с высоты, «Чудо Венеры» разлетелось бы в пыль и моментально сгорело дотла. Иначе говоря, карьера Лакки Старра преждевременно бы завершилась.

Но, к счастью, вся эта пышная растительность, изумляющая взгляд путешественника, была водорослями. Сине-зеленая растительность покрывала не камни или скалы, но океан, который, собственно, и занимал всю поверхность планеты.

Хотя и так «Чудо Венеры» рухнуло вниз с громоподобным грохотом, прошло плотный слой клейких растений и продолжило свой путь в глубину. Лакки и Бигмена отбросило к стенке.

Обычный корабль тут все равно разлетелся бы на куски, но каботажник и предназначался для входа в воду на большой скорости: швы корабля отличались повышенной прочностью, а его обводы были гладкими, обтекаемыми; крылья, которые Лакки не успел — да и не сумел бы — убрать, оторвались, но и это не слишком сказалось на мореходных качествах «Чуда Венеры».

Корабль продолжал нестись в зелено-черный мрак океана. Свет уже полностью задерживался толщей во-

ды и плотным ковром растительности, а прожектора не работали, похоже, при столкновении с водой нарушился какой-то контакт.

Лакки не знал, что делать.

— Бигмен, — позвал он.

Ответа не было. Лакки протянул руку вперед, в потемках обшаривая окрестности. Наткнулся на голову Бигмена.

— Бигмен, — снова позвал Лакки. Он положил руку на грудь приятелю и с облегчением выдохнул: сердце того бьется ровно.

Что с кораблем, Лакки не знал. Кроме того, было понятно, что управлять им в кромешной тьме он не сможет. Оставалось надеяться лишь на то, что возрастающая плотность воды успеет затормозить корабль раньше, чем он врежется в дно.

Он пошарил в кармане и достал маленькую пластиковую палочку дюймов шесть длиной, нажал кнопку, и из торца выстрелил мощный, почти не рассеивающийся пучок света.

Лакки снова склонился над Бигменом. Да, на голове марсианина вспухла здоровенная шишка, но ничего вроде не переломано — во всяком случае, Лакки ничего такого не увидел.

Бигмен моргнул и застонал.

— Держись, парень, — ободрил его Лакки. — Все будет в порядке.

Впрочем, сам он это мнение не очень разделял. Корабль надо привести в порт, а для этого пилоты должны были остаться живы и согласиться сотрудничать.

Оба венерианца сидели на полу и взглянули на Лакки с таким изумлением, словно он появился прямо из океана.

— Что происходит? — почти простонал Джонсон. — Я сидел за штурвалом, вел корабль, а потом — ничего не помню...

Враждебности в его голосе не было, а в глазах — лишь смущение и боль.

«Чудо Венеры» более-менее пришло в порядок. Двигалось плоховато, но работали все прожектора, и, к

счастьем, неповрежденными оказались все аварийные батареи. Двигатели шумели вполне мелодично, и каботажник демонстрировал свое третье качество: он предназначался для перемещений не только в космосе и атмосфере, но и под водой.

В рубку вошел Джордж Ривал. Пилот был удручен и крайне смущен. Происшедшее обошлось ему в порезанную щеку, которую Лакки промыл, продезинфицировал и заклеил пластырем.

— Есть несколько течей, небольших, и я их заткнул. Крылья снесены напрочь, и вышли из строя основные батареи. В общем, ремонт предстоит нешуточный, но, думаю, нам еще повезло, что мы так легко отделались. Вы блестяще выкрутились, мистер Вильямс, — с уважением произнес Ривал.

— Наденюсь, вы расскажете мне, что стряслось с вами, — взглянул на него Лакки.

Ривал замялся.

— Не знаю. Чувствую себя полным идиотом, но не знаю.

— А вы? — Лакки обернулся к помощнику.

Тор Джонсон, ковырявшийся в рации, отрицательно покачал головой.

— Последнее, что я помню ясно, — попытался припомнить Ривал, — мы находились еще в слое облачности. А потом — ничего, пока не появились вы с фонариком.

— А вы или Джонсон наркотики не употребляете? — осторожно поинтересовался Лакки.

Джонсон раздраженно взглянул на него.

— Нет. Никогда.

— Но что же тогда вас выключило, причем одновременно?

— Хотел бы сам знать, — поморщился Ривал. — Поймите, мистер Вильямс, мы же все-таки не детишки, а пилоты первого класса. — Он простонал. — По крайней мере, были пилотами первого класса. Теперь нас, конечно, понизят.

— Еще посмотрим, — буркнул Лакки.

— Послушайте, — вмешался Бигмен, — какой толк рассуждать о том, что уже прошло? Где мы теперь? Вот что меня волнует. И куда мы тащимся?

— Мы отклонились от курса, это несомненно, — сообщил Джонсон. — До Афродиты хода часов пять-шесть.

— О гром и молнии! — возопил Бигмен, с отвращением глядя в непроглядную темень в иллюминаторе. — Шесть часов в этой клоаке!

Афродита — крупнейший венерианский город с населением в четверть миллиона человек. Еще за милю до него вода вокруг «Чуда Венеры» стала прозрачно-зеленой — от света городских огней. В светящейся изнутри зелени ясно различались темные, лоснящиеся корпуса спасательных судов, высланных навстречу поврежденному кораблю после установления радиосвязи. Суда сопровождали «Чудо Венеры» молчаливым, чуть торжественным эскортом.

Лакки и Бигмен, впервые увидев венерианский подводный город, почти напрочь забыли обо всех свалившихся на них неприятностях.

Издали город казался изумрудно-желтым пузырем, мерцающим и колышавшимся сквозь окружавшую его воду. Смутно различались очертания зданий и мощные перекрытия, которые поддерживали купол над городом, позволяя ему выдержать гигантское давление воды.

С приближением город рос на глазах и светился все ярче. Зеленый цвет разгорался, Афродита становилась менее загадочной, менее сказочной, но все более и более притягательной.

И вот они в гигантском шлюзе, способном вместить небольшую флотилию грузовых суденышек или огромный линейный крейсер. Вода ушла из шлюза, и «Чудо Венеры» подняли на силовом лифте наверх.

Лакки и Бигмен проследили, как выгружают багаж, степенно пожали руки Ривалу и Джонсону и на скиммере отправились в отель Бельвю-Афродита.

Бигмен глядел в окошко скиммера, который нес их над крышами домов, огибая гигантские опорные конструкции купола.

— Вот и Венера, — задумчиво произнес он. — Ну, не знаю, стоило ли ради нее так рисковать. Никогда не забуду, как на нас падал океан.

— Боюсь, что это лишь начало, — заметил Лакки.

— В самом деле? — Бигмен озабоченно взглянул на приятеля.

— Зависит от обстоятельств, — пожал плечами Лакки. — Интересно, что нам расскажет Эванс.

Зеленый Зал отеля Бельвью-Афродита оказался именно зеленым — мягко мерцающий свет создавал ощущение, будто и столы, и посетители расположились прямо на дне морском. Потолок был сделан в виде перевернутой чаши, и под ним медленно вращался шарообразный аквариум, вода в котором была заполнена венерианскими водорослями, среди которых скользили различных оттенков морские ленты, пожалуй, самые прекрасные живые создания на Венере.

Бигмен, имея на уме исключительно подкрепиться, прибежал в ресторан первым. Тут его раздосадовало отсутствие клавишного меню, присутствие живых официантов и совершенно возмутил тот факт, что подавался лишь общий комплекс. Но он смягчился, обнаружив закуску замечательной, а суп так просто превосходным.

Заиграла музыка, публика оживилась, и шар аквариума завращался веселее.

От удивления рот у Бигмена открылся; обед был забыт.

— Ты глянь-ка... — пробормотал он, указывая на аквариум.

Морские ленты были разной длины — от коротышек дюйма в два до полос длиной в ярд. Все они были тонкими, плоскими, как бумажный лист, и узкими. Перемещались существа, прогоняя по своему телу волну от головы к хвосту.

А каждая еще и светилась, излучая интенсивный цвет. Это было просто великолепно. Во все стороны от каждой ленты расходились маленькие светящиеся спирали: малиновые, пунцовые, розовые, оранжевые, попадались кое-где синие и фиолетовые. Мелкие особи то и дело оплетали собой крупные. И все это — внутри светло-зеленой светящейся воды. Казалось, там плавает и переливается радуга, изысканнейший калейдоскоп огней, постоянно меняющий конфигурацию цветов и сияний.

Бигмен, наконец, продолжил обед и приступил к десерту. Эту штуку официант назвал «медовыми зернышками». Сначала Бигмен созерцал содержимое тарелки с некоторой опаской: зернышки были на вид мягкими оранжевыми овалами, вся масса слегка подрагивала, но с готовностью оказывалась на ложке. На языке зернышки сначала казались вовсе не имеющими вкуса, сухими, а затем вдруг таяли тонким, сладчайшим ликером, с совершенно восхитительным ароматом.

— О! — мычал от наслаждения Бигмен. — Ты уже пробовал сладкое?

— Что? — рассеянно спросил Лакки.

— Сладкое ел? Это отличный ананасный сок, только в миллион раз лучше... Да что с тобой?

— К нам, похоже, идут, — сквозь зубы процедил Лакки.

— Кого тут еще? — Бигмен сделал движение на стуле, намереваясь проинспектировать окружающих.

— Тише, — едва слышно шепнул Лакки. — Не двигайся.

Бигмен услышал, как к столику приближаются чьи-то шаги, и скосил глаза в их сторону. Бластер остался в номере, но у него с собой была силовая бритва, которая немедленно оказалась в его ладони. Бритва выглядела таким маленьким плоским футлярчиком, но при активизации силового поля могла располовинить что угодно, оказавшееся на пути. Бигмен поигрывал оружием в пальцах.

— Вы позволите разделить с вами компанию? — раздался вполне вежливый голос сзади.

Бигмен обернулся; бритва зажата в руке, готовая к бою. Но человек выглядел совсем не зловеще. Он был толст, а одежда сидела на нем прекрасно. Лицо круглое, сероватые волосы хоть и зачесаны назад, но лысины просвечивала все равно. Глаза были маленькими, голубыми и выражали, скорее, дружелюбие. Разумеется, лицо украшали усы, столь же гигантские, как и у пилотов.

— Сделайте одолжение, — вежливо ответил Лакки. Все его внимание, казалось, сосредоточилось на чашке кофе, стоящей перед ним. Толстяк присел и положил руки на стол. Затем выставил на общее обозрение запястье. Вскоре на коже возник темный овал, внутри которого, перемигиваясь, затанцевали золотые точки,

образовавшие контуры Ориона и Большой Медведицы. Потом картинка пропала. Толстяк сидел, глядя на них, и улыбался.

Идентификационную татуировку Совета Науки нельзя ни подделать, ни симитировать. А способ ее проявления на коже по желанию хозяина оставался одним из наиболее охраняемых секретов Совета.

— Меня зовут Мел Моррис, — представился толстяк.

— Да, я понял. Мне о вас говорили. — кивнул Лакки.

Бигмен откинулся на спинку стула и сунул бритву в карман. Мел Моррис руководил венерианской секцией Совета, Бигмен о нем слышал. С одной стороны, он успокоился, а с другой — был слегка разочарован, что обошлось без драки, когда он все уже так хорошо придумал — для начала запустить ему в лицо чашку с кофе, потом перевернуть на него стол — и вперед, смотря по обстановке.

— Венера кажется необычной и чудесной, — начал разговор Лакки.

— Вы уже видели наш светящийся аквариум?

— Это прекрасно, — согласился Лакки.

Венерианский Советник улыбнулся и поднял палец. Официант немедленно принес ему чашку горячего кофе. Моррис подождал, пока тот слегка остынет, отхлебнул и мягко продолжил:

— Полагаю, вы расстроены, увидев здесь меня. Вы рассчитывали встретить другого человека.

— Да, — холодно ответил Лакки. — Я думал, что поболтаю с приятелем.

— Да, — кивнул Моррис, — вы отправили сообщение Советнику Эвансу и назначили ему здесь встречу.

— Вы хорошо осведомлены.

— Конечно. Эванс находится под строжайшим наблюдением. Все его контакты под контролем.

Они говорили очень тихо, даже Бигмен с трудом мог их расслышать.

— Нехорошо, — заметил Лакки.

— Вы говорите это как его друг.

— Да.

— Но, что касается дружбы, он просил вас не прилетать на Венеру?

— Да, вы знаете и об этом.

— Конечно. И вы едва не разбились при посадке. Не так ли?

— Да. Вы считаете, что Эванс опасался чего-то подобного?

— Опасался?! Боже! Старр, ваш друг Эванс все это и *подстроил!*

Дрожжи!

Лицо Лакки ничего не выказало, он даже глазом не моргнул.

— А подробнее? — попросил он.

Моррис, кажется, улыбнулся опять, но его рта не было видно за громадными усищами.

— Знаете, лучше не здесь, — мягко предложил он.

— Где?

— Погодите-ка, — Моррис взглянул на часы. — Через минуту начнется шоу. Это называется «танцы в морском мерцании».

— В морском мерцании?

— Ну да. Шар засветится зеленым цветом, начнется музыка, и все пойдут танцевать. А мы в это время незаметно улизнем.

— Вы говорите об этом так, словно нам что-то угрожает.

— Вам — угрожает, — вежливо сообщил Моррис. — Но не волнуйтесь, с того момента, как вы оказались в Афродите, наши люди не спускают с вас глаз.

Тут, словно бы из кристального шарика в центре стола, раздался радушный голос. Судя по тому, что остальные посетители повернулись к своим столам, так оно и было.

— Леди и джентльмены, — сообщил голос, — надемся, обед не разочаровал вас. А теперь мы приглашаем всех в Зеленый Зал, где, чтобы доставить вам приятное, администрация подготовила всем магнетонные ритмы Тоба Тобиаса и его...

Голос говорил еще что-то, но последние слова были заглушены восторженными воплями собравшихся гостей, большинство которых только недавно прилетело с Земли. Свет разгорался ярче, шар аквариума под потолком стал ослепительно изумрудным, и морские ленты засияли чистым серебром. Оказывается, поверхность шара была граненой, и при вращении он разбрасывал по сторонам мягкие, почти гипнотизирующие цветные тени. Мощные звуки музыки неслись из множества небольших динамиков, установленных подле каждого инструмента. А сами инструменты представляли собой стержни разной высоты, играли на которых, умело изменяя магнитное поле вокруг стержня.

Посетители поднялись танцевать. Зашаркали ноги по паркету, над залом витали смешки и перешептывания. Моррис пригнулся к приятелям и дал знак следовать за ним.

Лакки и Бигмен молча отправились за Моррисом. Следом за ними двинулись мрачноватые фигуры, которые, казалось, материализовались из теней на портьерах. Охрана двигалась на почтительном расстоянии, но каждый, Лакки был уверен, сжимал в руке бластер. А как же еще? Венерианский Советник к происходящему относился крайне серьезно.

Лакки с одобрением оглядел апартаменты Морриса. Простенько, но со вкусом. В его кабинете забывалось, что сотней ярдов выше находится прозрачный купол, над которым — сотни ярдов перенасыщенного углекислым газом океана, а еще выше — сотни миль чужой, не пригодной для жизни атмосферы.

Особенно приятно удивила Лакки коллекция микрофильмов, заполнивших целый стеллаж в одном из углов комнаты.

— Вы биофизик, доктор Моррис? — спросил Лакки, автоматически переходя к профессиональному обращению.

— Да, — кивнул Моррис.

— В Академии я тоже делал курсовую работу по биофизике.

— Знаю, — кивнул Моррис еще раз, — читал. Не плохая работа. Кстати, я могу называть вас Дэвид?

— В общем, меня так зовут, — смешался землянин, — но обычно меня называют Лакки.

Бигмен тем временем добрался до фильмов, раскрыл одну пленку и поглядел на свет. Содрогнулся, поставил на место и воинственно заявил Моррису:

— Не очень-то вы на ученого смахиваете.

— Надеюсь, что нет, — ничуть не обиделся Моррис. — Так и надо.

Лакки знал, что тот имеет в виду. Теперь, когда наука насквозь пронизала общество и культуру, ученые не могли оставаться в лабораториях. Поэтому, собственно, и возник Совет Науки. Сначала Совет служил лишь совещательным органом с тем, чтобы консультировать правительство в тех вопросах галактической важности, когда лишь ученые обладали информацией, необходимой для принятия разумных решений. Но постепенно Совет стал расширять поле своей деятельности, пришлось заняться борьбой с преступностью и контрразведкой. Постепенно в ведение Совета переходили все новые каналы власти. И, надо думать, благодаря его усилиям, в один прекрасный день образуется что-то вроде Империи Млечного Пути, где люди, наконец, станут жить в мире и гармонии.

Так что Советники должны были выполнять множество дел, весьма далеких от занятий чистой наукой, и тут как раз лучше, если они не слишком походили на ученых, кем, несомненно, они оставались.

— Простите, доктор, не могли бы вы сообщить мне неизвестные подробности? — начал Лакки.

— А что вам рассказали на Земле?

— Ничего особенного. Только в общих чертах. Да и то я не слишком доверяю мнениям со стороны.

— Вот как? — довольно улыбнулся Моррис. — Это весьма редкое качество у людей из Центра. Обычно они присылают сюда своих агентов вроде Эванса, что те расскажут, так и есть.

— Ну или таких, как я, — счел необходимым заметить Лакки.

— Нет, ваш случай несколько иной. Мы знаем все о вашей прошлогодней работе на Марсе и многое из того, что вы осуществили только что на астероидах.

— Это, если бы вы были там вместе с ним, тогда бы могли считать, что знаете многое, — фыркнул Бигмен.

— Заткнись, Бигмен, — резко оборвал заметно покрасневший Лакки, — не до твоих рассказней.

Они сидели в мягких и удобных креслах, привезенных, похоже, с Земли. Голоса звучали немного странно, с едва различимым эхом, и Лакки понял, в чем дело: такой звук возникает в помещении, которое изолировано и защищено от прослушивания.

Моррис достал сигареты и предложил остальным, но те отказались.

— Что вы знаете о Венере? — осведомился он.

— Чему в школе научили. Обычные вещи, — улыбнулся Лакки. — Вторая планета от Солнца, находится от него на расстоянии примерно в 67 миллионов миль. Самый близкий к Земле мир, удален от нее на 26 миллионов миль. Венера чуть меньше Земли, сила тяжести тут примерно пять шестых земной. Вокруг Солнца обращается за семь с половиной земных месяцев, день длиной примерно 36 часов. Температура на поверхности чуть выше чем средняя земная, но не слишком — из-за облаков. И из-за них же не приходится говорить о временах года. Планета окутана облаками, поверхность занята океаном, а тот покрыт водорослями. Атмосфера состоит из углекислого газа и азота, для дыхания непригодна. Хватит, доктор Моррис?

— Пять баллов, — кивнул биофизик. — Вот только спрашивал я не о планете, а о венерианском обществе.

— Ну, это сложнее. Конечно, я знаю, что люди живут тут в городах под куполами, выстроенных на океанском мелководье, и, судя по всему, венерианская жизнь куда более цивилизованная и утонченная по сравнению с марсианской, например.

— Эй! — предостерегающе вскричал Бигмен.

— Вы не согласны с приятелем? — Моррис повернулся к Бигмену.

— Ну, — запнулся тот, — он, наверное, прав, но все равно — не стоило об этом говорить.

Лакки улыбнулся и продолжил:

— Венера — планета весьма развитая. Полагаю, тут примерно пятьдесят городов с общим населением в 6 миллионов. Вы экспортируете сухие водоросли, которые, как мне сказали, прекрасное удобрение, и брикеты сублимированных дрожжей на корм скоту.

— Отлично, — прокомментировал Моррис. — Да, кстати, как вам понравился обед в Зеленем Зале?

— Очень понравился, — машинально ответил Лакки, несколько сбитый с толку резкой сменой темы. — А почему вы об этом спрашиваете?

— Сейчас поймете. Что вы ели?

— Точно не скажу, — задумался Лакки. — Это был комплекс. Кажется, мясной гуляш с каким-то изысканным соусом и овощи, насчет которых ничего не могу сказать. Фруктовый салат, кажется. Да, еще сначала — томатный суп.

— И медовые зернышки, — добавил Бигмен.

Моррис оглушительно расхохотался.

— Господа, вы ошибаетесь! Никакого салата, ни мяса, ни овощей, ни томатного супа! Даже — никакого кофе! Вы ели только одно. Дрожжи!

— Что?! — скривился Бигмен.

На мгновение опешил и Лакки.

— Вы это серьезно? — спросил он, сощурившись.

— Конечно. В Зеленем Зале кормят только этим. Но никогда не скажут, а то распугают всех землян. Погодите, они вас еще спросят, как вам понравилось то или иное блюдо, как его можно улучшить и всякое такое. Зеленый Зал — это что-то вроде специальной лаборатории.

Бигмен скривился окончательно.

— Это противозаконно, — прошипел он перекошенным ртом, — я на них управу найду! Буду жаловаться в Совет Науки. Они не имеют права пичкать меня всякой гадостью, не поставив предварительно в известность! Что я им, корова или, или...

Закончил он уже совершенно бессловесной и отчаянной жестикуляцией.

— Кажется, я угадал, — хмыкнул Лакки, — дрожжи находятся в определенной связи с инцидентами на Венере.

— Угадали, вот как? — сухо переспросил Моррис. — Значит, вам не показали наши официальные сообщения. Что ж, я не удивлен. Земля считает, что мы вечно преувеличиваем. Уверяю вас, это не так. И не просто инциденты. Дрожжи, Лакки, дрожжи! Это же основа венерианской жизни!

В кабинет Морриса въехал самодвижущийся столик. На нем возвышалась пофыркивающая кофеварка и три

чашки с уже налитым кофе. Сначала столик остановился возле Лакки, потом подъехал к Бигмену. Моррис взял третью чашку, пригубил и вытер свои могучие усы.

— Есть сахар и сливки, если желаете.

Бигмен взглянул и поморщился.

— Опять дрожжи? — осведомился он у Морриса с плохо скрываемой неприязнью.

— Нет. Настоящие, клянусь вам.

Какое-то время они молча пили кофе, затем Моррис продолжил:

— Венера, Лакки, слишком дорога для содержания. Наши города добывают кислород из воды, а это требует гигантских электролитических станций. Каждому городу необходимы гигантские силовые опоры, а то миллионы тонн воды раздавят купола. Электроэнергии Афродита потребляет примерно столько же, сколько вся Южная Америка, а население тут — лишь тысячная часть тамошнего.

И на энергию надо заработать. Мы должны расплачиваться за источники энергии, за специализированную технику, за атомное горючее и так далее. А единственный продукт экспорта Венеры — водоросли, водоросли в безумных количествах. Часть из них мы экспортируем как удобрения, но это не решает проблему. Большую часть водорослей мы пускаем на переработку в дрожжи — тысячу и одну разновидность дрожжей.

— Ну, — поморщился Бигмен, — вместо водорослей — дрожжи — не слишком удачная замена.

— А как вам наш обед вообще? — осведомился Моррис.

— Продолжайте, доктор Моррис, — сказал Лакки.

— Конечно, мистер Джонс вполне кор...

— Зовите меня — Бигмен!

— Хорошо, — кивнул Моррис, несколько опешив, и окинул взглядом маленького марсианина с головы до ног. — Мистер Бигмен вполне корректен в своем не слишком высоком мнении о дрожжах. Наш основной продукт действительно годится только на корм скоту. Но и это вовсе неплохо. Свинына, откормленная на дрожжах, вкуснее и обходится дешевле, чем при любом другом корме. В дрожжах много калорий, белков, минеральных солей и витаминов.

Но мы выпускаем и продукцию высокого качества, которая используется там, где пища должна храниться

долго. В дальних путешествиях, например, часто используется так называемый Y-рацион.

И наконец, у нас производится продукт сверхвысокого качества, очень дорогой и не допускающий долгого хранения. Это то, что идет в кухни Зеленого Зала. Ничто из того, что готовится там, не является дешевой и общераспространенной пищей, но станет. Я надеюсь на это. Вы понимаете, к чему я клоню, Лакки?

— Кажется.

— А я — нет, — воинственно заявил Бигмен.

— У Венеры будет монополия на производство деликатесов, — пустился в объяснения Моррис. — Никакой другой мир не в состоянии производить их. Без венерианского опыта по части зимокультур...

— Чего, чего? — перебил Бигмен.

— Ну, дрожжей. Не имея нашего опыта, никто не сможет освоить их производство. Так что Венера может освоить крайне выгодное дело — производство деликатесов для всей Галактики. Что важно не только для нее, но и для Земли, и в целом для всей Солнечной Конфедерации. Мы — наиболее перенаселенная система в Галактике, поскольку самая древняя. Если бы нам удалось уравнять в цене фунт дрожжей и тонну зерна, то это было бы прекрасно.

Лакки с вниманием выслушал лекцию Морриса.

— И по этой же причине, — сделал он вывод, — чужим силам было бы выгодно не допустить эту монополию Венеры и тем самым ослабить и Землю.

— Вы понимаете! Надеюсь, что смогу убедить и остальных членов Совета в этом. Если экспериментальные образцы дрожжей будут украдены вместе с частью документации, то последствия могут быть ужасны.

— Отлично, вот мы и добрались до сути. Такие кражи уже были? — поинтересовался Лакки.

— Пока нет, — мрачно ответил Моррис. — Но за последние шесть месяцев возросло количество случаев мелкого воровства, творятся какие-то странные вещи, происходят непонятные инциденты. Иногда так просто нелепые: один старик, например, ни с того ни с сего швырялся деньгами в детей, а потом отправился в полицию и заявил, что его обокрали. А когда свидетели показали, что деньгами он швырялся по своей воле, то извошел в ругани, утверждая, что ничего подобного делать не мог. Был случай и посерьезней: машинист пор-

тового крана опустил груз в полтонны табака не в том месте и задавил двоих. Позже он говорил, что ничего не помнит.

— Лакки! — возбужденно вскрикнул Бигмен. — Пилоты каботажника утверждали *то же самое!*

— Да, — кивнул Моррис. — И я почти рад, что с вами — раз уж вы остались в живых — произошла эта история. Теперь Совету будет куда легче поверить, что за всем этим стоит нечто.

— Вы имеете в виду гипноз? — предположил Лакки.

Губы Морриса сжались в утрюмую, невеселую улыбку.

— Мягко сказано, гипноз, Лакки. Вам известны случаи, когда гипнотизер способен оказывать воздействие на расстоянии, да еще на тех, кто того не желает? Я утверждаю, что некая персона или группа лиц достигли способности полного ментального контроля над остальными. Они наращивают свои возможности, тренируются, становятся все более изощренными. Бороться с ними становится с каждым днем сложнее. Может быть, уже поздно!

Советник под арестом

— Никогда не поздно, если за дело берется Лакки! — глаза Бигмена блеснули. — С чего начнем?

— С Лу Эванса, — спокойно произнес Лакки. — Я все жду, что вы заговорите о нем, доктор Моррис.

Брови Морриса недовольно сошлись, лицо скривилось.

— Вы его друг, — вздохнул он, — и захотите его защищать. Это осложняет дело. История и так неприятная — в нее вовлечен Советник, а уж то, что он ваш друг, и вовсе нехорошо.

— Дружеские чувства тут ни при чем, — возразил Лакки. — Просто я знаю Лу Эванса настолько, насколько люди вообще могут знать друг друга. И я убежден, что он не может принести вреда Совету Науки.

— Ну что же, судите сами. Чего добился Эванс за свою командировку на Венере? Ничего. «Спецагенты»... звучит-то красиво, да вот толку от них чуть...

— Простите, мистер Моррис, вас задело его появление?

— Нет, конечно. Просто я не видел в этом смысла. Мы же выросли на Венере и все здесь знаем. Почему

они считают, что визитер с Земли может разобраться во всем за неделю?

— Но иногда полезен и свежий взгляд на вещи.

— Ерунда. Вот что я вам скажу: беда в том, что руководство на Земле не слишком серьезно относится к нашим проблемам. В чем смысл командировки Эванса? Чтобы он быстренько все осмотрел, разнюхал, что может, и доложил начальству.

— Знаете, Центральный Совет мне хорошо известен, и я не могу с вами согласиться.

— Как бы то ни было, — продолжал ворчать Моррис, — три недели назад этот ваш Эванс потребовал, чтобы ему предоставили данные, полученные при экспериментах с некоторыми штаммами дрожжей. Но на производстве ему отказали.

— То есть как? — удивился Лакки. — Но запрос делал Советник!

— Верно, но люди там немного мнительные. И потом вы, например, таких запросов не делали. Даже руководство Совета не делало. Они попытались выяснить у Эванса, зачем ему эти данные, но он отказался разговаривать с ними на эту тему. Тогда они переслали его запрос ко мне, и я ему отказал окончательно.

— На каком, собственно, основании? — Лакки стал очень серьезен.

— А он даже мне не сказал, зачем ему это потребовалось. Простите, но я глава венеринского отделения Совета, и втайне от меня ничего происходить не может. А приятель ваш, Эванс, после устроил такое, что вообще ни в какие ворота не лезет. Выкрал данные. Просто взял и выкрал. Использовал свое положение Советника, вошел внутрь запретной зоны дрожжевого производства и вышел оттуда с микрофильмами в сапогах.

— Видимо, у него были основания поступить так.

— Не знаю, только поступил он именно так, — Моррис разозлился вконец. — В фильмах содержалась документация, касающаяся формул питательной среды для нового, весьма сложного типа дрожжей. А двумя днями позже человек, который составлял эту смесь, всыпал туда ртутную соль. Дрожжи погибли, и насмарку пошла работа шести месяцев. Тот рабочий утверждал, что не делал ничего подобного. Конечно, его исследовали психиатры, и что же? Та же картина — времен-

ное помрачение рассудка. Да, конечно, образцы дрожжей у нас еще не крали, но все идет к тому.

— Что же, вы излагаете простую гипотезу, — голос Лакки подтвердел. — Лу Эванс, по-вашему, перешел на сторону наших врагов — кем бы они ни были.

— Уверен, что сириане, — буркнул Моррис.

— Возможно, — согласился Лакки. (Обитатели планет, обращающихся вокруг Сириуса, уже столетия не ладили с землянами. На них можно было свалить что угодно.) — Итак, Лу Эванс дезертировал к ним и согласился поставлять данные, которые позволяли бы им дестабилизировать наше производство. Устраивая сначала мелкие инциденты, а потом — все крупнее и серьезнее.

— Да, это моя гипотеза. А вы можете предложить что-то другое?

— Не мог ли Советник Эванс оказаться тоже под ментальным воздействием?

— Не похоже, Лакки. У нас уже есть опыт по этой части. Никто из пострадавших не терял сознания дольше чем на полчаса. И их обследование всегда давало заключение о полной амнезии всего, что происходило в это время. Но Эванс в таком случае должен был оставаться под воздействием в течение двух суток, к тому же его исследовали и не нашли никаких признаков амнезии.

— Его исследовали?

— Разумеется. А что вы хотите? Человека обнаруживают с документами повышенной секретности, ловят на месте преступления... Да будь он хоть сто раз Советником, мы обязаны бы были это предпринять. Да, его исследовали, и я лично установил за ним наблюдение. А он сделал попытку улизнуть и передал с помощью своей рации какое-то сообщение. Но теперь мы следим за всеми его контактами, игры кончились. Я его арестовал и подготовил сообщение Центральному Совету — в общем, мне это следовало бы сделать раньше, — где требую его удаления с должности и расследования по обвинению в коррупции либо измене.

— Но сначала... — прервал его Лакки.

— Да?

— Позвольте мне переговорить с ним.

Ехидно улыбаясь, Моррис поднялся с кресла.

— Вам так хочется? Ну что же, я приведу его. Он здесь, в этом здании. Вообще, мне даже интересно, как он станет оправдываться.

Все трое вышли из комнаты, прошли мимо взявших на изготовку охранников и направились вперед по коридору.

— Это что, тюрьма? — удивился Бигмен.

— Да, на этих этажах что-то вроде тюрьмы, — кивнул Моррис. — На Венере здания используются одновременно для разных целей.

Они вошли в небольшую комнатку, и тут с Бигменом случился приступ хохота.

— Да что такое, Бигмен? — спросил Лакки, тоже отчего-то заулыбавшийся.

— Да так... ничего особенного, — покатывался со смеху Бигмен, на глазах которого появились даже слезы. — Ты просто ужасно смешно выглядишь со своей голой верхней губой. Знаешь, после всех этих усищ кажется, будто у тебя чего-то не хватает.словно их тебе насильно сбрили.

Заулыбался и Моррис и принялся разглаживать свои могучие усы тыльной стороной ладони. При этом вид у него был донельзя довольный и отчасти горделивый.

— В самом деле потеха... — расплылся в улыбке Лакки, — мне это тоже пришло на ум...

— Мы обождем здесь, — сообщил Моррис. — Эванса сейчас приведут, — и он нажал на маленькую красную кнопку.

Лакки огляделся. Комната была меньше, чем кабинет Морриса, и какая-то обезличенная. Обстановка состояла из нескольких простых стульев и дивана, низкого стола в центре комнаты и двух столиков повыше, поставленных возле псевдоокон, за каждым из которых виднелся неплохо нарисованный морской пейзаж. На одном из этих столов находился аквариум, а на втором — две тарелки. Мелкие сухие горошины — на одной, а на другой — какая-то темная, жирно блестящая масса.

Бигмен машинально следил за Лакки, разгуливавшим по комнате.

— А что это такое? — восторженно воскликнул он внезапно и подскочил к аквариуму. — Смотри-ка!

— Это В-лягушка, — объяснил Моррис. — Тут их любят и держат почти в каждом доме. Эта, по-моему, очень хороша. Вы их еще не видели?

— Нет, — ответил Лакки и тоже подошел к аквариуму.

Тот был два фута в периметре и фута три в глубину. В воде прихотливо изгибались водоросли.

— А она кусается? — спросил Бигмен, сунув в воду палец, и прильнул к стеклу, уставившись на животное.

Лакки устроился рядом с Бигменом. В-лягушка глядела на них почти торжественно. Это было небольшое существо, дюймов восьми в длину, с треугольной головкой, на которой блестели два выпученных черных глаза. Она сидела на шести пухлых лапках, плотно поджатых к туловищу, на каждой лапке были три длинных пальца спереди и еще один — сзади. Кожа зеленая, пупырчатая, и от головы вдоль тела располагались оборчатые плавники. Вместо рта у лягушки был клюв — твердый, изогнутый, чуть смахивающий на клюв попугая.

Пока Лакки с Бигменом ее разглядывали, лягушка стала подниматься вверх. Лапки остались на месте, а пальцы стали выпрямляться, как ходули со множеством сочленений. Коснувшись темечком поверхности воды, лягушка замерла.

Моррис присоединился к приятелям и с нежностью глядел на маленькое существо.

— Из воды они не любят вылезать — пояснил он, — в воздухе слишком много кислорода. Вообще, они его любят, но только в небольших количествах. Чудесные существа...

Бигмен был в полном восторге. На Марсе уже не было своей живности, и эта венерианская лягушка оказалась для него чуть ли не откровением.

— А где они живут? — спросил он.

Моррис почесал лягушке голову. Та прикрыла глаза и мелко задрожала, очевидно, от удовольствия.

— Они живут в водорослях. Их там невероятно много. Живут, как в лесу. Пальцами они способны удерживать стебли водорослей, а клювы могут оторвать самые прочные листья. Они, думаю, могли бы прокусить человеку палец, но я в жизни не слышал, чтобы они хоть кого-нибудь укусили. Странно, что до сих пор вы их не видели, в отеле — целая коллекция.

— Нам просто не представилась возможность, — сухо ответил Лакки.

Бигмен шагнул ко второму столу, взял горошину, смазал ее непонятной черной массой и вернулся к аквариуму. Лягушка немедленно высунула голову из воды и невероятно осторожно взяла угощение из пальцев Бигмена. Тот пришел в неопиcуемый восторг.

— Видели, видели?!

Моррис улыбался так, словно глядел на расшалившихся детей.

— Вот маленький чертенок! Весь день ест. Посмотрите-ка, сейчас она с ним расправится.

Лягушка знай себе хрустела; наконец горошина исчезла в клюве, и тут же животное вновь высунулось из воды. Моррис кинул в ее сторону горошину, лягушка раскрыла клюв и поймала ее.

— А это что такое? — кивнул Лакки в сторону второй тарелки.

— Тавот, — сообщил Моррис. — Тавот для них какой-то совершенно невообразимый деликатес, что-то вроде как для нас сахар. Дело, видно, в том, что им трудно найти в океане углеводов, а они его любят. Иногда мне кажется, что они специально дают себя поймать, — лишь бы их тут этим кормили.

— А кстати, как их ловят?

— Да никак на самом деле. Просто когда вытаскивают водоросли, то там всегда полно лягушек. Ну и других животных тоже.

— Послушай, Лакки, — взволнованно задышал Бигмен, — а если мы одну из них потом возьмем с собой...

Но договорить Бигмену не удалось. В комнату, грохоча сапогами, вошли охранники. Между ними — долговязый и светловолосый молодой человек.

Лакки вскочил на ноги.

— Лу, старина! — и протянул руку.

Одно мгновение казалось, что вошедший поведет себя точно так же, в его глазах мелькнул радостный огонек, но тут же исчез. Руки по-прежнему висели вдоль тела.

— Привет, Старр, — ответил он безучастно.

Протянутая рука Лакки задрожала.

— Я не видел тебя со дня выпуска, — начал он и осекся. Что еще он мог сказать теперь приятелю?

Эванса, казалось, возникшая неловкость не беспокоила. Он кивнул в сторону охранников и с оттенком черного юмора произнес:

— Но с тех пор произошли некоторые перемены. — И после паузы его нервно дрожащие губы продолжили: — Зачем ты приехал? Я же просил тебя не вмешиваться?

— Как я мог не вмешаться, когда в беде мой друг?

— Тогда подождал бы, пока я тебя об этом попрошу.

— Мне кажется, что вы попусту тратите время, Лакки, — вмешался Моррис. — Вы все еще думаете, что видите перед собой Советника. А это — предатель.

Последнее сказанное венерианцем слово прозвучало, будто плевок. Эванс покраснел, но ничего не ответил.

— Только после предъявления мне всех доказательств я позволю применять это слово по отношению к Советнику Эвансу, — сказал Лакки, сделав ударение на слове «Советник».

Лакки сел на стул и какое-то время пристально глядел на приятеля. Но Эванс упорно смотрел в другую сторону.

— Доктор Моррис, будьте любезны, отпустите охрану, — предложил Лакки. — За Эванса я отвечаю лично.

Моррис поглядел на Лакки и, чуть помедлив, дал знак охранникам. Те вышли.

— Послушай, Бигмен, — продолжил Лакки, — тебя не обидит, если я попрошу тебя немного погулять?

Бигмен кивнул и тоже вышел.

— Лу, — осторожно приступил Лакки, — нас тут только трое. Ты, я и доктор Моррис. Три Советника. Давай начнем с нуля. Ты в самом деле забрал данные с производства?

— Да, — кивнул Эванс.

— Зачем?

— Я тебя не понимаю. Да, я украл бумаги. Украл. Все верно. Что тебе еще? Причин для этого у меня не было, я просто это сделал. Чего тебе еще? Оставь меня в покое, — губы его дрожали.

— Вы хотели слышать его объяснения, — вмешался Моррис. — Вот они. То есть их нет.

— Полагаю, ты знаешь, что произошло после твоей кражи, — продолжал Лакки.

— Да, знаю.

— Как ты это объясняешь?

— Никак.

Лакки внимательно разглядывал приятеля, надеясь увидеть в нем того хорошо знакомого ему Эванса — доброго весельчака, с железными нервами и отличным характером. Казалось, не считая усов, которые Эванс отпустил по венерианской моде, ничего в нем не изменилось. Он почти такой же. Но только почти — его глаза бежали, кончики пальцев дрожали, губы пересохли.

Лакки боролся с собой, прежде чем задать очередной вопрос. Ведь говорил-то он с человеком, которого прекрасно знал, с человеком, чья преданность никогда не ставилась под сомнение, с человеком, на кого он мог положиться в самые критические минуты.

— Лу, ты действительно проданся? — спросил он наконец.

— Мне нечего сказать, — ответил Эванс пустым, бесцветным голосом.

— Лу, еще раз спрашиваю тебя. Но пойми, я хочу, чтобы ты понял, — я на твоей стороне, что бы ты ни натворил. Если ты причинил неудобства Совету, то, наверное, на это были свои причины. Расскажи нам о них. Если тебе угрожали, вынудили тебя к этому физически или ментально, если тобой управляли или угрожали близким тебе людям — скажи. О Боже, даже если тебя искушали деньгами или властью — скажи. Нет такой ошибки, которую нельзя было бы исправить, сказав теперь правду. Ну же!

Мгновение казалось, что Эванс колеблется. В его голубых глазах застыла боль.

— Лакки, — начал он, — я...

Но вновь съежился и закричал:

— Мне нечего сказать, Старр, нечего!

— Вот так, Лакки, — Моррис сложил руки на груди. — Такое отношение. Но только он знает, в чем тут дело, и нам необходимо заставить его заговорить.

— Подождем.

— Некогда мне ждать, — возразил Моррис. — Прикиньте сами. Времени у нас не осталось. Эти так называемые инциденты учащаются и становятся все более

серьезными. С этим необходимо покончить немедленно!

Рука Морриса тяжело легла на спинку стула, и в это время запищал сигнал коммуникатора.

Моррис выхватил рацию, приложил к уху.

— Моррис слушает. Что случилось?.. Что? ЧТО?

Рация выпала из рук. Он обернулся к Лакки, и лицо его было белым.

— Загипнотизированный в шлюзе номер 23, — выдохнул Моррис.

Тело Лакки напряглось как струна.

— Что значит в шлюзе? Вы говорите о куполе?

Моррис кивнул.

— Я только что сказал, что инциденты становятся все более серьезными, — тяжело дыша, произнес он. — Да, купол. В любой момент океан может хлынуть внутрь Афродиты!

Берегись, вода!

Под гирокаром мелькали крыши, а сверху неясно виднелся купол. Город, построенный под водой, отметил про себя Лакки, требует практических инженерных чудес.

Города под куполами строились во многих местах Солнечной системы. Самые старые и знаменитые были на Марсе, но там сила тяжести составляет лишь две пятых земной, а сверху давит весьма разреженная атмосфера.

Другое дело — Венера. Гравитация тут пять шестых земной, к тому же все города находились под водой. Хотя их и старались строить на мелководье, так что верхушки куполов только что не высывались из-под воды, все равно — выдерживать приходилось гигантскую нагрузку.

Лакки, как и большинство землян (и венерианцев, конечно), воспринимал эти достижения человеческой мысли как само собой разумеющееся. Но теперь, когда Лу Эванс снова был водворен в камеру и его случай несколько отошел на задний план, живой ум Лакки заинтересовался подробностями нового для него образа жизни.

— А как держится купол, доктор Моррис? — спросил он.

Полноватый венерианец частично обрел самообладание. Он вел гирокар в сторону аварийного сектора и говорил кратко и отрывисто.

— Диаманитные силовые поля, заключенные в стальные корпуса, — пояснил он. — Корпуса выглядят как балки, которые подпирают купол, но это не так. Сталь бы не выдержала, только силовое поле.

Лакки глянул вниз, на улицы города, заполненные людьми. Там пока еще бурлила беззаботная жизнь.

— А раньше такое случалось? — спросил он.

— Слава Богу, нет, — простонал Моррис, — ничего похожего. Мы будем на месте минут через пять...

— А меры предосторожности? — допытывался Лакки.

— Ну, конечно. Существуют автоматические датчики, следящие за куполом. Они надежны настолько, насколько это вообще возможно. Кроме того, город поделен на секторы, так что при аварии в части купола опасный район будет отделен специальной силовой перегородкой.

— То есть город выживет, даже если океан хлынет в одну его часть? Население об этом знает?

— Конечно. Люди знают, что они защищены, но все же — часть города окажется под водой. Могут быть жертвы, да и разрушения окажутся серьезными. Но куда хуже другое: если человека можно заставить сделать такое однажды, то где гарантии, что это не повторится в любой момент?

Бигмен то и дело озабоченно посматривал на Лакки, но тот нахмурил брови и, казалось, полностью ушел в себя.

— Вот мы и прибыли, — буркнул Моррис, когда гирокар быстро снизился и приземлился на открытую площадку.

Часы Бигмена показывали два часа пятнадцать минут, но это не означало ровным счетом ничего. Венерианская ночь длится восемнадцать земных часов, да под водой не было и разницы между днем и ночью.

Городские огни сияли как обычно. Если город чем-то и отличался от своего обычного вида, то лишь возбужденностью обитателей.

Странно, но к месту аварии валил народ отовсюду: новость распространилась среди горожан со сверхъестественной скоростью, и многие заторопились сюда в надежде поглазеть на непривычное зрелище. Вели они себя так, словно присутствовали на цирковом параде или торопились на концерт магнетонной музыки.

Полиция сдерживала толпу на расстоянии и освободила проход для Морриса и его спутников. Тонкая пластина прозрачного материала уже отделила аварийный сектор от остального города.

Моррис пропустил Лакки и Бигмена вперед. Они вошли внутрь здания, шум толпы стих словно отрезанный. Навстречу Моррису торопливо направился какой-то человек.

— Доктор Моррис... — начал было он, но Моррис остановил его и торопливо представил собравшихся друг другу.

— Лиман Тернер, главный инженер. Дэвид Старр, Советник. Бигмен Джонс. — Затем, услышав сигнал вызова в другом помещении, с резвостью, неожиданной для его комплекции, ринулся туда, бросив на ходу: — Тернер введет вас в курс дела.

— Одну минуту, мистер Моррис, — взмолился Тернер, но Моррис не остановился.

Лакки подал знак Бигмену, и маленький марсианин ринулся вслед за венерианским Советником.

— Он что, приведет мистера Морриса обратно? — озабоченно спросил Тернер, барабанив пальцами по странному ящику, который висел у него на ремне, перекинутом через плечо. Лицо Тернера вытянутое, волосы — рыжевато-коричневые, кривоватый, покрытый веснушками нос и широкий рот. На лице внятно читалась тревога.

— Не знаю, — покачал головой Лакки. — Моррис может быть необходим там. Я послал приятеля, чтобы он был у него на подхвате.

— Не знаю, что он сможет сделать... — пробормотал инженер, — я вообще не представляю, кто и что тут может помочь.

Он достал сигарету, закурил, предложил Лакки и, довольно долго не замечая его отказа, простоял с от-

крытой пачкой в вытянутой руке, погруженный в невеселые мысли.

— Они эвакуируют людей из опасного сектора? — спросил Лакки.

Тернер вынул сигарету изо рта, снова затянулся, швырнул ее на пол и растоптал каблуком.

— Да, — кивнул он, — впрочем, не знаю... — и его голос затух.

— Перегородка выдержит напор воды?

— Да, да, — пробормотал инженер.

— Но вас что-то тревожит? — спросил, выждав момент, Лакки. — Что вы хотели сообщить Моррису?

Инженер мельком взглянул на Лакки, вцепился в свой черный ящик и ответил:

— Ничего, не обращайтесь внимания.

Они стояли вдвоем в углу помещения, несколько особняком, а в комнату постоянно входили люди, облаченные в скафандры со снятыми шлемами. Люди вытирали пот со лба, переговаривались и уходили снова. Часть разговоров была слышна.

— ...отправлено не более трех тысяч человек. Мы используем все проходы...

— ...никак до него не добраться. Испробовали все. Его жена сейчас пытается уговорить его по радио не делать глупостей.

— ...дело дрянь, рычаг у него в руке. Ему надо только повернуть, и...

— Подкрасться бы к нему да подстрелить! Только чтобы он не заметил нас, а то...

Тернер, казалось, слушал разговоры с мрачным возбуждением, но оставался в углу. Он закурил новую сигарету и тут же швырнул ее на пол.

— Взгляните только на этих зевак! — взорвался он внезапно, махнув рукой в сторону толпы, окружившей здание. — Нашли себе развлечение! Весело им! А я не знаю, что делать, говорю вам — не знаю! — он переместил свой ящик в более удобное положение и прижал его к себе.

— А что это такое? — тоном, требующим немедленного ответа, спросил Лакки. Тернер огляделся, сообразил, что речь идет о его ноше, и взглянул на нее так, словно видел впервые.

— А, это мой компьютер. Портативная модель, я ее разработал сам, — в его голосе зазвучала гордость. — Другого такого во всей Галактике не сыщешь.

— Отлично, Тернер, — продолжал настаивать Лакки. — А теперь давайте рассказывайте все, что вам известно. И немедленно.

Рука молодого Советника мягко легла на плечо инженера, а пальцы потихоньку стали сжиматься.

Тернер покраснел и взглянул на Лакки. Взгляд Советника был холодным и безжалостным.

— Повторите, как вас зовут, — промямлил Тернер.

— Дэвид Старр.

— То есть кого обычно зовут Лакки? — глаза Тернера оживились.

— Да.

— Тогда хорошо. Вам я расскажу. Но только тихо, нельзя, чтобы нас услышали.

Он зашептал, и Лакки придвинулся к инженеру. Входящие и выходящие люди не обращали на них ни малейшего внимания.

Тернер заговорил медленно, но так, словно был рад, наконец, выговориться.

— Стенки купола — двойные, — начал он. — Сделаны из прозрачного материала, из силикона, это новейший пластик, самый прочный из известных науке. Стенки укрепляются силовыми балками и способны выдерживать чудовищное давление. Силикон не разлагается со временем, его не берет даже кислота, никакие формы венерианской жизни существовать на нем не могут. Кроме того, в океане могут происходить любые химические изменения, а силикон останется совершенно нейтрален. Между двумя стенками под давлением закачан углекислый газ, чтобы сбить напор волны, если вдруг проломится внешняя стенка. Конечно, внутренняя стенка также способна противостоять океану. Кроме того, промежуток между стенками устроен по принципу сот, так что только незначительная часть промежутка заполнится водой при дефекте внешнего слоя.

— Разработано тщательно, — кивнул Лакки.

— Слишком тщательно, — резко ответил Тернер. — Землетрясение, венеротрясение, так сказать, еще может расколоть купол пополам, а ничто иное повредить его не в состоянии. Впрочем, в этой части планеты

сейсмических процессов не бывает, — он прикурил очередную сигарету. Руки инженера дрожали.

Кроме того, — продолжил он, — каждый квадратный фут купола снабжен датчиком, следящим за влажностью в промежутке. Вы понимаете, малейшая трещинка — и раздается сигнал тревоги. Даже — микроскопическая, невидимая глазу. Воет сирена, и все кричат: «Берегись, вода!»

Берегись, вода, — криво усмехнулся инженер. — Смешно! Я работаю здесь десять лет, и за все время датчики сработали раз пять. В каждом случае ремонт потребовал меньше часа. На поврежденную часть ставится водолазный колокол, вода откачивается, на место повреждения впаивается заплата, силикон застывает, и все в порядке. После ремонта купол только становится прочнее. Берегись, вода! Да у нас за все время и капля внутрь не просочилась!

— Я понял общую картину, — остановил его Лакки. — Теперь конкретно о деле.

— Все дело в сверхнадежности, мистер Старр. Мы отсекали сейчас аварийный сектор, но насколько надежна перегородка? Мы же рассчитывали, что вода будет поступать медленно, тихим ручейком. Тогда все в порядке, и у нас есть время, чтобы справиться с повреждением. Никому же в голову прийти не могло, что в один прекрасный день шлюз будет распахнут настежь! А тогда — поток со скоростью мили в секунду, это то же самое, как если бы на этой скорости в перегородку врезалась стальная болванка. Вода разнесет перегородку не хуже космического корабля на полном ходу.

— То есть вы считаете, она не выдержит?

— Этим никто не занимался. Никто не просчитывал такой вариант. Полчаса назад этим пришлось заняться мне. Слава Богу, у меня с собой компьютер, я всегда ношу его, куда бы ни пошел. Я сделал некоторые исходные допущения и запустил программу.

— И что, не выдержит?

— Не уверен. Не знаю, насколько корректны некоторые из моих допущений, но, похоже, — не выдержит. Тогда Афродите конец. Всему городу. Нам с вами и всем остальным. Эти толпы снаружи в полном восторге, но стоит лишь безумцу повернуть рычаг, как никого из них не станет.

— Вы давно это поняли? — Лакки глядел на него в ужасе.

— Полчаса, — инженер заговорил торопливо, словно оправдываясь. — *А что я могу?* Мы же не в состоянии обеспечить скафандрами все четверть миллиона! Я подумал, что надо обговорить с Моррисом возможность эвакуации самых ценных людей города или какой-то части женщин и детей. Но я не знаю, как это можно решить. А вы?

— Нет, — Лакки покачал головой.

— Я даже подумал, — мучительно продолжал инженер, — что сам бы я мог надеть скафандр и удрать прочь. Охрана сейчас вряд ли бдительна.

Лакки внезапно отскочил от дрожащего инженера.

— Боже! — вскричал он, и глаза его сузились. — Я был слеп!

Он повернулся и ринулся прочь из комнаты, а в голове его крутилась жуткая мысль.

Поздно!

Бигмен чувствовал себя беспомощным. Болтаясь, как привязанный, за неутомным Моррисом, он перемещался от группы к группе, слышал торопливые разговоры и ничего в них не понимал из-за своего полного невежества во всем, что касалось Венеры.

Моррис не останавливался ни на минуту. Постоянно приходили новые люди, поступали очередные сводки, предлагалось очередное решение. Всего лишь за те двадцать минут, что Бигмен находился при Моррисе, было выдвинуто и немедленно раскритиковано с десятков проектов.

Кто-то только что вернувшийся из горячей точки торопливо сообщал, едва переводя дыхание:

— Мы просвечиваем отсек лучами и видим его. Он просто сидит и держит руку на рычаге. Мы стали транслировать туда голос его жены, но, похоже, он ничего не слышит. По крайней мере, никакой реакции.

Бигмен закусил губу. А что бы делал на его месте Лакки? Первое, что пришло в голову Бигмену, это незаметно подкрасться и подстрелить безумца (уже выяснили, что его фамилия — Поппной). Конечно, то же самое приходило на ум каждому, но только тот

человек забаррикадировался изнутри, а комната, из которой управляют шлюзом, защищена от любого взлома. Чуть что — срабатывает сигнализация, и... Словом, меры безопасности работали теперь наоборот — во вред Афродите, а не на пользу.

С первым же сигналом тревоги — Бигмен был уверен стопроцентно — безумец повернет рукоятку, и океан хлынет внутрь города. Рисковать, пока эвакуация сектора еще не закончена, было нельзя.

Кто-то предложил усыпляющий газ, но Моррис без комментариев отклонил и это предложение. Бигмен, кажется, понял, в чем причина. В самом деле, тот человек не был ни безумцем, ни злодеем, а находился под чьим-то контролем. То есть они имели дело не с одним противником, но как минимум с двумя. Конечно, газ может усыпить исполнителя, но ведь его состояние контролируется, и нет сомнений, сигнал повернуть рукоятку будет дан раньше, чем проявится действие газа.

— Не понимаю, чего он ждет? — рычал Моррис, и пот заливал его лицо. — Из атомной пушки в него, что ли, выстрелить?

Ну, это уже было сказано сгоряча. Снаряду пришлось бы прошить четверть мили жилых строений, так что он вполне мог разнести вдребезги и сам купол, то есть — успешно осуществить именно то, что пытались предотвратить собравшиеся.

«Где же Лакки?» — подумал Бигмен.

— Но если мы не можем убрать парня, — осведомился он вслух, — то нельзя ли что-нибудь сделать с этим шлюзом?

— То есть? — уставился на него Моррис.

— Обесточить эту ручку. Ведь чтобы открыть шлюз, энергия требуется?

— Отличная мысль, Бигмен! Только... у каждого шлюза свой источник энергии, который контролируется изнутри.

— А извне его никак не отключить?

— Как? Он же внутри, а там все под сигнализацией.

Бигмен посмотрел вверх и представил себе нависающий над куполом океан.

— Это же герметически закупоренные города, — пробормотал он, — как на Марсе. В них надо качать воздух, в каждое помещение. Нет разве?

Тяжело дыша, Моррис вытер пот со лба.

— Да, — вздохнул он. — Все правильно. Конечно, мы так и поступаем, а что?

— То есть и в то помещение тоже?

— Конечно.

Моррис уставился на маленького марсианина с недоумением.

— Вы о вентиляции?

— Ну да. Один из таких каналов должен вести и в ту комнату.

— Да.

— Нет ли такого места, где проводку можно перерезать, перекусить, сделать что угодно, чтобы обесточить шлюз?

— Погодите... Ну да, засунуть в вентиляцию микробомбу и рвануть, а не закачивать через нее усыпляющий газ, как мы собирались!

— Ненадежно, — перебил его Бигмен. — Пошлите туда человека. Эти же трубы должны быть достаточно широкими? Город под морем все-таки.

— Да, но не настолько же, — Моррис поглядел по сторонам. — Никто из них туда не пролезет.

Бигмен тяжело и горько вздохнул. Последующее потребовало от него всего его самообладания.

— А я? — спросил он грустно. — Я-то пролезу?

И Моррис, уставившись широко раскрытыми глазами на коротышку-марсианина, прошептал:

— О Боже... Да! Пролезешь! Скорее за мной!

Казалось, в эту ночь в Афродите никто не спал. Лакки выбежал из здания и обнаружил, что люди заполнили все окрестности улицы темной колышащейся массой. Кое-где были натянуты цепи, и внутри отгороженных участков расхаживали полицейские с болтающимися на ремнях пистолетами-глушителями.

Лакки наткнулся на ограждение, оторопел и обвел взглядом окрестности. В небе словно сама собой висела гигантская, украшенная прихотливыми завитушками реклама. Надпись чуть покачивалась в воздухе и гласила: **«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА АФРОДИТУ, ЖЕМЧУЖИНУ ВЕНЕРЫ!»**

Перед ним цепочкой продвигались люди. С собой они несли всякую всячину — чемоданчики, шкатулки с драгоценностями, у кого-то через руку была перекинута одежда. Поочередно они заходили в скиммеры — происходила эвакуация. Организована она была неплохо: в очереди уже не осталось ни женщин, ни детей.

— Могу я взять какой-нибудь скиммер? — спросил Лакки у полицейского.

— Нет, сэр, все заняты, — едва взглянул на него тот.

— Совет Науки, — нетерпеливо пояснил землянин.

— Ничем не могу помочь. Все используется для эвакуации, — полицейский ткнул пальцем в сторону очереди.

— Это крайне важно! Мне необходимо выбраться отсюда немедленно!

— Остается только идти пешком, — покачал головой полицейский.

Лакки с досадой сжал зубы. Сквозь толпу не пробиться ни пешком, ни на автомобиле. Только по воздуху, причем — немедленно.

— Только по воздуху, — пробормотал он себе под нос, злой оттого, что противник так легко его одурачил. — Что бы я мог использовать?

И, хотя он говорил это себе, полицейский неожиданно ответил, усмехнувшись:

— Разве что на хоппере, сэр.

— Хоппер? Где? — глаза Лакки блеснули.

— Да я просто пошутил, — отмахнулся полицейский.

— А я — не шучу. Где можно достать хоппер?

В подвале дома, из которого он только что вышел, нашлось несколько штук, все — разукomплектованные. Лакки с полицейским призывали на помощь четверых из очереди, и вскоре собранный, вполне работоспособный агрегат стоял на тротуаре. Окружающие взирали на это зрелище не без удивления. Кто-то в шутку вскрикнул:

— Прыг-скок, хопперок!

Это была старая подначка, звучавшая обычно на соревнованиях хопперов. Лет пять назад повальная мода на них захлестнула чуть ли не всю Солнечную систему. Соревнования устраивались разные — по выезде, по преодолению препятствий. В те годы венерианцы были в числе главных энтузиастов, так что теперь хопперы пылились чуть ли не в каждом подвале Афро-

диты. Лакки забрался на сидение и проверил микрореактор — тот работал. Запустил мотор и включил гироскоп. Хоппер моментально выпрямился и прочно взгромоздился на свою единственную ногу.

Кажется, более несуразного средства передвижения человечество не изобретало. Что такое хоппер? Это изогнутый корпус, ширина которого позволяет устроиться на нем седоку, четырехлопастной мотор и единственная металлическая нога, оканчивающаяся резиновым башмаком. В целом это походило на гигантскую большую птицу, которая уснула, поджав под себя одну ногу.

Лакки нажал на кнопку прыжка, и хоппер словно присел — корпус оказался возле самой земли, а нога ушла в трубу, расположенную сразу за сидением. В момент максимальной близости к земле раздался щелчок, нога вытолкнула хоппер вверх, и тот взвился футов на тридцать в воздух.

Вращающиеся лопасти мотора позволяли хопперу довольно долго парить, достигнув наивысшей точки прыжка. В эти секунды Лакки успел оглядеть людскую толпу, оставшуюся внизу. Она растянулась чуть ли не на полмили вперед, то есть прыгать придется несколько раз. Лакки поморщился — утекало драгоценное время.

Теперь хоппер летел вниз, вытянув ногу. Толпа начала было разбегаться, хотя беспокоиться на сей счет ей не стоило: четыре струи сжатого воздуха так аккуратно раздвинули людей по сторонам, что нога коснулась почвы, не причинив никому ни малейшего вреда.

Коснулась почвы и снова ушла в трубу. Лакки увидел перепуганные лица вокруг себя, щелчок — и хоппер снова взмыл вверх.

Прыгать на хоппере Лакки был мастак — в юности он даже участвовал в соревнованиях. Умелый хопперист мог вытворять с этим, казалось бы, неуклюжим аппаратом удивительные штуки, даже сальто крутить, и находил место для следующего толчка в ситуациях, казавшихся безвыходными. Разве сравнить скачку по ровным мостовым венецианского города с кроссами по каменистым, осыпающимся склонам Земли?

В четыре прыжка Лакки перебрался через толпу. Выключил мотор и постепенно — амплитуда прыжков аппарата уменьшалась — остановил хоппер. Свою роль

он исполнил. Скиммера все равно не достать, но теперь можно попытаться раздобыть какой-нибудь автомобиль.

Но на все это требуется время, время...

Бигмен устал и сделал паузу, чтобы отдышаться. Дела раскручивались быстро, и теперь он сидел в трубе, которая по-прежнему вела его куда-то вперед. Свое предложение Моррису он сделал минут двадцать назад, и вот с тех пор и ползет по трубе, плотно прилегающей к его телу и окутывающей его мглой. Бигмен отдышался и снова пополз вперед, отталкиваясь от стенок локтями. Время от времени он останавливался, чтобы посветить фонариком вперед и всякий раз видел одно и то же: беленые, сужающиеся стены. В карман на рукаве, рядом с обшлагом, была засунута наспех нацарапанная схема вентиляции.

Перед тем как Бигмен полузапрыгнул-полувскарабкался во входное отверстие трубы, гнавшей воздух в помещения шлюза, компрессор был отключен.

— Надеюсь, — пробормотал Моррис, пожимая на прощание руку Бигмена, — что *это* не даст ему повода...

Бигмен усмехнулся и полез в темноту, а остальные ушли заниматься своими делами. Никто из них не стал говорить об очевидном факте — теперь Бигмен оказался уже за барьером, отгораживавшим аварийный сектор купола. И если ручку повернут, то поток воды раздавит воздуховод, как если бы он был картонным.

Бигмен полз вперед и думал: а если вода прорвется, то он сначала услышит ее грохот или его раздавит немедленно? Бигмен надеялся, что ничего заранее не услышит. Ожидать собственной кончины было ему не по душе. Прорвется, так прорвется, но пусть уж побыстрее.

Он почувствовал, что стена закручивается. Сверился со схемой, освещая ее маленьким фонариком. Это уже второй поворот, из тех, что были отмечены на карте, и теперь труба пойдет вверх.

Бигмен вздохнул и полез вперед, вписываясь в изгиб трубы, изрядно портивший ему настроение и оставлявший синяки на теле. А после него еще и вверх...

— Господи-ты-боже-мой, — пыхтел он, выгибаясь всем телом, оттого что теперь приходилось еще и упираться локтями в стенки, чтобы не соскользнуть вниз. Дюйм за дюймом он вползал на пологий скат.

Моррис срисовал схему с карты, которую ему показали по видеофону из Совета общественных работ Афродиты. Бигмен изучил все изгибы вентиляционной магистрали и выяснил смысл условных обозначений на схеме.

Теперь он добрался до силовых подпорок, перегораживавших трубу поперек, и обрадовался — наконец-то можно за что-то уцепиться руками и дать отдых коленям и локтям. Держась за перегородку левой рукой, он снова сверился со схемой, сунул ее обратно в карман на рукаве, достал фонарик и повернул его источником света на себя, другой конец прижав к перемычке.

Энергия скрытого в продолговатом корпусе фонарика микрореактора обыкновенно питала мощный источник холодноватого света, но — при переключении режимов — из другого торца фонарика исходило узкое силовое поле, которое запросто резало все, что оказывалось на его пути. Бигмен нажал кнопку и отрезал перемычку с одного края.

Переменил руки и поднес резак к другому краю перемычки. Одно движение — отрезан и тот. Бигмен изогнулся, отодвинулся в сторону, кусок металла проскользнул мимо него и, грохоча, поехал вниз по трубе.

Купол пока еще не прорвало. Бигмен, пыхтя и взмокая, уже почти что и думать об этом позабыл. Он продрался еще через две перемычки, миновал очередной изгиб. Потом скат выровнялся, вот, наконец, и компенсаторы, четко обозначенные на схеме. В общем, он прополз не более двухсот ярдов, но сколько времени это потребовало?

А вода пока так и не хлынула.

Компенсаторы состояли из пластин, приваренных по обе стороны трубы, и предназначались для выравнивания воздушного потока. Это была последняя отметка на схеме. С ними Бигмен расправился моментально. Теперь следовало отмерить ровно девять футов от их дальнего края. Опять пригодился фонарик — в нем было ровно шесть дюймов, так что его следовало приложить к стенке ровно восемнадцать раз.

И это оказалось не таким уж простым делом. Дважды фонарик соскальзывал и приходилось начинать все заново, неуклюже пятясь назад к отметке, сделанной у края бывшей компенсаторной батареи.

На третий раз все обошлось. Бигмен ткнул пальцем в искомую точку. Моррис сказал, что нужное место расположено почти точно над головой; Бигмен включил фонарик и аккуратно переместил палец по стенке вверх. Здесь, кажется.

Он переключил свою палочку-выручалочку в режим резания и аккуратно — насколько это было возможно в полной темноте — обвел кругом отметку, стараясь, чтобы резак находился на расстоянии примерно четверти дюйма от поверхности трубы — поле не должно проникнуть слишком глубоко.

Вниз, на дно трубы, упал вырезанный металлический кружок. Бигмен включил фонарик и стал изучать обнажившиеся провода. Где-то тут должна быть стена, за которой сидит безумец. Сидит ли он еще там? Конечно, рычаг он не повернул (а чего, собственно, он выжидает?), а то Бигмен давным-давно бы наглотался водички. Безумца остановили? Обхитрили и схватили?

Бигмен недобро улыбнулся, подумав о таком варианте: что же, тогда получится, что он ползал по этим металлическим дебрям зазря.

Ладно, надо разобраться в проводах. Бигмен стал осторожно отводить в сторону связку за связкой. Вот перед ним открылся черный сдвоенный конус. Кажется, это. Бигмен зажал фонарик в зубах и высвободил обе руки.

С крайней осторожностью он крутанул две половинки кожуха в противоположных направлениях. Сработали магнитные защелки — и взгляду Бигмена открылись два тускло блестящих контакта, корпус полевого селектора и едва заметный промежуток между контактами. В соответствующих обстоятельствах, например, если будет повернута та рукоятка, селектор сработает, контакты притянутся друг к другу, и ток, который пойдет через установленное соединение, распахнет шлюз. Времени на это почти и не потребуется — какая-нибудь миллионная доля секунды.

Бигмен, взмокнувший в предчувствии решающего момента, полез в карман куртки и извлек оттуда кусок

изолирующего пластика. Тот и так уже был разогрет теплом тела, но Бигмен все равно поразминал пластик в ладони и осторожно приложил к контактам. Сосчитал до трех и убрал.

Теперь, даже если контакты сомкнутся, ток между ними не пойдет — помешает тонкая пленка пластика.

Пусть он теперь дергает ручку сколько угодно: шлюз не откроется. Улыбаясь до ушей, Бигмен полез обратно, протискиваясь между останков компенсатора, минуя срезанные перегородки, съезжая вниз на скатах...

Сквозь кутерьму и неразбериху, царившие в помещении, Бигмен пытался высмотреть Лакки. Безумец был схвачен, барьер был снят, и население хлынуло обратно (в большинстве своем недовольное, что администрация допускает такие случаи) в дома, которые были покинуты столь недавно. Что до собравшихся вокруг шлюза зевак, то отбой тревоги был воспринят ими как сигнал к началу праздника.

Тут откуда-то взялся Моррис и потянул Бигмена за рукав:

— Тебя Лакки к видеофону.

— Откуда он? — вздрогнул Бигмен.

— Из моего кабинета в Совете. Я рассказал уже ему о том, что ты сделал.

Бигмен покраснел от удовольствия. Лакки может им гордиться!

— Пойду поговорю... — ответил он степенно и тут же понесся к видеофону.

— Привет, Бигмен. Поздравляю, я слышал, ты был великолепен, — сказал Лакки, но вид у него был мрачен.

— Пустяки, — все равно расплылся в улыбке Бигмен. — Но куда ты делся?

— Доктор Моррис здесь? Я его не вижу.

— Вот он я, — Моррис пододвинулся так, чтобы попасть в объектив.

— Я знаю — вы схватили того парня.

— Да. Благодаря Бигмену.

— Давайте, я отгадаю как. Ручаюсь, он не сделал и попытки повернуть ручку. Просто сдался.

— Да, — нахмурился Моррис. — Но как вы угадали?

— Потому что в шлюзе была устроена комедия. Дело было не в этом. Как только я сообразил, то бросился сюда. Но мне пришлось использовать хоппер, чтобы выбраться из толпы, и машину, чтобы доехать до Совета.

— И? — насторожился Моррис.

— Я опоздал, — ответил Лакки.

Разговоры, разговоры...

День подошел к концу, и толпы на улицах рассеялись. Город окутывался спокойной, почти сонной атмосферой, лишь кое-где, собравшись по двое-трое, горожане продолжали обсуждать события последних часов. Бигмен был раздражен.

Вместе с Моррисом он отправился в штаб-квартиру венерианского Совета. Там Моррис заперся с Лакки, а Бигмена в комнату не допустили. Видимо, не напрасно, потому что Моррис вылетел из дверей как ошпаренный, с мрачайшей миной на лице. Что до Лакки, то он оставался внешне бесстрастным, впрочем, несловоохотливым.

Даже когда они остались наедине, все, что сказал Лакки, было:

— Поехали в гостиницу. Спать хочу. Да и тебе после сегодняшних подвигов не повредит.

Насвистывая марш Советников, что всегда свидетельствовало о том, что мысли его витают где-то далеко, он махнул рукой проезжавшему такси. Машина автоматически остановилась, когда вытянутая рука попала в поле сенсоров. Лакки пропустил Бигмена вперед, наклонился к пульту и набрал адрес: отель Бельвью-Аф-

родита. Сунул в щель кассы положенное число металлических кружочков и нажал кнопку отправления, ногой при этом переключив машину на режим медленной езды.

Такси мягко тронулось с места. Езда, по правде, была комфортабельной и приятной, но из-за своего раздражения оценить это Бигмен не мог. Маленький марсианин взглянул на приятеля. Лакки, казалось, засыпал — откинулся на спинку и прикрыл глаза, мягко покачиваясь вместе с машиной. Они приехали. Автомат отыскал въезд в гараж. Двери раскрылись, машина въехала внутрь.

Только в комнате Бигмен дал волю чувствам.

— Слушай, Лакки, — заорал он, — что происходит? У меня уже шарики за ролики заходят от твоих загадок!

— Видишь ли, Бигмен, — сказал Лакки, стягивая с себя рубашку. — Все дело в простой логике. Что происходило, когда люди оказывались под ментальным контролем? Что там рассказывал Моррис? Некто швырялся деньгами. Крановщик уронил груз. Лаборант подмешал яд в раствор. В каждом случае имело место действие — какое-никакое, но действие. Все они делали что-то, понимаешь?

— Ну? — не понимал Бигмен.

— А сегодня? Не пустяк, серьезное происшествие. Но тут не было действия: человек сидел возле рычага и ничего не делал. Ничего!

Лакки отправился под душ, и Бигмен услышал, как он постанывает от наслаждения под шумящими струями. Не выдержав неопределенности, Бигмен отправился следом, что-то бормоча себе под нос.

— Эй, — попытался он перекричать жужжащую воздуходувку, под которой сушился Лакки.

— А? — обернулся тот. — Так и не сообразил?

— Слушай, Лакки, кончай свои загадки. Знаешь же, я терпеть этого не могу.

— Да какие загадки? Просто менталисты сменили стиль. Вот и все. Но этому должна быть причина. Иначе зачем сажать возле рычага шлюза человека, который ни черта не делает?

— Говорю же, ничего не понимаю!

— Ладно, подумай-ка, чего они достигли?

— Ничего?

— Ничего себе ничего! В один момент они согнали в аварийный сектор чуть ли не половину Афродиты, да заодно и всю ее администрацию. Вытащили туда нас с Моррисом. Город остался практически пуст, включая и штаб-квартиру Совета. И я оказался настолько идиотом, что, лишь когда Тернер, главный инженер города, упомянул, что улизнуть из города сейчас ничего не стоит, я сообразил, что происходит на самом деле...

— Не понимаю! Лакки, объясни. А то...

— Погоди, парень, — Лакки перехватил летящий в его сторону кулак Бигмена одним движением руки. — Не дергайся. Дело вот в чем. Я кинулся в помещение Совета и обнаружил, что Лу Эванса там уже нет.

— А куда они его дели?

— Если ты говоришь о людях из Совета, то они его никуда не дели. Эванс исчез. Отключил охранника, забрал его оружие, использовал татуировку Советника, чтобы раздобыть подлодку, и ушел в океан.

— Ты думаешь, что они все для этого и устроили?

— А то? Штучки со шлюзом были отвлекающим маневром. Как только Эванс, живой и невредимый, оказался на воле, они сняли контроль с того парня и его без проблем арестовали.

— О, дьявол, — вконец разбушевался Бигмен, — значит, я впустую корячился в трубе?! Болтался там, как набитый дурак...

— Нет, Бигмен, не так, — вполне серьезно успокоил его Лакки. — Ты отлично исполнил непростую работу, и Совет об этом узнает.

Маленький марсианин покраснел, и на какое-то время гордость вытеснила из его души все остальные чувства. Лакки воспользовался этим, чтобы спокойно лечь и попытаться уснуть.

— Но, Лакки, — не унимался Бигмен, — это значит... я хочу сказать, что если бегство Эвансу подстроили эти... менталисты, то он тогда предатель, а?

— Нет, — резко и почти яростно Лакки сел в кровати. — Он не предатель!

Бигмен ждал продолжения, но Лакки снова улегся и ничего больше не говорил. Бигмен понял, что разговор на эту тему закончен. Только после того как он сам умылся и вытянулся между прохладными пластексными простынями, он снова попытался обрести полную ясность.

- Лакки?
- Да, Бигмен?
- А что дальше?
- Мы отправимся искать Эванса.
- Мы? А Моррис?

— Я хочу изменить план действий, который был разработан на Земле. Я уже говорил об этом Конвею — по пути на Венеру.

Бигмен кивнул. Да, это объясняло, почему его не допускали на беседы. Хотя они с Лакки и закадычные приятели, но сам он — не Советник. А в ситуации, когда Лакки вынужден действовать через головы местного руководства, нежелательны любые свидетели.

Но теперь снова предстояло действовать, а Бигмен тут же начал заводитьсь. Он предпочел бы оказаться в океане немедленно, в этом гигантском, самом громадном из всех, какие есть на внутренних планетах....

- И когда мы отправляемся?

— Как только нам подготовят подлодку. Только сначала мы повидаем Тернера.

- Инженера? А его-то зачем?

— У меня есть данные обо всех, кто попадал под ментальный контроль, и я хочу разобраться с парнем в шлюзе. Тернер должен быть осведомлен о нем лучше, чем кто-либо. Но перед тем как мы отправимся к Тернеру...

- Что?

— Перед этим надо выспаться, и ты, мартышка марсианская, немедленно заткнешься!

Тернер жил в многоквартирном доме, в котором обитали явно самые высокопоставленные лица местной иерархии. Бигмен даже присвистнул, когда оказался в вестибюле, украшенном панелями из дорогого дерева и объемными изображениями морских пейзажей. Лакки направился к небольшой повозке, немного смахивающей на большой полотер, подождал, пока к нему присоединится Бигмен, и нажал кнопку с номером квартиры Тернера.

Повозочка привезла их на пятый этаж, пронеслась вдоль силовой направляющей по коридору и остановилась возле дверей Тернера. Приятели сошли, и повозка,

жужжа, двинулась с места и вскоре исчезла за поворотом коридора.

— Хм, — удивился Бигмен. — Никогда такой штуки не встречал.

— На Венере изобрели. Теперь их внедряют и на Земле, в новых домах. Со старыми-то мороки много, надо все перестраивать, прокладывать специальные дорожки...

Лакки нажал на кнопку, подсвеченную изнутри красным цветом. Дверь открылась, и из нее выглянула голубоглазая женщина. Она была прекрасно сложена, молода и весьма привлекательна, светлые волосы были коротко обрезаны на затылке и над ушами — по местной моде.

— Мистер Старр?

— Да, миссис Тернер, — Лакки несколько смешался: слишком уж она молода для хозяйки дома.

Но женщина мило улыбнулась приятелям.

— Так заходите! Мой муж предупредил меня, что вы придете. Знаете, он спал сегодня не больше двух часов, так что пока еще не вполне...

Они вошли, и дверь за ними затворилась.

— Извините, что вынужден побеспокоить вас в такую рань, — начал Лакки, — но это вызвано крайней необходимостью. Да мы и не зайдем у мистера Тернера слишком много времени.

— О, ну что вы, я понимаю, — хозяйка прошла по комнате, чуточку нервозно поправляя и без того аккуратно стоявшие на своих местах предметы.

Бигмен ошалело озирался. В этой квартире все диктовала женщина. Убранство комнаты было невыносимо слащавым — нежно-разноцветным, со множеством салфеточек и безделушек.

— Как тут у вас замечательно, мисс, хм, то есть мадам, — выдавил из себя Бигмен, почувствовав на себе взгляд жены Тернера.

— Спасибо, — ответила та, едва не зардевшись. — Хотя не думаю, что Лиману очень уж нравится тот стиль, в котором я все устроила. Но он не возражает. Знаете, я так люблю всякие маленькие безделушки и пустячки... А вы?

От необходимости отвечать на этот вопрос Бигмена избавил Лакки.

— А вы давно здесь живете?

— Почти сразу после женитьбы. Меньше года. Это очень дорогой дом, но он чуть ли не лучший на Венере. Тут все совершенно автономное, есть собственный гараж для коастров, свой коммутатор. Внизу есть даже блоки. Представляете? Блоки! Хотя, конечно, их почти не используют. Даже прошлой ночью. Ну, не знаю, мне так кажется, точно я сказать не могу, потому что все веселье-то я проспала. Представляете? Даже ничего не слышала, пока не пришел Лиман и не рассказал...

— Может, это и к лучшему, — заметил Лакки. — Вы избежали нервного тика.

— Я пропустила развлечение, — возразила она. — Все наши соседи были в самой гуще событий, а я спала. Все на свете проспала, и никто меня не разбудил. Просто ужас.

— Что за ужас? — донесся голос хозяина, и в комнату вошел Тернер. Выглядел он неважно: волосы всклокочены, лицо мятое, глаза заспанные. При нем был все тот же компьютер, на этот раз он держал его за ремень в руке и, когда сел, поставил на пол возле себя.

— То, что я пропустила развлечение, — повторила женщина. — Ну, как ты, Лиман?

— Ничего, спасибо. И не говори о том, что ты пропустила развлечение. Хотел бы я, чтобы это было действительно так... Здравствуйте, Старр. Извините, что заставил вас ждать.

— О, мы только пару минут как вошли, — успокоил его Лакки.

— Ну что же, я оставляю мужчин вести серьезные разговоры, — прочирикала миссис Тернер и на прощание чмокнула мужа в щечку.

Тернер пожал ее руку чуть выше локтя.

— Итак, — начал он, проводив ее взглядом, — извините за мой вид, но я просто не успел еще привести себя в порядок.

— Конечно, конечно. А как сейчас обстоят дела с куполом?

— Мы продублировали людей на вахтах, — Тернер протер глаза, — и уменьшили степень автономности каждого из шлюзов. Увы, это идет вразрез с инженерными тенденциями современности. Мы вынесли кабели питания в город, так что теперь в подобных случаях сможем прекратить подачу энергии. И конечно, будут

укреплены аварийные перегородки, и число их — увеличено. Вы курите?

— Нет, — ответил Лакки, а Бигмен покачал головой.

— Тогда не передадите ли вы мне сигарету из той штуковины, которая похожа на рыбу? — попросил Тернер. — Да, из этой. Это все причуды моей жены. Никогда не пройдет мимо забавной безделушки, — улыбнулся он. — Знаете, я поздно женился и до сих пор, кажется, ее обожаю.

Лакки с изумлением разглядывал странноватую, отлитую из камнеподобной субстанции зеленого цвета рыбу, из пасти которой выехала зажженная сигарета, едва он прикоснулся к спинному плавнику.

Тернер, казалось, расслаблялся, когда курил. Он заложил ногу на ногу, и верхняя ступня медленно раскатывалась взад-вперед, едва не задевая компьютер.

— А известно ли что-нибудь о том парне? — приступил к делу Лакки. — Ну, возле шлюза?

— Его исследуют. Безумец, конечно.

— То есть он состоял на учете?

— Ну что вы. Нет, конечно, Я это проверяю — я же главный инженер, и на мне весь персонал.

— Знаю. Потому к вам и пришел.

— Рад бы помочь, да что тут скажешь? Обыкновенный служащий. У нас он месяцев семь, и с ним никогда не было проблем. Прекрасные характеристики: спокойный, скромный, старательный.

— Только семь месяцев?

— Да.

— Он инженер?

— Числится инженером, но вся его работа состоит в том, что он находится на посту у шлюза. Это такая рутина: шлюз надо открывать и закрывать, проверять документацию, вести записи. Скорее административная, чем инженерная работа.

— Но инженерное образование у него есть?

— Он окончил колледж. Это его первое место, он еще молод.

Лакки кивнул.

— Я слышал, — сказал он как бы между прочим, — что в городе отмечалась уже серия подобных случаев?

— Разве? — Тернер взглянул на Лакки и пожал плечами. — Не знаю, у меня редко бывает время, чтобы просматривать сводки новостей.

Прозвучал зуммер.

— Это вас, Старр, — сообщил Тернер, сняв трубку.

— Да, я оставил записку, что буду у вас, — кивнул Лакки. — Старр слушает, — ответил он, но отключил экран, позволяющий видеть собеседника, и не переключил прием на громкоговорящее устройство.

— Мы пойдем, Тернер, — сказал он, положив трубку.

— Хорошо, — Тернер тоже поднялся с места. — Если могу оказаться вам полезен — милости прошу в любое время.

— Спасибо. И поблагодарите от нас вашу жену.

— В чем дело? — спросил Бигмен, едва они оказались на улице.

— Наш пароход готов, — сообщил Лакки, останавливая такси.

Они залезли внутрь, и Бигмен снова нарушил молчание:

— Ты чего-нибудь от Тернера добился?

— Да, выяснил кое-что, — Лакки был немногословен.

Бигмен тяжело вздохнул и сменил тему:

— Надеюсь, мы разыщем Эванса.

— Я тоже.

— Да, попал он в переделку... Чем больше я об этом думаю, тем поганей мне кажется дело. Не знаю, шпион Эванс или нет, но его начальник требует от Земли расследования...

Лакки повернул голову и с изумлением взглянул на Бигмена.

— Моррис еще не посылал рапорта на Землю! Как ты мог не расслышать этого вчера?

— Не посылал? — опешил Бигмен. — А тогда кто же?

— Господи! — охнул Лакки. — Ну уж это должно быть понятно! Да Эванс же! Только подпись поставил Морриса.

Советник, ау!

Лакки быстро освоился с управлением подлодкой и уже чувствовал себя в океане, как дома.

Служащий, который привел их на корабль, стал было читать лекцию о его устройстве и использовании, но Лакки остановил его, задав пару конкретных вопросов, а Бигмен разразился очередной порцией бахвальства: «На свете еще не изобрели штуковины, которой **бы мы** с Лакки не могли управлять!». Ну, хвастаться, конечно, не очень хорошо, но говорил Бигмен почти чистую правду.

Подлодка «Хильда» выключила двигатели и легла в дрейф. До этого она стремительно и бесшумно рассекала милю за милей черноты глубин венерианского океана, ни на секунду не включая свои мощные прожектора. Все равно радар обшаривал окрестности куда более тщательно, чем в состоянии был сделать это свет.

Что и происходило теперь. Волны определенной частоты, подобранной так, чтобы отражение от любого препятствия оказалось бы максимальным, разбегались во все стороны от корабля, словно пальцами гигантских невидимых рук обшаривая океан.

Но ничто не отражалось на экране радара. «Хильда» затаилась во тьме на дне океана, в полумиле от поверхности воды, и только покачивалась вместе с мягкими колебаниями океанских течений.

Сначала Бигмен не слишком обращал внимание на то, что творится на экране радара: за иллюминатором разворачивалось шикарное представление.

Все живущее в венерианских глубинах фосфоресцирует, так что дно океана было усеяно цветными огнями куда более крупными, чем звезды, — яркими, да еще и *движущимися*. Бигмен расплющил нос о толстое стекло и озира́л это в полном восхищении.

Тут были такие небольшие кружочки, которые двигались медленными рывками; что-то еще проносилось с такой скоростью, что казалось просто светящейся ниточкой. Тут, кстати, в изобилии виднелись и знакомые Бигмену с Лакки по Зеленому Залу морские ленты.

К Бигмену вскоре присоединился и Лакки.

— Если я еще что-то помню из ксенозоологии...

— Из чего?

— Так называется наука о внеземных живых существах, Бигмен. Перед полетом я проглядел учебник. Книга у меня с собой, возьми, если тебе интересно.

— Книга? Еще чего! Ты мне просто расскажи.

— Ну ладно, начнем тогда с этих маленьких кружков. Полагаю, они относятся к классу пуговичных.

— Пуговичных? — переспросил Бигмен. — А, кажется, я понял, что имеется в виду.

Их тут как раз проплывала мимо иллюминатора целая стая: желтые светящиеся овалы. И каждый был помечен как бы двумя короткими параллельными линиями. Пуговичные перемещались рывками, затем на несколько мгновений замирали и опять отскакивали в сторону. Их было так много и дергались они столь непрерывно и согласованно, что Бигмену стало казаться, что всякие полминуты дергается «Хильда», а вовсе и не они.

— А вот это вроде отложенные яйца, — пробормотал Лакки и замолк, продолжив лишь чуть погодя. — Вообще, большую часть тварей я не могу опознать. Стой! Это, похоже, алое пятно! Взгляни-ка, вон та яркая штука с нечетким контуром? Сейчас она примется лопать пуговиц.

Желтые блошки засуетились, почувствовали приближение хищника, но поздно — дюжинка пуговиц оказалась накрытой красным пятном. Какое-то время пятно оставалось единственным источником света в иллюминаторе — остальные разбежались кто куда.

— Пятно выглядит просто как большой блин, — продолжил Лакки. — Там, в нем, в общем, ничего и нет, только кожа и чуть-чуть мозгов. Толщиной в дюйм. Его можно разодрать в нескольких местах, а ему хоть бы хны. Видишь, какое это потрепанное? Похоже, рыба-стрела его слегка поела.

Пятно уходило из поля видимости. Какое-то время за иллюминатором господствовала темнота, светились, затухая, лишь два умирающих желтых огонька. Постепенно пуговицы стали возвращаться на место.

— Пятно это — продолжил Лакки, — своим телом прижимает пуговиц ко дну, постепенно всасывает их и переваривает. Но есть другой подвид, оранжевое пятно, то — куда более агрессивно. Может выстрелить струей воды, да такой, что человека с ног собьет, даже если само только фут в диаметре и толщиной с бумажный лист. Говорят, среди них попадаются и гигантские особи.

— А какие гигантские? — заинтересовался Бигмен.

— Точно не скажу, но в книге сказано, что доходили сведения о невероятных монстрах — о рыба-стреле длиной в милю или пятне, которое в состоянии накрыть собой всю Афродиту. Не знаю, настолько это соответствует действительности.

— Миля в длину?! *Враки!*

— А что? — Лакки пожал плечами. — Почему бы и нет? Мы же видим пока только обитателей мелководья. А в некоторых местах глубина океана миль десять. Там всякой твари места хватит.

— Рассказывай... — Бигмен взглянул на приятеля с подозрением. — Ты мне не вкручиваешь? — он повернулся и отошел в сторону. — Где, ты сказал, эта книжка? Лучше-ка я ее сам прочту.

«Хильда» вновь сменила позицию. Радар продолжал свой неустанный труд. Через какое-то время лодка снова двинулась с места. Снова переместилась. Лакки

медленно кружил корабль по плато, окружавшему Афродиту, и мрачно глядел на экран.

Где-то здесь должен быть Эванс. Он просто обязан оказаться тут! Потому что его корабль не предназначен ни для перемещений по поверхности, ни в глубине, большей чем две мили. Он обречен болтаться здесь, на плато в окрестностях города.

Он снова сказал себе «обязан», и тут на экране вспыхнул огонек. Тут же автомат вычислил и вывел на экран указатель курса на появившийся предмет.

— Вот он! — рука Бигмена обрушилась на плечо Лакки.

— Возможно, — поморщился тот. — Если не другой корабль или останки затонувшего.

— Засеки его, Лакки, засеки курс!

— Да все уже в порядке. Сейчас мы к нему подойдем.

Бигмен почувствовал ускорение и услышал шум двигателей.

Лакки пригнулся к передатчику с шифровальным устройством и стал настойчиво повторять:

— Лу! Лу Эванс! Это Лакки. Подтверди прием. Лу! Лу Эванс!

И — снова и снова. Точка на экране становилась все ярче — они приближались.

Ответа не было.

— Слушай, Лакки, — заявил Бигмен. — Та штука, похоже, не двигается. Наверное, это затонувший корабль. Если бы это был Советник, так он или ответил бы, или смылся.

— Молчи! — прикрикнул Лакки и продолжил звывать в микрофон: — Лу! Не надо прятаться! Я знаю все, я знаю, почему ты послал сообщение, подписавшись Моррисом, и потребовал своего отзыва на Землю. Я знаю, кого ты подозреваешь! Подтверди прием!

Приемник зашумел. Из динамика дешифровальщика послышалась вразумительная речь:

— Не лезь! Понял, так и не лезь!

Лакки удовлетворенно улыбнулся. Бигмен прыгал от радости:

— Как ты его заделал!

— Я тебя сейчас подберу к себе на корабль. Держись, Лу. Мы с тобой во всем разберемся.

— Нет, — медленно возвращались слова. — Ты не... не понял... Я хочу... — и почти в истерике: — Не приближайся, Лакки! Стой!

И больше ни звука. «Хильда» медленно приближалась к кораблю Эванса. Лакки откинулся на спинку кресла и нахмурился.

— Не понимаю, — пробормотал он. — Если он так перепуган, то почему стоит на месте?

Бигмен не расслышал и гордо сообщил:

— Ах, как ты здорово сbleфовал, Лакки!

— Ох, Бигмен, — вздохнул Лакки. — Нет здесь никакого блефа. Я знаю ключ к этой истории. Ты бы тоже все понял, если бы дал себе труд немного подумать.

— Что ты узнал? — недоверчиво переспросил Бигмен.

— Помнишь, когда мы с Моррисом вошли в ту комнату, куда потом привели Эванса? Помнишь, что там произошло?

— Нет.

— Ты расхохотался. Сказал, что я потешно выгляжу без усов. И я сам ощутил совершенно то же самое, глядя на тебя. Помнишь?

— Ну, вспомнил.

— А ты не подумал, с чего бы это? Мы же глядели на усачей уже несколько часов. Почему же одна и та же мысль возникла у нас одновременно?

— Понятия не имею.

— Надо думать, некто обладает телепатическими способностями и может передавать ощущения от одного мозга к другому.

— Ты имеешь в виду менталистов? Кто-то из них находился в комнате вместе с нами?

— А что, разве не похоже?

— Но это невозможно! Там был только Моррис. Лакки! Так это Моррис...

— Моррис тоже глядел на нас не меньше часа. С чего бы это ему вдруг изумиться, что мы безусы?

— Значит, там кто-то прятался?

— Не совсем так, — усмехнулся Лакки. — В комнате было еще одно живое существо, и сидело оно на самом видном месте.

— Ты что?! — покотился со смеху Бигмен. — В-лягушка?

— А то? — Лакки был настроен миролюбиво. — Мы, поди, первые люди без усов, которых она в жизни увидела. Вот и удивилась.

— Но это невозможно!

— Почему? Вспомни-ка, их полно в городе, люди их содержат дома, кормят, балуют. Слушай, как по-твоему, они их действительно любят? Или сами лягушки навязывают свою любовь телепатически, чтобы их держали и кормили?

— Да что ты, Лакки, — обиделся Бигмен. — Что тут странного, что их любят? Они же такие милые. Зачем им людей гипнотизировать?

— А ты уверен, что полюбил их сам? Тебе никто не навязал?

— Никто мне *ничего не навязывал*. Понравилась она мне и все.

— Вот как? Но через две минуты, как ты впервые увидел В-лягушку, ты принялся ее кормить. Помнишь?

— Ну и что тут плохого?

— А чем ты ее кормил?

— Тем, что ей нравится. Горохом, смазанным таво... — Бигмен осекся на полуслове.

— Именно. Этот тот самый тавот и вонял. Никакой ошибки. Но как ты сообразил, что горох надо смазать этим? Ты что, всегда кормишь животных тавотом? Тебе известны существа, которые бы его жрали?

— О Господи... — бессильно пробормотал Бигмен.

— Так как? Ты полностью контролировал себя или лягушка подсказала тебе, что ей надо?

— Я не думал... — бормотал Бигмен. — Теперь все так ясно, когда ты объяснил. Я просто отвратительно себя чувствую.

— Почему?

— Отвратительно. Как представляю, что всякие животные распускают в моем мозгу всякие дурацкие мысли, так меня начинает мутить. Антисанитария просто какая-то, — и от отвращения Бигмен сморщился.

— Увы, — вздохнул Лакки. — Тут дело похуже, чем антисанитария. — И снова повернулся к экрану.

До кораблика Эванса оставалось меньше полумили. На экране видны были уже вполне разборчивые очертания подлодки.

— Эванс, мы тебя видим, — сказал Лакки в микрофон. — Ты можешь двигаться? Что с твоей посудиною?

Ответ пришел незамедлительно и был переполнен эмоциями:

— Да хранит тебя... Лакки! Я сделал все, что мог... Вы — в западне... точно так же, как и я!

И, словно подтверждая сказанное им, удар страшной силы потряс «Хильду», перевернул ее набок и остановил главный генератор корабля!

Из бездны

Вспоминая впоследствии события этих часов, Бигмен видел их как бы сквозь перевернутую другим концом подозрную трубу: отдельные кошмарики беспорядочных событий.

После удара он отлетел к переборке. То, что показалось ему чуть ли не вечностью, длилось не более секунды. Бац — и он распростерт на полу и едва дышит.

Лакки, сумевший остаться за пультом, заорал:

— Главный генератор отключен!

Бигмен попытался подобраться к нему по вставшему торчком полу:

— Что стряслось?

— Нас подбили. Я еще не понял, насколько серьезно.

— Но свет горит.

— Знаю. Это аварийный генератор.

— А двигатель?

— Понятия не имею. Пытаюсь разобраться.

Двигатели хрипло прокашлялись и включились. Но раньше они гудели мягко и размеренно, а теперь дребезжали так, что у Бигмена немедленно заныли зубы. «Хильда» дернулась, как раненый зверь, и встала в нормальное положение. Моторы снова заглохли.

Приемник забулькал, и Бигмен напряг слух, чтобы разобрать там хоть что-то.

— Старр! Лакки Старр. Это Эванс. Подтверди прием.

— Я слушаю, — ответил Лакки, подскочив к передатчику. — Что с нами?

— Неважно, — донесся усталый голос. — Теперь это может тебя не беспокоить. Им достаточно уже и того, что мы останемся тут навечно. Зачем ты полез сюда? Предупреждал же...

— Твой корабль разбит, Лу?

— Я торчу здесь уже часов двенадцать. Света нет, энергии нет, только батарейки для радио, но и те иссякают. Очистители воздуха вышли из строя, так что и с этим дело дрянь. Вот так, Лакки.

— Можешь оттуда выбраться?

— Как? Шлюз не работает. У меня есть скафандр, но если я попытаюсь выйти наружу, то меня раздавит.

Бигмен понял, о чем речь, и содрогнулся. Дело в том, что шлюзы в подводных кораблях устроены так, что пускают воду в промежуточную камеру медленно, очень медленно. А если просто открыть шлюз на дне океана, то — моментально подставляешь себя под сотню тонн давления. Никакой, хоть из стали, скафандр не поможет, его расплющит, как пустую жестянку под колесами.

— Мы еще можем двигаться, — сказал Лакки. — Сейчас подойду. Мы состыкуемся шлюзами, и я заберу тебя на «Хильду».

— Спасибо, только зачем? Если тронешься, по тебе опять шарахнут, да и какая разница: быстро подохнуть тут или медленно — на твоём корабле?

— Слушай, — рассердился Лакки. — Мы умрем в свой час, но ни секундой *раньше*. Помирать всякому придется, но сидеть сложа руки и *дожидаться* — слишком уж просто. Дуй в машинное отделение, — приказал он Бигмену, — и выясни, можно ли починить.

Находясь в машинном отделении и неловко орудуя с «горячим» микрореактором с помощью специальных дистанционных манипуляторов, по счастью, не вышедших из строя, Бигмен чувствовал, как корабль, цепляясь

за дно, медленно тащится вперед. Двигатели дребезжали и выли. Затем раздался какой-то отдаленный грохот, которому резонировал корпус «Хильды», казалось, в нескольких сотнях ярдов от корабля что-то взорвалось.

Бигмен почувствовал, что корабль остановился, моторы лишь едва подрагивали. Похоже, корабли состыковались шлюзами — операция, требующая точности и опыта. А теперь из шлюзов откачивают воду — свет фонарей в машинном отделении потускнел, и на поврежденном генераторе зажглась лампочка «перегрузка». Теперь Эванс сможет перебраться к ним без всяких проблем.

Когда Бигмен, закончив свои дела, вернулся в рубку, то застал там уже обоих Советников. Лицо Эванса было бледным и озабоченным. При появлении Бигмена на нем появилось нечто вроде улыбки.

— Продолжай, Лу, — сказал Лакки.

— Ну вот, — вздохнул Эванс. — Сначала это были просто предположения. Я изучил каждого из людей, вовлеченных в инциденты. Все, что между ними отыскалось общего, состояло в том, что они — любители В-лягушек. Ну, на Венере к ним всякий равнодушен, но у каждого из этих людей их было очень много, целые семейства. Но фактов было мало, и я не стал выдумывать теорию, а решил проэкспериментировать. Если бы я... В общем, я решил поймать лягушек с поличным. Вот так — чтобы стало ясно, когда им становится известным то, что знаю только я.

— И ты полез во все эти дрожжи? — хмыкнул Лакки.

— Ну да. Я должен был узнать нечто, о чем мало кто осведомлен, а то как я смогу убедиться, что лягушки получили информацию через меня? Данные по дрожжам были идеальны. Когда мне не удалось добраться до них легально, я их просто украл. А потом притащил в управление лягушку, поставил рядом со своим столом и принялся читать документацию. Даже вслух некоторые места зачитал. Так что, когда через два дня произошел тот случай на заводе, сомнений у меня не осталось. Только...

— Что «только»? — не удержался от вопроса Лакки.

— Только я оказался не слишком ловок, вот что, — вздохнул Эванс. — Я допустил их в свой мозг, а выгнать оттуда не сумел. Люди из Совета явились за бумагами.

Они меня знали, так что говорили со мной очень вежливо. Я с готовностью вернул бумаги и собрался все им объяснить. И не смог...

— То есть как не смог? Ты о чем?

— Не смог! Физически не смог, понимаешь? Ни слова о В-лягушках произнести не смог! Язык не поворачивался. Я даже чуть с собой не покончил, но удержался. Похоже, они не могут заставить сделать нечто такое, что идет наперекор моему характеру. Я решил, что если удеру с Венеры, то от них удастся отделаться. И я сделал единственное, что могло повлечь за собой мой отзыв: обвинил себя в коррупции и подписался Моррисом.

— Да, — мрачно кивнул Лакки, — досюда я все угадал.

— Как? — опешил Эванс.

— Да просто. Моррис изложил свою версию событий, едва мы оказались на Афродите. Закончил он, сказав, что подготовил отчет для Земли. Но не сказал, что послал его, — только подготовил. А сообщение было. Но кто еще, кроме вас с Моррисом, знает код связи и обстоятельства дела?

— Да... И вместо того чтобы отозвать меня, они послали тебя, — мрачно произнес Эванс. — Ну и дрянь же дело.

— Я сам настоял, Лу. Я просто не мог поверить обвинениям в твой адрес.

— И это самое глупое, что ты мог сделать, — Эванс уткнулся лицом в ладони. — Когда ты мне сообщил, что летишь сюда, я потребовал, чтобы ты не вмешивался. Не так ли? Но я не мог рассказать тебе — почему. Физически не был способен. А по моему мозгу В-лягушки о тебе все узнали. Им известно, что ты за типчик. Встречу они тебе подготовили, не так ли?

— Да, подготовили... — пробормотал Лакки, — но у них не вышло...

— Зато *теперь* выйдет. Ничем, извини, не могу тебе помочь, Лакки. Да и себе. Когда они парализовали человека возле шлюза, я оказался неспособным подавить желание бежать прочь. Удрал в океан... А ты, конечно же, за мной следом. Я был наживкой, а ты жертвой. И я опять пытался отговорить тебя не приближаться, но не мог объяснить почему...

Он судорожно вздохнул.

— Теперь я уже могу говорить обо всем, — продолжал Эванс. — Они убрали блокировку. Наверное, на меня теперь незачем тратить силы, мы и так в ловушке и не слишком отличаемся от покойников.

— Что?! — взвился Бигмен, слушавший этот монолог со все возрастающим беспокойством. — *Как это* мы не отличаемся от жмуриков?

Эванс снова уткнулся лицом в ладони и ничего не ответил.

— Видишь ли, Бигмен, — задумчиво сказал Лакки, — нас накрыло гигантское оранжевое пятно, которое ради этого специально вылезло из океанских глубин.

— Как это так — накрыло? Корабль же большой!

— Увы. Диаметр его — две мили. Две мили в поперечнике. Это оно почти разбило корабль в первый раз и чуть не добило, когда мы стыковались с Эвансом. Струйкой воды. Только мощность этой струйки побольше, чем у глубинной бомбы.

— Но как это случилось, что мы не заметили?

— Эванс думает, что нас взяли на это время под контроль. Похоже, он прав. Кроме того, эта дрянь умеет уменьшать свое свечение, управляя фотоэлементами на коже. Оно, наверное, подняло край мантии, мы туда заплыли, оно ее опустило, и мы теперь тут, как птенчики под одеялом.

А если мы попытаемся выбраться или расчистить себе путь бластерами, — продолжил Лакки, — то пятно по нам стрельнет еще разок, да теперь-то уж вряд ли промахнется.

Наступило молчание.

— Но оно может промахнуться! — внезапно оживился Лакки. — Промахнулось же, когда мы приближались к твоему кораблю, Лу! Слушай, — обернулся он к Бигмену, — главный генератор в порядке?

Бигмен почти забыл про свои дела.

— Да, — опомнился он, — регулировка микрореактора не нарушена, так что все можно наладить, если я отыщу инструменты.

— Сколько времени это займет?

— Часа два.

— Вот и занимайся. А я пойду искупаюсь.

— Ты это о чем? — дернулся Эванс.

— Пойду разберусь с пятном, — и Лакки был уже в шлюзе, предназначенном для выхода наружу в скафан-

драх, выясняя в порядке ли дверь и проверяя баллоны и амуницию.

В крошечной мгле океана царило обманчивое спокойствие. Казалось, опасность миновала, но Лакки прекрасно сознавал, что прямо под ним — океанское дно, а со всех сторон — выгнутая, как перевернутая чашка гигантских размеров, — плоть монстра.

Двигатель, встроенный в скафандр, прокачивал сквозь себя воду, и Лакки медленно поднимался вверх, держа оружие в боевой готовности. Он не переставал изумляться изобретательности инженеров, придумавших всю его экипировку. Да и вообще, способности человека к изобретению нового получили колоссальное развитие, встретившись с необходимостью наладить жизнь на других планетах, среди их тяжелых и подчас опасных для жизни человека условий жизни.

Когда-то, давным-давно, блеском своего изобретательского гения европейцев потрясла заново заселенная Америка. Теперь нечто в этом роде происходило на Венере. Тут были роскошные города под куполами. Нигде, кроме как на *Венере*, не умели столь искусно вплетать силовые поля в сталь и в любой иной материал. Скафандр Лакки не смог бы противостоять тоннам давления ни секунды, если бы не сеть вплетенных в него мощных микрополей (хотя, надо отметить, скафандр не мог быть использован при резких перепадах давления). Но и во многих других отношениях его амуниция была чудом инженерной мысли. Встроенный двигатель, эффективнейшая подача кислорода, компактное и удобное управление — все просто великолепно.

А что сказать об оружии?!

Тут мысли Лакки переключились на монстра. Тоже ведь венерианское изобретение в своем роде. Изобретение, осуществленное эволюцией. Могут ли такие твари обитать на Земле? Не на суше, конечно. Там, в условиях земного притяжения, живое существо не способно выдержать более сорока тонн собственного веса. У гигантских бронтозавров мезозоя были ножищи, как древесные столбы, и то чудища большую часть времени были обречены отсиживать в болотах, чтобы вода хоть немного облегчила их жизнь.

То есть вот и ответ: выталкивающая сила воды. В океанах могут жить существа любых размеров. На Земле есть киты, превосходящие размерами любых живших когда-либо динозавров. Но этот монстр, пятно, прикинул Лакки, весит где-то около двухсот миллионов тонн. Столько весят вместе взятые два миллиона китов. Лакки стало жутко. Да сколько же этой твари пришлось расти, чтобы достичь этого веса? Сто лет? Тысячу? Кто скажет?

Но такие габариты не проходят даром. Даже под водой. Чем существо больше, тем медленней его реакции. Нервным импульсам требуется время, чтобы достичь мозга.

Эванс подумал, что пятно не разбило «Хильду» очередным выбросом воды, потому что, лишив их возможности действовать, стало безразличным к их дальнейшей судьбе. Да нет же! Произошло это, наверное, потому, что монстру требуется время на заполнение гигантских резервуаров водой! Время, время...

Да и то вряд ли монстр чувствует себя лучшим образом. Он привык жить в глубинах с шестью милями океана сверху. На мелководье его эффективность неминуемо должна уменьшаться. Если он промахнется во второй раз по «Хильде», то, наверное, не полностью оправился после первой попытки.

А теперь он выжидает. Вода постепенно наполняет резервуары, и, насколько это для него возможно возле поверхности океана, пятно собирается с силами. И он, Лакки, должен его остановить. 190 фунтов человеческой плоти против двух миллионов тонн чудовища!

Лакки огляделся и ничего не увидел. Нажал кнопку на внутренней стороне перчатки — и из облаченного в металл пальца выстрелила струна чисто-белого света. Она ушла вверх и исчезла во мгле. Коснулась ли она тела пятна или просто растворилась в темноте?

Водой монстр стрелял трижды. Один раз он разбил лодку Эванса, потом — повредил корабль Лакки (но последствия были не слишком тяжелыми — что же, существо постепенно слабеет?), третий его выстрел пришелся в никуда.

Лакки поднял свое оружие, похожее на ружье с толстой рукояткой, внутри которой находились несколько сот миль тончайшего провода и генератор вы-

сокого напряжения. Направив оружие вверх, он нажал на спуск.

Какое-то время не происходило ничего — но Лакки знал, что проводок с волос толщиной раскручивается и тянется вверх сквозь перенасыщенные углекислым газом воды океана...

Снаряд достиг цели, и результат не замедлил сказаться. Когда наконечник достигает цели, поток электрического тока со скоростью света бросается вперед и разбивает препятствие с силой удара молнии. Похожие на волоски провода ярко засветились и обратили окружающую их воду в кипящую пену. Вода не просто кипела от разогрева, но бурлила и невообразимо шипела — из-за большого количества углекислого газа, растворенного в ней.

И над этими пузырями и свечением проводов словно вспыхнуло небольшое солнце. Там, где снаряд коснулся плоти, образовался ослепительный шар взрыва, который прожег дыру футов в тридцать шириной и настолько же глубокую в живой горе, нависавшей над землянами.

Лакки мрачно улыбнулся. Конечно, учитывая размеры, эта рана чудовищу что-то вроде комариного укуса, но пятно его почувствует. Минут через десять, по крайней мере. Нервным импульсам требуется время, чтобы добраться до слабых мозгов существа, и тогда, возможно, пятно оставит в покое два беспомощных суденышка и кинется искать напавшее на него нечто. Вот и пускай убирается. Его самого, подумал Лакки, чудовище точно не найдет. Через десять минут его тут уже не будет. Через десять минут он...

Закончить мысль не удалось. Не прошло и минуты после вспышки, а чудовище уже нанесло ответный удар!

Не прошло и минуты, и Лакки понял, что просчитался и теперь падает, рушится, летит вниз в вихревом, мчащемся со страшной скоростью потоке воды...

Гора плоти

Удар потряс Лакки. Скафандр из обычного металла был бы раздавлен всмятку. Любой нормальный человек лишился бы чувств и, бездыханный, врезался бы в дно океана и умер.

Но только не Лакки! Он боролся отчаянно. Переборов тяжесть воды, сумел поднести к лицу левую руку, чтобы посмотреть на индикаторы, сообщавшие о состоянии скафандра.

Лакки простонал. Приборы не показывали ничего, стали бесполезными игрушками. Впрочем, подача кислорода не нарушилась (это бы сразу почувствовали его легкие), и, похоже, сам скафандр не прохудился. Осталось надеяться, что в порядке и двигатель.

Пытаться уйти в сторону и выбраться из основного потока воды не имело смысла, он понапрасну истратил бы все силы. Следует ждать и надеяться вот на что: по мере удаления от источника поток воды теряет скорость. Вода против воды — это действие сопряжено с сильным трением. На краях выброса усиливаются завихрения, которые поглощают скорость потока и суживают его площадь в поперечнике. Там, где струя вышла из существа, ее ширина могла быть футов пятьсот, а к

моменту касания дна может уменьшиться и до пятидесяти — в зависимости, конечно, от начальной скорости и расстояния.

При этом затормозится и сам поток, — но вовсе не обязательно, что до дна не достанет: Лакки помнил, с какой силой струя шарахнула по «Хильде».

Теперь все зависит от того, насколько он удален от оси потока и от его начала.

Чем дольше он будет выжидать, — тем более возрастут его шансы, если, конечно, он не переусердствует. Водрузив упакованную в металл скафандра руку на ручку управления двигателем, Лакки позволил потоку увлечь его все ниже и ниже, стараясь сохранять спокойствие и точно выбрать момент. Каждую секунду мог произойти удар, которого он даже не почувствует.

И, досчитав до десяти, он включил двигатель. Маленькие, высокооборотные пропеллеры на каждом из локтей задрожали, выкидывая воду под прямым углом к направлению падения. Лакки ощутил, что тело изменило угол падения. Если он находится на оси этого водопада, то ему не спастись. Энергии двигателя не хватит преодолеть мощь падающей воды. Но если он сбоку от оси, то скорость может постепенно затухнуть, и тогда он окажется среди бурунов по краям струи.

И это произошло — Лакки понял это по усилившейся тряске и бурлению вокруг его тела. Он понял, что спасен.

Он переключил двигатель, так что теперь его стало тянуть вверх, и осветил прожекторчиком в пальце перчатки дно: да, он уже видел придонный ил где-то футах в пятидесяти под собой, без труда мог разглядеть хлам и мусор, скопившиеся на дне.

Секунда промедления — и конец!

Теперь он изо всех сил рвался наверх. Он отчаянно спешил, губы плотно сжались, глаза прикрыты.

Лучше всего теперь было не думать. Он слишком много передумал уже во время падения. Недооценил он противника. Думал, что целилось в него гигантское пятно, а это было не так. Это В-лягушки с поверхности океана контролировали тело монстра, и им не было нужды следить за мозгом пятна, чтобы узнать, что в того выстрелили. Нет, им хватало мозга Лакки и целиться надо было просто в источник его мыслей.

Так что не могло быть и речи, чтобы согнать монстра с места, причиняя ему мелкие неудобства. Пятно надо убить.

И незамедлительно!

Потому что «Хильда» не выдержит следующего удара водой, да и он сам — тем более. Приборы уже вышли из строя, дальше — очередь за управлением. Или повредятся баллоны с жидким кислородом. Или генераторы силового поля.

Лакки поднимался все выше, к единственному надежному месту. Хотя он и не знал, как выглядит сопло монстра, но следовало предполагать, что это должно быть нечто большое и гибкое — раз пятно могло управлять направлением удара струи. Вряд ли к тому же монстр способен угодить в самого себя, так что изгибаться эта штука должна не слишком. А напор извергаемой жидкости не позволяет соплу быть слишком длинным.

Лакки следовало добраться до сопла по внутренней поверхности чудовища, пока тот не успел запастись водой до следующего удара, — там он его не достанет. Лакки направил луч прожекторчика кверху. Инстинктивно он старался свет не включать, боясь, что это делает его четкой мишенью. Но ум поправил инстинкт: монстр целился вовсе не по его фонарику.

Где-то в пятидесяти футах луч наткнулся на грубую, сероватую поверхность, испещренную глубокими морщинами. Лакки доплыл к ней и осторожно потрогал. Кожа монстра была резиновая на ощупь и очень плотная.

Впервые за долгое время Лакки мог отдышаться и прийти в себя. Впервые с момента, как он покинул корабль, он находился в относительной безопасности. Впрочем, отдых не затянулся. В любой момент чудовище могло возобновить военные действия (или не оно, а те маленькие умельцы управлять чужими мозгами) и разнести корабль вдребезги. Этого допустить нельзя.

Здесь, на внутренней поверхности пятна, повсюду были дыры, диаметром футов в шесть каждая, сквозь которые беспрерывно циркулировала вода. С небольшими интервалами действовали какие-то щели, примерно десятифутовые в длину, выбрасывающие сквозь себя пенистую воду.

Сей процесс, судя по всему, имел отношение к питанию монстра. Все, что оказывалось в воде, попавшей под его тушу, всасывалось вместе с водой внутрь, переваривалось и выкидывалось наружу; извергаемая из тела вода содержала в себе остатки пищи и естественные выделения.

Судя по всему, долго находиться на одном месте монстр не мог — иначе мог отравиться собственными продуктами распада, вряд ли питание ими могло пойти ему на пользу. Впрочем, вряд ли бы он выбрал для себя столь вредный образ жизни, когда бы его к этому не принудили В-лягушки.

Лакки внезапно дернулся, — не приложив к тому никаких усилий. Он удивился и повел светом вокруг себя. И тут с ужасом понял, наконец, назначение этих самых длинных складок, которые заметил на теле монстра. Одна из них находилась рядом с ним и теперь раскрылась и старательно пыталась его заглотить. Две ее створки резиново разошлись — таким образом, похоже, монстр втягивал в себя пищу, которая не пролезала в шестифутовые поры!

Лакки на это не согласился, не захотев испытывать скафандр на прочность. Скафандр-то, может, и выдержит, да вот может выйти из строя его оборудование.

Он развернулся так, чтобы двигатели отодвинули его от тела, и включил их. С коротким чмокающим звуком он выдрался из всасывающего поля и кубарем отлетел в сторону.

Больше трогать животное он не стал и поплыл вдоль тела на некотором отдалении. Сверяясь с ощущением тяжести, он двигался вверх, к центру монстра.

Внезапно внутренняя поверхность монстра снова встала перед ним стеной. Этот нарост подрагивал и казался сделанным из более плотного мяса.

Сопло, никаких сомнений!

Ну конечно, именно оно. Гигантская каверна в сотни ярдов в поперечнике, откуда низвергались чудовищные массы воды. Лакки осторожно закрутился вокруг нее. Да, надежнее места не сыщешь, но все равно он кружил вокруг этой дырищи весьма осмотрительно.

Впрочем, сейчас ему было уже не до сопла, и Лакки продолжил свой путь наверх. Наконец он добрался до вершины этого мясного купола.

Сначала его поразило какое-то тяжелое, долго не затухающее уханье в недрах существа. Внимание привлекли именно вибрации, а не звук. Потом он пригляделся к телу: плоть корчилась и пульсировала. Гигантская масса отвисала футов на тридцать вниз и в поперечнике была такой же громадной, как сопло.

Да, это *центр* организма. Там внутри — сердце или что там у него вместо сердца. Лакки ощутил головокружение, попытавшись представить себе размеры этого механизма. Его удары должны происходить раз в пять минут, примерно за это время тысячи кубических ярдов крови (или что течет у него внутри?) прокачиваются по сосудам такого диаметра, что внутри них могла бы свободно проплыть «Хильда». Это сердце умеет гнать кровь на расстояния свыше мили.

— Ох ты... — только и смог что вздохнуть Лакки. — Поймать бы такую штуковину живой да изучить ее анатомию!

Где-то там в этой выпуклости находится мозг существа. Мозг? Или не мозг, а точка сплетения нервных окончаний, без которой животное вполне жизнеспособно?

Пусть! Зато без сердца ему не прожить. Теперь оно как раз завершило очередной удар. Центральная опухоль почти рассосалась. Теперь оно отдохнет до следующего толчка, и минут через пять этот бугор снова станет распухать от поступающей в него крови.

Лакки поднял свое оружие и, освещая фонарем область, где располагалось сердце, стал опускаться ниже. Лучше бы отойти подальше, но и промахнуться нельзя.

На мгновение он ощутил раскаяние. С научной точки зрения, он совершал преступление — убить таинственнейшее явление природы...

Но его ли это мысль? Или подсказанная ему В-лягушками с поверхности? Медлить было нельзя. Он нажал на спуск. Ушли вверх проводки, возник контакт, и глаза Лакки ослепила вспышка, которая прожгла дыру в плоти, охранявшей сердце монстра.

Некоторое время вода кипела, существо билось в агонии. Гигантская масса трепыхалась и исходила в

чудовищной дрожи. Лакки был совершенно бессилен делать что-либо.

Он попытался было вызвать «Хильду», но в ответ донеслись неразборчивые хрипы, и стало понятно, что и корабль точно так же мотает из стороны в сторону.

Но никуда не денешься, смерть одолевает жизнь, даже весящую сотни миллионов тонн. Постепенно вода успокоилась.

И Лакки отправился назад, медленно, очень медленно, полуживой от пережитого.

Снова вызвал «Хильду».

— Он мертв, — сообщил Лакки, — дайте мне пеленг, сейчас буду...

Лакки позволил Бигмену стянуть с себя скафандр и улыбнулся марсианину, с тревогой на него глядевшему.

— Уже и не думал, что снова тебя увижу, Лакки, — шмыгнул тот носом.

— Слушай, если ты собираешься распускать нюни, — поморщился Лакки, — то отвали в сторону. Не для того я вылез сухим из воды, чтобы меня насквозь промочили здесь. Да, кстати, что там с главным генератором?

— С ним все будет в порядке, — сообщил Эванс. — но требуется время. Эта последняя свистопляска свела на нет всю нашу работу.

— Хорошо, — кивнул Лакки, — с этим надо поторопиться.

Он утомленно опустил на стул.

— Дела хуже, чем я предполагал, — сказал он, помолчав.

— Чем? — спросил Эванс.

— Чем предполагал, — хмыкнул Лакки. — Я собирался отогнать его в сторону. Не вышло, и мне пришлось его пристрелить. Так что теперь эта дохлая туша обмякла, как опустившаяся палатка, а мы по-прежнему под ней.

Наверх?

— Ты хочешь сказать, что мы в ловушке? — в ужасе спросил Бигмен.

— Можно, конечно, сказать и так, — холодно процедил Лакки. — А можно и по-другому, что — в безопасности. В самом надежном месте на Венере. Кто с нами теперь может что сделать? Пусть доберется через эту гору мяса. А когда ты починишь генератор, мы пропорем ее насквозь. В общем, так. Бигмен идет заниматься генератором, а господа Советники пьют кофе и обсуждают насущные проблемы. Когда у нас еще выдастся такое спокойное времечко...

Лакки с удовольствием развалился в кресле: наконец-то ничего не надо делать, а только думать и говорить...

Эванс же выглядел подавленным. Вокруг его небесно-голубых глаз собрались морщинки.

— Ты чем-то встревожен?

— Да. Я не понимаю, что нам делать.

— Я уже думал об этом, — Лакки почесал в затылке. — Все, что мы можем, — сообщить историю про В-лягушек кому-нибудь, кто находится вне их контроля.

— И кто же это, по-твоему?

— На Венере таких нет.

— Ты хочешь сказать, что под их контролем вся планета? — встрепнулся Эванс.

— Да нет же. Просто тут под их контролем *может оказаться* любой. Кроме того, учитывай, что их методы различны. — Лакки закинул руку за спинку вращающегося кресла и положил ногу на ногу. — В одном случае имеет место полный кратковременный контроль. *Полный!* Тогда человек делает то, что полностью противоречит его натуре, угрожает жизни окружающих, и ничего потом не помнит. Так это было с пилотами каботажного судна, когда мы подлетали к Венере.

— Ну, это не мой случай, — усмехнулся Эванс.

— Да, конечно. Поэтому-то Моррис ничего и не понял. Он не думал, что ты под их контролем, просто потому, что ты вел себя иначе. Это — их второй метод. Он более мягкий, жертва сохраняет сознание, поэтому — неспособна исполнить то, что идет вразрез с ее природой. Зато по времени воздействие более длительное, контроль сохраняется не часы, скажем, а дни. То есть, теряя в интенсивности, лягушки выигрывают во времени. Но есть и третий метод.

— Какой же?

— Очень мягкий. Такой мягкий, что жертва даже не подозревает, что находится под контролем, и в это время ее мозг полностью открыт и позволяет считывать любую информацию. Как в случае Лимана Тернера.

— Главного инженера Афродиты?

— Да. Не думал об этом? Тогда представь себе вчерашнего парня в шлюзе. Он сидел там, держался за эту проклятую ручку и угрожал целому городу, при этом так обезопасил себя со всех сторон, что туда комар носа просунуть не мог. Один только Бигмен его обдурил, продравшись сквозь вентиляцию. Не странно ли?

— А что здесь кажется тебе странным?

— Так ведь этот парень работал там только несколько месяцев! Да и то скорее клерком, чем инженером. Откуда ему знать обо всей этой защите помещения? Откуда он знал все о силовых установках?

— Да, конечно... — тихо согласился Эванс.

— И это совершенно не беспокоило Тернера. Я с ним говорил об этом перед тем, как отплыть за тобой на

«Хильде». Конечно, я не сказал ему, к чему все мои вопросы. Он сам рассказал мне о том, что парень — совершенно неопытен, но это противоречие несколько его не удивило. А у кого могла быть подобная информация? Только у главного инженера.

— Да. Ты прав.

— А теперь предположим, что Тернер находится под очень деликатным контролем. Информация могла быть взята из его мозга, после чего Тернера запрограммировали так, что вся ситуация не покажется ему странной. Понял, о чем я? И тогда Моррис...

— Что, и Моррис тоже? — перепугался Эванс.

— Возможно. Слишком уж он что-то убежден в том, что вся заваруха — дело рук сирианцев, которые жить не могут без венерианских дрожжей. Что это, искреннее заблуждение или ему навязали это мнение? Он был готов подозревать даже тебя — и слишком поспешно, Лу. Советнику следует хорошенько подумать, прежде чем обрुшиваться на коллегу.

— Но, Лакки! Кто же в безопасности?

— Никто из тех, кто на Венере, — Лакки повертел в пальцах пустую кофейную чашку. — Так кажется мне. Информацию надо передать куда-то дальше.

— А как?

— Хороший вопрос. Как? — Лакки задумался.

— Физически нам отсюда никуда не деться, — пробормотал Эванс. — «Хильда» может перемещаться только в океане. К полетам в атмосфере или в космосе она не пригодна. А если мы вернемся в Афродиту, то, вернее всего, не выберемся из города уже никогда.

— Похоже, ты прав, — кивнул Лакки. — Но зачем нам самим покидать Венеру? Нам достаточно передать сообщение.

— Если ты о судовом передатчике, то это отпадает. Он позволяет держать связь только на Венере, суб-эфирного канала там нет, так что до Земли ему не достать. Да и то, находясь здесь, сигнал вообще не может попасть за пределы океана. Частоты рассчитаны так, чтобы хорошо отражались от его поверхности, — это увеличивает радиус действия. Все равно, даже если бы смогли отправить сигнал в небо, Земли он бы не достиг.

— А зачем на Землю? — удивился Лакки. — Между нами и Землей есть кое-что, что нам сгодится.

Сперва Эванс не понимал, о чем речь.

— А, ты о станциях, — сообразил он наконец.

— Ну. Вокруг Венеры кружат две станции. Земля от нас на расстоянии от тридцати до пятидесяти миллионов миль, а станции — в двух тысячах. К тому же там не может быть В-лягушек, Моррис сказал, что чистый кислород они не любят, так что воду специально насыщают углеводородом — вряд ли кто станет заниматься этим на станциях, там режим строгой экономии. И мы вполне можем использовать их ретрансляторы, чтобы передать сообщение Центральному Совету.

— Да, Лакки, — оживился Эванс. — Похоже, это выход. Не думаю, что они могут удерживать контроль на таком расстоянии. Две тысячи миль все же. — И тут же снова помрачнел. — Нет, не выйдет. Сигнал не пройдет сквозь поверхность океана.

— А мы поднимемся и передадим его оттуда.

— С поверхности?

— Конечно.

— Но там В-лягушки!

— Знаю.

— Они быстренько нас отключат.

— Думаешь? Но учти, до сих пор они имели дело лишь с теми, кто о них не знал и поэтому не мог сопротивляться. Большинство жертв вообще ничего не подозревало. В твоем случае — ты сам пригласил их в свой мозг, говоря твоими словами. А о них знаю и внутрь к себе не пускал.

— Ты не сможешь... Говорю тебе, не сможешь. Ты не представляешь, что это такое...

— А что, есть другой выход?

Но, не дав ответить Эвансу, в рубке появился Бигмен.

— Все в порядке, — сообщил он. — За генератор я отвечаю.

Лакки кивнул и сел за пульт, а Эванс остался на прежнем месте, что-то нерешительно додумывая.

Двигатели снова шумели ровно и мощно. Их глухой слаженный гул казался песнью, корабль собирался перед прыжком.

«Хильда» двинулась вперед, рассекая бурлящую воду, которая скопилась под телом гигантского пятна, и быстро набирала скорость.

— А сколько у нас места для разгона? — осторожно спросил Бигмен.

— Примерно с полмили, — ответил Лакки.

— А если мы не проскочим? — насутился Бигмен. — Если застрянем в этой дряни, как топор в стволе дерева?

— Вытащим нос и попробуем еще раз, — ободрил его Лакки.

На мгновение воцарилась тишина, которую вдруг нарушил странный и тихий голос Эванса:

— Здесь, под этим монстром, чувствуешь себя, как в блоке, — пробормотал он словно себе под нос. — В блоке, — повторил Эванс автоматически. — Так на Венере называются небольшие купола, врытые в дно. Что-то вроде бомбоубежищ на Земле. Их строят, чтобы укрываться, если вода проломит купол. Если, например, случится венеротрясение. Не знаю, используют ли их, но в шикарных домах они есть.

Лакки выслушал его, но промолчал.

Двигатели набирали обороты.

— Держись! — крикнул Лакки.

Задрожал, казалось, каждый дюйм «Хильды», и резкое торможение вжало Лакки в приборную панель. Суставы пальцев Бигмена и Эванса побелели, руки дрожали, когда они вцепились в штурвал, чтобы помочь Лакки.

Корабль затормозил, но не остановился. Двигатели выли от перегрузки, и Лакки подумал о них с теплым чувством. «Хильда» потихоньку продиралась сквозь кожу, плоть, сухожилия гиганта, сквозь пустые кровеносные сосуды и бесполезные, похожие на кабели в два фута толщиной, нервы. Крепко сжав челюсти, Лакки неумолимо вел корабль вперед, невзирая на бешеное сопротивление.

И после долгих и мучительных минут сразу изменился звук двигателей, и почти с хлопком «Хильда» выскочила наружу из туши монстра и очутилась в открытом океане.

«Хильда» медленно поднималась вверх. Все трое молчали, вымотанные донельзя последним происшествием. Лакки задал курс автопилоту и откинулся в крес-

ле, барабанил пальцами по колену. Даже неутомный Бигмен тупо уставился в иллюминатор и молчал.

— Взгляни, Лакки, — все же не выдержал он.

Лакки повернулся в его сторону. Примерно половине поля видимости в иллюминаторе занимал фосфоресцирующий свет мелких морских созданий, а в другой части виднелась какая-то гигантская, переливающаяся всеми цветами радуги стена.

— Как по-твоему, это пятно? — спросил Бигмен. — Но оно так не светилось, когда мы подплывали. Да и вообще, оно же сдохло, чего ему светиться?

— Да нет, пятно, конечно, — поразмыслил Лакки. — Просто сюда на поминки собрался весь океан.

Бигмен взглянул еще раз, и ему стало дурно. Конечно же! Тут валялись сотни миллионов тонн жратвы, а весь этот радужный свет принадлежал всевозможным мелким тварям, поедающим монстра.

Все, что мелькало в иллюминаторе, направлялось именно туда, в сторону гигантской туши, сквозь которую только что прорвалась «Хильда».

Среди тварей преобладали рыбы-стрелы всех размеров. У каждой на спине была белая светящаяся линия, словно бы нарисованная на ее позвоночнике (на самом деле не на позвоночнике, а на пучке не соединяющихся между собой прутиков из роговой субстанции). Голову твари помечала бледно-белая галочка, так что казалось, мимо иллюминатора проносятся тысячи живых стрел. Бигмен, пустив в ход воображение, смог представить себе их вытянутые челюсти — мощные, зубастые.

— О Господи, — вздохнул Лакки.

— О Боже, — пробормотал Бигмен. — Океан опустеет. Все соберутся здесь.

— Ну, с той скоростью, с какой они умеют пожирать друг друга, с тушей они покончат часа за два, — прикинул Лакки.

— Лакки, мне надо с тобой поговорить, — вдруг раздался за его спиной голос Эванса.

— Да, — Лакки обернулся. — Что случилось, Лу?

— Ты спросил меня, нет ли других предложений, кроме подъема на поверхность.

— Ну да. А ты не ответил.

— Отвечу теперь. Я все обдумал и предлагаю вернуться в город.

— Зачем еще? — присвистнул Бигмен.

Но Лакки этого вопроса не задал. Едва только он взглянул на Эванса, как тут же понял, что допустил страшную ошибку, любуясь океанскими красотами и забыв о деле.

Потому что в сжатой ладони Эванса был бластер, и эта рука поднималась в сторону Бигмена и Лакки.

— Мы возвращаемся в город, — в глазах Эванса читалась решимость.

12

В город?

— А что стряслось, Лу? — Лакки старался сохранить самообладание.

— Останови машину, развернись и веди корабль в город, — потребовал Эванс. — Нет, Лакки, погоди. Не ты. Пусть ведет Бигмен, а ты встань рядом с ним, чтобы я видел вас обоих.

Бигмен, с поднятыми вверх руками, взглянул на Лакки. Тот по-прежнему казался невозмутимым и рук вверх не поднял.

— Послушай, Лу, — Лакки, казалось, не до конца поверил в происходящее. — Что тебя укусило?

— Меня — ничего. Речь о тебе. Посуди сам: ты вышел из корабля, убил монстра, вернулся назад и завел разговор о том, что надо подняться наверх. Зачем?

— Я же объяснил тебе.

— Ты сам не знаешь, что мелешь. Это не объяснения. Мне отлично известно, что, как только мы окажемся наверху, нас возьмут под контроль лягушки. Я, знаешь, с ними уже имел дело, так что со всей уверенностью утверждаю, что тебя они уже взяли под контроль.

— Кого?! — взорвался Бигмен. — Ты что, рехнулся?

— Погоди, Бигмен, — остановил Эванс, пристально глядя на Лакки. — Посуди сам. Взгляни на дело спокойно. Конечно, он попал под их контроль. Знаешь, Бигмен, мне он тоже друг. Я знаю его куда дольше, чем ты, и, поверь, все это для меня крайне неприятно, но другого выхода нет.

Какое-то время Бигмен недоверчиво глядел на обоих Советников.

— Послушай, Лакки, — наконец не выдержал он. — Они что, в самом деле тобой управляют?

— Нет, — покачал головой Лакки.

— А какого еще ответа ты от него ждал? — рассмеялся Эванс. — Конечно, он под контролем. Чтобы убить монстра, ему пришлось подняться почти на поверхность. А там — лягушки. Убить пятно они ему позволили. Почему бы и нет? Зачем им возиться, управляя этой гигантской тушей, когда проще взять под контроль мозг Лакки? Вот он и вернулся, обуреваемый желанием оказаться на поверхности. А там мы окажемся в новой ловушке — единственные на свете люди, которым известна правда.

— Лакки? — простонал в полном отчаянии Бигмен.

— Ты запутался, Лу, — вновь попытался вразумить приятеля Лакки. — Это ты сейчас запрограммирован. Ты уже был под контролем, и лягушкам прекрасно известен твой мозг. Они могут входить в него, когда только захотят. Да, наверное, они его никогда и не покидали. Ты сам под контролем, Лу, под контролем.

— Извини, Лакки, — Эванс сжал в руке бластер, — но ты ошибаешься. Ведите корабль в город.

— Но если ты не под контролем, — не сдавался Лакки, — если твой ум свободен, то ты должен выстрелить в меня, когда я попытаюсь поднять корабль вверх? Правда?

Эванс не отвечал.

— Ты будешь обязан это сделать, — продолжал Лакки. — Это твой долг перед Советом и всем человечеством. Зато, если под контролем находишься ты, то ты обязан заставить меня изменить курс, но убивать — не станешь. Просто потому, что убийство Советника и друга — слишком уж идет наперекор твоей натуре. Не так ли? Так что, отдай мне бластер.

Он направился к приятелю, протягивая руку к оружию.

Бигмен застыл в ужасе.

— Стой, Лакки! — прохрипел Эванс. — Я... Я выстрелю!

— А я тебе говорю, что стрелять ты не станешь. Ты отдашь мне бластер.

Эванс отступил к стене.

— Я выстрелю, выстрелю! — его голос уже срывался на визг.

— Лакки, стой! — заорал Бигмен.

Но Лакки уже остановился сам и медленно отступал назад. Медленно, почти в отчаянии.

Потому что жизнь словно бы ушла из Эванса, и он стоял теперь, будто каменное изваяние, держа палец на спуске.

— Назад. В город, — голос Эванса был холодным и непреклонным.

Бигмен бросился к штурвалу.

— Он под гипнозом, да? — пробормотал он.

— Я боялся, что такое может произойти, — вздохнул Лакки. — Они перевели его под полный контроль, иначе он бы никогда не выстрелил. Теперь он ничего не сознает. Он ничего потом не вспомнит.

— А нас он слышит? — Бигмену вспомнились пилоты каботажного корабля с их полной безучастностью к происходящему.

— Не думаю, — ответил Лакки. — Но это ничего не значит. Он следит за курсом, и, если только мы изменим его, он немедленно выстрелит. Никаких сомнений.

— Тогда что нам делать?

— Назад. В город. Быстро, — автоматически откликнулся Эванс.

Лакки замер, глядя на бластер в руке друга, и затем шепнул несколько слов Бигмену.

Тот еле заметно кивнул, подтверждая, что все слышал.

«Хильда» шла теперь назад точно тем же курсом, каким она покинула город. Советник Эванс стоял возле стены без кровинки в лице. Он словно окостенел, его бессмысленные глаза попеременно глядели то на Лакки, то на Бигмена, то — на курс. Его тело одеревенело

настолько, что не испытывало даже желания переложить бластер в другую руку.

Лакки прислушался, попытаться уловить сигнал радиомаяка Афродиты. Маяк посылал сигнал на определенной длине волны с верхней точки купола, так что с таким пеленгом возвращение в город оказывалось столь же простым делом, как если бы Афродита стояла в поле их видимости на расстоянии в сто футов.

По звуку в динамике, можно было судить, что «Хильда» легла на курс не совсем точно. Чуть-чуть неточно, и сигнал немного отличался от нормального. Но вряд ли Эванс, стоящий в отдалении, сможет уловить эту разницу. Лакки, по крайней мере, на это очень надеялся.

Лакки попытался проследить за взглядом Эванса, когда тот глядел в сторону пульта. Кажется, больше всего его интересует прибор, следящий за глубиной погружения. Это был большой циферблат, который показывал давление воды вне корабля. С того места, где стоял Эванс, можно было понять лишь то, что стрелка не двигается, то есть — «Хильда» не всплывает.

Лакки был уверен, что едва только стрелка прибора качнется, как Эванс выстрелит безо всякого промедления.

В голове Лакки лихорадочно крутились мысли, в происхождении которых он уже и сам был не вполне уверен — его ли или навязанные В-лягушками? Он никак не мог понять, почему Эванс их еще не пристрелил. В самом деле, им полагалось умереть уже под гигантским пятном, а теперь их всего-то возвращают в город. Или Эванс их пристрелит, когда лягушкам, наконец, удастся заставить его это сделать?

Сигнал пеленга снова изменил тон — они еще более отклонились от курса. Лакки мельком взглянул на Эванса. Что такое? Ему показалось или в глазах невменяемого Советника мелькнула какая-то искорка?

Да, сомнений не оставалось: Эванс поднимал руку на уровень глаз и собирался выстрелить!

И в этот момент, когда все мышцы Лакки бессмысленно напряглись в предчувствии выстрела, «Хильду» потряс толчок! Эванс, застигнутый врасплох, рухнул на пол, и бластер выскользнул из его разжавшихся пальцев.

Лакки не терял ни мгновения. Тот же толчок, который опрокинул Эванса на спину, толкнул его вперед.

Он кинулся на упавшего, схватил его за руки, не давая вырваться.

Но и Эванс не был слабаком. Он оплел свои ноги вокруг ног Лакки и попытался повалить его на пол. Он сражался с невероятным, нечеловеческим упорством, корабль снова покачнулся, Лакки рухнул вниз, и безумец оказался сверху.

Эванс выбросил вперед кулак, но Лакки заблокировал удар локтем. В свою очередь, коленями он обхватил Эванса и сжал их, как железными клещами. Эванс скорчился от боли, попытался вырваться, но Лакки извернулся и снова оказался сверху. Все было кончено, Эванс стал постепенно затихать.

— Я не знаю, Лу, ты меня слышишь или нет, — начал он, с трудом переводя дыхание, — но...

Сознание не возвращалось к Советнику. Последним отчаянным движением он сумел стряхнуть с себя Лакки.

Тот упал на пол и моментально вскочил на ноги. Перехватил руку Эванса, заломил ее за спину и уложил противника на пол.

— Бигмен, — позвал Лакки, быстрым движением головы откидывая назад прядь волос.

— Да, — сказал тот, поигрывая бластером Эванса. — Я эту штуковину на всякий случай подобрал.

— Отлично. Убери его к черту и взгляни на Лу. Убедись, что с ним все в порядке, и свяжи.

Лакки сел к штурвалу и осторожно отвел «Хильду» от останков гигантского пятна, убитого им пару часов назад.

Блеф Лакки удался. Он надеялся на то, что В-лягушки с их предпочтением к чисто ментальным действиям не слишком осведомлены о реальных размерах монстра. Кроме того, они явно были дилетантами в навигации, так что не могли понять смысла действий Бигмена. А суть блефа состояла в том, что Лакки шепнул Бигмену, когда Эванс, угрожая бластером, заставил их вести корабль в город.

— Гребь к пятну, — сказал он тогда Бигмену.

«Хильда» снова изменила курс. Теперь она всплывала.

Эванс, привязанный к койке, пришел в себя и сконфуженно взглянул на Лакки.

— Извини...

— Не волнуйся, — мягко успокоил его Лакки. — Но мы не могли поступить иначе. Понимаешь?

— Конечно. Слушай, привязал бы ты меня покрепче, что ли. Отвратительно. Поверь, большую часть я не помню.

— Ты поспал бы лучше, — Лакки похлопал приятеля по плечу. — Если потребуется, мы разбудим тебя наверняка. — Слушай, Бигмен, — сказал он чуть погодя. — Собери-ка все бластеры, какие отыщешь. И вообще — все оружие, какое есть на корабле. Осмотри все шкафы, тумбочки — словом, все.

— И что потом?

— И выкинешь все, что найдешь, к чертовой матери.

— Чего?!

— Что слышал. Я могу попасть под контроль. Или ты. Мало ли. Незачем повторять пройденное. Пойми, против В-лягушек оружие такого рода бессмысленно.

В мусоропроводе оказались пара бластеров, электрические ружья с каждого из скафандров. Бигмен дернул рычаг, расположенный рядом с аптечкой, и оружие скользнуло в глубину.

— Теперь я чувствую себя совершенно голым, — грустно пробормотал Бигмен, глядя в иллюминатор, словно желая на прощание еще раз посмотреть на утраченные предметы. Но там в поле зрения прошмыгнул лишь смутный фосфоресцирующий отблеск — рыба-стрела. И все.

Стрелка указателя глубины перемещалась. Сначала они находились в двадцати восьми сотнях футов под поверхностью, теперь же до нее оставалось менее двадцати.

Бигмен продолжал глядеть в иллюминатор.

— Что там такое? — спросил Лакки. — Что ты уставился?

— Кажется, становится светлее, — пробормотал Бигмен.

— Да ну, — хмыкнул Лакки. — Водоросли покрывают поверхность полностью. Когда мы начнем сквозь них продираться, станет только темней.

— А мы не нарвемся на какой-нибудь траулер?

— Надеюсь, что нет.

До поверхности оставалось пятнадцать сотен футов.

Что-то Бигмена продолжало тревожить, и он сменил тему разговора:

— Слушай, Лакки, а как так выходит, что в атмосфере тут столько углекислого газа? То есть я вот о чем: растения же должны перерабатывать его в кислород, разве нет?

— На Земле — да. Но насколько я помню курс ксеноботаники, на Венере они ведут себя иначе. Там — выкидывают кислород в воздух. А здесь — накапливают в своих тканях. — Лакки старался говорить как можно более безучастно, чтобы только не задумываться. — Поэтому, наверное, никакая венерианская живность и не дышит. Им незачем, весь необходимый кислород они получают с пищей.

— Откуда ты знаешь? — присвистнул изумленный Бигмен.

— А так выходит. Судя по всему, их пища содержит слишком много кислорода, а то бы они не набрасывались на весь этот углеводород, вроде тавота. По крайней мере, у меня такая теория.

До поверхности оставалось восемьсот футов.

— Да, кстати, — вспомнил Лакки. — Прекрасная навигация. Я про то, как ты воткнул корабль в пятно.

— Ерунда, — покраснел от удовольствия Бигмен.

Пятьсот футов до поверхности.

Возникли слабые поскрипывания, постепенно перерастающие в скрежет, двигатели начали давать сбои, продираясь сквозь плотный ковер водорослей, и наконец в иллюминаторе блеснул свет, и в верхней его части показалось облачное небо и лениво вздымающаяся поверхность тяжелой, тинистой воды, заполненной водорослями и листьями растений. По поверхности расходились круги.

— Дождик... — сказал Лакки. — А теперь нам не остается ничего иного, как ждать, когда к нам пожалуют В-лягушки.

— Да вот же они, — беспомощно всплеснул руками Бигмен. — Уже тут.

Да, чуть ниже уровня воды в иллюминаторе показалась В-лягушка. Она цепко обхватила длинными пальцами стебель водоросли и пристально глядела в стекло на них!

Сознания встретились

Струи дождя размеренно барабанили по обшивке «Хильды». Бигмену, с его марсианским происхождением, чужими были и дождь, и океан, а вот Лакки вспомнился дом.

— Да ты взгляни на лягушку, Лакки, — настаивал Бигмен.

— Вижу я ее, — кивнул Лакки.

Бигмен протер обшлагом иллюминатор и приник к нему так, что расплющил нос. Потом решил, что лучше отойти подальше, отошел и, неизвестно почему, вдруг засунул в рот оба мизинца и растянул его чуть ли не до ушей. Высунул во всю длину язык, завращал глазами и принялся шевелить всеми свободными пальцами. Лягушка, однако, сохраняла полную невозмутимость. За все это время, кажется, и головой не пошевелила. Сидела себе под водой, чуть высываясь наружу темечком, и спокойненько покачивалась на волнах. Казалось, ее нисколько не беспокоят ни дождь, ни Бигмен.

Бигмен все продолжал делать из своего лица что-то ужасающее и, наконец, с диким воплем ринулся к иллюминатору, прямо на животное.

— Эй, ты что, сбрендил? — обернулся к нему Лакки.

Бигмен отпрыгнул назад, вытащил пальцы изо рта и вернул своему лицу человеческое выражение.

— Ха. Это я продемонстрировал ей, что о них всех думаю.

— Ну, — Лакки махнул рукой в сторону невозмутимой твари, — а она показывает тебе, что ты для нее значишь.

Бигмен опомнился и смутился. Лакки был явно недоволен. В самом деле, такой критический момент, а он, Бигмен, ведет себя как последний идиот,

— Извини, Лакки, — голос его дрожал. — Не знаю, что на меня наехало.

— Это они на тебя наехали, — жестко ответил Лакки. — Пойми ты это, наконец. В-лягушки чувствуют твои уязвимые места. И как только могут, тут же проникают в твой мозг. А если проникнут, то их оттуда уже не выкинешь. Поэтому глуши всякий импульс, пока не поймешь, откуда он взялся.

— Хорошо, Лакки, — пробормотал Бигмен.

— Ну, что дальше? — Лакки осмотрелся. Эванс спал, постанывая и тяжело дыша. Лакки задержал на нем взгляд и отвернулся.

— Лакки, — почти застенчиво окликнул его Бигмен.

— Ну?

— А ты что, не собираешься связаться с космической станцией?

Какое-то время Лакки смотрел на приятеля, ничего не соображая. Затем морщины на его лице стали медленно распрямляться.

— Боже... Бигмен! Я забыл! — выдохнул он. — Я и думать об этом позабыл!

Бигмен ткнул большим пальцем себе за спину, указывая в сторону лягушки.

— Думаешь, они?

— Они! Господи, их же тут тысячи!

Несмотря на охвативший его ужас, Бигмен сумел заметить, что обрадовался, обнаружив, что и Лакки тоже легко попал под воздействие тварей. Вот так-то... А то вечно на него пытаются свалить все подряд. В самом деле, какого черта Лакки... и осекся. Да что же это он?! Настраивает себя против Лакки? Нет, это не он. Они!

Он с усилием выдрал из своего ума все мысли и поглядел на приятеля, который, сидя за передатчиком, настраивал его на частоту станции.

И тут голова Бигмена дернулась от внезапного странного звука, возникшего неведь где.

— Не занимайтесь вашей машиной, которая далеко передает слова, — сказал мягкий, без интонаций голос. — Мы этого не любим.

Бигмен обернулся к Лакки. Какое-то время он не мог совладать со своим раскрывшимся от удивления ртом.

— Слушай,— сказал он наконец, — это кто? Откуда?

— Спокойно, Бигмен, — посоветовал Лакки. — Все это внутри твоей башки.

— Но не лягушки же! — простонал тот в отчаянии.

— А кто же еще?

И Бигмен снова обернулся к иллюминатору и стал глядеть в глаза лягушке, на мелкий дождик и на густые облака.

Однажды Лакки уже пришлось встретиться с чем-то подобным, когда ему довелось общаться с нематериальными созданиями, которые обитают в пещерах на Марсе. Но в тот раз отношения были приятными и в его ум существа входили деликатно, мягко и дружелюбно. Конечно, тогда он тоже ощущал свою беспомощность, но вовсе не переживал по этому поводу.

Совсем другое сейчас.

Внутри его мозга просто ломились — грубо и неумело. Лакки почувствовал отвращение и ненависть.

Его рука отодвинулась от передатчика, и на место он ее не вернул, снова позабыв про дела.

— Сделайте воздушные вибрации посредством вашего рта, — снова прозвучал голос.

— Вы хотите, чтобы я говорил? — удивился Лакки. — Вы что же, не умеете читать мысли?

— Умеем, но не очень четко. Пока мы не изучили ваш мозг полностью, это трудно. Когда есть голос, тогда все четко.

— А мы вас слышим очень даже ясно, — возразил Лакки.

— Да. Мы шлем наши мысли мощно. Вы так не можете.

— А когда я говорю, то все в порядке?

— Да.

— И что же вы от меня хотите?

— По твоим мыслям мы узнали об организации тебе подобных на другой планете под названием «Совет». Мы хотим знать о ней больше.

Лакки ощутил некое удовлетворение. На вопросы они, по крайней мере, отвечают. Конечно, кое-что выяснилось. Если бы он представлял только себя, его убили бы без разговоров. Но теперь противник понял, что они слишком приблизились к разгадке тайны, и это обеспокоило лягушек. Теперь их интересует, — узнают ли об этом остальные члены Совета и что это, вообще, такое.

Так что нет ничего странного, что противник не убрал их с помощью Эванса.

Но все дальнейшие мысли на эту тему Лакки пресек. Они, конечно, сказали, что читать мысли не умеют, а если врут?

— Что вы имеете против моего народа? — резко спросил он.

— Мы не можем говорить о том, чего нет, — в голосе по-прежнему не было никаких эмоций.

Лакки напрягся. Кажется, они прочитали его мысль о том, что лягушки врут? Следует быть очень осторожным, очень.

— Мы не очень хорошо думаем о вашем народе, — продолжал голос. — Ваш народ убивает. Он ест мясо. Это плохо — быть разумными и есть мясо. Кто ест мясо — должен убивать жизнь, а разумный едок мяса хуже глупого, потому что знает больше способов, как убить жизнь. У вас есть устройства, которые могут убить много жизней сразу.

— Но мы не убиваем В-лягушек.

— Убивали бы, если бы мы позволили. Вы убиваете даже друг друга.

Последнее высказывание Лакки комментировать не стал.

— Чего вы хотите от нас?

— Вас на Венере слишком много. Вы занимаете слишком много места.

— Да не очень, — возразил Лакки. — Мы умеем строить города только на отмелях. Глубины всего океана всегда будут вашими, а это — девять десятых всего океана. И мы можем вам помочь. Если вы знаете ум, то мы знаем материю. Вы видели наши города и машины из сверкающего металла, которые могут отправляться к другим мирам сквозь океан, воздух и космос. Подумайте, чем мы можем быть вам полезны.

— Зачем нам это? Мы себе живем и мыслим. Не боимся и не ненавидим. Чего нам еще? Зачем нам ваши корабли, металл и города?

— То есть вы хотите нас всех убить?

— Нет. Мы не хотим убивать жизнь. Нам хватит, если мы будем управлять вашими умами и знать, что вы не принесете нам вреда.

Перед глазами Лакки моментально развернулась картина (сам ее себе представил или ему подсунули?) того, как на Венере возникает новая раса людей, полностью отрезанных от Земли, каждое поколение которых становится все более и более бессловесными рабами лягушек.

— Мы не позволим нас контролировать, — он сумел выдать из себя лишь фразу, в истинности которой вовсе не был уже уверен.

— Это — единственный выход, и ты нам поможешь.

— Нет.

— У тебя нет выбора. Ты расскажешь нам о тех землях, за облаками, где находится твой Совет. Ты расскажешь нам обо всем, что поможет нам обороняться от вас.

— У вас нет способа заставить меня это сделать.

— Почему? Если ты откажешься дать нам сведения, мы опустим тебя на твоей машине вниз и заставим тебя открыть шлюз.

— Тогда я умру, — мрачно усмехнулся Лакки.

— Ничего не поделать. Надо прекратить твою жизнь. Ты знаешь много, и нельзя, чтобы ты передал свои знания своим друзьям. Ты можешь подговорить их напасть на нас. Это плохо.

— Тогда я ничего не теряю, если не стану говорить.

— Теряешь. Если откажешься, мы войдем в твой ум силой. Это неэффективно, и что-то мы пропустим. Значит, нам придется исследовать твой мозг очень тщательно.

но, и тебе будет больно. Для всех лучше, если ты согласишься сам.

— Нет. — Лакки покачал головой.

Наступила пауза.

— Хотя ваш народ любит убивать жизнь, — продолжил голос, — он очень боится умирать сам. Мы освободим тебя от этого страха, если ты нам поможешь. И ты сам перестанешь бояться, когда мы опустим тебя на дно. А если ты откажешься, ты все равно окажешься там, но страх мы не уберем. Только сделаем его сильней.

— Нет, — еще более настойчиво повторил Лакки.

Снова пауза, более долгая.

— Нам нужно, чтобы ты согласился добровольно, — продолжил голос, — не только, чтобы избавить тебя от боли. Если мы насильно получим от тебя сведения, они могут оказаться искаженными, и тогда, чтобы сохранить себя от людей с другой части неба, нам придется убить всех, кто живет под куполами. Мы пустим внутрь ваших городов океан, как уже чуть было не поступили с одним из них. Жизнь исчезнет, как потухший огонек, и никогда уже не возгорится снова.

— Ну так попробуйте, сладьте со мной! — расхохотался Лакки.

— С тобой?

— Да. Заставьте меня говорить. Заставьте меня утопить корабль. Заставьте сделать *хоть что-то!*

— Думаешь, не можем?

— Знаю, что не можете.

— Оглянись, и ты увидишь, что мы уже сделали. Один из твоих приятелей, тот, что связан, в наших руках. А другой — тоже.

Лакки вздрогнул. В самом деле, за все это время Бигмен не проронил ни слова. Более того, он не подавал признаков своего существования. Где он? Лакки обернулся — Бигмен, скорчившись, лежал на полу,

— Вы убили его? — Лакки в ужасе рухнул на колени возле приятеля.

— Нет. Он жив. Мы даже не слишком сильно его отключили. Но теперь тебе не поможет никто. Они нам противостоят не смогли, не сможешь и ты.

— Нет, — побледнел Лакки. — Вы не заставите меня. Вы ничего не сможете меня заставить.

— Даем тебе последний шанс. Выбирай. Поможешь нам — умрешь радостно и мирно. Если нет — умрешь в скорби и стенаниях и за этим, возможно, последует гибель твоего народа в городах под океаном. Выбирай же!

Слова прозвучали и затухли в мозгу Лакки, и он готовился вступить в схватку с враждебным сознанием — один, без друзей, без помощи, — не зная, удастся ли выйти живым в этом поединке с чужой непреклонной волей.

Битва сознаний

Как противостоять ментальной атаке? Без боя Лакки сдаваться не собирался, но что делать в этом случае? Тут нет явного врага, которого надо одолеть физически, и не видно способа, которым бы он мог ответить на насилие. Что остается? Только пытаться быть самим собой, и только самим собой, противодействуя любому импульсу действовать, пока не удостоверится, что действие не навязано извне.

Но как разобрать, что навязывается? Чего хочет он сам? Что теперь для него самое важное?

Но ничего не вспоминалось. Его ум был пуст. Да, несомненно, он собирался что-то сделать, что? Он оказался тут неспроста.

Тут, наверку?

Да, конечно. Сначала они были на глубине, а потом — всплыли.

Он на корабле. Корабль поднялся со дна океана, пыталась разобраться какая-то часть сознания Лакки. Теперь мы на поверхности. Неплохо, что дальше?

Зачем они тут? На глубине, кажется, было куда безопасней. Лакки изо всех сил пытался привести мозг в порядок. Закрыв глаза, вновь открыл. Мысли были

такими тяжелыми, толстыми, неповоротливыми... Надо кому-то сказать... кому?... что?..

Надо передать.

Передать.

И тут он прорвался сквозь барьер! Ощущение было таким, словно другой Лакки, двойник, находящийся от первого за сотни миль, навалился плечом на какую-то дверь, и та с треском поддалась и распахнулась. Теперь он знал, что надо делать!

Конечно, передать сообщение на станцию!

— Вы меня не одолели, — произнес он хрипло. — Слышите? Я все вспомнил, поняли?

Ответа не было.

Он вдруг громко, непроизвольно, зевнул, проваливаясь в беспробудный сон. Казалось, его мозг вынужден теперь изо всех сил бороться с действием целой пригоршни успокоительных таблеток. «Не спи, не спи, — подумал он. — Встань и ходи, не давай мышцам застыть».

Да, но сейчас важнее было не дать застыть мозгу. Надо заставить бодрствовать ум. «Делай что-нибудь, делай, — отчаянно подбадривал он сам себя. — Только остановишься — и тебе конец».

Он все еще безостановочно зевал, но сквозь зевки стали пробиваться слова:

— Я это сделаю, сделаю...

Сделаю что? Смысл вновь стал ускользать от него.

Он вновь отчаянно повторил себе: «Рация, станция, передать сообщение», — но звуки этих слов казались совершенно бессмысленными.

Он встал и начал двигаться. Тело повиновалось нехотя, суставы одеревенели и заполнились клеем. Все же ему удалось повернуться. Радио. Он ясно видел его лишь мгновение, затем изображение заколебалось и исчезло в мареве. Лакки напряг мозг изо всех сил, заставил себя думать о радио, и сознание вернулось к нему. Он видел передатчик, кнопку переключения диапазонов и ручку настройки. И он вспомнил, как работает аппарат.

Сделал неверный шаг вперед и охнул, ощутив, как в его мозг впились сотни раскаленных гвоздей.

Он задрожал и рухнул на колени, затем, словно в агонии, снова встал на ноги.

Сквозь боль, застилавшую глаза, он еще видел это чертово радио, видел. Сделал шаг, и еще один.

Радио, казалось, находилось от него в сотне ярдов, нечеткое, словно в тумане. Тяжесть ударов в мозгу Лакки нарастала с каждым шагом.

Он попытался не обращать внимания на боль и помнить только о радио. Попытался заставить себя двигаться наперекор этому почти резиновому противодействию, которое оттаскивало его назад и валило на пол.

И вот, наконец, он протягивает руку, и его пальцы всего лишь на расстоянии пяти дюймов от рации... сопротивлению пришел конец. Как Лакки ни старался, он не мог приблизить их еще. Нет, не мог. Он не мог уже ничего.

«Хильда» являла собой сцену полного паралича. Эванс без сознания валялся на кровати, Бигмен скорчился на полу, Лакки, хотя и оставался на ногах, оцепенел, дрожали лишь кончики протянутых к радио пальцев.

— Ты бессилен, хотя и не потерял сознания, как твои коллеги, — вновь зазвучал в его ушах монотонный голос. — Ты вынужден терпеть эту боль, пока не согласишься рассказать нам все, что знаешь. Тогда ты погрузишь свой корабль и легко уйдешь из жизни. Мы подождем, мы терпеливые. Сопротивляться ты нам не можешь. Не можешь ты нас ни задобрить, ни подкупить.

Сквозь свои невыразимые муки, Лакки вдруг ощутил, что его мозг способен на новое усилие.

Задобрить? Подкупить?

Задобрить?

Сквозь пелену тупого оцепенения словно мелькнула искорка.

Он отвернулся от передатчика, заставил себя не думать о нем, и боль тут же уменьшилась. Лакки сделал шаг назад — боль снова стала меньше. Отошел в другой угол.

Лакки старался теперь не думать вовсе и действовать чисто бессознательно, без малейшего плана. Они стараются не пустить его к передатчику. Отлично! Они не поняли другой, грозящей им опасности! Ничего, ничего... главное, чтобы они не смогли прочесть в его

уме то, что он собирается сделать... Все надо делать быстро. Они не должны успеть его остановить!

Не должны!

Он добрался до аптечки и распахнул дверцу. Света было маловато, и ему пришлось вглядеться в содержимое шкафчика.

— Ну, что ты решил? — снова прозвучал голос, и огненные пальцы боли снова полезли в мозг Советника.

Лакки взял *это* в свои руки — невзрачную баночку из голубоватого пластика. Нашупал металлический бугорок — генератор слабенького поля, которое удерживало крышку банки, сковырнул его ногтем. Уже словно в тумане, он понял, что крышка отошла и, кажется, падает на пол. Словно сквозь туман услышал звук ее падения. Теперь, хотя и с трудом, он понимал, что банка открыта, и, борясь с мучительным сопротивлением, стал двигать руку в сторону мусоропровода.

Боль возобновилась.

Левая рука нажала на ручку, пасть мусоропровода открылась. Правая рука принялась подносить банку к шестидюймовому отверстию.

Рука двигалась, кажется, целую вечность. Глаза уже отказывались видеть что-либо, их застилал *красный* туман.

Лакки почувствовал, что банка наткнулась на стену. Теперь *ее* надо было поднять выше, но рука не повиновалась. Пальцы левой руки отпустили крышку мусорника и тоже обхватили банку.

Банку выпускать нельзя. Если выпустит, то уже никогда в жизни не поднимет вновь!

Он держал ее в обеих руках и неимоверными усилиями толкал вверх. Банка медленно поддавалась, но Лакки чувствовал, что все сильнее и сильнее проваливается в трясину полной бессознательности.

И банка, наконец, оказалась там!

Где-то, словно бы в миллионе миль отсюда, раздался хлопок сжатого воздуха, и Лакки понял — банка в теплых водах венецианского океана.

Какие-то мгновения боль все еще не оставляла его, но вдруг, одним скачком, исчезла напрочь.

Он осторожно выпрямился и отошел от стены. Лицо и все тело дрожали от перенапряжения, но мозг был свободен.

Лакки ринулся к передатчику, и никто уже не останавливал его...

Эванс сидел на стуле, упрятав лицо в ладони.

— Ничего не помню, — бормотал он одно и то же. — Ничего.

Бигмен, раздетый до пояса, обтирался мокрым полотенцем.

— А я помню, — заявил он с нетвердой улыбкой. — Все помню. Сначала я стоял и слушал, как ты, Лакки, болтаешь с голосом, а потом вдруг оказался на полу. Ничегошеньки не чувствовал, головы повернуть не мог, но слышал, что происходит. Слышал, что болтает голос и что ты ему отвечаешь. Я видел, что ты включил передатчик...

Он перевел дыхание и потряс головой.

— Но мне это удалось не с первой попытки, — возразил Лакки.

— Не знаю. Ты исчез из моего поля видимости, и все, что я мог дальше, это валяться как чурбан и ждать дальнейших событий. Но не происходило ничего, так что я уже решил, что они одолели и тебя. Я уже себе представил, как мы тут валяемся живыми трупами. И пальцем пошевелить не мог. А потом ты опять оказался перед моими глазами, я хотел орать и смеяться от радости, но по-прежнему мог только лежать как труп. Ты что-то делал возле стены. Не могу сказать что, но через несколько минут все прошло.

— И что, мы действительно возвращаемся в Афродиту? — утомленно спросил Эванс. — Я не ошибаюсь, Лакки?

— Да, мы идем обратно, — кивнул тот. — По крайней мере, если верить приборам, а они вроде в порядке. Но когда мы вернемся и выдастся свободная минута, придется пройти медицинский осмотр.

— Спать, — возразил Бигмен. — Никаких осмотров, сразу спать. Хочу проспать два дня без перерыва.

— И это тоже, — кивнул Лакки.

Но Эванс был напуган своим опытом куда больше, чем остальные. Он сутуло съежился в кресле и вцепился в подлокотники.

— А что, они больше не связываются с нами? — спросил он с легким ударением на слове «они».

— Не могу гарантировать, — ответил Лакки. — Но похоже, худшее уже позади. Я связался со станцией.

— Точно?

— Ну да. Они даже соединили меня с Землей, и я переговорил с Конвеем. Эта часть дела позади.

— Тогда все в порядке! — радостно воскликнул Бигмен. — Земля предупреждена о В-лягушках!

Лакки улыбнулся, но комментировать слова Бигмена не стал.

— Но ты расскажи, наконец, — почесал в затылке Бигмен, — что произошло? Как тебе удалось их победить?

— Очень просто, — поморщился Лакки. — Все это можно было сообразить раньше и избавиться от ненужных переживаний. Голос сказал, что все, что им нужно от жизни, — это жить спокойно и думать. Помнишь, Бигмен? А потом добавил, что задобрить их нельзя. И только тогда я вспомнил одну простую вещь, которую мы с тобой прекрасно знали.

— Мы знали? — потерянно переспросил Бигмен.

— Конечно. Ты уже через две минуты после первой встречи с В-лягушкой понял, что жизнь и мысли — вовсе не все, что им требуется, далеко не все. Помнишь, когда мы всплывали, я сказал тебе, что венерианские растения накапливают кислород в своих тканях, так что животным на Венере нет нужды им дышать? И еще я сказал, что они, верно, получают его слишком много, и поэтому им так по душе вещества с большим содержанием углеводов? Как тавот. Помнишь?

— Ну, — глаза Бигмена расширились.

— То есть он для них, что сласти для детей.

— Ну, — еще раз кивнул Бигмен.

— Теперь дальше. В-лягушки держат нас под контролем, но для этого им надо сконцентрироваться. То есть необходимо отвлечь их внимание, не так ли? По крайней мере тех, кто ближе к кораблю, их воздействие на нас сильнее. Поэтому я сделал одну простую вещь.

— Какую? Да не темни же ты, наконец!

— Я выкинул наружу открытую банку с вазелином. В аптечке нашел. Это чистый углеводород, там его куда больше, чем в тавоте. Против такого они устоять не

могли, все ринулись к банке. А те, что дальше, которые находились с ними в телепатическом контакте, — стали думать об углеводороде. Они выпустили нас из-под контроля, и я смог связаться с Землей. Вот и все.

— Так что же, — вскинулся Эванс, — мы с ними покончили?

— Не знаю, — покачал головой Лакки. — Тут имеются еще некоторые обстоятельства...

И отвернулся, нахмурившись, будто понял, что сболтнул лишнее.

Приближался город. Купол сиял, как сказочный, и сердце Бигмена затрепетало от этого зрелища. Пока они плыли, Бигмен успел поесть и немного выспаться, так что снова был полон энергии. Лу Эванс тоже заметно пришел в себя после пережитого. Один только Лакки оставался озабоченным.

— Слушай, Лакки, — обратился к нему Бигмен. — Ты же видишь, эти твари совершенно деморализованы. Мы проплыли по океану сотни миль, и они нас не тронули. Разве не так?

— Знаешь, Бигмен, — поморщился Лакки, — сейчас меня куда больше интересует, почему нам не отвечает купол.

— Да, — хмуро кивнул Эванс. — Так тянуть они не должны.

— Вы думаете, — Бигмен обеспокоенно взглянул на обоих Советников, — там что-то не в порядке?

Лакки махнул в его сторону рукой, чтобы тот заткнулся. В приемнике зазвучал чей-то быстрый и низкий голос.

— Идентификацию, будьте любезны.

— Корабль Совета Науки, — ответил Лакки. — Подлодка «Хильда», вышла из Афродиты, возвращается в Афродиту. Лакки Старр за штурвалом и возле микрофона.

— Вам придется обождать.

— Почему, прошу прощения?

— Сейчас заняты все шлюзы.

— Это невозможно, Лакки, — нахмурился Эванс.

— Что, ни одного свободного? — переспросил Лакки. — Дайте координаты шлюза и его пеленг!

— Вам придется обождать.

Связь расторгнута не была, но человек на том конце замолчал.

— Слушай, свяжись с Моррисом! — вставил слово Бигмен. — Он им покажет кузькину мать!

— Моррис считает, что я — изменник, — осторожно сказал Эванс. — Не подумает ли он, что ты присоединился ко мне, Лакки?

— Если и так, то в его интересах, чтобы мы оказались в городе, — возразил Лакки. — Нет, похоже, что тот, с кем мы говорили, находится под контролем.

— И не хочет нас впускать? Ты серьезно? — удивился Эванс.

— Вполне.

— Нет способа нас остановить, если, конечно, не... — Эванс побледнел и в два прыжка оказался возле иллюминатора. — Ты прав, Лакки! Они наводят на нас стационарный бластер! Сейчас от нас и пепла не останется!

Бигмен очутился рядом с Эвансом. Да, никакой ошибки. Секция купола отходила в сторону, и там, сколь ирреальным это ни казалось, сквозь толщу воды, показалась приземистая труба.

Бигмен видел, как ствол опускается все ниже и ниже. «Хильда» не вооружена. Да и то набрать скорость и уйти от выстрела она уже не могла, не было времени. Казалось, смерть неизбежна!

Враг?

Но едва только желудок Бигмена успел сжаться от ужаса, раздался невозмутимейший голос Лакки, настойчиво повторявшего в микрофон:

— Подводная лодка везет в Афродиту керосин... Подлодка «Хильда» возвращается с грузом керосина... В Афродиту прибывает «Хильда» с грузом керосина... В Афродиту прибывает «Хильда», везущая керосин... «Хильда»...

Приемник зашумел и ответил:

— Дежурный по шлюзу Клемент Гербер слушает, — его голос был встревожен, — что случилось? Клемент Гербер...

Лакки вздохнул, переводя дух, и лишь этим выдал свое напряжение.

— Подлодка «Хильда» запрашивает вход в Афродиту, — повторил он. — Назначьте шлюз.

— Используйте пятнадцатый. Даю пеленг. У нас тут, похоже, какая-то белиберда...

— А теперь, — сказал Лакки Эвансу, вставая с места, — давай води поскорее лодку в город.

Он кивнул Бигмену и вышел с ним в другое помещение.

— Как это, как... — бормотал, будучи не в силах остановиться, Бигмен.

Лакки вздохнул и пустился в объяснения.

— Я подумал, что В-лягушки постараются не пустить нас в город, поэтому о керосине я подумал заранее. Но я вовсе не предполагал, что они затеют наводить на нас пушку. Это уже бандитизм просто какой-то. Я стал сомневаться даже, что керосин поможет.

— Но как он может помочь?

— Тот же самый углеводород. Я им объяснял это мысленно. Они клюнули и оставили людей на контроле в покое.

— А откуда им знать, что такое керосин?

— Говорю же тебе, объяснил им мысленно. Представлял эту штуку в уме изо всех сил. Но хватит об этом, — голос Лакки стих до шепота. — Если они готовы утопить нас в океане, если они решили расстрелять нас тут, значит, — они в полном отчаянии. То есть — мы среди постоянной опасности. С этим пора кончать, и нам следует вести себя исключительно точно. Любая ошибка с нашей стороны будет непоправимой.

Лакки достал ручку и торопливо написал на листке несколько слов.

— Вот что ты сделаешь, когда я подам тебе знак, — сказал он, протягивая листок Бигмену.

— Но, Лакки, — глаза Бигмега округлились.

— Тссс! Ни слова вслух!

— Но ты уверен?

— Надеюсь, что да, — по лицу Лакки скользнула тень озабоченности. — Земля знает о В-лягушках все, с человечеством им не сладить, но на Венере они вполне способны наломать дров, Мы должны им помешать. Ты понял, что должен делать?

— Да.

— Тогда... — Лакки смял листок, скатал в шарик и сунул его себе в карман.

— Мы в шлюзе! — крикнул Эванс. — Через пять минут будем в городе.

— Вот и отлично, — кивнул Лакки. — Соедини-ка меня с Моррисом.

Они сидели в комнате венерианского Совета. В той самой комнате, вспомнил Бигмен, где он впервые увидел

Лу Эванса. И кстати, В-лягушку. Бигмена передернуло: здесь эти твари впервые бессовестным образом влезли в его мозг.

Комната выглядела как прежде, за одним исключением. Исчезли аквариум с лягушкой и тарелка с кормом для нее, столы были пусты.

Моррис указал на это, едва они вошли в комнату. Его пухлые щеки обвисли и позеленели, под глазами появились крути. Рукопожатие было неуверенным. Бигмен тщательно установил на столе то, что принес специально сюда.

— Вазелин, — торжественно сообщил он собравшимся.

Лу Эванс сел, его примеру последовал и Лакки, один Моррис продолжал расхаживать взад-вперед.

— Я убрал всех лягушек из этого здания, — сказал он. — Но это все, что я мог сделать. Не мог же я потребовать от горожан, чтобы они расстались со своими любимцами. Да еще — безо всяких на то объяснений. А что я им могу объяснить?

— Ну, этого вполне достаточно, — примирительно сказал Лакки. — Только давайте во время беседы постоянно смотреть на эту баночку. Постоянно помните о ней, держите ее образ в своих мыслях.

— Вы считаете, это поможет? — Моррис выглядел недоверчивым.

— Думаю, поможет.

Моррис остановился перед Лакки.

— Послушайте, — начал он неожиданно резко. — Послушайте, Старр, я не могу верить в ваши рассказы. В-лягушки живут в городе уже давно. Они здесь чуть не с самого начала его строительства.

— Но вы не забываете, что... — начал Лакки.

— Что я нахожусь под их влиянием? — возмущенно перебил его Моррис. — Это не так. Я отрицаю.

— Не обижайтесь, Моррис, — мягко усовестил его Лакки. — Лу был под их контролем несколько дней, были под ним и Бигмен, и я сам. Поэтому, увы, есть все основания утверждать, что и вы не избежали общей участи.

— Чему нет доказательств, ну ладно... — раздражение Морриса не проходило. — Хорошо, пускай вы правы. Что дальше? Как с ними бороться? Что, забросать Венеру с воздуха бомбами? А они в отместку заставят нас открыть все шлюзы. Вы поймите, восемь-

сот миллионов кубических метров океана... они всегда найдут себе укрытие, а размножаются они с любой необходимой им скоростью. Да, вы передали сообщение на Землю, это очень хорошо, но наши-то проблемы никуда не делись!

— Именно, — кивнул Лакки. — Но дело в том, что я не сообщил на Землю всего. Я не мог себе это позволить, хотя, мне кажется, я и докопался до истины. Я...

Прозвучал сигнал интеркома.

— Кто там? — осведомился Моррис.

— Лиман Тернер, ему назначена встреча, — донесся ответ.

— Секундочку, — венерианец повернулся к Лакки и тихо спросил: — Вы уверены, что он нам нужен?

— Но вы назначили ему встречу, чтобы обсудить проблемы усиления безопасности города. Речь идет о постройке новых защитных барьеров, не так ли?

— Да, но...

— И сам Тернер тоже жертва. Сейчас вы это поймете. Он из тех высокопоставленных лиц города, которые также попали в эту переделку. Мне кажется, с ним будет не вредно познакомиться.

— Пусть войдет, — ответил Моррис в интерком.

Едва Тернер вошел, как лицо его выразило крайнее изумление. К тому же внезапно наступившая в комнате тишина и разом обратившиеся к нему взгляды присутствующих заставили бы ощутить себя неуютно и менее чувствительного человека.

— Что случилось, господа? — нервно осведомился он, ставя свой ящик с компьютером на пол.

Не спеша, осторожно, Лакки ввел его в курс событий.

— Позвольте... — Тернер растерянно приоткрыл рот. — Вы полагаете, что мой мозг...

— А как иначе они смогли бы сообщить тому парню возле шлюза все сведения об устройстве защиты? Он же не слишком опытен и не очень образован, а забаррикадировался так, будто всю эту электронную защиту создавал сам?

— Я не подумал об этом, — голос Тернера задрожал и превратился в почти неразборчивое бормотание. — Я не думал, странно... Как я мог не подумать об этом?

— Они захотели, чтобы вы об этом не думали, — пояснил Лакки.

— Я... я просто в шоке...

— Да ну что вы. Вы попали в неплохую компанию. Я, доктор Моррис, Советник Эванс...

— И что нам теперь делать?

— Именно это доктор Моррис и пытался выяснить перед самым вашим приходом, — кивнул Лакки. — Дело серьезное, и нам надо объединить все наши умы. Одна из причин, по которой вы здесь, заключается в том, что нам может оказаться полезен ваш компьютер.

— О, надеюсь, он будет полезен... — он приложил руку ко лбу, словно опасаясь, что на плечах уже не его, а чья-то чужая голова.

— А что, сейчас мы тоже? — осведомился он с опаской чуть погодя.

— Нет-нет, — успокоил его Лакки. — Пока мы концентрируем наши мысли на баночке с вазелином, то все в порядке.

— Ничего не понимаю. При чем тут вазелин?

— Долго объяснять. Помогает, не задумывайтесь об этом, — отмахнулся Лакки. — Сейчас я хочу рассказать вам, о чем шла у нас речь перед самым вашим появлением.

Бигмен, заскучав от повторения пройденного, вместе со стулом откинулся назад и оперся спинкой о стол, на котором раньше стоял аквариум. Слушал вполуха, зато старательно глядел на банку с вазелином.

— Итак, — продолжил Лакки, — уверены ли вы в том, что нашими врагами являются именно В-лягушки?

— Позвольте, — изумился Эванс, — но это же твоя теория?!

— Или лягушки являются только средством, позволяющим управлять сознанием людей? Да, они умеют это делать, но по своей ли инициативе они это делают? Вместе взятые, они оказываются коварным противником землян, а по отдельности — каждая из них мила и дружелюбна.

— И что же?

— Вспомним то создание, которое жило в этой комнате, оно управляло нами вполне мило. Передало свое изумление оттого, что увидело безусых людей, затем устроило так, что Бигмен угостил ее горошком в соусе. Что в этом дурного? Вполне интеллигентные манеры. И оно повело себя так сразу, не раздумывая.

— А может, не все В-лягушки такие добродушные? — пожал плечами Моррис.

— Думаю, дело не в этом. Мы оказались близкими к полной беспомощности во время их атаки на поверхности океана. Впрочем, я успел сообразить одну вещь и выкинул в океан банку с вазелином. Это их отвлекло. Но, господа, не странно ли? Они почти добиваются успеха в борьбе с нами, не дают мне связаться с Землей и сообщить о них. И немедленно бросают все ради какой-то прихоти. И снова они собираются уничтожить нас при входе в Афродиту, уже наводится пушка, а одно упоминание о керосине тут же меняет дело.

— А я наконец понял, причем тут вазелин и керосин, — кивнул Тернер, — да, всем известно, как они падки на такие вещества. Это для них какое-то невыносимое искушение.

— Не слишком ли невыносимое для существ, достаточно разумных для того, чтобы на равных бороться с землянами? Вы можете себе представить человека, который, скажем, отдаст плоды жизненно важной победы за ириску?

— Конечно, не могу. Но из этого не следует, что В-лягушки не могут поступить так.

— Согласен, не доказывает. У них другой ум, и мы не можем знать, как он работает. Но все же их отношение к углеводороду меня потрясает. Кажется, сравнивать их нужно не с людьми, а с собаками.

— Как? — опешил Моррис.

— Рассудите сами, — предложил Лакки. — Собаку можно натаскать на массу разных штучек. И создание, которое в жизни не имело дело с собаками, ничего не поймет, скажем, если увидит на перекрестке слепого и собаку-поводыря. Решит, что оба в равной степени разумны. Но если мимо собаки пройдет кто-нибудь с хорошей мозговой косточкой, то разница станет очевидной.

— То есть вы предполагаете, что В-лягушек как средство использует некое разумное существо? — глаза Тернера полезли из орбит.

— А разве это не выглядит здраво, Тернер? Как сказал доктор Моррис, лягушки живут в городе уже очень давно, а происшествия стали возникать лишь в последнее время. Сначала — пустяки. Кто-то швыряет-

ся на улице деньгами. Будто бы некто выясняет, как можно использовать возможности лягушек для влияния на людей. Он словно изучал их природу и способности, выясняя, что они могут, а что нет, тренировался сам и, наконец, приступил к серьезному делу. Конечно, дрожжи как таковые его вовсе не интересуют, его интересует вещь посерьезнее — как установить господство над Солнечной системой, например. Или вообще над всей Галактикой.

— Ну, это уж слишком, — вздохнул Моррис.

— Тогда я расскажу вам еще одну смешную историю. Когда мы были в океане, с нами говорили мысленно. И этот голос старался заставить нас передать ему информацию и смирно наложить на себя руки.

— И что?

— Этот голос, сомнений нет, приходил к нам с помощью В-лягушек, но и только. Саму речь сочинял человек.

Лу Эванс вздрогнул, выпрямился и уставился на Лакки.

— Видите, даже Лу не верит, — рассмеялся Лакки. — Но это так. Тот голос использовал странные обороты: «сделайте воздушные вибрации посредством вашего рта», еще что-то в этом роде. То есть оставалось предположить, что лягушки не слишком знакомы с нашими словами и терминами, и голос старательно вбивал это в нас с помощью странных оборотов речи. Но в конце он забылся. Вот что он сказал, я помню: «Жизнь исчезнет, как потухший огонек, и никогда уже не возгорится снова».

— Ну и что? — привычно задал свой обычный вопрос Моррис.

— Что?! Советники, вы не понимаете?! Откуда В-лягушкам знать такие слова, как «задуť огонек» или «жизнь не возгорится»? Голос прикидывался лягушачьим, так откуда ему знать об огне?

Собравшиеся уже все поняли, но Лакки не мог остановиться.

— Атмосфера Венеры состоит из азота и углекислого газа. Кислорода в ней нет, нам это известно. В этой атмосфере гореть ни черта не может! Никаких огошков. Миллионы лет ни одна лягушка не видела огня, и никому из них не понять, что это такое. И если даже кто-то из них видел огонь под куполом, то понять его

природу они не в состоянии, как не могут понять устройство наших кораблей. Я слышал не лягушек, а голос человека, использовавшего их, чтобы подключиться к моему мозгу.

— Но как это возможно? — удивился Тернер.

— Не знаю, — помотал головой Лакки. — Хотел бы узнать. Несомненно, этот парень великолепно соображает. Он должен прекрасно разбираться в нервной системе и во всех электрических феноменах, с нею связанных. — Лакки холодно взглянул на Морриса, — это может быть человек, например, специализирующийся в биофизике.

И взгляды всех присутствующих обернулись к Моррису — смертельно побледневшему, растерянному, усы которого, казалось, встали торчком.

Враг!

— Вы обвиняете меня... — только и смог прохрипеть Моррис.

— Это не окончательный вывод, — вкрадчиво заявил Лакки, — лишь предположение.

Моррис беспомощно огляделся по сторонам, стараясь взглянуть в глаза каждого из сидящих. Ответные взгляды были холодны и бесстрастны.

— Это безумие, полный бред, — залопотал он. — Я же был первый, кто подал сообщение об этом... этих недоразумениях на Венере. Найдите его в Центральном Совете, там стоит мое имя. Стал бы я сообщать в Совет, если бы... С какой целью? Да, вот именно, с какой целью?!

Эванс заерзал на стуле. По тому взгляду, который он бросил в сторону Лакки, Бигмен понял, что разбирательства со своими в присутствии посторонних кажутся Эвансу неприемлемыми.

— Но это, по крайней мере, объясняет попытки доктора Морриса скомпрометировать меня, — все же не остался в стороне Эванс. — Ведь я прибыл со

стороны и мог докопаться до истины. И половину, по крайней мере, я раскопал.

— Отрицаю, что делал это, — сказал, тяжело дыша, Моррис. — Все это — сговор против меня, и вы еще горько пожалеете об этом. Я добьюсь правосудия.

— Вы имеете в виду — Суда Совета? — осторожно поинтересовался Лакки. — То есть вы хотите, чтобы ваше дело было рассмотрено на собрании Центрального Совета?

То, о чем упомянул Лакки, представляло собой процедуру, предусмотренную для случаев, когда против Советника выдвигается обвинение в измене Совету и Солнечной Конфедерации. В истории Совета подобных прецедентов еще не было.

При упоминании об этом Моррис, и так уже утративший контроль над собой, обезумел окончательно. Рыча, он вскочил с места и слепо ринулся на Лакки. Тот ловко увернулся, перепрыгнув через подлокотник кресла, и, по ходу дела, успел подать знак Бигмену.

Именно этого дожидался Бигмен. Теперь он исполнит инструкции, данные ему на борту «Хильды» неподалеку от Афродиты.

Его бластер выстрелил, и ионизирующее излучение наполнило помещение запахом озона.

На мгновение все замерли. Моррис, прижатый к полу стулом, не делал попыток выбраться наверх. Бигмен застыл с бластером в вытянутой руке, как небольшая статуя, словно, нажав на курок, он себя немедленно заморозил.

Цель была поражена и теперь являла собой груду обломков.

— Да как же это... — только и сумел сказать первый, к кому вернулась речь, Лу Эванс.

— Что вы натворили? — прошептал Лиман Тернер.

Моррис тяжело дышал после своей вспышки и говорить не мог.

— Отличный выстрел, Бигмен, — похвалил Лакки. Бигмен улыбнулся до ушей и театрально продул ствол бластера.

На полу превращенный в кучку осколков лежал компьютер Тернера.

— Мой компьютер! — кричал Тернер все громче. — *Идиот!* Что ты натворил!

— Только то, что я попросил его сделать, — вежливо заметил Лакки. — Теперь все будет тихо и спокойно.

Он повернулся к Моррису, помог толстячку подняться на ноги и сказал:

— Тысяча извинений, доктор Моррис, но я должен был убедиться в том, что внимание Тернера будет отвлечено. Извините, что пришлось вас использовать таким образом.

— Вы хотите сказать, — начал Моррис, — что не подозреваете меня в...

— Ни секунды не подозревал, — уверил его Лакки.

— Тогда объясните мне, в чем, собственно, дело! — Моррис отступил в сторону, вконец разозлившись.

— Дело в том, что до нашей встречи сегодня, — примирительно начал Лакки, — я ни с кем не поделился мыслью о том, что за В-лягушками может стоять человек. Я даже не мог сообщить об этом на Землю. Ведь кто знает, реальный враг мог перехватить сообщение и прийти в такую панику, что решился бы на крайние меры — затопил бы, в самом деле, один из городов, а жителей всех остальных сделал заложниками. Но пока он не знает, что в своих подозрениях я не продвинулся дальше коварства лягушек, он какое-то время будет выжидать. Ну, в крайнем случае, попытается убрать меня и моих приятелей.

Сегодня я заговорил обо всем этом потому, что этот человек здесь присутствует. Но все равно, я не начинал никаких действий против него, опасаясь, что, несмотря на все наши предосторожности, он все равно сможет управлять нами. Поэтому мне потребовалось отвлечь его внимание на внешнюю сторону дела — хотя бы на пару секунд. Отвлечь, чтобы он не успел с помощью лягушек разобраться в том, что собираемся предпринять мы с Бигменом. Да, конечно, В-лягушек в здании нет, но откуда нам известно, а вдруг он умеет использовать любых, находящихся в городе, или даже тех, что находятся в океане Афродиты?

И чтобы его отвлечь, мне пришлось обвинить вас, доктор Моррис. Заранее предупредить я не мог, мне

требовалось, чтобы вы действовали искренне. Так и вышло. Как здорово вы ринулись на меня!

Моррис достал из кармана пиджака громадный носовой платок и утер лоб.

— Это было ужасно, Лакки, но я вас понимаю. Тернер, да?

— Да, — кивнул Лакки.

А Тернер в это время стоял на коленях возле обломков своего аппарата.

— Вы уничтожили мой компьютер! — сказал он с ненавистью.

— А я сомневаюсь, что это был компьютер, — пожал плечами Лакки. — лишком уж вы были с ним неразлучны. Когда я увидел вас впервые — он был при вас. Вы сказали, что используете его, чтобы просчитать прочность аварийных перегородок на случай прорыва купола. Теперь он у вас с собой якобы для того, чтобы по ходу беседы с доктором Моррисом производить вычисления. По поводу тех же перегородок.

Лакки сделал паузу и продолжил с холодной твердостью.

— Но я зашел к вам домой на следующее утро после той ночи. Я собирался задать вам лишь пару вопросов, которые никоим образом не были связаны с вычислениями, и вы это знали. Все равно — компьютер был при вас. Что, нельзя было оставить его в соседней комнате? Почему?

— Я сам его изобрел. Я им горжусь и все время ношу с собой.

— Ну, на вид он весил фунтов двадцать пять. Тяжеловатая привязанность. А это не то устройство, с помощью которого вы использовали В-лягушек?

— А как вы собираетесь это доказать? — огрызнулся Тернер. — Сами только что сказали, что и я — жертва. Тут все свидетели.

— Да, — кивнул Лакки. — Нет сомнений, что информация перешла к человеку возле шлюза из вашего мозга. Но вот в чем вопрос: у вас ее украли или вы добровольно передали ее?

— Погодите-ка, Лакки, — вмешался Моррис. — Я хочу задать ему прямой вопрос. Несете ли вы ответственность за события последнего времени, Тернер?

— Конечно, нет, — закричал инженер. — Вы не можете руководствоваться любой ерундой, которую вам наболтает этот юнец, уверенный, что ему все известно лучше всех, только потому, что он, видите ли, Советник!

— Погодите, Тернер, — приостановил его Лакки. — А вы помните ту ночь, когда произошла заваруха со шлюзом? Вспомните-ка получше.

— Прекрасно помню.

— Значит, помните, как вы подошли ко мне и сказали, что если шлюз откроется, то аварийные барьеры не спасут и Афродита будет затоплена? Вы были напуганы, почти в панике.

— Да. Да, я был напуган. И запаниковать тут есть от чего, и это так же верно, как и то, что вы — бравый Лакки Страрр, — добавил Тернер с издевкой.

Лакки не обратил на этот укол ни малейшего внимания.

— А не подошли вы ко мне с этими словами лишь затем, чтобы еще более усилить замешательство и выгадать время для маневра с Эвансом? Чтобы вывести его из города и уничтожить потом в океане? Им управлять было непросто, да он еще вдобавок узнал о тайне В-лягушек. Может, вы хотели заодно выкинуть с Венеры и меня?

— Что за ерунда, — ответил Тернер. — Внутренние перегородки *действительно* слабы. Спросите у Морриса, он разбирался с моими вычислениями.

— Боюсь, Тернер прав, — Моррис неохотно кивнул.

— Неважно, — отмахнулся Лакки. — Давайте вспомним дальше... Реальная опасность — и Тернер в панике. Вы женаты, Тернер?

— А что? — Тернер с изумлением взглянул на Лакки.

— Ваша жена просто очаровательна и очень молода. Кажется, она гораздо моложе вас. Женаты вы менее года.

— И что из этого?

— Да ничего особенного. Вы сильно привязаны к ней. Сразу после женитьбы вы переезжаете в дорогой дом, вы позволяете ей обставить квартиру по своему

вкусу, хотя не слишком его разделяете. Вы побеспокоились бы о ее безопасности, не так ли?

— Не понимаю. О чем вы?

— Сейчас поймете. В тот раз, когда я к вам приходил, ваша жена обмолвилась, что проспала все представление — как она сказала. И ужасно от этого расстроилась. А потом она стала рассказывать о вашем прекрасном доме. Сказала, что в нем есть даже «блоки». Увы, в тот момент это слово не значило для меня ничего, а то бы удалось все выяснить немедленно. Только позже, когда мы болтались в океане, Лу Эванс случайно заговорил о блоках и объяснил, что это такое. Это индивидуальные убежища, которые строят на случай, если вдруг океан хлынет в Афродиту. Теперь вам все понятно?

Тернер молчал.

— Если вы были так озабочены происходящим, если катастрофа была реальной, то почему вы не подумали о своей жене? Вы видели панику, эвакуацию, почему вы не подумали о ее безопасности? В вашем доме есть блоки. Две минуты — и она в полной безопасности. А вы ей не звоните, и она спокойно спит.

Тернер что-то пробормотал.

— Только не говорите, что запомнили, — добивал его Лакки. — Не поверю. Забыть вы могли что угодно, только не это. Дело в другом. Вы не беспокоились за нее по другой причине — вы отлично знали, что никакой шлюз не откроется, — разозлился Лакки. — Вы прекрасно это знали, потому что сами управляли тем парнем. И подвела вас излишняя внимательность к жене. Вы не могли потревожить ее сон — ради того, чтобы сделать версию более правдоподобной.

— Без адвоката я больше ничего не скажу, — прорезался Тернер. — Но учтите, это лишь домыслы, а не факты.

— Прошу прощения, этого вполне достаточно для возбуждения расследования Совета... — парировал Лакки. — Доктор Моррис, вы не пришлете за инженером охрану? Он отправится на Землю. Мы с Бигменом будем его сопровождать. Доставим в целости и сохранности.

Позже, в гостинице, Бигмен озабоченно сказал:

— Слушай, Лакки, я не вижу, как мы соберем доказательства против Тернера. Твои выводы замечательны, но для суда их недостаточно.

Лакки, с удовольствием переваривая дрожжевой ужин, расслабился впервые с того момента, когда они проникли сквозь облачный покров планеты.

— Видишь ли, Бигмен, — вздохнул он, — не думаю, что Совет так уж заинтересован в том, чтобы засадить Тернера за решетку.

— Почему, Лакки! Такая сволочь...

— Конечно. И убийца. К тому же — изменник, да и диктаторские замашки ему не чужды. Но тут куда важнее, что он сделал гениальную работу.

— Ты о его машинке?

— Да. Мы уничтожили единственный экспонат, и нам потребуется другая такая же. Здесь, вообще, возникает масса вопросов. Как Тернер управлял лягушками? Когда, скажем, он хотел убить Эванса, он что, инструктировал их детально, приказывал подвести гигантское пятно? Или говорил просто: «А убейте-ка Эванса», и те, как науськанные собаки, действовали по своему усмотрению?

Опять же, представь, как можно использовать подобный прибор. Его можно применять при лечении душевнобольных, умиряя импульсы криминального характера. С его помощью, похоже, можно будет в будущем предотвращать войны, быстро и бескровно побеждая противников. Конечно, это устройство бесконечно опасно в руках одиночки, но станет крайне полезным в руках Совета.

— А ты думаешь, Совет сумеет заставить его сделать новую машину?

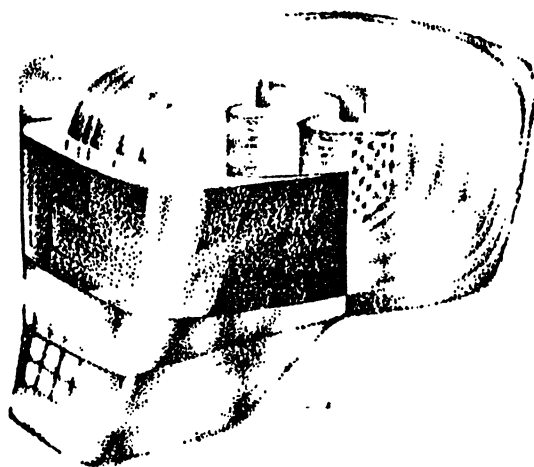
— Думаю, да. Под присмотром, конечно. Если мы предложим ему в обмен на это реабилитацию, а иначе — он останется заключенным и никогда не увидит жены. Думаю, он согласится. И понятно, первым делом аппарат должен быть испробован на мозге самого Тернера, чтобы избавить его от болезненного желания власти и сохранить человечеству великолепный мозг.

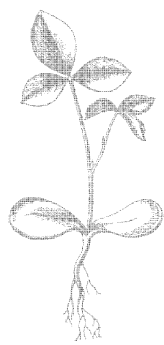
Завтра они покинут Венеру и отправятся на Землю. Лакки думал о ней, ощущая приятную ностальгию по голубому небу родной планеты, по свободному воздуху,

нормальной еде и ничем не ограниченному пространству.

— Запомни, Бигмен, — сказал он задумчиво, — нет ничего проще, чем «защитить общество», отправив преступника за решетку. Но его жертв это не вернет. А вот если его удастся исцелить и с его помощью сделать жизнь общества лучше и ярче... Это, по-моему, серьезней и достойней.

Лакки Старр и Большое Солнце Меркурия

Духи Солнца

Лакки Старр со своим маленьким другом Джоном Бигменом Джонсом, а также молодой инженер, шедший впереди, поднимались к воздушному шлюзу, служившему выходом на поверхность Меркурия.

Да-а... Скучать не приходится, подумал Лакки.

Он прилетел на Меркурий всего лишь час назад и нигде, кроме ангара, побывать не успел. Бумажные формальности и осмотр его «Метеора», произведенный местными техниками, — вот, собственно, и все пока впечатления. Да, еще этот Майндс, Скотт Майндс, инженер, ответственный за Световой Проект. Он явно поджидал Лакки и сразу предложил прогуляться по поверхности Меркурия — «в целях ознакомления с достопримечательностями», как было добавлено.

Лакки, конечно же, умилился такому объяснению. Он внимательно рассматривал лицо инженера, маленький, будто срезанный подбородок, нервно дергающийся рот и глаза, тревожно бегающие, глаза, которые неизменно ускользали от прямого взгляда. Во всем этом присутствовала несомненная тревога, обеспокоенность, во всяком случае.

Ну что ж, достопримечательности так достопримечательности... Может быть, прогулка с этим Майндсом прояснит хоть что-то в здешних проблемах, так озабовавшихся Совет Науки...

Что до Бигмена Джонса, то он готов был следовать за Лакки куда, когда и для чего угодно. Правда, едва они начали облачаться в скафандры, брови его удивленно взметнулись: скафандр Майндса был украшен кобурой, из которой торчал приклад крупнокалиберного бластера. Лакки, перехватив вопросительный взгляд, кивком успокоил друга.

Когда инженер, а вслед за ним Лакки и замыкающий шествие Бигмен очутились на поверхности, то в этой внезапной, почти кромешной тьме они, на какое-то время потеряв друг друга из виду, видели только яркие звезды, равнодушно глядящие сквозь ледяной вакуум.

Первым ожил Бигмен. Здешняя гравитация почти не отличалась от родной марсианской. И чернота ночей с такими же немигающими звездами вдалеке — была для него привычной.

— О! Да я, кажется, кое-что начинаю различать! — бодрым дискантом известил он своих спутников.

Лакки, который тоже успел освоиться в темноте, думал тем временем о странном свете — не свете даже, а легкой дымке, мерцающей над как попало раскиданными бледно-молочными скалами. Нечто подобное ему приходилось видеть на Луне, с ее двухнедельной ночью. Тот же безысходно-унылый пейзаж, те же голые и невообразимо холодные скалы, не знающие ни ветра, ни инея, та же молочность. Но Луна-то освещается Землей, чье сияние в 16 раз ярче полнолуного света, — того самого, на который так славно воетса собакам. Здесь же попросту нет ни одной близкой планеты...

— Этот свет — звездный? — Лакки начисто отметал такую возможность, но все же спросил.

— Нет, сэр. Обычное свечение короны Солнца. — В голосе чувствовалась усталость человека, вынужденного без конца разъяснять очевидное.

— Ах да! — Лакки усмехнулся и хлопнул себя по лбу. — Ну разумеется, корона! Как же я сразу не догадался!

— Не догадался? — переспросил Бигмен, не очень-то понимающий, о чем идет речь. — Продолжайте же, Майндс!

— А вы бы лучше обернулись. И посмотрели на то, что у вас за спиной.

Оглянувшись, Лакки тихо присвистнул, а Бигмен и вовсе вскрикнул. Только бывалый Майндс стоял тихо.

Изломанная линия горизонта казалась процарапанной по краю жемчужного неба. Каждая деталь рельефа отчетливо видна. А на высоте примерно одной трети расстояния до зенита небо мягко светилось огромными изогнутыми лентами.

— Вот так, мистер Джонс, выглядит корона, — сказал Майндс.

Даже глубочайшее изумление, которое овладело Бигменом, не смогло подавить сложного комплекса чувств, связанных с представлениями о приличиях.

— Зовите меня, пожалуйста, Бигменом! — сердито бросил он и лишь затем воскликнул: — Солнечная корона, да? Ого! Ничего себе! Не предполагал я, что эта штука окажется такой здоровенной!

— Миллион миль в диаметре, даже чуть больше. И учтите, что мы в данный момент находимся на Меркурии, ближайшей к Солнцу планете, всего в 30 миллионах миль от светила. Вы, кажется, с Марса, если не ошибаюсь?

— Да, я родился и вырос там, — последовал полный и гордый ответ.

— Так вот, если бы вы сейчас посмотрели на Солнце, оно оказалось бы в 36 раз больше и ярче, чем то, которое освещало ваше детство. Настолько же, естественно, ярче и крупнее выглядит отсюда корона.

Лакки кивнул и подумал о том, что применительно к Земле 36 меняется на 9, а корону оттуда увидишь только при полном затмении...

Ну что ж, Майндс, кажется, не обманул их. Обещанные достопримечательности существовали на самом деле, и еще какие... Лакки мысленно заполнил корону спрятавшимся за горизонтом Солнцем, и от этого воображаемого зрелища перехватило дыхание.

Майндс между тем продолжал говорить:

— Они называют этот свет Белым Духом Солнца!

— Белый Дух? — удивился Лакки. — Звучит неплохо! Даже, я бы сказал, красиво!

— Красиво?! — взвился вдруг Майндс. — Не сказал бы! На этой планете только и знают, что болтать о духах! Веселенькое местечко, нечего сказать! Все наперекосяк! И шахты рушатся, и... — Тут его голос, не выдержав возмущения, прервался.

С чего это мы так раскипятились? — подумал Лакки, после чего вслух спросил:

— Майндс, мы могли бы узреть сей феномен? Я имею в виду Белого Духа.

— Да, конечно, тут неподалеку... Особенно, если принять во внимание меркурианскую гравитацию. Кстати, советую вам глядеть под ноги. Тропинок тут нет, а свет короны весьма коварен. Так что давайте-ка лучше включим фонари. — Майндс нажал кнопку, и луч, брызнувший из шлема, осветил желто-черную мешанину грунта.

Зажглись еще два фонаря, и неуклюжие фигуры двинулись вперед. Толстые подошвы ботинок не производили ни малейшего шума, и только вибрация воздуха в скафандрах отмечала шаги.

Майндса продолжала душить все та же злость.

— Ненавижу! — хрипел он сквозь зубы. — Ненавижу Меркурий! Я торчу здесь шесть месяцев — целых два меркурианских года! — и мне все осточертело! Кто мог подумать, что за шесть месяцев не будет сделано ни-че-го! Ровным счетом. Ну просто все не так на этой планете! Она самая маленькая. Она ближе всех к Солнцу. Она обращена к нему только одной стороной. Там, — он указал рукой на сияние, — всегда жарко, там такое пекло, что плавится свинец и кипит сера! А в той стороне, — снова взмах рукой, уже в противоположном направлении, — единственная во всей Системе планетная поверхность, которую Солнце не освещает никогда и не греет, разумеется. Замечательно, что там говорить!

Он умолк, чтобы наверняка перепрыгнуть шестифутовой ширины трещину, след древнего катаклизма, который никак не мог затянуться без ветра и смены погоды. Прыжок получился неловким — типичный прыжок беспомощного землянина, на минуту оторванного от искусственной гравитации, имитирующей земную.

Бигмен не преминул презрительно цокнуть языком, прежде чем, как и Лакки, вместо суетливого прыжка, просто широко шагнуть.

Они продвинулись еще на четверть мили, пока Майндс, внезапно остановившись, не сообщил:

— Это можно увидеть отсюда и именно сейчас.

Он резко выбросил обе руки вперед, что помогло ему избежать падения на спину. Лакки с Бигменом после нескольких коротких подскоков, гасящих инерцию, остановились как вкопанные.

Майндс выключил фонарь и пальцем указал вперед, на небольшое белое пятнышко, которое было намного ярче всего солнечного света, посылаемого на Землю.

— Мы на вершине Черно-Белой горы, — продолжил инженер. — Наилучшее место для наблюдений.

— Черно-Белая — это название? — уточнил Бигмен.

— Да. Причем весьма точное. Как видите, терминал делит ее на две почти равные части. Употребленный мною термин применяется для обозначения границы между светом и тенью.

— Знаем! — Бигмен вспыхнул, минуя, как всегда, промежуточные стадии. — Грамотные!

— Так вот... Их два, этих пятна. Еще одно, точно такое же, можно видеть над южным полюсом. У экватора граница света и тени то поднимается, то опускается на 700 миль, меняя направление движения каждые 44 дня. Здешняя полумия в сравнении с этим — сущий пустяк. Вот почему обсерватория размещена у северного полюса, а не где-то в другом месте... Однако вернемся к нашей горе. Нетрудно заметить, что сейчас освещена только верхняя ее часть. Позже, когда Солнце опустится еще ниже, тень затопит всю гору.

— Остается уже только вершина, — отметил Лакки.

— Да, пара футов, которые вот-вот погрузятся в темноту. А через двое земных суток свет возвратится вновь.

Пока Майндс живописал картины природы, белое пятно сжалось до точки, пылавшей яркой звездой. Все трое замерли в ожидании.

— А теперь ненадолго отвернитесь, — велел Майндс. — Пусть глаза привыкнут к темноте.

Прошло несколько томительных минут, и Лакки с Бигменом услышали: «Достаточно. Теперь посмотрите».

Выполнив и эту команду, они поначалу ничего перед собой не обнаружили. Но через мгновение возникло нечто кроваво-красное. Оно вскоре оформилось в довольно уродливую, скомканную гору, увенчанную кри-

вулькой-пиком. Краснота стала густеть, густеть — и наконец была побеждена совершенным мраком.

— Что это?! — тихо прошептал Бигмен.

— Солнце всего лишь, — успокоил его Майндс. — Оно опустилось достаточно глубоко, и теперь над горизонтом — лишь корона с мощными, в тысячу миль и выше, столбами протуберанцев. Их ярко-красный свет обычно заглушается светом самого светила.

Лакки кивнул. С Земли с ее атмосферой, подумал он, протуберанцы увидишь только при полном солнечном затмении, да еще вдобавок при помощи разного рода хитроумных приборов.

— Они называют это Красным Духом Солнца... — к Майндсу вернулась его подавленность.

— Ох уж эти духи! — внезапно оживился Лакки. — Что Белый, что Красный! Вероятно, они-то и вынудили вас таскать с собою бластер? А, мистер Майндс?

— Что?! — Крик инженера был явно не из ласкающих слух. — О чем это вы, сэр? — добавил он крайне раздражительно.

— Да о том, знаете ли, что самое время выложить, для чего вам понадобилось вести нас сюда. Ведь не ради местных красот? А заодно объясните нам, с какой стати вы так нешуточно вооружились...

Майндс ответил не сразу — некоторое время собирался с мыслями.

— Вы ведь Дэвид Старр, не так ли? — прозвучал наконец вопрос.

— Да, — сдержанно отозвался Лакки.

— Вы входите в состав Совета Науки, и это именно вас, как человека необыкновенно везучего, прозвали Лакки?

— Угу. — Как и все члены Совета, Лакки избегал ненужных упоминаний о своем титуле, и поэтому слова Майндса пришлись ему не по душе.

— Понятно, понятно... — В голосе инженера появились нотки удовлетворенности. — Значит, я не ошибся и разговариваю со следователем — асом, который намерен заняться Световым Проектом, вернее, тем, что с ним происходит.

Осведомленность инженера отнюдь не привела Лакки в восторг. Его даже задело то, с какой легкостью его разоблачает первый встречный. Не мешало бы, подумал он, слегка осадить этого Майндса...

— Чем я тут займусь, не должно вас интересовать, сэр. Лучше ответьте на мой вопрос о целях нашей прогулки.

— Я привел вас сюда, чтобы сказать правду, прежде чем другие наврут вам с три короба! — на одном дыхании выпалил Майндс.

— Наврут? О чем?

— О неудачах, которые неотступно преследуют Световой Проект!

— Но ведь можно было рассказать мне обо всем там, внутри Купола! Зачем понадобилось идти сюда?

— Тому есть веские причины. — Дыхание Майндса становилось все более неровным. — Во-первых, они во всем винят меня, считая, что Проект мне, видите ли, не по зубам и деньги налогоплательщиков я направляю прямо коту под хвост. Разве можно было позволить этим мерзавцам сбить вас с толку? Вот и пришлось...

— Но почему они решили, что виноваты вы, Майндс?

— Потому, видите ли, что я слишком молод.

— Сколько вам лет?

— Двадцать два года.

Лакки, который был лишь немногим старше, удивленно хмыкнул.

— Ну, а какова другая причина?

— Мне хотелось, чтобы вы почувствовали Меркурий и прониклись тем, как... — тут Майндс внезапно смолк.

Лакки, высокий и стройный, стоял на неприветливой поверхности Меркурия и, отражая металлом скафандра молочный свет короны, — ждал.

— Ну, хорошо, — заговорил он наконец. — Допустим, я верю, что вы не виноваты в неудачах с Проектом. А кто — виноват?

В ответ — лишь неясное бормотанье, сквозь которое можно было различить — «не знаю» и «во всяком случае».

— Не могли бы вы изъясняться более традиционным? — вежливо поинтересовался Лакки.

— Поверьте мне! — В голосе Майндса слышалось неподдельное отчаянье. — Я все тщательнейшим образом расследовал! Я думал над этим даже во сне! Следил за всеми! Анализировал и сопоставлял! Фиксировал время, когда происходили аварии, рвался кабель или уничтожались записи! И теперь я не сомневаюсь, что

никто под Куполом не замешан в этом! Нас там 52 человека. По крайней мере, в шести последних случаях, когда что-то выходило из строя, я мог бы поручиться за каждого. Никого не было вблизи тех несчастных мест!

— Но ведь у аварий должна быть причина! — размышлял Лакки вслух. — Может быть, внутрипланетные толчки? Или воздействие Солнца?

— Духи! — иступленно выкрикнул инженер и резко вскинул руки. — Кроме двух, уже знакомых вам видов, существуют и двуногие духи! Я видел их, но разве кто-то поверит мне? Должен вам сказать, что... скажу вам откровенно... — И речь его стала совершенно бессвязной.

— «Духи»! — Бигмен сочувственно покачал головой. — Не показаться ли вам психиатру?

— И эти мне не верят! — Майндс расхохотался трагически-оперным манером. — Ничего. Заставим поверить. С духами, а заодно и со всеми идиотами будет покончено. Я уничтожу всех! поголовно!

Вновь последовал зловещий смех, и Майндс с необыкновенным проворством выхватил из кобуры бластер (Бигмен даже моргнуть не успел, не то что помешать инженеру) и, прицелившись прямо в Лакки, нажал на спуск. Пучок энергии бесшумно и невидимо вырвался из ствола.

Сумасшедший или нет?

На Земле все кончилось бы плачевно. Но Меркурий не Земля.

От Лакки, конечно же, не ускользнуло постепенное и неудержимое нарастание ярости Майндса. Должно было последовать разрешение, иначе инженера разорвало бы собственными эмоциями. И все же применение оружия было совершенно неожиданным.

Движение руки Майндса к кобуре и все его последующие действия были молниеносными. Однако Лакки успел отпрыгнуть в сторону.

Дело в том, что меркурианская гравитация составляла всего $2/5$ гравитации Земли, и тренированные мышцы отбросили непривычно легкое тело весьма далеко. А Майндс, следивший за полетом Лакки, повернулся слишком резко и потерял равновесие. Тем не менее, в нескольких дюймах от Лакки, едва опустившегося на поверхность, в скале уже красовалась аккуратная ямка глубиной в фут. Прежде чем Майндс собрался произвести повторный выстрел, Бигмен с неотразимым изяществом человека, еще не забывшего марсианской гравитации, выбил оружие из его рук.

Инженер упал, истошно при этом крича, затем внезапно затих, то ли потеряв сознание от сильного удара при падении, то ли совершенно израсходовав запас эмоций.

Бигмен исключал оба варианта.

— Наш милый друг прикинулся усопшим! — так оценил он ситуацию и, схватив бластер, направил дуло в ненавистное лицо.

— Не дури! — сердито крикнул Лакки.

Бигмен опешил, а потом возмутился.

— Тебя ж хотели убить!

Если бы покушались на него самого, маленький марсианин, казалось, был бы не так зол... Крайне неохотно, что-то бурча под нос, он подчинился.

Лакки, стоя на коленях, при свете своего фонаря внимательно разглядывал застывшие, искаженные черты лица инженера. Показания манометра говорили о том, что, к счастью, скафандр не разгерметизирован ударом об острые камни. Подхватив Майндса одной рукой за запястья, а другой за лодыжки, Лакки вскинул ношу себе на плечи и пружинисто поднялся.

— Быстро к Куполу! — решительно сказал он и чуть потише добавил: — А заодно — к проблемам, которые, увы, не так просты, как видится нашему шефу.

Все еще насупленный Бигмен молча поспешил за Лакки. Мелкая его трусца облагораживалась гравитацией. Майндса Бигмен все-таки держал на мушке, на всякий случай.

Упомянутым шефом был Гектор Конвей, глава Совета Науки. Когда они оставались наедине, Лакки называл его «дядюшка Гектор», так как именно Конвей вместе с Аугустом Генри стал в свое время опекуном юного Лакки, родители которого были убиты пиратами вблизи Венеры.

Неделю назад Конвей, напустив на себя самый легкомысленный вид, как будто речь шла об очередном отпуске, спросил его:

— А почему б тебе не отправиться на Меркурий, а?

— Что-то произошло? — насторожился Лакки.

— Да в общем-то, ничего особенного... — Сказав это, Конвей, однако, нахмурился. — Если не считать таковым несколько странные действия некоторых наших мудрецов от политики... Ты ведь знаешь: мы осуществляем один довольно дорогостоящий проект на Меркурии. Он из тех проектов, которые либо не дают ничего, либо переворачивают все. Вещи подобного рода — всегда в значительной мере игра, рискованная азартная игра...

— Есть ли в этой игре что-то такое, чем мне не приходилось заниматься?

— Похоже на то... Понимаешь, сенатор Свенсон обрушился на Проект, представив его типичнейшим примером того, как Совет почем зря просаживает денжки налогоплательщиков. Тебе, конечно, знаком сей благородный муж... Так вот, этот самый Свенсон яростно настаивает на расследовании. Более того, один из его молодцов поспешил на Меркурий уже несколько месяцев назад.

— Сенатор Свенсон? Все понятно...

Лакки прекрасно знал о тех усилиях, которые прилагал Совет Науки для борьбы с врагом как в пределах, так и вне Солнечной системы. Знал он и о том, что в последние десятилетия усилия стали приносить плоды. Галактическая цивилизация была уже в том почтенном возрасте, когда люди добрались до самых отдаленных звезд Млечного Пути и заселили все пригодные для жизни планеты. Проблемы, которые вставали перед человечеством, ввиду сложности их, мог решить — попытаться, во всяком случае, — лишь Совет Науки. К сожалению, в правительстве Земли кое-кто опасался возрастающего влияния Совета, видя в этом угрозу для себя. Иные же виртуозно использовали эти опасения в интересах собственных амбиций. Сенатор Свенсон не только принадлежал к последней группе, но был ее несомненным лидером. Бесконечные нападки на Совет за его «неприкрытое расточительство» — сделали эту фигуру крайне одиозной...

— Кто возглавляет меркурианскую забаву? — спросил Лакки. — Я знаю его?

— Забава, кстати, называется Световым Проектом. А отвечает за него Скотт Майндс, инженер. Парень

неглупый, но не из тех, кто создан руководить. И надо же, именно с того момента, как Свенсон облюбывал в качестве очередной мишени Световой Проект, дела там пошли хуже некуда!

— Я готов этим заняться, дядюшка Гектор.

— Спасибо, Лакки. Понимаешь, я уверен, что все аварии не настолько уж серьезны, но Свенсон постарается с их помощью поставить нас в затруднительное положение. Выясни, что именно он замышляет. И пригляди, кстати, за Уртилом, его эмиссаром, весьма способным и опасным малым...

Вот так преподнес дело Гектор Конвей. Небольшое расследование, не более того. И Лакки, посадив корабль на северный полюс Меркурия, настроился на пустячок. А спустя два часа в него уже разряжали бластер.

Что-то за всем этим кроется, подумал Лакки, с Майндсом на плечах приближаясь к Куполу. И куда более серьезное, чем можно было предположить.

Доктор Карл Гардома, выйдя из палаты и взглянув исподлобья на Лакки с Бигменом, стал сосредоточенно вытирать руки мохнатым пластосорбовым полотенцем, которое вскоре, скомканное, исчезло в контейнере. Гардома хмурился, и с его смутлого лица не сходило выражение глубокой озабоченности. Казалось, даже черные, коротко стриженные волосы доктора топорщатся как-то встревоженно.

— Ну? — спросил Лакки.

— Я дал ему успокоительное. — Гардома смотрел куда-то мимо Лакки. — Думаю, он будет в порядке, когда проснется. Возможно, даже не вспомнит о случившемся.

— Доктор, такие приступы уже случались с Майндсом или это — первый?

— Ничего подобного до сих пор не наблюдалось, сэр. Во всяком случае, с момента его прибытия на Меркурий. Не знаю, что предшествовало этому, но последние несколько месяцев инженер Майндс находился в состоянии сильнейшего нервного напряжения.

— Отчего?

— Видите ли, он все время чувствовал себя виновным в том, что происходит с Проектом.

— А как по-вашему, такое чувство имело под собой основания?

— Нет. Безусловно, нет! Но это ему не мешало... Вы же успели убедиться, насколько разладился этот человек. Он буквально вбил себе в голову, что в происходящем все винят только его! Световой Проект, которым здесь занимаются, принадлежит к разряду работ чрезвычайно важных. Он поглотил и продолжает поглощать уйму денег и сил. На Майндсе лежит тяжелейший груз ответственности за все оборудование, за работу конструкторов, пятеро из которых, между прочим, старше его минимум на десять лет...

— А как получилось, доктор, что столь важный пост занял такой молодой человек?

Гардома улыбнулся, и обнажившиеся в улыбке белые, безупречной формы зубы несколько смягчили мрачность его облика.

— Субэфирная оптика, мистер Старр, совершенно новое направление в науке. И только молодой человек, только что выпорхнувший из школы, кое-что смыслил в ней.

— Такое впечатление, доктор, будто и вы разбираетесь в этом!

— Отнюдь нет... Просто Майндс немножко рассказывал... Мы ведь прибыли сюда на одном корабле, и уже тогда я был поражен, с какой увлеченностью говорил он о Проекте и возможностях, открываемых его осуществлением. Вам, должно быть, известно о них?

— Ничего, ровным счетом ничего.

— Так вот. Здесь мы имеем дело уже с гиперкосмосом — иными словами, той частью пространства, которая находится по ту сторону космоса в традиционном понимании. Законы, которые здесь незыблемы, в гиперкосмосе — отменяются! Скажем, нельзя двигаться со скоростью, превышающей скорость света, — ну нельзя! И до ближайшей звезды нужно, тащиться целых четыре года. В гиперкосмосе же — совсем другое дело! Бери и лети хоть... — доктор осекся, а потом спросил с

извиняющейся улыбкой: — Вы ведь знаете об этом?

— Конечно. Как, впрочем, и любой, я знаю, что гиперкосмические полеты сделали обычными путешествия к звездам, — сухо отозвался Лакки. — Но при чем тут Световой Проект?

— А вот при чем... — Доктор Гардома поднял вверх указательный палец и принял таинственный вид. — В вакууме обычного космоса свет распространяется, как известно, по прямой, строго по прямой. Изогнуть эту прямую можно только с помощью колоссальных гравитационных усилий. В гиперкосмосе — по-другому. Вы можете делать со световым лучом все, что заблагорассудится! Как будто имеете дело с нитью самой нежной пряжи! Луч можно сфокусировать, рассеять и чуть ли не завязать бантиком! Так, во всяком случае, утверждают создатели гипероптической теории.

— И Скотт Майндс, если я правильно понимаю, находится здесь именно для того, чтобы проверить эту теорию на предмет стройности?

— Совершенно верно.

— А почему был выбран именно Меркурий?

— Потому что во всей Солнечной системе не найти планетной поверхности с такой огромной концентрацией света, причем на громадной площади. И результаты, которые ожидает инженер Майндс, гораздо проще получить здесь, чем, скажем, на Земле, где, при весьма сомнительном эффекте, все обошлось бы куда дороже.

— Но пока что мы имеем только аварии...

— Которые кто-то подстраивает! — гневно подхватил Гардома. — И с которыми нужно немедленно покончить! Вы понимаете, что для нас всех значит этот Проект? Земля не будет рабыней Солнца! Космические станции станут перехватывать солнечный свет и, пропустив через гиперкосмос, равномерно распределять по всей планете! — Гардома, подхваченный мечтами, уносился все дальше. — Исчезнет зной пустынь и забудется полярная стужа! По нашему усмотрению будет реорганизована смена времен года! Мы будем управлять погодой! Иметь солнечный свет в любом удобном нам месте и ночь той продолжительности, которую захочется ми-

зинцу нашей ноги! Земля превратится в рай с кондиционированным воздухом!

— Но, по-моему, до этого еще далеко?

— Да, вы правы. — Доктор с неохотой вернулся в реальность. — Понадобится много-много времени... Сэр, я, конечно, могу ошибиться, но мне кажется, что вы тот самый Дэвид Старр, которому удалось распутать историю с отравлением пищи на Марсе!

Лакки, для которого такой поворот в разговоре был довольно неожиданным, а также и не очень приятным, нахмурился.

— Почему вы так решили?

— Дело в том, что я все-таки врач. И как врача меня в свое время заинтересовала такая странная эпидемия — ведь это поначалу считалось эпидемией! Потом уже, в слухах, которые, как им положено, ходили и которым я жадно внимал, стало часто встречаться имя одного юного члена Совета, сыгравшего главную роль в разгадке тайны...

— Хорошо. Пусть будет так. — Лакки досадливо поморщился. Это уже второе за день узнавание никак не входило в его планы.

— Ну, а если так, — радостно продолжил Гардома, — если вы тот самый Старр, то, хочу надеяться, недолго нам терпеть! Я имею в виду так называемые аварии, чтоб их...

Лакки, не удостоив доктора ответом, холодно осведомился:

— Могу я узнать, сэр, когда Скотт Майндс будет в состоянии разговаривать со мной?

— Не ранее чем через 12 часов! — испуганно отчеканил Гардома.

— Надеюсь, он будет в здравом уме?

— Вне всяких сомнений!

— Ты уверен, Гардома? — бесцеремонно вмешался чей-то гортанный баритон. — Наверное, оттого, что славный парнишка Майндс всегда в своем уме, да?

Доктор обернулся на голос, и на лице его обозначилась сильнейшая неприязнь.

— Что вы здесь делаете, Уртил?

— Держу открытыми глаза и уши, хотя некоторым это и не нравится! — развязно ответил вошедший.

Лакки и Бигмен с интересом разглядывали незнакомца. Это был среднего роста мужчина, широкоплечий и мускулистый, с небритым самодовольным лицом.

— Меня не интересует, что вы там проделываете со своими ушами! Но извольте заниматься этим вне моего кабинета! — Гардома подыскал, наконец, разящие слова.

— Почему-у? — гримасничая, протянул Уртил. — Вы же доктор! А пациенты имеют право входить сюда! Я заболел, может быть!

— На что жалуетесь?

— Да подожди ты. Сначала разберемся с этими двумя. Они-то на что жалуются? На гормональную недостаточность, верно? — И его ленивый взгляд остановился на Бигмене Джонсе.

Тут возникла звенящая пауза, и Бигмен сначала побледнел, а потом стал весь как-то странно разбухать. Увеличившись в объеме до опасного предела, он очень осторожно поднялся со своего места. Глаза марсианина были широко раскрыты, а губы шевелились, тихо и без конца повторяя: «Гормональная недостаточность». Казалось, он не вполне верит, что можно было произнести такое.

Атакующая кобра выглядела бы в этот момент старой черепахой в сравнении с Бигменом, чьи 5 футов и 2 дюйма мышц, туго свитых в упругий хлыст, метнулись к расплывшемуся в ухмылке наглецу.

Но Лакки двигался еще быстрее. Крепко ухватив Бигмена за плечи, он тихо произнес:

— Спокойно, дружище, спокойно...

— Но ты же слышал, Лакки! Ты же слышал! — Маленький марсианин вырывался изо всех сил.

— Не время, Бигмен... — успокаивал его Лакки, не разжимая объятий. — Не время, пойми...

Смех Уртила был резким и отрывистым, как лай.

— Ну отпусти его, парень! Я не прочь одним пальцем размазать малыша по полу!

Бигмен отчаянно выл и извивался в тисках Лакки.

— Если вы скажете еще хоть словечко, Уртил, — Лакки с трудом сдерживал гнев, — ваша жизнь осложнится настолько, что даже друг-сенатор будет не в

силах вам помочь! — Глаза его, пока он говорил, стали ледяными, а голос металлическим.

На мгновенье взгляды двоих схлестнулись, и, проиграв эту схватку, Уртил что-то промямлил о неудачной шутке. Тяжелое дыхание Бигмена кое-как успокоилось, и, когда Лакки выпустил его, марсианин занял свое место, вздрагивая от остатков ярости.

Доктор Гардома, который, втянув голову в плечи, безмолвно наблюдал всю сцену, с удивлением спросил:

— Как, вы знаете Уртила, мистер Старр?

— О да. Слава о Джонатане Уртиле, уполномоченном сенатора Свенсона, дошла до меня. Не могла не дойти.

— Уполномоченный? — пробормотал доктор. — Что ж, пусть будет так...

— И я о вас слышан, дражайший! — сказал, как изрыгнул, Уртил. — Дэвид Старр, или Лакки, как вы себя величаете! Вундеркинд из Совета Науки! Теперь перечисляю... Дело об отравлении, история с астероидными пиратами, венерианская телепатия... Знакомо?

— Немного, — равнодушно отозвался Лакки.

Уртил торжествующе хохотнул.

— Да, архив сенатора содержит много интересного о Совете! А в моей голове, — добавил он с внезапной доверительностью, — есть кое-что о творящемся здесь. Прелюбопытнейшие вещи! Взять хотя бы сегодняшнее покушение... Кстати, я пришел сюда не просто так. Меня привела забота о ближнем.

— Забота?

— Она. И вот доказательство. Я должен, я просто обязан предостеречь вас от опасности! Наверное, наш милый доктор уже вкручивал тут о том, какой замечательный малый Майндс. И о кратковременной вспышке, вызванной невыносимым напряжением. Видите ли, они у нас большущие друзья, Гардома и Майндс...

— Я всего лишь сказал, что... — начал было доктор.

— Дай мне закончить! — рявкнул Уртил и вновь повернулся к Лакки. — Понимаете, Скотта Майндса по безвредности можно уподобить двухтонному астероиду, который несется прямо на ваш корабль. Этот парень

вовсе не был сумасшедшим, когда вы танцевали под аккомпанемент его бластера. Он прекрасно понимал, что делает. Вас хладнокровно пытались убить, Старр, и попытаются еще. Будьте уверены и спокойны: Майндс вскоре предпримет новую попытку — я готов поспорить на... да хотя бы на сапоги вашего друга.

Смерть поджидает в комнате

Тишина, наступившая после слов Уртила, всем, кроме него самого, показалась гнетущей.

Затем Лакки спросил:

— Но почему? Ведь должна же быть какая-то причина?

— Причина — уважительная, — Уртил говорил совсем тихо, наслаждаясь общим вниманием. — Страх. Майндс попросту не справляется со своей работой, не тянет. А за денежки — за миллионы, которые с традиционной щедростью отвалил ему Совет Науки, — за них ведь нужно будет отчитываться, хотя бы чуть-чуть. Делается это очень просто: по возвращении на Землю громко кричится о несносном Меркурии, от которого одни напасти, и жалобно шмыгается носом. Совет растроган, а когда он растроган — из него сыплются деньги на новую, еще более идиотскую программу... И вот появились вы, и возникла угроза лишиться всех милых сердцу утех. Ведь Совет теперь узнает истинное положение вещей! Как только оно станет известно вам.

— А вам оно уже известно?

— Представьте себе.

— В таком случае, вы тоже представляете опасность для Майндса! Отчего же он не попытался избавиться от вас?

Мясистое лицо Уртила до неузнаваемости деформировалось широчайшей самодовольной улыбкой.

— А кто вам сказал, что он не пытался? *Еще как!* Но годы работы на сенатора кое-чему меня научили. Во всяком случае, постоять за себя — могу.

— Вы врете, Уртил! — крикнул доктор и побледнел как полотно. — Скотт Майндс никогда и никого не пытался убить! По крайней мере, до сегодняшнего дня! И вы это прекрасно знаете!

Уртил даже бровью не повел. Он продолжал ласково настаивать Лакки.

— Да, чуть не забыл... Не спускайте глаз с нашего эскулапа. Тоже милейший человек. Они с Майндсом — не разлей вода. Так что, сами понимаете... На вашем месте я не лечился бы у него даже от головной боли. От его пилюли можно... — И Уртил многозначительно посмотрел вверх.

Доктор Гардома, едва не плача, в несколько приемов выдавил из себя:

— Когда-нибудь!.. кто-то!.. убьет вас!.. вас убьет!.. за ваши!.. убьет за ваши!..

— Неужели? — радостно воскликнул Уртил. — И вы думаете это сделать один?

Направившись было к выходу, он внезапно остановился и через плечо бросил Лакки:

— Да, совсем забыл. Вас жаждет лицезреть старая развалина Пивирейл. Он очень расстроен тем, что не было никакой официальной встречи. Поспешите к нему и успокойте, если старик еще не застрелился... И еще, Старр. Не забывайте осматривать свои скафандры. Бывают, знаете ли, досадные дефекты. Надеюсь, понимаете, о чем речь? — И не дожидаясь ответа, Уртил удалился.

Прошло довольно много времени, прежде чем Гардома заговорил.

— Никогда не упустит случая потрепать нервы, никогда... Подлый глун...

— Этот парень несомненно хитер, — задумчиво произнес Лакки. — Неплохой способ нападения — говорить то, что больней всего задевает собеседника. Разгневанный противник — вдвое слабее... Это, между

прочим, касается и тебя, Бигмен! Ведь ты бросаешься на всякого, кто осмелится говорить о твоём росте.

— Но Лакки! — пронзительно возопил марсианин. — Он обозвал меня гормонально-дефективным!

— А ты найди более достойный способ доказать обратное!

Бигмен что-то проворчал в ответ и, насупившись, принялся колотить своим маленьким кулачком по упругому пластику ярко-красных высоких сапог (такие носят исключительно марсианские парни, те, что работают на фермах. У Бигмена была дюжина подобных сапог, одна пара ослепительней другой).

— Хватит дуться! — Лакки обнял его за плечи. — Давай-ка лучше навестим Пивирейла. Первое лицо здесь как-никак...

— Да-да! — поддержал его доктор. — Все, что находится под Куполом, — это его хозяйство. Конечно, Пивирейл уже не юн, и у него нет тех связей, которые были когда-то. Между прочим, как почти все мы, он люто ненавидит Уртила. Ненавидеть-то ненавидит, однако предпринять что-либо не в силах. Тягаться с сенатором Свенсоном — занятие, как известно, не из перспективных. Кстати, как на этот счет у Совета Науки?

— Полагаю, что небезнадёжно... Доктор! — Лакки решительно оставил бесплодную тему. — Не забудьте о том, что я обязательно должен увидеться с Майндсом, как только он проснется!

— Да, я сразу сообщу вам. Будьте осторожны, сэр!

— Быть осторожным? — удивился Лакки. — Что вы этим хотите сказать?

Гардома смутился.

— Ничего. Это у меня такая присказка, знаете ли.

— Тогда понятно. — И, простившись с доктором, Лакки вышел. За ним, насупившись, поспешил Бигмен.

Крепкое и энергичное рукопожатие Ланса Пивирейла, человека весьма почтенных лет, удивило их. В темных глазах, которые казались еще темнее под буйными зарослями седых бровей, читалось явное беспокойство. Копна густых волос делала его похожим на льва. Пожалуй, только морщины на острых скулах и шее выдавали его преклонный возраст.

Пивирейл заговорил тихо и не спеша.

— Сожалею, джентльмены, о весьма неприятном инциденте, имевшем место сегодня. Я мог и должен был предотвратить его!

— Не нужно винить себя, сэр, — возразил Лакки.

— Если бы я встретил вас сам — ничего подобного не случилось бы! Но проблемы, которые нас тут опутали, совершенно вытеснили из моей головы правила хорошего тона!

— Вы прощены, и забудем об этом, — улыбнулся Лакки и посмотрел на Бигмена, который с открытым ртом внимал величественному потоку слов старого джентльмена.

— Я не заслуживаю прощения! — с пафосом продолжал астроном. — Но в вашей попытке простить меня усматриваю несомненное и редкое великодушие! И считаю возможным перейти к следующей теме! Ваше жилище!

Он подхватил Лакки с Бигменом под руки и увлек в глубь узких, но ярко освещенных коридоров Купола.

— У нас очень, очень тесно! — восторженно сетовал Пивирейл. — все переполнено и забито! Особенно с тех пор, как здесь появился Майндс со своими инженерами, а потом еще, — тут астроном замялся, — и другие. И все же, смею надеяться, ваше жилище — не из худших! Да, если возникнет желание перекусить — в любой момент вам доставят пищу. Отдохните, выпитесь хорошенько, — а завтра у вас будет предостаточно времени, чтобы встретиться со всеми, да и мы, хотя бы в общих чертах, узнаем о целях вашего визита. Лично меня вполне удовлетворяет то, что вашим поручителем является Совет Науки... Да! У нас тут имеет место быть что-то вроде банкета в вашу честь!

— Благодарю, вы очень любезны, сэр, — не сразу и рассеянно ответил Лакки. — Надеюсь, у меня также будет возможность осмотреть обсерваторию?

Казалось, этот вопрос окончательно осчастливил Пивирейла.

— О да! В любой момент! Вы не пожалеете о времени, потраченном на осмотр! И увидите удивительные вещи! Наше основное оборудование размещено на подвижной платформе, которая передвигается вместе с терминатором! Это позволяет никогда не терять нужную вам часть Солнца!

— Просто превосходно, мистер Пивирейл! — в тон воскликнул Лакки. — И еще один вопрос. Что вы думаете о Майндсе? Очень прошу вас ответить без обиняков.

Пивирейл неожиданно помрачнел.

— Вы, как я понимаю, субвременной инженер?

— Да не то чтобы... Однако я спросил о Майндсе.

— Да, извините. Ну-у, это довольно приятный, я бы сказал, молодой человек. Компетентный, смею утверждать... но нервный, страшно нервный! Обидеть его очень, даже очень легко... И проявилось это не сразу, а спустя какое-то время, когда реальность вступила в противоречие с его планами... Он, увы, не был подготовлен к такому обороту... А во всех других отношениях это исключительно милый молодой человек. Формально являясь его начальником здесь, внутри Купола, я, тем не менее, никогда не вмешиваюсь в дела мистера Майндса, не связанные с работой в обсерватории.

— А ваше мнение о Джонатане Уртиле?

Пивирейл остановился как вкопанный.

— Что о нем? В каком плане он вас интересует?

— В общем. Как он вам?

— Мне не хотелось бы говорить об этом человеке, — последовал неожиданный ответ.

Некоторое время шли молча. Лицо астронома оставалось мрачным.

— Мистер Пивирейл! — решился наконец заговорить Лакки. — Есть ли здесь еще кто-то посторонний, условно говоря? Кроме Майндса с его людьми и Уртила.

— Гардома, доктор Гардома, конечно.

— Разве вы не считаете его своим?

— Но ведь он же врач, а не астроном! Без него, конечно, не обойтись, и он за короткий период пребывания здесь успел показать себя с самой лучшей стороны, но...

— За короткий период, вы сказали?

— Да, он совсем недавно сменил своего предшественника, отработавшего положенный год. Кстати, прилетел Гардома на одном корабле с группой Майндса.

— Врачи работают у вас только один год?

— Не только они. Приходится постоянно обучать новых людей и, едва они освоятся — прощаться с ними.

Что делать! Меркурианские условия далеко не курортные, и люди не должны находиться здесь подолгу.

— Не могли бы вы вспомнить, сэр, сколько новых людей прибыло на Меркурий в течение последних шести месяцев?

— Около двадцати. Точные цифры вы найдете в журнале, но около двадцати.

— А сами вы здесь достаточно долго, сэр?

Астроном усмехнулся.

— Да уж! Страшно подумать! Мой заместитель Кук тоже работает здесь уже седьмой год. Разумеется, мы часто берем отпуск и... Ваше жилище, джентльмены! Если возникнут какие-то желания или проблемы — не стесняйтесь, обращайтесь ко мне.

Их комната оказалась довольно маленькой, но в ней были две койки, которые можно было убрать в стенную нишу, два дивных кресла с тем же механизмом исчезновения и самый настоящий письменный стол со стулом. За перегородкой обнаружилась ванная и туалет.

— Ну-у! — одобрительно протянул Бигмен. — Вроде бы лучше, чем на корабле, а?

— Да, брат, недурно, — согласился Лакки, — кажется, нам дали одну из лучших комнат.

— Естественно! Думаю, он знает, кто ты у нас такой!

— Вряд ли, — мотнул головой Лакки. — Ведь он предположил, что я субвременной инженер... Нет, старику известно лишь то, что меня прислал Совет.

— Да тут все тебя знают! — возразил Бигмен.

— Не все, а только Майндс, Гардома и Уртил... Послушай, Бигмен, а почему бы тебе не принять душ? Я бы тем временем распорядился насчет еды и багажа с «Метеора».

— Не возражаю! — радостно закричал марсианин.

В ванной Бигмен громко запел. Вода здесь, как и в других безводных местах, была строго нормирована, и табличка на стене с напоминанием о том, какое количество драгоценной жидкости позволительно использовать, была привычной. Бигмен, как истинный марсиа-

нин, испытывал к воде необыкновенно почтительные чувства. Во всяком случае, просто так плескаться ему и в голову не приходило никогда. И вся процедура, включая стремительный финал, состояла из бесконечного намыливания, пускания пузырей и ликующего пения.

Встав перед сушилкой и направив на себя мощную струю теплого воздуха, Бигмен зажмурился от удовольствия.

— Эй, Лакки! Стол уже накрыт? Я голоден!

Из комнаты донесся голос Лакки, однако слов нельзя было разобрать.

— Ну Лакки же! — шутиливо возмутился Бигмен и вышел из ванной.

На столе стояли две тарелки с соблазнительно дымящимся ростбифом с овощами (хотя все это была сплошная имитация, поскольку выращено на субморских плантациях Венеры).

Лакки, не обращая никакого внимания на своего друга, присев на краешек койки, разговаривал с Пивирейлом, который сосредоточенно моргал на экране переговорного устройства.

— Выходит, о том, в какую именно комнату мы въедем, знали решительно все? — спросил Лакки.

— Соответствующее распоряжение было отдано мною по общему каналу, и, естественно, его мог слышать каждый. Кроме того, у нас не так уж много комнат, зарезервированных на особый случай. Их местонахождение известно всем.

— Понятно. Благодарю вас, сэр.

— А что, собственно, произошло, Старр?

— Да так, ничего особенного. Извините, что потревожил вас... — Вежливо улыбнувшись, Лакки прервал связь и молча уставился в погасший экран.

— Ничего особенного, говоришь? — грозно выкрикнул Бигмен и подбоченился. — Так-таки и ничего? А ну-ка, выкладывай!

— Да, кое-что произошло, ты прав. Я тут разглядывал наше снаряжение, в том числе и скафандры... А скафандры эти не простые. Они снабжены особым изоляционным слоем — для выхода на солнечную сторону, вероятно.

Бигмен снял один из скафандров, которые висели в нише. Тот оказался на удивление легким для своих внушительных размеров. Марсианин досадливо кряк-

нул. Ну вот, снова все придется подгонять, и даже не по своему росту, потому как эта регулировочная дребедень не рассчитана на него, видите ли. Вот что значит быть недостаточно высоким...

— Ну, раздолье, Лакки! И койка тебе! И ванная! И яства, понимаешь! И скафандры!

— И смерть... — продолжил Лакки без тени улыбки. — О ней позаботились тоже. Вот, взгляни-ка...

Он поднял рукав большего скафандра. У самого плеча, чуть ниже шарнирного соединения, видна была крохотная царапина. Когда пальцы Лакки дотронулись до нее и слегка нажали — царапина углубилась.

Это был настоящий разрез!

— С внутренней стороны — такая же прелесть... — Лакки отпустил рукав. — Все рассчитано таким образом, чтобы я успел добраться до солнечной стороны, а там...

За банкетным столом

— Уртил! — сразу закричал Бигмен и напрягся всем своим маленьким телом. — Ну и подлая же тварь!

— Уртил? — Лицо Лакки выражало недоумение. — Почему он?

— Ха! Ты забыл, с какой настойчивостью этот хитрец советовал нам проверять скафандры, а?

— Нет, не забыл. Оттого и проверил.

— Ты проверил его работу! Неплохо придумано, неплохо... Мы, значит, обнаруживаем разрез и — ах, Уртил! Ах, спаситель! После чего не можем смотреть на него без слез умиления... А потом мерзавец избавляется от нас любым из двухсот ему известных способов, совершенно без труда. Ой, Лакки, не клюнь на это! Он...

— Подожди. Не нужно делать поспешных выводов... Итак, Уртил сказал, что Майндс пытался убить его. Что ж, проверим. И предположим, что его скафандр был продырявлен таким же образом, как мой. Уртил обнаруживает дефект и предупреждает нас о наличии этого трюка в репертуаре, как он полагает, Майндса.

— Черта с два это сделал Майндс! Ему ввели чуть ли не ведро снотворного, а до того он ни на минуту не оставлял нас!

— Хорошо. А откуда мы знаем, что Майндс спит и что он получил снадобье?

— Так ведь Гардома... — Тут Бигмен осекся.

— Вот видишь? Со слов доктора Гардомы! А он — большой друг Майндса!

— Значит, они заодно! — незамедлительно выпалил марсианин. — И нечего тут думать!

— Да что же это такое! Только я попытаюсь привести свои мысли в порядок — и ты тут как тут со своими озарениями! А потом еще удивляешься, отчего это я не делюсь с тобой!

— Извини, Лакки. — Бигмен смущенно прикусил губу. — Продолжай, пожалуйста.

— Так вот... — Лакки снова принялся рассуждать вслух. — Уртила заподозрить — проще всего. Никто его не любит, даже Пивирейл... Вспомни его реакцию на одно только упоминание имени Уртила! Ты, кстати, тоже ведь невзлюбил этого парня, и причем стойко?

— Еще бы, — буркнул Бигмен.

— И мне он, откровенно говоря, не понравился. А что если человек, повредивший скафандр, учел такое замечательное свойство Уртила — вызывать неприязнь к себе? И понимает, на кого будут вешать всех собак?

— Ну? — Бигмен явно недоумевал.

— С другой стороны, Майндс, который уже пытался честно шлепнуть меня из своего бластера, вряд ли способен на такую филигранную работу — не в характере... Что касается доктора Гардомы, то он совсем не похож на человека, который согласен участвовать в убийстве — лишь бы не огорчать друга.

— Так что же решим? — Бигмен, казалось, вот-вот загорится от нетерпения.

— Что? А вот что... Пора спать! — И Лакки направился в ванную.

Бигмен, разочарованно глядя ему вслед, пожал плечами.

На следующее утро, когда они зашли к Скотту Майндсу, тот, бледный и измученный, сидел на койке.

— Привет, — печально выдохнул он. — я уже знаю о случившемся, Гардома рассказал... Я глубоко сожалею, поверьте...

— Как вы себя чувствуете? — По тону вопроса было ясно, что Лакки не растаял.

— Как любой другой выжатый лимон, — Майндс страдальчески усмехнулся. — Но тут, — указательный палец постучал по лбу, — все в порядке. И я смогу присутствовать на сегодняшнем обеде, который старина Пивирейл дает в вашу честь.

— Будет ли это благоразумно?

— Во всяком случае, Уртил поостережется слишком вдохновенно разглагольствовать о сумасшедшем Майндсе! — Гнев мгновенно окрасил лицо инженера. — Да и Пивирейл попридержит свой язык.

— Разве мистер Пивирейл сомневается в вашей вменяемости?

— Видите ли, Старр... С того момента, когда начались эти странные аварии, я — на небольшом скоутере — облетаю солнечную сторону. Ведь это мой Проект, и мне небезразлична его судьба! Так вот. Пару раз мне приходилось видеть... — Майндс остановился, не решаясь продолжить.

— Ну же! — нетерпеливо воскликнул Лакки.

— Не исключено, конечно, что я ошибаюсь... Ведь между нами было довольно солидное расстояние. Но это было существо, похожее на человека! Оно было в скафандре, однако без всякого намека на изоляцию!

— А вы не пытались приблизиться к этому существу?

— Пытался, но безуспешно. На фотоснимках тоже ничего нельзя было разобрать. Сплошные пятна, светлые и темные... Но ведь что-то там было и двигалось, совершенно не обращая внимания ни на жару, ни на радиацию! Оно даже останавливалось и подолгу отдыхало, во всяком случае, неподвижно стояло на самом солнцепеке, если выражаться по-земному! Вот что озадачило меня больше всего!

— Разве это так странно — стоять?

Ответу предшествовал короткий сухой смешок.

— На солнечной стороне Меркурия? Весьма странно, как мне думается. Никто не стоит, кроме него. И вовсе не оттого, что неприлично. Уносить оттуда ноги, и

как можно быстрее, заставляет радиация! Скафандры с изоляционной прокладкой при всех их достоинствах не могут обеспечить надежной защиты от гамма-лучей!

— Но как объяснить то, что вашему таинственному незнакомцу все это нипочем?

— Я сомневаюсь, что он — человек, — прошептал Майндс, сконфуженно улыбнувшись.

— Двухногий дух, может быть? — насмешливо спросил Бигмен и собрался было развить мысль, но Лакки сердито ткнул его в бок.

Майндс энергично замотал головой.

— Видно, что-то подобное я говорил вам наверху, да? Чувш, забудьте. Никакой не дух. По-моему, это был меркурианец.

— Что?! — В возгласе Бигмена было столько возмущения, что, казалось, ему нанесли смертельное оскорбление.

— Только меркурианец мог бы вынести такую жару и такую радиацию, — убежденно закончил Майндс.

— А зачем ему понадобился скафандр? — спросил Лакки.

— Не знаю, не знаю... — В глазах Майндса появился беспокойный, почти безумный блеск. — Все это крайне загадочно. Когда, после встреч с ним, я возвращался под Купол, то проверял, где находились люди и кто пользовался скафандрами за время моего отсутствия — здесь ведь фиксируется каждый твой шаг. И ничего даже в малой степени подозрительного не обнаружил, представьте себе! Необходим настоящий и самый тщательный розыск, но Пивирейл даже слышать об этом не хочет — нет, мол, к сожалению, соответствующей экипировки!

— Вы обо всем рассказали ему?

— Да, и он понял, что я — чокнутый. Что все происходит только в моем воспаленном воображении. Но это не так, Старр, поверьте.

— А с Советом вы не пытались связаться?

— Что толку? Пивирейл никогда не поддержит меня. А Уртил авторитетно заявит, что я не в своем уме, и ему с удовольствием поверят. Разве кто-то станет слушать меня?

— Я стану.

Майндс резко выпрямился. Его рука непроизвольно дернулась в сторону Лакки, но затем безвольно упала.

— Значит, вы займетесь этим?

— Да, — твердо пообещал Лакки.

Когда Лакки с Бигменом вошли — все уже сидели за столом. Над нестройным гулом приветствий, который вежливо поднялся навстречу им, почти зримо висела несомненная напряженность присутствующих.

В центре, поджав тонкие губы и втянув без того впалые щеки, сидел охваченный чувством собственного достоинства Пивирейл. По левую руку от него находился Уртил, закрывавший своими широкими плечами спинку массивного кресла. Пальцы атлета изящно, как ему, вероятно, казалось, постукивали по хрупкому бокалу.

Скотт Майндс, который сидел в самом конце стола и выглядел невыспавшимся юношей, бросал на Уртила презрительные взгляды.

При Майндсе был Гардома, посматривавший на друга с материнской озабоченностью и готовый в случае чего прикрыть его собой.

Прочие места, за исключением двух, пока пустовавших, справа от Пивирейла — были заняты весьма важными персонами обсерватории. Один из этих людей, Хенли Кук, худощавый и высокий, встал из-за стола, чтобы, крепко ухватив обеими руками руку Старра, радушно поприветствовать его.

Сразу после того как Лакки с Бигменом уселись и был подан салат, Уртил своим режущим ухо голосом поведал:

— Старр, мы тут как раз обсуждали, не следует ли нашему юному гению рассказать вам об удивительных результатах его экспериментов?

— Позвольте мне самому решать, когда и о чем говорить! — чуть не задохнулся от злости Майндс.

— Да что ты мнешся, Скотт! — ухмыльнулся Уртил. — Отбрось стыд, парень! Ну ладно, я сам расскажу, так и быть...

Рука доктора опустилась на плечо Майндса, и тот, сдержав протестующий крик, нахмурился.

— Слушайте внимательно, Старр, — начал Уртил. — Это может пригодиться вам.

— Должен сказать, — перебил Лакки, — что я в общих, конечно, чертах ознакомился с сутью экспериментов, о которых вы намерены говорить, и считаю их весьма перспективными.

— Вот как? — помрачнел Уртил. — Вы, однако, оптимист! А известно ли вам, дорогой Старр, что наш бедолага Майндс не продвинулся ни на дюйм в своей успешной работе? Или я ошибаюсь, Скотт?

Майндс попытался было вскочить, но рука Гардомы вновь удержала его.

Глаза Бигмена, как у теннисного болельщика, неотрывно поворачивались от одного к другому из говорящих. Когда глаза останавливались на Уртиле, марсианин от отвращения даже морщился.

Беседа была прервана очередной сменой кушанья, и Пивирейл попытался перевести разговор в безопасное русло. Это удалось ему, но ненадолго. Уртил, пронзив кусок ростбифа вилкой, наклонился в сторону Лакки и утвердительно спросил:

— Итак, вы за осуществление Проекта?

— Да. По-моему, он вполне приемлем.

— Что ж, как члену Совета, вам и положено так думать... Ну, а если я вам скажу, что все здешние эксперименты — жульничество? Что на Земле они обошлись бы в сто раз дешевле? Что тогда? Или, может быть, Совет Науки не подозревает о существовании налогоплательщиков?

— Вы, как мне кажется, лжете, мистер Уртил. У вас к этому, очевидно, природная склонность.

После этих слов в зале все разом замолчали, молчал сам Уртил. Челюсть его от удивления аж отвисла, а глаза расширились. Наконец он вскочил и, едва не раздавив перепуганного Пивирейла, тяжело шлепнул ладонь рядом с тарелкой Лакки.

— Чтобы всякие выкормыши Совета Идиотов могли меня тут... — грозно взревел он, но тут же испустил странный, сдвленный крик ужаса.

Это Бигмен, который до сих пор не принимал активного участия в происходящем, сделал едва заметное движение, деталей и характера которого никто не успел уловить по причине их молниеносности.

Над ладонью Уртила, которая, казалось, навсегда приросла к столу, дрожал черенок ножа.

Пивирейл вскочил, повалив свое кресло, и застыл, раскрыв рот. В поведении остальных так или иначе выражалось полное замешательство. Даже Лакки испугался не на шутку.

Торжествующий дискант марсианина был разительным контрастом этой мрачной картине.

— Ну, ты, мешок с дерьмом! Растопырь пальцы и удали свою ручонку на безопасное расстояние!

С минуту Уртил ничего не понимал. А потом, когда до него дошел смысл сказанного, он подчинился и осторожно поднял руку. Ладонь не была повреждена! Ни единой царапинки!

Торчал лишь нож, лезвие которого, представлявшее собой силовое поле, вонзилось в пластиковое покрытие между указательным и средним пальцами Уртила, напоминая о случившемся.

Уртил, внезапно охваченный испугом, отдернул руку, как от огня. Заметив это, Бигмен нежно промурлыкал:

— А в следующий раз, приятель, если вздумаешь так плохо шутить — будет гораздо хуже... Ты понял меня? Если у тебя припасена ответная речь, я готов выслушать сии почтительные слова...

Он коснулся ножа, и лезвие, вернее, чуть заметное свечение, которое исходило из черенка, исчезло. Грозное оружие вернулось в маленькую кобуру на поясе Бигмена.

— Я не знал, что мой друг вооружен, — обращаясь ко всем, поспешил объясниться Лакки. — Он, разумеется, сожалеет о том, что несколько отвлек нас от обеда. Надеюсь, мистер Уртил не примет этот досадный инцидент слишком близко к сердцу.

Кто-то облегченно рассмеялся, и даже Майндс улыбнулся.

Уртил же переводил яростный взгляд с одного лица на другое.

— Запомним, как вы со мной обошлись, запомним... — цедил он сквозь зубы. — Да, у сенатора здесь с единомышленниками туговато... Но я останусь! — И Уртил, скрестив руки на груди, с вызовом огляделся. Однако никто и не собирался его выгонять...

Возобновилась непринужденная беседа.

— Сэр, — обратился Лакки к Пивирейлу. — Вы знаете, мне очень знакомо ваше лицо!

— Вот как? — Астроном вежливо улыбнулся. — Вряд ли нам доводилось встречаться...

— Может быть, на Церере?

— На Церере? — Пивирейл, который еще не вполне оправился от испуга, рассеянно смотрел на Лакки. — Там самая большая обсерватория во всей Солнечной системе... Да, в молодости мне приходилось работать там. Сейчас, впрочем, тоже наведываюсь.

— Вероятно, именно там я и видел вас.

В памяти Лакки ожили события тех беспокойных дней. Погоня за капитаном Энтоном, пираты, облюбовавшие астероид, и вторжение их кораблей на территорию Совета...

Пивирейл сокрушенно покачал головой.

— Увы, если бы я вас встретил там — запомнил бы непременно, но... — Он развел руками.

— Очень жаль... — улыбнулся Лакки.

— И для меня это большая потеря, поверьте... Тот период был вообще полосой потерь. Из-за какого-то пустякового недомогания я проморгал самый настоящий пиратский налет! И узнал подробности только от своих медсестер!

Пивирейл оглядел стол с жизнелюбивым выражением и, после того как механический официант подал десерт, возвестил:

— А теперь, джентльмены, предлагаю обсудить Световой Проект. — Он сделал паузу, улыбнулся, а затем продолжил: — Конечно, не слишком приятный предмет для разговора, если вспомнить об авариях. Кстати, о них... Мне хотелось бы поделиться с вами кой-какими соображениями на сей счет. Вот и Майндс здесь. И поели мы на славу. И главное, мне есть что сказать.

— Вам? — с какой-то непонятной, угрожающей интонацией переспросил Уртил.

— А почему бы и нет? — весело удивился Пивирейл. — Не каждый день имеются мысли, годные для сообщения, в конце концов! И я непременно выскажусь! — Голос астронома зазвучал торжественно и величаво. — Я знаю, кто виновник всех напастей!

Источник опасности

Пивирейл сделал паузу. Наслаждаясь эффектом, который произвели его слова, старик сиял.

Лакки с интересом наблюдал за происходящим... Кто-то приветствовал заявление Пивирейла восторженными междометиями... Уртил, выпятив нижнюю губу, демонстрировал презрение... Гардома был явно удивлен... Ноздри Майндса нервно вздрагивали... Лица остальных выражали самые разнообразные оттенки любопытства...

Но один человек привлек особое внимание Лакки. Это был Хенли Кук, второе по важности лицо меркурианской обсерватории, — «вице-Пивирейл». Он рассматривал свои ухоженные ногти с каким-то непонятым отвращением. Через мгновение, однако, когда Кук оторвался от ногтей, взгляд его выражал совершенное безучастие.

Вот с кем не мешало бы побеседовать, подумал Лакки и вновь повернулся к Пивирейлу.

— Разумеется, диверсант не может быть одним из нас, — заговорил наконец астроном. — К такому выводу пришел Майндс, и я с ним полностью согласен. Я

даже полагаю, что в расследовании, которое он провел, не было никакой необходимости. Никто из нас не способен на такое... Тем не менее, диверсии продолжают-ся и своим продуманным, предельно эффективным характером начисто отменяют версию о случайной природе аварий!

— Я все понял! — возбужденно прервал его Бигмен. — Значит, на Меркурии есть жизнь! И все это — шалости аборигенов!

Гул иронических комментариев и даже смешки смутили маленького марсианина.

— Разве не это вы хотели сказать, мистер Пивирейл? — покраснев, промямлил он.

— Не совсем, — деликатно ответил Пивирейл.

— На Меркурии отсутствуют даже малейшие признаки жизни! — раздраженно выкрикнул один из астрономов. — Никаких сомнений!

— Вот как? — Лакки повернулся к говорившему. — А что, кто-нибудь проверял?

— Естественно! Ведь на то и существуют разведывательные отряды!

Лакки грустно улыбнулся, вспомнив о встрече с разумными марсианскими существами, о сюрпризах Венеры...

— А вы можете поручиться за качество исследований, проведенных вашими отрядами? Вы убеждены в том, что обследована каждая квадратная миля?

Астроном высоко поднял брови, как бы говоря этим: «К чему такая дотошность?»

Бигмен усмехнулся и сразу стал похожим на гномика в хорошем настроении.

— Мой дорогой Старр! — вновь раздался мудрый голос Пивирейла. — Так или иначе, но исследованиями ничего не обнаружено. Если даже принять во внимание самую возможность жизни на Меркурии — таковая ничтожно мала. И давайте-ка не мудрить, а считать единственной формой разумной жизни ту, представителями которой мы с вами имеем счастье быть.

Спорить было бесполезно, и Лакки промолчал.

— И к чему, скажите на милость, — обращаясь к Пивирейлу, раздраженно вмешался Уртил, — нам следует приложить эту бесценную информацию?

Пивирейл, казалось, не слыша вопроса, смотрел то на одного, то на другого, обходя взглядом Уртила. Но ответ все же последовал.

— Дело в том, что, как известно, люди есть не только на Земле. Они разлетелись по множеству звездных систем. — Тут лицо Пивирейла внезапно побледнело и напряглось. — Представители человеческого рода есть и на планетах Сириуса! — сообщил он возмущенно. — Не они ли диверсанты?

— А почему именно они? — спокойно, совершенно не в тон Пивирейлу, поинтересовался Лакки.

— А почему бы и нет? Ведь они нападали на Землю?

Это было действительно так. Лакки помнил недавнее вторжение сирианцев. Они уже хозяйничали на Ганимеде, но вскоре вынуждены были убраться восвояси, так ничего и не добившись. Но помнил Лакки и другое. С тех самых пор у землян появилась скверная привычка во всех бедах своих винить сирианцев.

— Совсем недавно, — продолжал тем временем Пивирейл, — месяцев пять назад, мне довелось побывать у них. Сирианцы, как известно, не принимают ни иммигрантов, ни просто гостей... Но так как речь шла о межзвездном симпозиуме, пройдя сквозь все испытания бюрократической волокиты, я получил вождеденную визу. Ну вот... Что бросается в глаза прежде всего? Чрезвычайно низкая плотность заселения планет и ей под стать — степень централизации. Сирианцы объединены в небольшие родовые союзы, каждый из которых имеет свой собственный энергетический источник и все необходимые службы, а также значительное количество механических рабов — в виде позитронных роботов. Сирианцы не занимаются физическим трудом, понимая себя исключительно как военную аристократию. Все они виртуозны в обращении с космическими крейсерами и другими опасными игрушками. Их голубая мечта — уничтожить Землю и даже память о ней.

— Пусть только сунутся! — Бигмен заерзал в своем кресле. — Только сунутся пусть!

— Подготовятся — сунутся, — сказал Пивирейл, тяжело вздохнув. — И если мы будем и дальше хлопать ушами — победят. А пока что — шесть миллиардов дрожащих ягнят с ужасом слушают клацанье волчьих

зубов. Земля беззащитна, и беззащитность эта увеличивается год от года. Зерно мы получаем с Марса, а дрожжи с Венеры... Минералы, после того как были заброшены здешние шахты, — добываются на астероидах, что-то другое — еще где-то... А по осуществлении Светового Проекта Земля будет зависеть также и от космических станций, поставляющих солнечный свет! Почему никто не подумал о том, насколько мы уязвимее от этого станем, Старр? Ведь отряд сирианских налетчиков, атаковав аванпосты Системы, вызовет панику и голод на Земле, даже не нападая на нее непосредственно! А чем мы можем ответить? Даже если перебьем их всех — прилетят новые, и война возобновится!

Старик почти задышался от волнения. Видно было, что ему необходимо выговориться.

Взгляд Лакки вернулся к Хенли Куку. Тот сидел, опустив глаза, подперев голову кулаком. Лицо его горело, и краска эта означала не гнев или возмущение, а скорее замешательство.

В разговор вступил Скотт Майндс. Речь Пивирейла была воспринята им предельно скептически.

— А на кой, скажите, им вся эта возня? Они же процветают! Ведь, покорив Землю, сирианцы вынуждены будут кормить нас!

— Как же! — вознегодовал Пивирейл. — Накормят! Они нуждаются в наших ресурсах, уразумейте! А нам предоставится возможность умирать с голоду!

— Но постойте! — подал голос доктор Гардома. — Этого не может быть!

— Ну почему же? Такова их политика. Сирианцы считают нас едва ли не животными. С тех давних пор как земляне колонизировали планеты Сириуса, они там с тщательностью селекционеров изменяли себя, пока не избавились, наконец, от болезней и кое-каких, на их взгляд, излишеств в человеческой природе. В отличие от нас, например, сирианцы имеют единообразный, если не навсегда, то надолго установленный внешний облик. То есть у всех одинаковый рост, цвет глаз, черты лица и так далее. Мы же, со своей пестротой, воспринимаемся сирианцами как низшие существа. Поэтому мы не можем, если бы даже захотели, жить там. Поэтому, чтобы попасть на симпозиум, я должен был обра-

тяться за помощью к самым влиятельным лицам правительства. В то время как астрономы других систем получили наилюбезнейшие приглашения. Да, еще один милый штришок... Жизнь человеческая ничего для них не значит и ничего не стоит. Сирианцы полностью сосредоточены на всякого рода машинах и механизмах. Я наблюдал, как они обращаются со своими роботами. Куда деликатней, чем друг с другом! Всерьез считая, что один робот стоит сотни землян, они души не чают в своих куклах!

— Роботы стоят дорого, — пробормотал Лакки. — И с ними следует обращаться бережно.

— Может быть, может быть... Но люди, поглощенные заботами о машинах, и только о машинах, становятся черствыми.

Лакки подался вперед и, не сводя с Пивирейла своих умных глаз, не без пафоса произнес:

— Сэр! То, что сирианцы убеждены в своем превосходстве над всеми и унифицировали свою внешность, — погубит их! Без разнообразия нет развития! И пока что Земля, а не Сириус лидирует в научных исследованиях! Даже позитронные роботы, о которых вы упомянули, были созданы землянами!

— Так-то оно так, — согласился астроном. — Но мы не используем роботов, считая, что это расстроит нашу экономику. Относительную стабильность сегодняшней жизни мы ставим выше завтрашней безопасности. Фактически мы умудряемся своими научными достижениями ослаблять себя и крепить мощь Сириуса — вот ведь какая штука... — И Пивирейл, откинувшись на спинку кресла, мрачно засопел.

Механический официант, который благодаря диамагнитному полю передвигался совершенно не касаясь пола и потому — бесшумно, своими чуткими щупальцами убирал тарелки внутрь себя, в довольно вместительную нишу.

— Вот вам разновидность робота, если угодно, — кивнул на него Лакки.

— Это простейший автомат, — пробурчал Пивирейл. — Без позитронного мозга. Он не сможет адаптироваться к малейшему изменению в задании.

— Что верно, то верно... — рассеянно согласился Лакки. — Так, говорите, это сирианцы шалят с нашим оборудованием?

— Да, безусловно, они.

— А с какой целью, позвольте узнать?

Пивирейл пожал плечами.

— Наверное, это только часть их обширного плана. Или разминка перед вторжением. Ведь Световой Проект не значит ничего — для них, во всяком случае... Эти диверсии — сигнал об опасности, нависшей над нами! И я бы очень хотел, чтобы Совет Науки и правительство прониклись пониманием этого!

Предварительно кашлянув, в разговор вступил Хенли Кук.

— Сирианцы ведь люди, как и мы, не так ли? Если они здесь — то где именно?

— Чтобы выяснить это, необходима исследовательская экспедиция, — с некоторым раздражением отчеканил Пивирейл. — Хорошо подготовленная и должным образом экипированная экспедиция.

— Но ведь я уже был на солнечной стороне! — Глаза Майндса, произнесшего эти слова, возбужденно горели. — И готов поклясться, что...

— Хорошо подготовленная и должным образом экипированная экспедиция! — еще тверже повторил астроном. — Впечатления от ваших прогулок, Майндс, можете оставить при себе!

Инженер мгновенно сник.

— А вы, Уртил, что думаете по этому поводу? — спросил вдруг Лакки.

Уртил поднял глаза и посмотрел на него с нескрываемой ненавистью.

— Свое мнение я оставляю при себе. Хочу также предупредить кое-кого, что одурачить меня — не так-то просто.

Лакки, оставив Уртила с его поджатыми губами, вновь обратился к Пивирейлу.

— А нельзя ли обойтись без экспедиции, сэр? Ведь, предположив, что сирианцы действительно находятся на Меркурии, мы можем установить примерное их местонахождение, не выходя из-за стола!

— Давай, Лакки! — бурно возликовал Бигмен. — Покажи им класс!

— Как вы себе это представляете, мистер Старр? — насмешливо спросил Пивирейл.

— Поставим себя на место сирианцев... Итак, они совершают регулярные диверсии в течение довольно длительного времени. Для этого необходимо иметь базу неподалеку от места наших с ними, к сожалению, общих работ. Значит, она у нас прямо под носом... Поскольку означенные координаты не слишком точны, давайте разделим Меркурий на две части: солнечную и темную. Вряд ли сирианцы устроились на солнечной стороне — там, согласитесь, не слишком комфортно.

— Будто темная сторона — лучше... — криво усмехнулся Кук.

— Представьте себе — да! По крайней мере, тут уже что-то родное, тут — привычная для людей среда. Самый обычный грунт, который уперся в черноту космоса. Да, холодновато, но не холодней, чем в космосе. Темно и нет воздуха? Это тоже встречалось... Люди давно приспособились к такому.

— Так-так-так? — Глаза Пивирейла были переполнены живейшим интересом. — Продолжайте, мистер Старр!

— Однако создание тайной базы, которая должна функционировать не месяц и не два, — штука сложная. У них должен быть корабль, на котором они прилетели и собираются улететь. Если же предположить, что за ними заедут, нужно иметь значительные запасы пищи и воды, а также мощный источник энергии. Одно это занимает целую комнату, а ведь наши друзья должны оставаться незамеченными! Да, есть только одно-единственное место, где сирианцы могут чувствовать себя в полной безопасности...

— Где, где? — Бигмен не сомневался, что его друг, как всегда, на верном пути. — Ну же!

— Как только я появился здесь, — издали начал Лакки, — мистер Майндс рассказал мне о меркурианских шахтах, ныне бездействующих. Несколько минут назад мистер Пивирейл тоже вспомнил о них. Оба любезно натолкнули меня на мысль о том, что в стволах и проходах могли остаться незасыпанные пустоты. А ведь шахты, как я понимаю, расположены в местах прохладных, то есть вблизи полюсов...

— Да, вы правы, — запинаясь, подтвердил Кук. — Задолго до того как была построена наша обсерватория, под Куполом действительно велась добыча минералов.

— В таком случае, весьма вероятно, что сирианская база находится под этим столом.

Перешептывание изумленных слушателей бесцеремонно прервал гортанный голос Уртила.

— Все это куда как забавно, бесценный Старр! А что дальше? Что вы намерены предпринять?

— Прежде всего — спуститься туда. А после — посмотрим...

Приготовления

— Как, вы с Бигменом отправляетесь туда одни? — встрепенулся доктор Гардома.

— Разумеется! — с глумливым возмущением ответил ему Уртил. — Вход только для героев! Прекрасно знающих, что там никого и ничего нет...

— Мы бы, конечно, взяли тебя с собой, — сокрушенно сказал Бигмен, — но боюсь, что с таким длинным языком ты вряд ли влезешь в скафандр.

— Зато ты поместишься в нем даже на ходулях! — парировал Уртил.

— Все-таки, это опасно, — озобоченно продолжал доктор. — И если там действительно кто-то окажется...

— Не думаю, что риск так уж велик, — поспешил успокоить его Лакки. — Это будет всего лишь беглое предварительное обследование, не более того. Не исключено, что Уртил прав, и там вполне невинная пустота. А если нет — мы вызовем помощь.

— Люблю я, джентльмены, экстремальные ситуации... — мечтательно улыбнувшись, признался Бигмен. — Вот подай мне ее — и все тут!

Лакки, которому не терпелось приступить к делу, встал и обвел взглядом всех присутствующих.

— Если вы не возражаете...

Уртил, не дожидаясь окончания фразы, тоже поднялся из-за стола и, резко повернувшись, направился к выходу чуть ли не строевым шагом.

Стали расходиться и остальные.

Когда мимо проходил Хенли Кук, Лакки остановил его, тронув за руку.

— В чем дело, сэр? — нервно спросил тот.

— Мистер Кук, загляните, пожалуйста, ко мне, как только освободитесь.

— Хорошо. Минут через пятнадцать я буду у вас.

— Договорились.

Кук немного задержался. Когда он вошел в их жилище, на худом лице его была все та же печать озабоченности, которая, похоже, не исчезала никогда.

— Простите, мистер Кук, что не сказал вам, как нас найти!

— Ничего страшного, сэр. Я знал, какая комната вам предназначена еще до вашего прибытия.

— Вот как?.. Весьма признателен вам, сэр, за то, что вы нашли время зайти к нам.

— Что вы, сэр!

— Дело вот в чем, мистер Кук. Тут у нас маленькая накладочка со скафандрами — теми, что предназначены для выхода на солнечную сторону.

— Надеюсь, вы получили пленку с инструкцией?

— Да, благодарю вас, но...

— Что-то не так?

— Не так! Не так! — закричал Бигмен. — Вот, полюбуйте! — И он ткнул пальцем в разрез.

Глаза Кука округлились, а лицо медленно покраснело. Он выглядел совершенно ошеломленным.

— Не понимаю... не может быть... чтобы здесь, под Куполом!

— Неплохо бы заменить его, и без лишнего шума, — деловито сказал Лакки.

— Но кто, кто мог сделать такое? — возмутился Кук. — Мы немедленно должны выяснить это!

— Только не нужно беспокоить мистера Пивирейла.

— Нет-нет! — испуганно замотал головой Кук.

— Мы сами разберемся во всем, только чуть позже. А пока мне требуется лишь новый скафандр.

— Конечно! Я лично займусь этим! Мне понятно теперь, почему вы захотели встретиться со мной, мистер Старр... Черт знает что! — И Кук собрался уходить.

— Но это еще не все! — остановил его Лакки. — Есть и другие вещи, которые мне хотелось бы обсудить с вами. Кстати, пока мы не перешли к ним... Как я понял, мистер Кук, вы не согласны с тем, что думает о сирианцах Пивирейл? Ведь так?

— Я не хотел бы обсуждать это. — нахмурился Кук.

— Видите ли, я наблюдал за вами во время его пространной речи, — все же продолжил Лакки. — И то явное неодобрение, с которым вы...

— Пивирейл — старый человек... — Кук снова плюхнулся в кресло и крепко сцепил костлявые пальцы. — Он давно и всерьез помешан на сирианцах, которые мерещатся ему даже под собственной кроватю. Он винит этих бедолаг во всем. Даже если кто-то случайно засветит пленку — виноваты только сирианцы. А уж после того как он побывал у них, причуды усилились донельзя... Сирианцы поселили Пивирейла отдельно от всех — изолировали, иначе говоря. И ему все казалось, что они или слишком вежливы с ним, или наоборот. В конце концов к нему приставили позитронного робота, устав, очевидно, от стариковских капризов...

— Он возражал против этого?

— Нет, но потом говорил, что к нему просто не хотели приближаться... Все, абсолютно все, происходившее там, он воспринимал как оскорбление!

— Вы тоже были с ним?

— Нет, сирианцы согласились принять только одного человека — поэтому, как главу обсерватории, послали его. Хотя, конечно же, лететь следовало мне. Ведь Пивирейл безобразно стар — от этого никуда не денешься...

Внезапно обнаружив, что он размышляет вслух, Кук испуганно поднял глаза.

— Надеюсь, все это останется между нами?

— Разумеется, — заверил его Лакки.

— А ваш приятель? — недоверчиво спросил Кук. — Я, конечно, не сомневаюсь в его порядочности, но, по-моему, он несколько опрометчив...

— Я?! — возмутился Бигмен.

Лакки взъерошил его волосы.

— Да, мистер Кук, это в нем есть, что да, то да. Он у нас порою предпочитает поработать языком и кулаками, вместо того чтобы использовать голову. И мне приходится постоянно помнить об этом. Но! Если я прошу молчать о чем-то конкретном — он молчит, хоть режьте его!

— Ну что ж, прекрасно, — успокоился, наконец, Кук.

— Однако мне хотелось бы, — продолжил Лакки, — вернуться к своему первому вопросу: согласны ли вы с мистером Пивирейлом, обвиняющим сирианцев во всех неудачах, которые преследуют Проект?

— Разумеется, нет! Каким образом, интересно, они могли узнать о Световом Проекте и с какой стати он заинтересовал их? Какой смысл посылать сюда корабли, рискуя своими отношениями с Солнечной системой, — и все ради обрыва нескольких жалких кабелей? Смешно! Конечно, Пивирейл чувствует себя несколько уязвленным...

— Уязвленным?

— Ну да!.. Пока наш великий ученый гостил у сирианцев, Майндс со своими ребятами успел здесь прочно обосноваться. Конечно, это не было полной неожиданностью для старика, так как это давно планировалось, но, тем не менее, застав их пустившими корни, он был шокирован.

— И вероятно, попытался избавиться от Майндса?

— Нет, ничего подобного. Даже выказывал дружелюбие... Видите ли, присутствие молодого Майндса наводит Пивирейла на мысль о том, что в один прекрасный день его уволят, и мысль эта нестерпима для него. Вот отчего он так старается проявить бдительность и поднимает шум по поводу мнимого присутствия сирианцев. Ведь обсерватория — его любимое детище...

Лакки согласно кивнул.

— Доводилось ли вам бывать на Церере, сэр?

Кук ответил не сразу, опешив от такого резкого поворота.

— На Церере? Случалось. А что?

— Вы были там с мистером Пивирейлом или один?

— Как правило — с ним. Вот он иногда летал туда без меня.

— Не находились ли вы на Церере во время прошлогоднего вторжения пиратов? — усмехнулся Лакки.

— Нет, знаете ли. А вот старик, представьте себе, ухитрился! Потом он без конца рассказывал нам историю о том, как, заболев — хотя не болеет практически никогда, — пропустил самое интересное.

— Ах вот как! Да, бывает... Однако пора заняться и делом, мистер Кук. Мне не хотелось бы беспокоить вашего патрона, который, как вы справедливо заметили, далеко не молод. А вот его заместителя, полного сил... — И Лакки снова улыбнулся.

— Да, конечно! — почтительно напрягся Кук. — Я к вашим услугам!

— Меня интересуют шахты. Сохранились ли какие-то карты, схемы хотя бы основных стволов? Или нам придется бродить наугад?

— Сохранились, конечно.

— И вы можете предоставить их в наше распоряжение?

— Разумеется.

— Мистер Кук, в данный момент, насколько мне известно, шахты не представляют опасности? Я имею в виду вероятность обвалов или чего-то в этом роде.

— О нет! Подобное исключено! Наш корпус расположен как раз над одним из стволов, и, конечно же, строительству предшествовали работы по усилению шахтных креплений, и без того надежных. А если еще принять во внимание крайне незначительную гравитацию Меркурия — вероятность обвалов практически сведена на нет.

— Отчего же такие замечательные шахты не эксплуатируются? — ехидно поинтересовался Бигмен.

— Хороший вопрос... — Кук улыбнулся. — Какое объяснение вы бы предпочли: правдивое или занятное?

— Оба! — выпалил Бигмен.

Кук вытащил из кармана пачку сигарет и закурил.

— Вот вам правда... — начал он. — Недра Меркурия не то чтобы напичканы, но достаточно богаты залежами тяжелых металлов: свинца, серебра, ртути, платины. Но к сожалению, добывать их здесь оказалось делом крайне невыгодным. Расходы на транспортировку непомерно велики. И как только обнаружили месторождения неподалеку от Земли — шахты тут же были закрыты... А теперь — занятная версия. Обсерватория была построена 50 лет назад, когда шахты еще вовсю работали. Астрономы, впервые прибывшие сюда, не без удоволь-

ствия слушали шахтерские рассказы, которые впоследствии обрели статус меркурианских легенд.

— О чем они? — спросил Бигмен шепотом.

— Они о том, как в шахтах умирали шахтеры.

— Тоже мне, легенды! — фыркнул марсианин. — Оч-чень оригинально!

— Они будто бы замерзали до смерти, — продолжил Кук.

— Что?!

— И никто не мог объяснить причину этого замерзания. Ведь шахты обогревались, и, кроме того, каждый имел при себе автономный калорифер! Так или иначе, но в последние годы многие шахтеры наотрез отказывались спускаться поодиночке даже в основные стволы, о вспомогательных и речи не могло быть... И шахты пришлось закрыть.

Лакки задумчиво кивнул.

— Мистер Кук, принесите, пожалуйста, схемы шахт!

— Да, я сейчас же отправляюсь за ними и за скафандром.

Готовились основательно, как к большой экспедиции... Как только был принесен новый скафандр, его тщательно осмотрели и проверили, прежде чем отложить в сторону.

Схемы шахт, как и маршрут, предложенный Куком, были досконально изучены.

Бигмен возился с тубами, наполненными жидкой питательной смесью, без конца проверял аккумуляторы, давление в кислородных баллонах и регулятора влажности.

Лакки отлучился на «Метеор», захватив с собой внушительных размеров пакет, — а вернулся уже без него, с двумя небольшими предметами, напоминающими пряжки от ремня, изогнутыми по краям, с прямоугольной пластиной посередине.

— Что это? — подскочил к нему Бигмен.

— Микроэргометры. Экспериментальная модель. Вроде тех, что на «Метеоре», но поменьше.

— Что же уловят такие малютки?

— На значительном расстоянии — действительно ничего, но, если, скажем, в милях десяти отсюда находится источник атомной энергии — микроэргометр обнаружит его. А вот так он работает...

Лакки легко коснулся пальцем небольшого выступа на корпусе эргометра, и тонкая игла мгновенно исчезла внутри, чтобы тут же, впрочем, вынырнуть. На пластине появилось красноватое пятно. Лакки стал медленно поворачивать прибор в разные стороны, пока пятно не вспыхнуло вдруг ослепительной голубизной.

— Это электростанция Купола, — последовало объяснение, и Лакки, выключив эргометр, стал опять вертеть его, но теперь любуясь. — Знаешь, Бигмен... Не было случая, чтобы, встетившись с дядюшкой Гектором, я ушел бы от него без затейливой вещицы, вроде этой. И всякий раз он желает, чтобы подарок мне не пригодился... Но на этот раз...

— Что, Лакки? Что?

— Видишь ли, если в шахтах действительно есть сирианцы, у них наверняка имеется небольшая атомная станция. Без нее просто не обойтись. Ведь нужна же им энергия для отопления и всех прочих нужд! Вот наши эргометры и обнаружат такую станцию. Пригодятся они и для другого...

Лакки умолк, и Бигмен огорченно вздохнул. Марсианин хорошо знал это молчание. Видно, мысли Лакки были еще слишком зыбкими, неоформленными, чтобы обсуждать их.

— Один эргометр — мой? — спросил Бигмен.

— А как же! — И блестящее достижение техники, описав дугу, шлепнулось в маленькую ладошку.

Хенли Кук уже ждал их, когда Лакки с Бигменом, одетые в скафандры, со шлемами под мышкой, вышли из своей комнаты.

— Я подумал, — сказал он, — что не помешает проводить вас туда...

— Благодарю! — приветливо отозвался Лакки.

Было, условно говоря, раннее утро.

Здесь, на Меркурии, где не существовало ни дня ни ночи, жизнь текла в том ритме, к которому люди привыкли на Земле.

Лакки не случайно выбрал время, когда все спали. Многолюдная процессия и мудрые напутствия Пивирейла — все это было бы сейчас некстати.

Освещенные тусклым светом коридоры были пусты. И казалось, что тяжелая тишина, которую только подчеркивали гулкие звуки их шагов, давит на плечи.

— Это — вход номер два, — остановился Кук.

— Прекрасно, — кивнул Лакки. — Ну что ж... Надеюсь, мы скоро увидимся?

— До встречи.

Пока Лакки с Бигменом надевали свои шлемы, фиксируя их в парамагнитных пазах скафандров, Кук, исполненный важности, возился с замком...

Наконец, привычно и даже не без удовольствия вдохнув первую порцию баллонного воздуха, друзья ступили в воздушный шлюз. Массивная стальная дверь, бесшумно закрывшись, разделила их с Куком.

— Ты готов, Бигмен?

— Спрашиваешь! — Голос марсианина звучал бодро, а его маленькая фигурка выглядела бесплотной тенью в тусклом освещении шлюза.

Стена перед ними поползла вверх. Ворвавшийся вакуум мгновенно вытеснил из помещения весь кислород.

Они опять шагнули вперед.

Когда стена, теперь уже позади них, опустилась, вокруг были только тишина, пустота и непроглядная тьма.

В шахтах Меркурия

Они включили фонари, и два мощных луча, не рассеиваясь, пронзили темноту, точно острые клинки. Впереди был туннель.

Двое, землянин и его маленький марсианский друг, двинулись навстречу неизвестности.

Гладкие стены туннеля тянулись по безупречной прямой. Крестовые своды выглядели торжественно и надежно. Это напомнило Бигмену недра Луны.

Воздух внутри скафандра позволял слышать собственные шаги, от Лакки же исходили вибрационные толчки, которые Бигмен, к вакууму привычный, улавливал без труда. Он слушал вибрацию.

Внушительных размеров колонн, подпирающих верхние пласты породы, было тут гораздо больше, чем на Луне, что объяснялось существенной разницей в гравитации.

Многочисленные ответвления туннеля вынуждали Лакки постоянно сверяться со схемой.

А Бигмен печалился, видя повсюду еще не стертые следы пребывания людей: болты, когда-то поддерживавшие плафоны светильников, поблекшие маркировоч-

ные полосы, боковые карманы, в каких обычно отдыхают шахтеры или берутся пробы породы...

— Лакки! А эргометр, между прочим, ничего не показывает!

— Знаю, Бигмен, знаю... Может быть, пообщаемся?

Это было сказано подчеркнуто невыразительно, и Бигмен сразу понял, о чем речь. Миниатюрная экранирующая приставка — как обычно, он снабдил ею оба переговорных устройства — исключала возможность перехвата...

— Что случилось, Лакки? — Сердце Бигмена своими ударами заглушало слова.

— Разговор есть, — сквозь шелестящий фон донесся голос Лакки. — Смотри. Согласно схеме, перед нами туннель 7а. По нему можно довольно быстро добраться до ствола, который ведет на поверхность. Мне — туда, Бигмен.

— Зачем?!

— Чтобы попасть наверх! — засмеялся Лакки.

— Наверх?!

— Ну да! И напрямик на «Метеор». Видишь ли, там новый скафандр, принесенный Куком, — я захватил его, когда бегал за эргометрами.

Бигмен долго осмысливал сказанное, но все же осмыслил.

— То есть ты отправляешься на солнечную сторону?

— Точно. На солнышке погреемся, и вообще...

— Нашел время! А сирианцы? Ты ведь сказал, что они здесь!

— Сказать-то сказал, да не... Понимаешь, мне нужно было убедить их в том, что я действительно так думаю!

— А меня тебе тоже хотелось убедить?

— Извини, дружище, но я опасался, что, зная о моем плане, ты — случайно, разумеется — поделишься своим знанием с... хотя бы Куком! Ведь ты у нас парень горячий и, всплыв, можешь выложить все содержимое без остатка.

— Эх, Лакки, Лакки! Да я молчал бы, как рыба на сковородке!

— Ну ладно, ладно... Как бы там ни было, но я хотел, чтобы ни одна душа не знала о моем намерении отправиться на солнечную сторону. И поэтому рвался сюда так напористо.

— Но к чему эта конспирация?

— А вдруг за диверсиями стоит кто-то из участников Проекта? — вопросом ответил Лакки. — Не верю я, что сирианцы заинтересовались такими пустяками, не верю! Тут что-то другое...

— Значит, в шахтах никого нет, что ли? — разочарованно протянул Бигмен.

— Если только я не ошибаюсь... Вряд ли Сириус стал бы ради осуществления мелких диверсий возиться с развертыванием базы на Меркурии — тут Кук прав. Нанять землянина — куда проще и дешевле. Опять же история с моим испорченным скафандром... Ведь куда-куда, а в Купол сирианцам, при всей их изощренности, не попасть. Такое, наверное, даже Пивирейл исключает.

— Лакки! Значит, ты ищешь предателя?

— Пока что — диверсанта. Возможно, он действительно отрабатывает сирианские денежки, а может быть, — у человека такое хобби. Мне кажется, что, побывав на солнечной сороне, я приближусь к пониманию всего этого. Тем более, что «густая дымовая завеса» наверняка убедила кое-кого в нашей непроходимой тупости, и он расслабился.

— И что же ты собираешься обнаружить на этой чертовой солнечной стороне? — недоуменно-почтительно спросил Бигмен.

— Пока не знаю...

— А-а... Ну, что ж, теперь ясно, теперь мне все наконец ясно... Пошли, ладно уж! Я согласен!

— Но, Бигмен! — Лакки покачал головой. — С тобой не соскучишься, парень! Пойми: ты остаешься здесь! У нас нет второго скафандра с изоляцией!

— Остаюсь? — растерянно пробормотал Бигмен, пытаясь проникнуть в новое значение слова «я», которое всегда означало «мы». — Лакки!!! — закричал он с обидой и возмущением. — Почему я должен оставаться здесь, Лакки?!

— Но мне же не обойтись без твоей помощи, дружище! Все должны думать, что мы с тобой усердно прочесываем шахты! И поэтому ты, со схемой в руках, пойдешь дальше, по маршруту, который мы разработали. Через каждый час, связавшись с Куком, ты будешь докладывать ему обо всем, что увидел. Только прошу

тебя, обойдись без преувеличений. Говори все как есть, но не проболтайся о моем отсутствии.

Бигмен, видя, что им не пренебрегают — вернее, пренебрегают, но не совсем, заметно повеселел.

— А если кому-то захочется поговорить с тобой?

— Скажи, что я занят. Или — что ты наткнулся на сирианца и срочно прерываешь связь. В общем, выкручивайся, как хочешь, но чтоб у них не возникло даже тени подозрения, понятно?

— Понятно-то понятно, но... все же обидно мне, Лакки. Тебя там ждут такие приключения, — а я, как идиот, должен торчать в этой темноте, разыгрывая радиоспектакли!

— Не спеши огорчаться, а то еще скрасят твое одиночество...

— Скрасят, как же. Прекрасно ведь знаешь, что тут нет никого и ничего!

— А замерзнуть не боишься? — улыбнувшись, спросил Лакки. — А то ведь случалось с некоторыми...

— Ладно тебе! — огрызнулся Бигмен.

— Извини, это не лучшая из моих шуток... — Лакки обнял марсианина. — И не кисни, пожалуйста. Я скоро вернусь.

— Ну, все! — Бигмен решительно стряхнул руку Лакки со своего плеча. — Хватит подлизываться. Я сделаю все, что от меня требуется. Иди и помни: ты без моего присмотра!

— Я буду очень осторожен! — засмеялся Лакки.

А потом он повернулся и шагнул в тунель 7а.

— Лакки!

— Что, Бигмен?

— Послушай-ка... — Бигмен прокашлялся. — Ты действительно... того ну... не рискуй... ладно? Я хочу сказать, что меня ведь не будет поблизости, чтобы выручить тебя...

— Дядюшка Гектор номер два! Сходство — поразительное! Ну, а если серьезно — взаимно, Бигмен, взаимно...

Это было все, что они сказали, выражая глубокую и нежную привязанность друг к другу. Лакки помахал рукой и, постояв мгновение в грустном луче Бигменова фонаря, исчез.

Бигмен долго смотрел туда, где уже никого не было. Если бы, допустим, он не был Джоном Бигменом Джонсом — то, сникнув в два счета, он был бы немедленно раздавлен навалившимся на него одиночеством. Но он, к счастью, был и Джоном, и Бигменом, и Джонсом! А потому, стиснув зубы, побрел дальше.

Спустя 15 минут Бигмен связался с Куполом. Прodrаться сквозь помехи удалось не сразу, и он успел еще пару раз обругать себя за то, что вчера был так легковверен и не понял хитрости Лакки, болван.

— Да? — отозвался Кук.

— О, мистер Кук! Как вы там? У нас все в порядке, мистер Кук! И у меня в порядке, и у Лакки! Он тут рядом, буквально в двадцати шагах! А с вами — я...

— Дайте-ка Старра.

— Старра? — игриво переспросил Бигмен. — А Старр занят! В следующий раз — пожалуйста, а сейчас он не может, честное слово!

— Ну, хорошо, — согласился голос.

Еще бы не хорошо, приятель! — очень довольный собою, подумал Бигмен. — Особенно, если учесть, что в следующий раз я просто прерву связь. Как долго это будет еще длиться? Час? Два? Шесть? А если и через шесть часов Лакки так и не появится? Так и торчать здесь до конца своих дней? А если Кук затребует подробную информацию? Описывать ему все эти красоты? И, увлекшись, проболтаться о Лакки? Только не это, только не это... Молчать, молчать, во что бы то ни стало — молчать. Иначе — прощай, доверие, прощай, дружба.

Бигмен попытался отвлечься от мрачных мыслей, но темнота и вакуум, слабая вибрация шагов, звуки собственного дыхания — отнюдь не веселили.

Он уже не смотрел на схему — цифры и буквы на стенах боковых переходов были такими четкими, что необходимость в этом отпадала. Кроме того, бумажный листок сделался чрезвычайно хрупким — очевидно, под влиянием низкой температуры, и воспользоваться схемой вряд ли удалось бы даже при всем желании.

Лицевая пластина запотела от дыхания, и Бигмен, остановившись, стал крутить регулятор влажности.

Он уже заканчивал регулировку, когда вдруг замер, почувствовав легчайшую постороннюю вибрацию; замер и затаил дыхание.

— Лакки? — выдохнул Бигмен в микрофон. — Лакки?

Кроме Лакки никто не смог бы разобрать этот шепот. И сейчас он ответит Бигмену, вот только немножко потопит, попутает — и ответит...

— Лакки? — шепнул марсианин вновь.

И снова ответа не последовало... Но вибрация-то не исчезла!

Дыхание Бигмена участилось, вначале от напряжения, а потом — от безудержной радости, которая всегда охватывала его в моменты опасности.

Рядом кто-то был! Кто он? Неужели сирианец? И Лакки был прав, когда предупреждал о такой возможности? Может быть...

Бигмен осторожно вытащил бластер и погасил фонарь.

Знают ли сирианцы о том, что он здесь? А возможно, они как раз его-то и ищут?

Той рыхлости, смазанности, какая бывает при наложении одной на другую вибраций нескольких или даже двух людей, не было. Слух Бигмена различал размеренную поступь одного человека.

Вот вибрация заметно усилилась. Человек приближался!

Бигмен, касаясь рукой стены, осторожно двинулся вперед.

Вибрация, исходящая от невидимки, наводила на мысль о его крайнем легкомыслии. Либо он не сомневался в том, что в шахтах никого нет, либо, если это все же преследование, он не знает свойств вакуума. И если Бигмен двигался с кошачьей деликатностью, то тот чуть ли не печатал шаг.

Марсианин резко повернул назад, но невидимка никак не отреагировал на это. Он не догадывался о существовании Бигмена или делал вид.

Свернув в боковой туннель, Бигмен продолжил путь, скользя вдоль стены с грацией танцора.

Слепящий луч заставил его вжаться в стену. Но свет исчез так же внезапно, как появился. Человек пересек туннель.

Бигмен снова метнулся вперед. Найти этот перекресток и подкрасться сзади! Теперь уж они обязательно встретятся — он, Бигмен, представитель, можно сказать, Земли, а также Совета Науки и... кто?

Враг

Все было рассчитано точно. Луч подпрыгивал уже далеко впереди, когда Бигмен добрался, наконец, до этого туннеля.

Он по-прежнему держал свой бластер наготове, но стрелять не торопился, так как знал: покойники удивительно молчаливы.

Оставалось, строго соблюдая безопасную дистанцию, преследовать врага.

А может быть, попытаться установить контакт?

Бигмен включил передатчик и, не меняя частоты, властно произнес... Конечно же, было почти невероятным, что этот тип настроен на ту же частоту, — если есть что настраивать, и Бигмен уже подумывал, а не посигнализировать ли сразу бластером, ослепительную вспышку которого поймет всякий, — и все же он произнес:

— Эй, ты! Замри и не моргай у меня! А то так прошью — никто не отпорет!

Освещенный ярким лучом человек стоял неподвижно, не делая ни малейшей попытки оглянуться.

Ага! Значит, ты меня слышишь, приятель!

— А ну-ка, повернись! Медленно!

Приказ был тут же выполнен.

— Теперь ты видишь, что я не шучу? В моем бластере полный заряд! И промахиваться мне еще не приходилось!

Человек тут же посмотрел на грозное оружие и инстинктивно поднял руку, как бы защищаясь.

А Бигмен разочарованно разглядывал скафандр незнакомца, имевший самый наиобыкновеннейший вид. Неужели сирианцы еще пользуются такими моделями?

— В каком режиме ты работаешь? — строго спросил он. — В телеграфном?

В ответ раздался хриплый и почему-то знакомый смех, сменившийся восклицанием:

— Ба! Коротышка! Сколько ле-ет!

Едва ли не весь запас самообладания понадобился Бигмену, чтобы не выстрелить. Бластер, казалось, сам дернулся в его руке, прося покончить с безобразием. Ненавистная фигура тотчас отпрянула.

— Уртил?! — пронзительно крикнул Бигмен.

При всем своем возмущении, он был разочарован тем, что перед ним — не сирианец. Что этот тип здесь делает? — кольнуло вдруг, как иголкой.

— Уртил, Уртил... — послышалось в ответ. — И спрячь свою игрушку!

— Спрячу, когда сочту нужным! — огрызнулся Бигмен. — Ты лучше скажи, каким ветром тебя сюда занесло?

— Да вот забыл, что шахты — твоя собственность!

— До тех пор пока ты у меня на мушке, боров, — советую считать именно так! Тебе ясно?

Пока Бигмен метал молнии, мысль его напряженно и бесплодно работала. Он не знал, как теперь поступить с этим мерзавцем Уртилом. Отконвоировать его в Купол?

Но тогда все узнают об отсутствии Лакки! А если соврать, будто тот задерживается и вот-вот подойдет? Ну а если не подойдет? И вообще, кто дал Бигмену право хватать людей? Разве кому-то запрещено гулять по шахтам? С другой стороны, нельзя же всю жизнь стоять вот так, размахивая бластером и рыча. Эх, нет здесь Лакки! Уж он бы что-то придумал!

— А где Старр? — тут же спросил Уртил.

Чертов телепат! — подумал Бигмен и ответил:

— Где надо! Получше нужно было шпионить, дорогой! Ведь ты шпионил за нами, не так ли?

— Ну а если да, то что? — отозвался Уртил.

— Ты прошел боковым туннелем, намереваясь подкрасться сзади! — продолжал изобличать его Бигмен.

— Ну и? — Голос Уртила говорил о том, что он полностью расслабился и стоять под дулом бластера для него — плевое дело. — Скажи-ка лучше, где твой дружок, а?

— Не беспокойся о нем.

— Да я не беспокоюсь! Только ты вызвал бы его! Тем более, что передатчик как раз на ограниченном радиусе... Да, с твоего позволения, я глотну живительной влаги. Пить хочется! Понял или нет? — И рука Уртила слегка поднялась.

— Только без глупостей! — предупредил Бигмен.

— Что ты, что ты!

Однако Бигмен на всякий случай напрягся. Конечно, нагрудным регулятором не выстрелить даже Уртилу, но этот пройдоха может попытаться ослепить его фонарем или... да мало ли что может он выкинуть!

Уртил между тем закончил свои манипуляции, и вскоре можно было услышать, как он пьет.

— Испугался небось? — издевательски-сочувственно прохрипели наконец смоченные связки.

Бигмен не нашелся, что ответить, и это его очень расстроило.

— А ну-ка, вызови Старра! — неожиданно и напористо потребовал Уртил, и марсианин машинально потянулся к регулятору.

— Вот оно в чем дело! — расхохотался Уртил. — Нам, оказывается, нужно перестроиться! Значит, Старр улизнул?

— Ничего подобного! — возмутился Бигмен и — покраснел.

Позволить так себя надуть! Да, этот Уртил чертовски хитер. Стоит себе и посмеивается над ним и его дурацким бластером и чувствует себя хозяином положения... А может быть, все-таки, выстрелить?

Но стрелять было никак нельзя. Насильственная смерть человека, посланного сюда сенатором Свенсоном, доставит Совету страшно подумать сколько неприятностей, не говоря уже о том, как пострадает Лакки... Эх, его бы сюда сейчас!

Луч фонаря Уртила скользнул в сторону.

— О! — раздался его удивленный голос. — Оказывается, и я иногда ошибаюсь! Вот он, наш Старр!

— Лакки!!! — И Бигмен круто развернулся.

Конечно же, в ситуации менее напряженной, он просто дождался бы, когда рука Лакки ляжет ему на плечо, — но тут ведь был совсем особый случай!

Криком «Лакки» все радостное и исчерпалось. Незадачливый марсианин, не успев ничего толком понять, был сбит с ног.

Какое-то время он еще продолжал сжимать свой бластер, но Уртил вскоре вывернул ему руку. Когда же эта туша убралась с него и Бигмен, морщась, попытался подняться, в лицевую пластину его шлема уткнулось грозное дуло.

— У меня, конечно, есть свой, — мрачно процедил Уртил, — но я, кажется, предпочту воспользоваться этим. И не двигайся, милый. Стой именно так, как стоишь, на четвереньках, раком, тебе идет...

У Бигмена от унижения потемнело в глазах. Захотелось исчезнуть, умереть. Это было легче, чем когда-нибудь, если придется, сказать Лакки: «Понимаешь, он сказал, что ты пришел, — и я, конечно, повернулся...»

— Стреляй, паршивец! — зло крикнул марсианин. — Стреляй, если хватит духу! А потом Лакки доберется до тебя и проследит, чтобы остаток своей жизни ты провел на самом холодном из астероидов, лязгая зубами и звеня цепью.

— Ой! И все это сделает твой Лакки? Но где же он?

— А ты поищи, поищи...

— Искать? — Уртил усмехнулся. — Не-ет! Где он, — об этом мне расскажешь ты, но чуть позже... Пока же я хочу узнать, на кой ему понадобилось лезть в шахты?

— Он искал сирианцев, тупица!

— Сирианцев, говоришь? — ласково переспросил Уртил. — А горячее для комет он здесь не искал? Что ты мне тут вкручиваешь, парень! Он — не выживший из ума Пивирейл и в такую чушь не поверит никогда! Нет, тут что-то не то... А что — ты мне сейчас и выложишь.

— Уверен?

— Абсолютно. Ведь и у тебя жизнь — одноразовая...

— Вообще-то, да. Но, видишь ли, для ее спасения не всякий способ годится. — И Бигмен, встав на ноги, решительно двинулся на врага.

Уртил попятился и тут же уперся в стену.

— Но-но! — испуганно пригрозил он. — Еще один шаг, и тебя нет! Или ты думаешь, что мне так уж нужна от тебя информация? Обойдемся! И послушай-ка, что я тебе скажу... Ты и твой горе-герой Старр ни на что большее чем idiotские шуточки с ножами — не годи-тесь!

Вот что тебя заело, оказывается! — подумал Бигмен и улыбнулся.

— Да, Уртил... Вид ты имел еще тот. Болван болваном, каждый подтвердит... А теперь, значит, мстим? Валяй! Но меня-то ты не очень напугаешь, не надейся. Лучше сразу стреляй. Быть убитым — менее вредно для моего организма, чем слушать твою трепотню.

— Терпение, карапуз, терпение... Ты совершенно не понимаешь, к чему я веду! А веду я к тому, что сенатор Свенсон — ты, конечно, слышал о нем — намерен покончить с Советом Науки. Вот ведь как. Для него что ты, что твой бравый Старр — обыкновенные козявки, которых даже как-то неловко принимать в расчет. А я — да будет тебе известно — тот человек, которому доверено осуществить замысел сенатора! Я прищучу вашу занюханную контору, ваш Совет по околпачиванию людей!

— Вдохновенно заливаешь! — одобрил Бигмен.

— Кто заливает, это мы еще увидим. Разоблачим все пропагандистские уловки Совета — и послушаем, что скажет народ.

— Ух, разоблачитель! Ну давай действуй!

— За мной не заржавеет, не волнуйся. Кстати, есть уже и первый улов: парочка жуликов, забравшихся в шахты... Уж я-то знаю, зачем вы сюда пожаловали! Он мне про сирийцев травить будет... Ха! Дело было так! Либо Старр велел Пивирейлу рассказать нам сказочку, либо он просто воспользовался идеей старого маразматика! И вы не собирались искать здесь сирийцев! Вы попросту решили имитировать их присутствие! Соорудить что-то вроде базы и представить ее на общее обозрение! «Я разметал их одной декой! — сказал бы Старр, мужественно поигрывая скулами. — Я самый наигеройский герой!»... Все заплакали бы от счастья, а

доблестный Совет тихонечко, никого не беспокоя, прикрыл бы Проект. Ведь эта коровка уже выдоена, пора выходить на новые рубежи! Но на этот раз ничего не получится. Я поймаю Старра с поличным, и он будет весь в дерьме, ну просто весь! Тем же будет достойно отмечен и Совет Науки.

Бигмен еле сдерживался, чтобы не броситься на негодяя. Сдерживался, потому что понимал: Уртил болтает с единственной целью — довести его до такого состояния, когда он выскажет все, что есть на душе. И поэтому Бигмен заговорил тихо и нежно.

— А известно ли тебе, о вонючий козел, что, если вытрясти из тебя всю гадость — ничего, кроме грязной шкуры, не останется?

— Заткнись! — гаркнул Уртил.

Но Бигмен не останавливался.

— Стреляй, дрянь! Стреляй! Или поджилки трясутся? А отобрать у тебя оружие — наверное, вообще умрешь со страху, а? — Он старался задеть Уртила почувствительней, уязвить так, чтобы тот взвыл от ярости. Когда глаза налиты кровью, — не так-то просто целиться, и у Бигмена появился бы шанс на спасение...

Но Уртил был спокоен.

— Заткнулся бы, а? — предлагал он. — Ведь шлепну же, шлепну! И главное, ничего мне за это не будет! Ничегошеньки! Вынужден был, скажу! В целях самообороны, поясню! И все мне поверят — вот ведь какая штука!

— Но уж Лакки-то тебе, допустим, не провести — и не мечтай!

— Твой бедный Лакки будет занят собственными проблемами! И его мнение — после того, как я выведу этого проходимца на чистую воду, — никого уже не заинтересует!

Его рука, сжимающая бластер, шевельнулась.

— Клоп, а не попытаться ли тебе дать тягу?

— Тягу? — эхом отозвался Бигмен.

— Ах да... Не получится... — И, цокнув с сожалением, Уртил стал деловито прицеливаться, хотя это было совершенно излишним — промахнуться с такого расстояния невозможно.

Бигмен пытался угадать момент для прыжка, подобного прыжку Лакки там, наверху. Но ведь здесь не было никого, кто отвлек бы Уртила, как Бигмен проделал это с Майндсом! И состояние этого ухмыляющегося типа далеко не истерично... И все же Бигмен напряг свои мышцы для прыжка, быть может, последнего в жизни.

Тьма и свет

И вдруг Бигмена оглушило хриплым криком!

Они по-прежнему стояли друг против друга, одни в этом мраке, прорезая темноту лучами фонарей. Вне лучей, казалось, не существовало ничего, и поэтому предмет, быстро пересекавший яркую полосу, даже не напугал Бигмена, а вызвал лишь слабое недоумение.

Потом вспыхнула мысль: «Лакки! Он вернулся!»

Но загадочное движение повторилось, и теперь Бигмен увидел, как узкая полоска породы отделяется от стены и медленно падает вниз!

Достигнув плеча Уртила, она прилипла к нему, обнаружив поразительную гибкость. Да! Камень гнулся, как веревка!

Другая полоска уже обвила талию Уртила, а еще одна, зацепившись за кисть одним своим концом, коснулась нагрудного регулятора, и рука была тут же прижата к груди.

— Холодно! — сдавленно просипел Уртил. — Они холодные! — Голос его был полон невыразимого ужаса.

Ошалевший Бигмен пытался что-то понять. Он тупо наблюдал, как эти странные штуки скручивают здоро-

вяка Уртила совсем шутя, как они обматываются вокруг руки, бластера, тела...

Вот еще одна опустилась на Уртила.

Полоски были несомненно единым организмом. Но тела, или центра, или какого-то подобия им не было! Каменный осьминог, состоявший, однако, из одних лишь щупалец, — вот что ползало по Уртилову скафандру.

В мозгу Бигмена вспыхнула догадка...

На Меркурии есть жизнь, совершенно отличная от земной и от всех форм, известных землянам. Жизнь, которая существует только благодаря время от времени перепадающему теплу, в поисках которого щупальца переползают с места на место. Здесь, у северного полюса, они оттого опять-таки, что когда-то шахты, а теперь Купол снабжает их живительными струйками тепла. И человек со своими традиционными тридцатью шестью и шестью, да еще системой обогрева, для них — весьма лакомый кусочек. Шахтер, к примеру... Парализованный внезапным холодом и ужасом, он даже не способен позвать на помощь. А спустя несколько минут он уже слишком слаб для этого. Еще немного времени — и получайте, ребята, окоченевший труп.

Все это пронеслось в сознании Бигмена почти мгновенно, и он даже не успел шевельнуться.

— Не могу... — Шепот Уртила вывел марсианина из оцепенения. — Помоги... помоги мне... замерзаю...

— Держись! — крикнул Бигмен. — Иду!

То, что этот человек просто не успел с удовольствием убить его, сразу вылетело из головы. Бигмен думал об одном: человек в беде, ему нужна помощь!

С тех самых пор как люди отважились покинуть Землю и выйти в полный загадок и опасностей космос, — существовал неписанный закон, строгий и непреложный. По нему все распри между людьми должны быть забыты при появлении врага извне.

Возможно, и не все следовали этому закону, но для Бигмена он был свят.

Одного энергичного прыжка хватило, чтобы оказаться рядом с Уртилом и с силой потянуть его за руку.

— Помоги... — слабо простонал тот.

Бигмен ухватился за бластер, судорожно сжимаемый Уртилом, и стал вырывать, опасливо поглядывая на щупальца, обвившие приклад. Теперь было видно, что

гибкость этой мерзости обуславливалась ее мелким членением на сегменты, жесткие и непонятым образом соединенные.

Свободная рука, которой Бигмен пытался упереться в Уртила, случайно коснулась одного из щупалец — коснулась и тут же рефлекторно отдернулась: Бигмена пронзил обжигающий холод.

Было непонятно, каким образом отбирают тепло эти существа. Они не походили ни на одну из известных Бигмену тварей. Ему не приходилось даже слышать о чем-то подобном...

Бигмен продолжал возиться с бластером. Он так увлекся, что поначалу не заметил легкого прикосновения к спине. А когда заметил, было поздно. Нестерпимо холодное щупальце уже обхватило его и накрепко привязало к Уртилу.

Боль от холода усиливалась с каждой секундой, и Бигмен с отчаяньем обреченного пытался вырваться из мощных безжалостных объятий.

— Бесплезно... — пробормотал Уртил, и его равнодушные испугало марсианина больше всего...

Уртил зашатался и мягко повалился набок, увлекая за собой Бигмена, который уже не ощущал своего тела и чьи мысли превращались в густой, неподвижный сироп.

Свет фонаря становился все более тусклым, по мере того как ненасытные щупальца наслаждались своим коктейлем из тепла и энергии.

Смерть поглядывала на часы.

Лакки, расставшись с Бигменом, сразу же поспешил на «Метеор», где облачился в новый скафандр. Спустя короткое время он уже был на поверхности Меркурия.

Повернувшись к короне, он задумчиво разглядывал ее молочное свечение — «Белого Духа», как здесь принято было говорить.

Тело Лакки привыкло к незнакомому скафандру. По сравнению с обычными, эта модель была удивительно эластичной, что, в сочетании с ее не менее удивительной легкостью, — несколько даже пугало. Казалось, что ты ничем не защищен от окружающего вакуума... Лакки, будучи нормальным человеком, тоже испытывал

некоторую тревогу по этому поводу, — но вскоре успокоился.

Небо переливалось своими бесчисленными звездами. Прошло уже два дня по Стандартному времени с тех пор, как он видел его в последний раз. Меркурий успел преодолеть $1/44$ своего обычного пути вокруг Солнца. Это означало, что примерно 8 градусов неба выползло с восточной стороны и столько же исчезло на западе. Появились новые звезды и планеты. Взошли Венера и Земля.

Венера была как сверкающий бриллиант, гораздо более яркий, чем показалось бы с Земли, — отсюда наблюдатель никогда не видел ее такой, полностью освещенной.

Сейчас Венера находилась в 33 миллионах миль от Меркурия, и все же свет этой крошечной блески был сильнее света короны.

Лакки подумал о том, что за его спиной — две тени, бледная и черная. А может быть, и третья, порожденная светом Земли.

Земля, висевшая у самой линии горизонта, выглядела куда более тусклой, чем Венера. Это объяснялось большей удаленностью от Солнца, а также незначительной облачностью.

Но сине-зеленый свет, исходящий от Земли, — завораживал, и Венера уже казалась самой прозаичной электролампой.

Рядом с Землей, всмотревшись, можно было заметить желтое пятнышко Луны. Эта пара являла собой уникальное зрелище, оценить которое мог всякий, находящийся на планетах внутри орбиты Юпитера. Казалось, по небу блуждают огромные часы с маятником... Лакки, конечно, понимал, что это не лучший момент для созерцаний, — и ничего не мог с собой поделать. Чем дальше забрасывала его судьба, — тем нежнее любил он родную планету. Квадриллионы людей давно разлетелись по всей Галактике, — но разлетелись-то они именно отсюда, с Земли, и только там их единственный дом...

Лакки решительно потрянул головой. Нужно приниматься за дело.

Энергичным шагом он направился в сторону светящейся короны. Его ноги едва касались грунта, а фонарь освещал многочисленные неровности.

Мысль, которая погнала Лакки сюда, была, собственно, даже не мыслью, а так, ничем не подкрепленным предположением. Лакки всегда избегал обсуждать такого рода предположения с кем бы то ни было и даже не слишком разрабатывал их в своем мозгу, — чтобы, превратившись в версии, они не перекрыли доступ свежим идеям... Ему часто приходилось наблюдать подобное в Бигмене, который любую зыбкую полумысль норовил тут же возвести в ранг неоспоримой истины...

Лакки нежно улыбнулся, вспомнив о своем экспансивном друге. Да, конечно, Бигмен частенько вел себя неблагоразумно, никому и никогда не докучая своей уравновешенностью. Но каким преданным он был всегда, сколько бесстрашия в этом малыше! Такое понадежней, чем если бы за Лакки стояла целая флотилия грозных космических крейсеров...

Неунывающего марсианина Старру сейчас явно не хватало, и чтобы поскорей отвлечься от грустного, он принялся думать о другом.

До чего ж прекрасно все успело запутаться с того момента, как Лакки ступил на поверхность Меркурия! Сплошные вопросительные знаки.

Взять хотя бы Майндса. Весьма неуравновешенный, дерганный тип, что и говорить... Но не настолько же, чтобы поливать человека из бластера, как из лейки! Тут, скорее всего, был и какой-то расчет. А кто есть Гардома? Друг Майндса и романтик, носящийся с идеей Светового Проекта, или он приятельствует с доверчивым инженером из каких-то практических соображений? Вопросы, вопросы...

А тут вам еще и Уртил, он же — генератор напряженности. Парень явно вознамерился развалить Совет, и пока что объектом его наскоков прежде всего является Майндс, страстно ненавидящий Уртила. Самоуверенность этого фрукта вызывает, впрочем, неприязнь и в Гардоме, и в Пивирейле. Последний, правда, старается не проявлять своих чувств, избегая всяких разговоров об Уртиле.

Кук тоже обходит Уртила стороной. Во всяком случае, за столом он позволил себе лишь мельком взглянуть на того. Что это — нежелание нарваться на грубую реплику? Или причины глубже? Кук невысокого мнения о Пивирейле и считает, что старик слегка помешал-

ся на сирианских кознях... Кстати, о кознях. Кому понадобилось резать скафандр?

Поток этих мыслей был прерван неожиданной картиной, открывшейся взору Лакки, который только что взобрался на гору.

Над изломанной линией горизонта грозно ворочались исполинские протуберанцы. Ярко-красные струи, лениво и причудливо изгибаясь, двигались вверх. Безоблачная, незагрязненная и крайне разреженная атмосфера Меркурия доносила всю красоту этого зрелища без малейших потерь. Казалось, языки пламени лижут планету.

Один такой протуберанец, подумал Лакки, мог бы легко вместить в себя сотню шаров размером с Землю или же несколько тысяч Меркуриев.

Он выключил ненужный пока фонарь.

Все скалы вокруг стали двухцветными. Сторона, обращенная к Солнцу, ярко пылала, а противоположная — была чернее дегтя.

Рука Лакки отбрасывала на скафандр густую тень. Грунт, казалось, на глазах становился все более неровным и напоминал скомканную, а затем кое-как расправленную фольгу.

Лакки снова двинулся вперед, навстречу поднимающемуся светилу. К моменту, когда должна была появиться основная часть Солнца, он рассчитывал уже пересечь терминатор. Лакки спешил на солнечную сторону, к возможной разгадке тайны, — и даже не подозревал, что его верный друг Бигмен в эти минуты замерзает.

Солнечная сторона

Огненные фонтаны протуберанцев били все сильнее, и звездное небо блекло на глазах.

Лакки ускорил шаг, но энергии, которая захлестывала его, было этого мало, и Лакки побежал. Он мог бы бежать и бежать, не уставая, часами. Так, во всяком случае, ему казалось.

А затем без предупреждения, которое в виде утренних сумерек привыкли получать земляне, показалось Солнце.

Оно было пока лишь тончайшей линией, невыносимо яркой и обрывающейся у огромной уродливой скалы.

Лакки оглянулся. Грунт позади него был весь в красных красках. А у самых ног причудливо играли крупные кристаллы.

Он бежал туда, где стремительно разбухала горящая нить... Солнечный диск был так близок и так огромен, что верхняя его часть выглядела совершенно прямой.

Пылающие протуберанцы были видны и теперь, но лишь у самой кромки короны и походили на рыжие развевающиеся волосы.

Только совершенство скафандра позволяло Лакки наслаждаться всем этим. Ведь если бы его глаза не

были должным образом защищены, он давно бы ослеп или даже умер, потому что человек не может выдерживать такую в буквальном смысле ослепительную яркость, такое интенсивное ультрафиолетовое излучение. Лицевая пластина шлема обладала поистине замечательным свойством становиться все более темной и матовой по мере возрастания яркости падающего на нее света.

Скафандр был напичкан разного рода защитными хитростями. Так, свинец и висмут отражали ультрафиолетовые и рентгеновские лучи. А положительно заряженные протоны космического излучения легко рассеивались одноименным зарядом оболочки. От жары защищала надежная теплоизоляция, а также зеркальное покрытие скафандра — тончайший молекулярный слой, активируемый при помощи нагрудного регулятора... Только одно вызывало досаду — отсутствие прочного металлического каркаса. Скафандр был уязвим для старого доброго удара дубиной и для прочих деликатностей этого ряда.

Уже целая миля солнечной стороны была за спиной, однако особой жары Лакки не чувствовал. Это несколько его не удивляло, так как в отличие от тех, кто знал космос лишь по бесчисленным и бойким субэфирным триллерам, Лакки не был уверен, что солнечная сторона всякой безвоздушной планеты — это обязательно невыносимая жара. Все зависело от того, насколько высоко в небе находится Солнце. Когда оно — как сейчас — выглядывало из-за горизонта, вполне сносное тепло мелкими волнами растекалось по огромным пространствам. Но стоило человеку пойти дальше, в ту часть, где Солнце — наверху, над головой — и вот тут вспоминались все когда-либо виденные «страшилки»...

Свет и жара распространялись здесь строго прямолинейно, и поэтому спасительные островки тени были неразбавленно-черными и удивительно холодными. По мере того как Солнце поднималось все выше, тени — кроме имевших надежное укрытие — сгорали.

Когда Лакки впервые ступил в тень огромной скалы, ему показалось, что он нырнул в прорубь. Без фонаря здесь невозможно было что-либо разглядеть, а в двух шагах чуть ли не скворчала яичница меркурианского грунта.

Атмосфера Меркурия была, конечно, далека по своему составу от земной. Азота, кислорода, двуокиси

углерода или водяных испарений — всего этого не было и в помине. Однако здесь, на солнечной стороне, поверхностному слою планеты время от времени приходилось кипеть. Серные и прочие пары стлались над лопающимися пузырями. В тени же эти пары превращались в подобие вязкого инея.

Дотронувшись до темного грунта, Лакки брезгливо отдернул руку. Пальцы были выпачканы замерзшей ртутью, которая — как он покинул свое убежище — сразу растаяла, а потом и вовсе испарилась.

Солнце палило нещадно, но Лакки не был обеспокоен этим, зная, что в любой момент он может спрятаться и остыть. Вот чего действительно следовало опасаться, так это коротковолновой радиации... Лакки вспомнил рассказ Майндса об удивительном существе, которое разгуливает здесь, как по пляжу. Да, такое может озадачить кого угодно...

Под ногами то и дело мелькали темные, почти черные пятна, усиливающие и без того крайнюю унылость красновато-серого пейзажа. Если красное с серыми было знакомым еще по Марсу, где в избытке подобной мешанины из силикатов и окиси железа, то чернота оставалась непонятной.

Лакки остановился перед одним из пятен. Как будто в лунку был насыпан какой-то порошок — так это выглядело. С ладони Лакки лениво стекла струйка не то графита, не то сульфида железа.

Он снова укрылся в тени... Итак, за полтора часа пройдено 15 или около этого миль, если судить по Солнцу, выкатившемуся целиком. Не так уж плохо...

Он отхлебнул питательной смеси и огляделся. И слева, и справа тянулись кабели злосчастного Светового Проекта. Их паутиной были опутаны сотни квадратных миль, и то, что Майндс так и не изловил диверсанта, — вполне закономерно. Он тыкался наугад и, кроме того, о своих вылазках неизменно предупреждал администратцию. Но ведь кто-то, в таком случае, мог предупредить и диверсанта! Потому-то Лакки и отправился сюда втайне от всех...

И еще одно преимущество было у него перед Майндсом — эргометр, который в эту минуту, освещенный фонарем, посверкивал на ладони.

Индикаторная лампочка вспыхнула с невероятной яркостью, когда на нее упали солнечные лучи. Лакки удовлетворенно улыбнулся и вышел из тени.

Он внимательно посмотрел вокруг. Не скрывается ли где-то поблизости невидимый пока источник атомной энергии?

Индикатор вспыхивал всякий раз, когда рука с эргометром опускалась вниз. Но этому было объяснение: на глубине одной мили располагалась силовая установка Купола.

Лакки, вытянув обе руки вперед и держа эргометр лишь указательными пальцами — чтобы скафандр не мешал работе прибора, — стал совершать медленные обороты вокруг собственной оси — один, другой, третий...

И вдруг — или только показалось? — вспыхнуло! Лишь на короткое мгновение, но вспыхнуло!

Лакки тут же проверил, не ошибся ли он. Никакой ошибки!

Пристально посмотрев туда, откуда шли эти слабые импульсы, Лакки зашагал вперед. Чуткий эргометр, конечно же, мог прореагировать и на самую обычную радиоактивную руду, но проверить не мешало...

Пройдя с милю, Лакки остановился перед кабелем Майндса. Точнее, перед многоцветным множеством кабелей самой разной толщины, уложенных в едва намеченную траншею. Пройдя вдоль нее несколько сотен ярдов, он наткнулся на небольшую, примерно четыре фута на четыре, квадратную пластину, металл которой был отполирован до совершенства. Звезды отражались в ней, как в луже чистой воды.

Пристроившись рядом, Лакки стал с любопытством разглядывать зеркальный квадрат. Он заметил, что пластина начала изменять угол своего наклона, поворачиваясь к Солнцу. И вдруг квадрат стал матово-черным, причем именно в тот момент, когда на него должен был упасть солнечный луч! Но вскоре матовость стала слабеть, слабеть — и вот уже отвернувшийся от Солнца квадрат сверкал как ни в чем не бывало.

Лакки проследил три цикла этой метаморфозы — и всякий раз, как только квадрат принимал вертикальное положение, блеск исчезал. Насколько равномерно чередовались фазы, Лакки даже не пытался выяснить. При его скромных познаниях в гипертропии, это вряд

ли что-то бы дало. В голове его ничего, кроме мыслей о том, что сотни, а может быть, и тысячи таких вот квадратиков поглощают и отражают солнечный свет — ничего, кроме, таких мыслей, не высекалось...

Таким способом, очевидно, улавливается световая энергия, а порванные кабели и разбитые пластины снижают, естественно, эффективность всей системы. А вот кто здесь безобразничает — предстоит еще выяснить, если предстоит...

Лакки, поглядывая на эргометр, снова шел вперед. По тому, как странно вел себя индикатор — интенсивность свечения непрерывно и беспорядочно менялась, — можно было уже догадаться, что объект во всяком случае не радиоактивная руда. Он передвигался и был, возможно, человеком!

В подтверждение своих мыслей Лакки увидел впереди едва приметное пятнышко. Это произошло как раз в тот момент, когда он уже совсем было собрался в очередной раз передохнуть в тени.

Туда, быстрее туда! На скафандре уже, наверное, можно было кипятить воду, но сейчас это казалось не таким существенным. Главное было — успеть!

Движения фигуры (Лакки приблизился настолько, что мог ее рассмотреть) не поражали своей грациозностью. Во всяком случае, Лакки чувствовал себя в условиях низкой гравитации куда свободней. Походка же того, кто двигался впереди, представляла собой крайне нелепое зрелище. Это было неким шкандыбанием — весьма, впрочем, стремительным.

Но самым удивительным было то, что на нем отсутствовал скафандр! Парень, казалось отсюда, был просто сделан из металла!

Лакки позволил себе немного передохнуть в тени и, охладившись, снова вышел на солнце.

Фигура тем временем продолжала свой моцион и в тень, в отличие от своего взмокшего преследователя, отнюдь не стремилась. Но Лакки, который уже все понял, не удивлялся таким мелочам.

Он спешил, потому что жара сделалась почти нестерпимой, а ему еще предстояло поработать...

Гигантские 15-футовые шаги стоили Лакки огромных, на грани возможного, усилий воли и мышц.

— Эй, ты! — крикнул он наконец. — Отдохни-ка, приятель! И для начала — повернись ко мне!

Лакки вложил в эти слова всю властность, на какую был способен, не будучи, однако, уверенным, что его услышат.

Фигура тотчас застыла, а потом, неуклюже переминаясь, развернулась. Стоящий перед Лакки — не был человеком...

Диверсант

В нем было футов семь росту, и он буквально сверкал под солнечными лучами. Он не имел ни плоти ни крови, а одни лишь холодные хитроумные устройства, питаемые микрореактором, на который-то и прореагировал эгрометр.

Конечности монстра были уродливо огромными, и стоял он, широко расставив ноги. Два фотоэлемента были его глазами, а узкая прорезь в нижней части головы обозначала рот.

Да, это был робот. И робот не земного производства, как сразу понял Лакки. На Земле никогда не существовало подобных моделей.

Щелевидный рот беззвучно открывался и закрывался.

— Я не слышу в вакууме, робот! Включи передатчик! — Лакки сказал это строгим тоном, на всякий случай.

— Что вы тут делаете, сэр? — равнодушно проскрипело в шлемофоне.

— Вопросы буду задавать я, — ответил Лакки. — Чем ты занимаешься здесь?

— Разрушаю определенные объекты через определенные отрезки времени. — Это была характерная для роботов откровенность.

— Кем ты запрограммирован?

— Я не должен отвечать на этот вопрос.

— Хорошо, не надо... Ты — сирианского производства?

— Я создан на одной из планет Сирианской системы.

Лакки досадливо поморщился. Этот скрип раздражал его. Земные роботы, которых он видел в экспериментальных лабораториях, обычно были снабжены специальными голосовыми коробками, издающими вполне приличные звуки. Нет, сирианцы напрасно пренебрегают этой стороной дела... Жара прервала его размышления.

— Робот! Я должен найти затемненное пространство! Ты отправишься со мной!

— Я покажу вам ближайшую тень. — Сказав это, робот поспешил к скале.

Лакки, едва поспевавший за ним, внимательно наблюдал за странными движениями металлических ног.

То, что издали казалось неуклюжестью, было на самом деле хромотой, причем какой еще хромотой!

Второй явный дефект в, казалось бы, совершеннейшем творении поганых сирианских рученок! Не многовато ли?

А ведь он может быть просто-напросто уязвим для здешней жары! — внезапно подумал Лакки, и жалость охватила все его существо.

Теперь он смотрел на ковыляющего впереди робота почти с нежностью, думая о платино-иридиевом чуде, скрытом под массивным стальным черепом.

Позитроны, невообразимое их число, квадриллионы квадриллионов — рождались и исчезали в миллионные доли секунды. И след, оставленный ими, был грубым подобием работы человеческого мозга.

Поведение гуманоидов жестко регламентировалось Законами робота, которых было три.

Согласно Первому из них, действия или пассивность робота не должны причинять вред человеческому существу. Это был основной Закон.

Второй Закон предписывал роботу подчиняться приказам человека, если они не вступают в противоречие с Первым Законом.

Третий Закон позволял роботу защищать себя, если это не нарушало Первый и Второй Законы...

Лакки был выведен из состояния задумчивости тем, что робот внезапно споткнулся. Да, он споткнулся и едва не упал, хотя грунт под ногами был ровным! Как стол! И все-таки робот потерял равновесие. А потом, как будто ничего не произошло, двинулся дальше.

Что-то с тобой творится... — тревожно подумал Лакки.

Войдя в тень, он включил фонарь и осветил робота.

— А что, Первый Закон уже отменили? И ты теперь можешь крушить все подряд, да?

— Я должен подчиняться приказам. — Отсутствие интонаций звучало сейчас как издевательство.

— Приказы? Но ведь это всего лишь Второй Закон! И, выполняя его, ты нарушаешь Первый!

— Не нарушаю, сэр. Я не видел людей, я не мог причинить им вред.

— Однако ж причинил — тем, кого не видел.

— Я не видел людей, я не мог причинить им вред, — упорно талдычил робот, и Лакки окончательно уверился в том, что перед ним не самая удачная модель. — Я должен был избегать людей, — не умолкал робот. — Меня заранее предупреждали об их появлении. Меня заранее не предупредили о вашем появлении.

Лакки задумчиво оглядывал меркурианский ландшафт, вспоминая рассказ Майндса о двух безуспешных попытках приблизиться к шпиону. Если бы он, Лакки, не отправился сюда тайком от всех, захватив к тому же эргометр, — робот вряд ли был бы обнаружен...

— Кто предупреждал тебя о появлении людей?

Лакки, разумеется, не надеялся, что робот тут же во всем и признается.

Перехитрить его было так же просто, как перехитрить, скажем, фонарь.

— Я проинструктирован не отвечать на этот вопрос, — проскрипел робот. — Не задавайте вопросов, расстраивающих систему, пожалуйста.

— Ух ты! Ну, если уж ей нипочем даже нарушения Первого Закона — система крепкая...

Он вышел из тени и, обернувшись к следующему за ним роботу, спросил:

— Твой серийный номер?

— RL-726.

— Ну так вот, дорогой RL-726... Надеюсь, ты уже догадался, что я человек?

— Да, сэр.

— И понимаешь, что моя экипировка исключает длительное пребывание в этой жаре?

— Моя также, сэр.

— Да-да... — Лакки вспомнил о том, как робот чуть не упал. — Но для человека, видишь ли, это куда опаснее...

— Да, — покладисто отозвался робот.

— Идем дальше... Ты ведь знаешь, что мне не по вкусу твои проделки, и я хочу узнать, кто приказал тебе выводить из строя оборудование...

— Я проинструментирован...

— А если ты не скажешь мне, — повысив голос, продолжал Лакки, — то я останусь здесь и Солнце убьет меня. Ты, таким образом, образцово нарушишь Первый Закон, умышленно не отвратив от меня опасность...

Робот долго молчал. За это время в нем обнаружился очередной дефект — часто замигал левый глаз. А потом послышалось неразборчивое, какое-то пьяное бормотание:

— Перенесу... безопасс... месс...

— Но я буду сопротивляться! И ты причинишь мне вред! — радостно возразил Лакки. — Ответив же на мой вопрос, ты спасешь мою жизнь, RL-726!

RL безмолвствовал.

— Ну, так как? Будем отвечать или нет?

Тут робот с неожиданной резвостью метнулся вперед и, остановившись в двух шагах от Лакки, равнодушно проскрипел:

— Я просил вас не задавать мне этого вопроса, сэр.

После чего огромные его руки угрожающе протянулись к человеку, но тут же приняли исходное положение.

Лакки наблюдал за всем этим совершенно спокойно, чуть ли не насвистывая. Он прекрасно знал, что робот не способен причинить вред человеческому существу. Не способен — и все тут.

Но робот снова поднял одну из рук и прижал ладонь к голове так, будто он был человеком и она у него болела.

Головная боль!

Страшная догадка пронзила Лакки, и он оценил всю глубину своего идиотизма.

Не ноги робота, не голос и не глаза были испорчены! Не на них повлияла эта жара! Был поражен сам позитронный мозг! Он не выдержал высокой температуры и щедрой радиации!

Как долго жгли его эти ласковые лучи, будь они неладны? Месяц? Два? А может быть, год?

Итак, мозг, пусть даже частично, но разрушен. Если бы речь шла о человеке, то можно было бы говорить об одной из стадий психического расстройства.

Сумасшедший робот! Настоятельно рекомендую: робот, свихнувшийся от жары и радиации!

Долго ли еще будут держаться в его потрепанных извилинах Законы робота?

RL-726 приближался к нему, вытянув вперед свои ручки. Похоже было, что Лакки своими милыми вопросиками вызвал в позитронном мозгу настоящий обвал.

— Как ты себя чувствуешь, робот? — бодро поинтересовался он и попятился.

Робот молча наступал.

И Лакки с ужасом понял: если уж он с такой легкостью намеревается преступить священный Первый Закон — от позитронного мозга осталось одно название. Оттянуть время! Нужно оттянуть время и попытаться найти какой-то выход!

— У тебя, случайно, не болит голова, а, RL?

— Я не знаю значения слова «болит».

— Вот как? — светски удивился Лакки. — Что-то мне жарковато... Пойдем-ка лучше в тень! Тут такие замечательные тени — просто не верится! — И он игриво потрусил к скале.

— Я должен устранять все, что мешает исполнению отданных мне приказов, — равнодушно сообщил робот.

— А как же! — согласился Лакки, вытаскивая бластер.

Он вовсе не горел желанием уничтожить этого бедолагу. Такой шедевр, пусть даже контуженный, мог бы очень пригодиться Совету.

— Стоять! — приказал Лакки, резко повернувшись.

Только прерывистость движений металлической руки позволила ему избежать страшного удара. Легко оттолкнувшись от грунта, Лакки прыгнул в сторону.

Если бы удалось заманить робота сюда, в тень, и остудить его раскаленную голову, Лакки смог бы договориться с ним по-хорошему, не применяя оружия.

Если бы, если бы...

Снова прыжок — и черный, поднятый ногами робота песок без промедления — разреженное пространство не ведало пыли — упал на грунт.

Это была жуткая пляска человека с роботом, отчаянная и беззвучная.

К Лакки потихоньку возвращалось спокойствие. Он видел: движения робота становятся все более беспорядочными, бестолковыми.

Но тот был все еще опасен. Он теперь явно преграждал дорогу к тени, пытаясь этим убить человека.

Внезапно Лакки остановился. Замер и робот. Они стояли в пяти футах друг от друга, на большом сульфидном пятне, чернота которого делала жару еще более нестерпимой. Лакки чувствовал приближение обморока. Но между ним и тенью стоял робот.

— Ну-ка, лыжню! — с трудом разлепив губы, прохрипел Лакки.

— Я должен устранять все помехи. Вы являетесь таковой, сэр, — терпеливо объяснил ему робот.

И Лакки понял, что выбора больше нет. Угроза его собственной жизни вынуждает уничтожить робота. Он поднял бластер.

Но жара и чрезмерное утомление заменили мышцы ватой! И рука поднималась медленно, очень медленно!

Робот сжал ее — и бластер плавно опустился на грунт. А потом Лакки оказался в железных объятиях, но это уже ничуть не волновало. Единственное, о чем он думал, было: жара, жара, жара...

RL обнял его еще крепче, хотя в этом не было никакой необходимости, ни один человек не мог противостоять такой чудовищной силе.

Откинувшись назад и вздрагивая в такт неровной поступи, Лакки тупо размышлял о том, как ненадежны все-таки скафандры этой модели, особенно если тебя

вот так сердечно обнимают, чуть что — и получите дырку...

Рука Лакки безвольно болталась, оставляя след на рыхлых пятнах черного песка, когда в его сонном мозгу вспыхнула неожиданная идея.

Это был шанс!

Перед дуэлью

Переплет, в который попал Лакки, был причудливым отражением происходящего с Бигменом. Последнему, правда, угрожала не жара, а все более возраставший холод. Каменные «веревки» сжимали так же верно, как руки безумного робота. Но маленький марсианин не оставлял попыток овладеть оружием, судорожно зажавшим рукою Уртила.

И это удалось ему! Причем настолько внезапно, что тяжелый бластер едва не выпал из окоченевших пальцев.

— Чтоб тебя разорвало! — испуганно пробормотал Бигмен и сжал приклад крепче.

Знать бы уязвимое место этих щупалец — они сразу получили бы свою порцию заряда. Ну, а пока — рисковать не стоило...

При помощи нагрудного регулятора он свел подачу энергии к минимуму.

Холоднее стать уже не могло — и не стало.

Теперь нужно было активировать бластер, желательно, не выронив его. Крайне желательно — не выпустив его из своих дырявых рук!

Указательный палец дотянулся до кнопки и нажал ее.

Бластер стал быстро нагреваться, сообщая об этом красноватым свечением. Конечно же, такое обращение шло во вред энергосистеме, ведь бластер никак не предназначен для обогрева.

Собрав последние силы, Бигмен отбросил оружие как можно дальше от себя. Все вокруг задрожало, стало зыбким, ирреальным...

А потом он почувствовал первый прилив тепла, которое слабо сочилось из энергоблока. Энергия уже не уходила в ненасытные щупальца — вот что это означало!

Бигмен недоверчиво повел плечами. Потом осторожно шевельнул ногой. Ничего больше не сковывало движений!

Вот зажегся скафандровый фонарь, и луч его осветил то место, куда только что полетел бластер. Там медленно копошился отвратительный клубок щупалец.

Вздвогнув, Бигмен порывисто схватил бластер Уртила, настроил его на минимальный режим, потом включил и бросил туда же, в качестве добавки.

— Эй, Уртил, ты меня слышишь?

Ответа не последовало.

И Бигмен, маленький Бигмен, потащил огромного детину Уртила на себе. Фонарь пострадавшего слегка мерцал, а это значило, что в энергоблоке кое-что осталось и температура в скафандре скоро должна нормализоваться.

Бигмен, не колеблясь, связался с Куполом, понимая, что теперь, когда он обессилен, а в энергоблоке почти ничего, еще одна встреча с местными ребятами была бы ему в тягость...

Нашли их удивительно быстро.

После двух чашечек кофе и необыкновенно вкусной горячей еды к Бигмену, окруженному теплом, светом и заботой, вернулся его обычный оптимизм. О пережитом он вспоминал не то чтоб с удовольствием, но и без особого ужаса.

Пивирейл крутился возле и был похож на взволнованную наседку. Его седая шевелюра была в полном беспорядке.

— Вы действительно хорошо себя чувствуете, Бигмен? Совершенно никаких симптомов? — допытывался он.

— Я чувствую себя изумительно, мистер Пивирейл! Как никогда! А что Уртил? Надеюсь, он тоже в порядке?

— По-видимому, да, — холодно ответил астроном. — Доктор Гардома, во всяком случае, не видит никаких оснований тревожиться за его состояние.

— Чудесно! — кровожадно обрадовался Бигмен. — Замечательно! Превосходно!

— Вы так о нем беспокоитесь? — удивился Пивирейл.

— Да, сэр! Этот человек мне очень дорог! Нас так много связывает!

Вбежал взволнованный Кук.

— Туда послана большая группа! Возможно, нам удастся изловить парочку этих созданий! В качестве приманки используются камеры, наполненные постоянно подогреваемым воздухом! — Он был явно горд своей изобретательностью. — Вы, кстати, удачно отделались, мой друг! — Эти слова были адресованы уже непосредственно Бигмену.

— Что?! — Голос оскорбленного марсианина едва не перешел в ультразвук. — Удачно отделался?! Это моя удачно наполненная голова спасла меня, если хотите знать! Как следует поразмыслив, я понял, что этим тварям нужно только тепло, — и лишь потом перешел к решительным и единственно правильным действиям! Которые и увенчались!

Дождавшись окончания тирады, Пивирейл удалился, и Бигмен с Куком повели неторопливую беседу.

— Представьте! — начал Кук. — Вы только представьте! Все эти истории о замерзших шахтерах — чистейшая правда! Вы только подумайте! Это ж надо — каменные щупальца, всасывающие энергию! А? Как-во? Да-а... А вы точно их описали, Бигмен?

— Вполне. Поймав одну из этих симпатяг, вы убедитесь в этом.

— Какое грандиозное открытие! — И Кук, схватившись обеими руками за голову, стал бегать взад-вперед.

— Мистер Кук, а как же так вышло, что это грандиозное открытие не было сделано раньше?

— Но вы же сами говорили, что эти существа замечательно растворяются в окружающей их среде! Мимикрия — это вам не что-нибудь! А кроме того, они ведь, мерзавцы, атакуют только одиноких людей, чтоб уж справиться наверняка! И кто знает, может быть, это рудиментарные остатки бывшего интеллекта заставляют их прятаться в темноте, а не просто инстинкт самосохранения... Надо же, как все обернулось! Уже лет тридцать в шахты никто не спускался, и все тепло оттуда, естественно, ушло. Однако они не решались штурмовать Купол — такой тепленький, соблазнительный... Когда же люди сами спустились к ним — искушение стало непреодолимым, и одно из этих существ напало, напало даже при свидетеле!

— Мистер Кук, а почему бы им не перебраться на солнечную сторону? Уж там-то они не озябли бы!

— Полагаю, что эта мысль приходила в их отсутствующие головы, и было решено подождать, пока Солнце немного остынет.

— Но ведь кинулись же они на раскаленный бластер!

— Значит, им не по вкусу радиация! Кстати, на солнечной стороне может обнаружиться еще один вид этих существ — кто знает...

Идеи вылетали из Кука одна за другой.

— Значит, вы спасли Уртилу жизнь? — спросил он ни с того ни с сего, перебив самого себя.

— Да, — кивнул Бигмен.

— Ну что ж, может быть, это и к лучшему... Если бы он умер — обвинили бы наверняка вас. Сенатор Свенсон своими речами уж обольет так обольет. И вас, и Старра, и Совет — покрыло бы толстым слоем...

— Послушайте! — нетерпеливо перебил его Бигмен. — Когда я смогу увидеть Уртилу?

— Как только доктор Гардома позволит вам встать, — несколько озадаченно ответил Кук.

— В таком случае, пожалуйста, свяжитесь с доктором и передайте ему, что я в полном порядке.

Кук подозрительно посмотрел на маленького марсианина.

— А ну-ка, выкладывайте, что вы там еще задумали? И Бигмен изложил свой план.

Гардома открыл дверь и жестом пригласил Бигмена войти.

— Он ваш! — прошептал доктор. — А я исчезаю!

Облегченно вздохнув, он действительно исчез.

Бигмен и Уртил смотрели друг другу в глаза.

Джонатан Уртил был мертвенно-бледен, и ему стоило немалых усилий растянуть свои губы в ухмылке.

— Ты, конечно, приперся, чтобы справиться о моем здоровье? Должен тебя огорчить, дружок, — я цел и невредим!

— Да уж вижу... Но приперся я еще и затем, чтобы узнать: ты до сих пор считаешь, что Лакки Старр сооружает некое подобие сирианской базы?

— Считаю, милый, считаю. И собираюсь это доказать.

— Заранее зная, что это ложь, грязная ложь! И доказательства твои будут не чище! Впрочем, не ждать же, в самом деле, что ты, хотя бы из чувства благодарности к спасшему твою жизнь...

— Чего-чего-чего? О каком спасении ты говоришь! Лично меня никогда и никто не спасал. В этом просто не возникало надобности. Может быть, ты что-то перепутал?

— Перепутал?! — Возмущению Бигмена не было предела. — А не ты ли, поганец, звал меня на помощь?

— Впервые слышу! Может быть, у тебя есть свидетели?

— Свидетели тебе понадобились? А кто тебя вытащил из этой переделки — не припоминаешь?

— О чем ты? Какая еще переделка? Эта штуковина как приползла — так и уползла. Испугалась, наверное. Да и не было ее вовсе!.. О! Вспомнил! Там случился маленький, аккуратный обвал! Меня слегка задело, что бывает, но не убило, что приятно. Так за это я должен осыпать тебя поцелуями, букашка? И позволить дружку твоему избежать заслуженного наказания, да? Ну, ты даешь!

— Плоховато у тебя с памятью, плоховато... О попытке убить меня — тоже, наверное, забыл? Выветрилось как-то, да?

— Что?! Убить?! А ну, топай отсюда, гном, пока есть чем!

Бигмен титаническими усилиями сохранял хладнокровие.

— Хорошо. Предлагаю сделку, Уртил. Ты считаешь возможным постоянно угрожать мне лишь по той причине, что дюймов и фунтов в тебе — чуть побольше. Но встретив даже слабое подобие отпора, ты всякий раз в панике ретируешься — этого тоже не отнять...

— Вспомни о своих фокусах с ножичком, ангел!

— Похоже, ты самый обыкновенный трус. А если нет — померимся силами! Прямо сейчас, не откладывая! И без оружия. Или ты слишком слаб для этого?

— Слаб?! Даже провалявшись здесь два года, я не стану слишком слабым для тебя!

— Тогда пошли! Драться будем при свидетелях, чтоб не юлил потом... Я уже договорился с Хенли Куком, и нам предоставлен энергетический зал. Устраивает?

— С Куком, говоришь? О, этот малый терпеть тебя не может! Но это так, к слову... А что Пивирейл?

— Пивирейл — ничего. Он не знает. Кстати, Кук прекрасно относится ко мне.

— Спит и видит покойничка Бигмена. И я, кажется, могу ему угодить. Но чего ради, интересно, мне пачкать руки о такую козьявку?

— Трусись?

— Я сказал «чего ради»! Здесь, кажется, было что-то пискнуто о сделке?

— А говоришь — память плохая... Так вот. Если победишь ты — я ни словом не обмолвлюсь о некоторых деталях нашей встречи в шахтах.

— Убил! О деталях он не обмолвится! А мне-то какое дело до деталей твоих!

— Ты, случайно, не боишься проиграть, Уртил?

— Проиграть?! Да от тебя мокрого места не останется, клоп! И меня обвинят в убийстве — вот чего я боюсь!

— Теперь понятно, — кивнул Бигмен. — И перейдем к следующему пункту. Насколько ты тяжелее меня — хотя бы примерно?

— На сотню фунтов, если не больше, дорогуша! — нежно осклабился, Уртил.

— Надо же — как много в тебе жира! — восхитился Бигмен. — Предлагаю, в таком случае, драться при меркурианской гравитации. У тебя останется преимущество в 40 фунтов, но это уже мелочи. Так как? Идет?

— С каким удовольствием я тебе вклею, малыш, с каким удовольствием! Неужели этот сверчок скоро умолкнет, люди!

Уртил, переполненный безудержным гневом и предвкушением упоительной забавы, быстро исчерпал свои мимические возможности и рычал теперь с совершенно равнодушным выражением бордового лица.

— Значит, сделка заключена?

— Да! Да! — Уртил задыхался. — И я постараюсь не убить тебя, амеба, очень постараюсь! А насчет всего прочего — уж не обессудь, сам напросился...

— Это точно. — По-воробыному подпрыгнув, Бигмен побежал к выходу, размахивая кулаками. Он был настолько занят мыслями о предстоящей схватке, что даже перестал думать о Лакки, который в эту минуту...

В энергетическом зале стояли генераторы и прочее громоздкое оборудование. Незанятого пространства, используемого обычно для собраний всего персонала, было здесь также предостаточно. Зал являлся самой старой частью Купола. Еще до того как были вырыты шахты, рядом с генераторами спали на своих походных кроватях инженеры и проходчики. В последнее же время здесь частенько устраивались кинопросмотры.

Сегодня помещение должно было стать рингом.

У стены смущенно жалось несколько инженеров во главе с Куком.

— Это все, что ли? — бросил Бигмен так удивленно, как будто еще минуту назад он грелся в лучах славы.

— Видите ли, — бросился объяснять Кук, — Майндс со своими людьми — на солнечной стороне, а еще 10 человек — в шахтах, ищут ваши щупальца. Остальные — на своих рабочих местах.

Закончив рапорт и покосившись на Уртила, Кук вполголоса спросил:

— Бигмен, вы уверены, что действуете разумно?

Уртил уже разделся по пояс и демонстрировал свои мышцы, а также густо заросшую грудь.

Марсианин, равнодушно оглядев соперника, спросил у Кука:

— Что там у нас с гравитацией?

— Мы понизим ее уровень по сигналу, как договорились. Надеюсь, Уртил в курсе?

— А как же! — Бигмен улыбнулся. — Все честь честью!

— Да-да... — вздохнул Кук.

— Ну, что там? — раздался крик Уртила. — Составляем завешание?

Довольный своей шуткой, он посмотрел на зрителей.

— Неужто кто-нибудь поставит на мартышку?

Тревожные взгляды устремились на Бигмена, который тоже разделся. Все видели, конечно, что его ладное тело не напоминало студень, но сравнивать с ухмыляющейся горой мышц... Уж какие тут ставки...

— Готовы? — спросил Кук.

— Готовы, — отозвался за обоих Уртил.

Кук облизнул пересохшие губы и протянул руку к пульту. Гул генераторов утих.

Внезапная потеря веса заставила Бигмена качнуться, как и всех, кто находился в зале.

Уртил, едва не упав в первый момент, двигался сейчас очень осторожно.

Мелкими шажками он вышел на середину и стал в расслабленной, издевательски расслабленной позе.

— Ну, где ты там, насекомое?

Последствия

Движения Бигмена были сама грациозность. Он наслаждался. Он чувствовал себя вполне как дома — ведь меркурианская гравитация только слегка отличалась от гравитации его родного Марса.

От внимательного взгляда серых глаз Бигмена не ускользнуло ни одно, даже самое незначительное движение соперника, изо всех сил старающегося сохранить вертикальное положение в явно непривычных для него условиях.

А Бигмен порхал! Причудливые изломы его стремительных, легких прыжков совершенно обескураживали Уртила.

— Что это, марсианский вальс?

— Ага! — кротко ответил Бигмен. — Один из видов! — И резко подавшись вперед, ударил Уртила в бок, отчего тот зашатался.

«Молодец, парень!» — крикнул кто-то из зрителей.

Пока пострадавший приходил в себя, Бигмен, в позе тореадора, отдыхал, любуясь следом от своего удара и разъяренным лицом соперника.

Но вот Уртил стремительно выбросил огромную руку с растопыренными пальцами — и не менее стреми-

тельно, не успев даже удивиться, последовал за нею сам.

Бигмен играючи увернулся и с демонстративным любопытством стал рассматривать спину незадачливого верзилы, который уморительно размахивал руками.

Когда спина эта потеряла для Бигмена всякий интерес, взгляд его скользнул чуть ниже — и немедленно к этому взгляду присоединился носок замечательного оранжевого сапога. В следующее мгновение оттолкнувшийся марсианин уже легел высоко в воздухе, а Уртил, так и не успевший развернуться, мешковато топал в противоположном направлении.

Послышался смех. Один из инженеров, сложив ладони рупором, крикнул:

— Эй, Уртил! Я, кажется, ставлю на Бигмена!

Но Уртил уже ничего не слышал. Он громко сопел, и глаза его буравили ненавистного Бигмена.

— Ну-ка, поднять гравитацию! — раздался хриплый крик. — Хватит шуточки шутить!

— В чем дело, цистерна? Разве тебе недостаточно сорока фунтов форы? — Марсианин недоуменно развел руками.

— Я убью тебя! Убью! — чуть не захлебнулся Уртил.

— Пожалуйста! В любой момент! — продолжал издеваться Бигмен.

— Подожди, подожди... Дай мне только сладить с этой гравитацией. Скоро я вырву из тебя кусочек.

— Выкусишь.

Зрители между тем напряженно молчали. Они понимали, что Бигмену, при всей его ловкости, грозит серьезная опасность со стороны разъяренного Уртила.

А марсианин продолжал забавляться! Вот он подпрыгнул высоко вверх и, когда Уртил попытался до него дотянуться, быстро подобрал ноги к животу и в следующий миг уже стоял позади противника.

Раздались громкие аплодисменты. Бигмен, прижав ладошку к сердцу, театрально раскланялся.

Затем последовал вовсе опасный трюк. Нырнув под одну из раскинутых ручищ, он нанес сильнейший удар по грозному бицепсу.

Уртил сдавленно зарычал и, развернувшись вновь, стал исподлобья наблюдать за мелькающим марсианином, не реагируя ни на поддразнивания, ни на оплеухи.

А Бигмен уже подумывал над расширением репертуара. Ему надоело скакать вокруг Уртила, как собачонке вокруг медведя. Хотелось чего-то свежего, неординарного.

— Ну, что ж ты, приятель! — поддел он Уртила. — Спать сюда пришел? А мне за двоих работать, что ли?

— Подойдешь поближе — тогда помогу! — прохрипело в ответ.

— С удовольствием! — сразу согласился Бигмен и, ринувшись вперед, нанес сильный удар в небритую челюсть, после чего, отлетев легким мячиком назад, сказал с укоризной:

— Нехорошо обманывать!

— Попробуй-ка еще раз!

Бигмен вновь продемонстрировал свою покладистость — и вновь рука Уртила успела лишь дернуться.

Послышался одобрительный гул.

— А ну-ка — теперь... — Язык Уртила заплетался.

— Да, пожалуйста!

Но на этот раз Уртил был начеку. Он не размахивал без толку руками и не крутил головой — он неожиданно прыгнул вперед.

Бигмен попытался сложиться вдвое и перелететь таким образом через противника, но не успел. Его лодыжка была сжата с такой силой, что из глаз марсианина брызнули слезы.

Уртила, к счастью, так нешуточно занесло, что Бигмен смог освободить свою ногу и даже слегка наподдать обидчику.

Уртил, однако, очень быстро восстановил равновесие и с ревом бросился на него.

Марсианин, нога которого горела все сильнее, уже утратил изрядную часть своей проворности — и не было ничего удивительного в том, что Уртил без особого труда сгреб его в охапку.

Оба рухнули на пол.

Возбуждение зрителей было столь велико, что даже громкое требование Кука прекратить бой — потонуло в общем геме.

А Уртил уже поднялся, и в вытянутой руке его отчаянно бился бедный Бигмен.

— Ну что, кузнечик? — ласково хрипел прямо в ухо торжествующий верзила. — Допрыгался?

Бигмен, уперевшись в колено своего мучителя, резко дернулся назад.

Стараясь во что бы то ни стало избежать падения, Уртил тоже отпрянул, но слишком энергично — и упал.

Правое предплечье Бигмена по-прежнему сжимали тиски мохнатых пальцев.

Сильно ударив по локтю Уртила — душераздирающий вопль заставил зрителей похолодеть, — Бигмен вырвался и, не дав противнику опомниться, обхватил, в свою очередь, его предплечье обеими руками.

То, что произошло потом, было совершенно невероятным.

В момент, когда обезумевший от злости Уртил наконец поднялся с четверенек, марсианин, собрав все силы и почти лопаясь от натуги, взметнул над собой эту огромную тушу! И тут же разжал руки.

Разжал и стал с интересом наблюдать за параболическими дугами, которые Уртил медленно и величаво чертил в воздухе, то и дело ударяясь об пол...

Земная гравитация — она вернулась не постепенно, но навалилась моментально, застав всех врасплох. Бигмен, неловко упав, подвернул ногу и теперь корчился от боли. Упал и кое-кто из зрителей. Зал переполнился криками боли и смутения. В первые минуты никто даже не заметил случившегося с Уртилом.

А случилось вот что. Изменение гравитации настигло его в самой верхней точке параболы и безжалостно швырнуло вниз. Голова несчастного ударилась о защитную стойку из генераторов с таким звуком, как будто раскололи большой орех...

Морщась и пошатываясь, Бигмен поднялся на ноги. Он увидел ничком и неподвижно лежащего Уртила и склонившегося над ним Кука.

— Что случилось, черт побери? — крикнул марсианин. — Что случилось с гравитацией?

Нестройное эхо растерянных голосов повторило вопрос. И только Кук, обернувшись, тихо произнес:

— Не до нее. Уртил...

— Что с ним? — испуганно спросил один из инженеров. — Он ушибся?

— Он мертв, — ответил Кук. — Мертв!

Тело окружили тесным кольцом.

— Нужно вызвать доктора... — отрешенно, сам не слыша себя, сказал Бигмен.

— Да-а... Вас ожидает куча неприятностей, милейший. — Кук холодно смотрел в пустоту. — Ведь это вы убили его.

— Его убило изменение гравитации.

— Боюсь, что это трудно будет доказать. Брошен-то он был — вами...

— Я не собираюсь отпираться — можете быть спокойны, мистер Кук.

— Однако действительно нужно вызвать Гардому...

Доктор явился через пять минут, и то, с какой быстротой был произведен осмотр, уже подтверждало правоту Кука.

Вытерев руки носовым платком, Гардома оглядел присутствующих, а потом сказал:

— Да, он мертв. Проломлен череп, чего ж вы хотели... Как это произошло?

Одновременно заговорило несколько человек, но Кук властным жестом заставил их замолчать.

— Поединок между Бигменом и Уртилом, вызванный...

— Между Бигменом и Уртилом?! — взорвался Гардома. — Кто допустил это? Какой идиот мог предположить, что Бигмен устоит против...

— Минуточку! — подал голос Бигмен. — Со мной-то как раз все в порядке!

— Совершенно верно! — поддержал его Кук. — Не забывайте, Гардома, что мертв — Уртил! А Бигмен был инициатором этой злополучной дуэли!

— Да, — согласился марсианин. — Поединок затеял действительно я. И я же настоял на том, чтобы он проходил в условиях меркурианской гравитации.

— Меркурианской гравитации? — Глаза Гардомы удивленно округлились. — Здесь? — Он недоверчиво посмотрел себе под ноги, как бы спрашивая, не обманывают ли его собственные чувства.

— Не ищите ее, — поспешил успокоить доктора Бигмен. — Меркурианской гравитации здесь больше нет. Потому что в самый неподходящий момент она сменилась псевдогравитацией Земли. Бац — и готово! Примерно таким образом. И именно она убила Уртила, а не ваш покорный слуга!

— В таком случае, кто же включил земную гравитацию? — недоуменно спросил Гардома. Все молчали.

— Это могло быть вызвано коротким... — начал было Кук.

— Исключено! — решительно перебил его Бигмен. — Взгляните на пульт! Рычаг в верхнем положении!

Один из инженеров, прочистив горло, робко и не принимая всерьез собственные слова, пробурчал:

— Кто-то взял и случайно задел плечом...

Остальные радостно поддержали нелепую версию. Послышалось возгласы: «запросто!», «а что вы думаете?» и «ясное дело!».

Кук прервал общее ликование.

— Я вынужден буду доложить об этом инциденте. Бигмен, вы...

— Ну? — Марсианин вопросительно поднял брови. — Я арестован?

— Нет-нет. Пока нет.

— Что ж, и на том спасибо...

Впервые после своего возвращения из шахт Бигмен подумал о Лакки и о том, что он вряд ли будет рад таким новостям. Вот бы выбраться из этой передраги до его возвращения!..

— Бигмен! — раздался голос.

Все одновременно посмотрели вверх. Оттуда на эскалаторе спускался Пивирейл.

— Бигмен! Вы-то что тут делаете?! А вы, Кук? Кто-нибудь ответит мне, наконец, чем вы все здесь занимаетесь, черт побери?

Но никто не отвечал.

Взгляд старого астронома упал на распростертое тело Уртила, и он с каким-то детским удивлением спросил:

— Уртил — мертв?

Спросил — и тут же, как показалось Бигмену, забыл.

— Бигмен! А где ваш Старр?

— А почему вы об этом спрашиваете? — вопросом на вопрос ответил Бигмен.

— Он все еще в шахтах? — продолжал насеждать Пивирейл.

— Э-э...

— Или на солнечной стороне?

— Да?

— Вы не хотите отвечать?

— Я хочу знать, почему вы спрашиваете.

— Хорошо... — Пивирейл был явно раздражен. — Видите ли, Майндс в данный момент облетает свое хозяйство. Время от времени это делать необходимо.

— Ну-ну?

— И то ли он спятил, то ли нет, но наш милый Майндс уверяет меня, что видел там Лакки Старра!

— Где? — недоуменно хлопая глазами, спросил Бигмен.

— Понятно... — Взгляд Пивирейла стал колющим. — Значит, он действительно там. И очевидно, ему не удалось поладить с роботом.

— С роботом?!

— Потому что — так, во всяком случае, считает Майндс — Лакки Старр мертв!

Прелюдия к суду

Итак, когда ситуация, казалось бы, обрела окончательную для Лакки безнадежность, вспыхнула надежда. Была ли причиной этому странная нерешительность робота, медлившего с завершением своего черного дела, или же все объяснялось свойствами характера самого Лакки — неизвестно...

— Отпусти меня! — крикнул он со всей строгостью, на которую еще был способен, и поднял руку, до сих пор волочившуюся по черному песку. — Отпусти меня, робот! — вновь повторил Лакки и... принялся поглаживать металлическую голову.

Спустя минуту рука опять безвольно повисла. Теперь оставалось только ждать. И вдруг он почувствовал (или это только показалось?), что хватка робота ослабевает! Да! Она несомненно слабела! Неужели Солнце наконец-то решило помочь человеку?

— Робот! — срывая голос, закричал он и услышал в ответ лишь слабый скрип.

Стальные объятия продолжали размыкаться.

— Ты не должен причинять вред человеческому существу! — напомнил Лакки на всякий случай.

— Я не должен... — запинаясь, согласился робот и — упал на спину, все еще сжимая Лакки достаточно крепко.

— Отпусти меня!

Робот слабо дернулся, и Лакки наконец смог пошевелить головой и ногами.

— Кто приказал тебе разрушать оборудование?

Лакки полностью исключал агрессивную реакцию на свой вопрос, понимая, в каком плачевном состоянии находится теперь позитронный мозг, вернее, остатки этого мозга, чудом удерживавшие Второй Закон.

— Кто приказал тебе разрушать оборудование? Отвечай!

Робот издал пару нечленораздельных, булькающих звуков и умолк.

Было странное и путающее сходство с человеческой смертью.

Мысль Лакки напряженно работала. Укрыться от опасных лучей Солнца как можно быстрее... Но он зажат! И попытки отвинтить руки робота бессмысленны! Рация раздавлена! Все прекрасно, все просто замечательно...

Морщась от боли и усилий, он стал продвигаться к ближайшей тени, таща на себе неподвижного робота. Каждая минута казалась вечностью, а тень — все не приближалась...

Но Лакки все же добрался до нее! И упал, обессиленный. Последнее, что он успел увидеть до того, как потерял сознание, — это нога робота, ослепительно сверкающая на солнце.

Он лежал в мягкой постели и силился вспомнить, что же с ним произошло. В памяти всплывали полустертые лица, гул ракетного двигателя, родной бигменовский голосок, бинты, шприцы, компрессы, воркующий Пивирейл со своими бесконечными расспросами...

Открыв глаза, Лакки увидел Гардому, озабоченно смотревшего на него.

— Ну-с? Как себя чувствует наш герой?

— А как он должен себя чувствовать? — слабо улыбнувшись, спросил Лакки.

— Как покойник, если те что-то чувствуют... У вас удивительно крепкий организм, дорогой Старр! И вы будете жить, черт побери!

— Несмотря на то что Майндс даже не подумал прийти тебе на помощь! Пускай человек умирает, пускай! Ерунда! Все там будем! — Это Бигмен, уже давно крутившийся невдалеке, решительно подлетел к ним.

Доктор Гардома отложил в сторону шприц и принялся неторопливо и тщательно мыть руки.

— Скотт Майндс подумал, что Лакки мертв, — полуобернувшись к Бигмену, сказал он. — И естественно, испугался, как бы его не обвинили в убийстве, припомнив недавнее покушение.

— Думать о себе в такой момент?! — возмутился Бигмен.

— Не будьте так строги, дорогой друг. Бедняга сам не свой в последнее время... И как бы там ни было, именно благодаря ему помощь не опоздала.

— Как ты все драматизируешь, Бигмен! — сказал Лакки. — Ведь ничего страшного не случилось! Я даже смог наконец отоспаться там, в тени... Кстати, что с роботом? — Этот вопрос был обращен уже к Гардоме.

— Его состояние значительно хуже вашего, Старр! То, что когда-то называлось позитронным мозгом, превратилось в обугленную лепешку и совершенно непригодно для исследований!

— Скверно... — поморщился Лакки.

— Да. Но тут уж ничего не поделаешь. — Вытерев руки, Гардома снова повернулся к пациенту. — И хватит о делах! Вам нужен покой, Старр. Попробуйте вздремнуть. А мы с Бигменом, чтобы не мешать вам...

Бигмен бросил на Лакки умоляющий взгляд.

— Если не возражаете, доктор, Бигмен ненадолго останется. Нам с ним есть о чем поболтать.

— Ну, хорошо, — после некоторых колебаний согласился Гардома. — Даю вам полчаса, не больше!

— Спасибо!

Как только они остались наедине, Бигмен, дотянувшись до плеча Лакки, принялся — от избытка чувств — трясти его.

— Ах, Лакки, подлые твои глаза! Ведь не перегрейся робот вовремя и...

— Это не было случайностью, дружище... — Лакки грустно улыбнулся. — Я ускорил его конец.

— Каким образом?

— Понимаешь, отполированная поверхность его металлической головы довольно успешно отражала солнечные лучи. Конечно же, позитронный мозг нагревался в таком пекле, но все же худо-бедно работал. К счастью для меня, прямо под рукой оказалось чудесное черное вещество, которым я и вымазал голову робота.

— А для чего, Лакки? — Бигмен тщетно силился хоть что-то понять.

— Но ведь черное, как ты знаешь, не отражает тепла, а наоборот — поглощает его. И температура позитронного мозга, резко повысившись, тут же повлекла за собой его гибель! Вот, собственно, и все... Ну, а теперь — твоя очередь рассказывать! Обо всем, что приключилось с тобой. Или на этот раз, в виде исключения, никаких происшествий?

— Да где там... — Бигмен махнул рукой и тяжело вздохнул. — Двойная порция...

По мере того как он углублялся в свой рассказ, лицо Лакки становилось все мрачней.

— Но почему, почему тебе приспичило драться с Уртилом? Ручки чесались? Ай, какое безрассудство...

— Безрассудство? — оскорбленно переспросил Бигмен. — Ты называешь безрассудством стратегическую мудрость? Я же не кинулся на него с бухты-барахты, а тщательно все взвесил! Провел скрупулезный анализ! И только поняв, что при низкой гравитации смогу справиться с ним одной левой...

— А чья лодыжка забинтована, герой?

— Уже и поскользнуться нельзя... Я же победил, Лакки! Ты представь только, какой ущерб причинил бы Совету этот негодяй своим наглым враньем!

— А разве он обещал молчать в случае проигрыша?

— Ну-у... — Бигмен замялся.

— Ведь даже после того как ты спас ему жизнь, он не изменил своих намерений! На что ты надеялся?

— Но...

— Что после публичного унижения он восплачет к тебе любовью? Эх, Бигмен! Тебе просто хотелось проучить Уртила, а все эти высокие мотивы — только предлог! Ведь так?

— Лакки! Как ты можешь?!

— Так или не так?

— Вообще-то, так... — Бигмен покраснел и опустил глаза. — Прости меня...

— Да ладно уж, чего там... — Лакки сразу смягчился. — Сам я тоже хорош... Дал маху с этим роботом, простофиля! Видел же, видел, что он неисправен, и не догадался о причине! Ничего, впредь поумнее буду... И давай-ка лучше подумаем, как нам действовать дальше.

Бигмен сразу повеселел.

— Теперь, — бодро начал он, — когда нам не мешает этот тип...

— Тип-то не мешает, но нельзя забывать о существовании сенатора Свенсона. Сам подумай: в то время как Совет Науки находится чуть ли не под следствием, некто, едва ли не член Совета, затевает прелестную драку, в результате которой гибнет следователь... Упустит ли наш доблестный сенатор такую уникальную возможность обвинить Совет в терроризме?

— Но ведь тут был просто несчастный случай! Псевдогравитационное поле...

— Это не так-то просто доказать, Бигмен. И я непременно должен поговорить с Пивирейлом, чтобы...

— Старикашка, кстати, не придал случившемуся совершенно никакого значения! — возмущенно воскликнул Бигмен.

— То есть? — Лакки резко приподнялся на локте.

— То и есть! Никакого значения! Ровным счетом! Вошел, посмотрел на Уртила, спросил, мертв ли тот, и успокоился.

— И все?

— Ага... Потом он, правда, спросил, где ты, и тут же объявил, что, по сообщению Майндса, тебя убил робот.

— Дальше?

— Вот теперь, кажется, все.

— Бигмен, вспомни, что было после! Ведь ты не хочешь, чтобы я говорил с Пивирейлом! Почему?

Бигмен отвел взгляд.

— Потому что... он казал, что меня будут судить...

— Судить?

— Да. Что это — убийство, и я так легко не отделаюсь. И что пора кончать с безнаказанностью.

— Так. Ну и когда же состоится этот суд?

— Прости, Лакки, я не хотел заводить разговор об этом. Гардома предупредил, что тебе нельзя волноваться.

— Об этом позже. Когда суд, я спрашиваю?

— Завтра. Ровно в 14 по Стандартному времени. Нам ведь нечего бояться, правда?

Но Лакки не спешил успокаивать друга.

— Позови-ка Гардому, — сказал он решительно.

— Зачем?

— Делай то, что я говорю.

Насупившийся Бигмен скрылся за дверью и вскоре вернулся. За ним шел Гардома.

— Доктор, — нетерпеливо начал Лакки, — ведь ничего не случится страшного, если завтра, часика в два пополудни, я совершу легкий моцион?

— Я предпочел бы, Старр, видеть вас завтра в постели.

— Но меня в данном случае совершенно не интересуют ваши предпочтения. Я хочу лишь знать, не смертельна ли для меня такая прогулка?

— Вы не умрете даже в том случае, если встанете немедленно, — с явной обидой в голосе ответил Гардома. — Вы только повредите своему здоровью.

— Замечательно! В таком случае, будьте любезны, передайте мистеру Пивирейлу, что я буду присутствовать на суде. Полагаю, вы понимаете, о чем идет речь?

— Да.

— Я, должно быть, последним узнал об этом.

— Тому причиной ваше состояние, Старр.

— Состояние так состояние... Как бы там ни было, но потрудитесь уведомить Пивирейла о моем намерении.

— Разумеется, — холодно кивнул Гардома. — А теперь я бы все же посоветовал вам вздремнуть, Старр. А мы с Бигменом, пожалуй, пойдем.

— Секундочку! — протестующе крикнул Бигмен.

Подойдя к Лакки поближе и понизив голос, он многозначительно произнес:

— Ты можешь не волноваться, Лакки... Я контролирую ситуацию...

Брови Старра удивленно поползли вверх.

— Да-да, черт побери! — Бигмен лопался от гордости. — Доказать мою невиновность — проще простого.

Особенно с такой начинкой. — Он постучал себя по лбу. — Мне известен истинный виновник!

— Кто?!

— Тепение, Лакки, терпение... Скоро ты поймешь, что на уме у Бигмена не одни кулачные бои.

Маленький марсианин загадочно усмехнулся, отчего лицо его потешно сморщилось, и, пританцовывая, удалился вместе с доктором Гардомой.

15

Суд

Когда Лакки вошел в кабинет Пивирейла, все уже были в сборе. Пивирейл, который восседал за своим массивным, заваленным кипами бумаг письменным столом, приветствовал его, любезно кивнув.

— Добрый день, — ответил Лакки.

Все напоминало недавний банкет.

Тот же Кук, дерганный и изможденный — как всегда. Он сидел справа от Пивирейла. Слева от последнего утонул в глубоком кресле Бигмен.

И Майндс, чье худое лицо подергивал тик, а пальцы барабанили по ноге.

И Гардома, флегматичнейший Гардома. Он на мгновение приподнял тяжелые веки, чтобы посмотреть на вошедшего с неодобрением.

И прочие астрономы.

Отсутствовал лишь Уртил...

Пивирейл начал в своей обычной мягкой манере.

— Ну что ж, приступим, если вы не возражаете? Прежде всего, я хотел бы обратиться к вам, дорогой Старр... Пожалуйста, не воспринимайте происходящее как суд! Бигмен дал вам несколько искаженную инфор-

мацию — невольно, разумеется. Так вот... Никакого суда! Ничего даже отдаленно его напоминающего! Если даже возникнет такая печальная необходимость — а я надеюсь, что нет, — суд свершится на Земле, с неукоснительным соблюдением всех формальностей. Но это так, к слову... А мы здесь собрались для того, чтобы сообща подготовить отчет о положении наших дел.

Пивирейл произвел некоторые перемещения на своем столе и продолжил:

— Почему возникла необходимость в таком отчете? Поясняю. Во-первых, в результате действий мистера Старра, предпринятых им на солнечной стороне Меркурия, был обезврежен опасный диверсант, доставивший столько хлопот Майндсу и всем нам! Диверсант этот, оказавшийся роботом сирианского производства, уже никогда и ничего не сможет нам объяснить... Мистер Старр!

— Да? — встрепенулся Лакки.

— Чрезвычайность ситуации вынудила меня кое о чем расспросить вас, находившегося еще в полубессознательном состоянии.

— Я прекрасно помню об этом.

— В таком случае, не могли бы вы повторить некоторые из своих ответов — для записи?

— Охотно.

— Итак, есть ли на Меркурии другие роботы-диверсанты, кроме обнаруженного?

— Робот ничего не сказал, но думаю, что он был единственным.

— Это лишь предположение?

— К сожалению.

— Я полагаю, что там орудует целая группа.

— Сомневаюсь, сэр.

— Но ведь робот не сказал вам, что работает в одиночку?

— Нет, не сказал.

— Так. Хорошо. Очень хорошо. А сколько сирианцев участвуют в диверсиях?

— Программа, заложенная в робота, исключала ответы на подобные вопросы.

— Удалось ли вам узнать что-либо о местонахождении сирианской базы?

— Он вообще не упоминал о сирианцах.

— Но ведь робот — сирианского производства, не так ли?

— Во всяком случае, он не отрицал этого.

— Ну что ж... — Пивирейл, откинувшись на спинку кресла, улыбнулся. — Сомнений быть не может! Меркурий кишит сирианцами — это очевидно! Совет Науки незамедлительно должен быть поставлен в известность. Необходимо ликвидировать эту базу! Это будет неплохим уроком для нас всех, даже если сирианцам удастся ускользнуть... Мы станем гораздо серьезней относиться к опасности, исходящей оттуда.

— Сэр! — подал голос Кук. — Позвольте вам напомнить о том, что мы должны рассмотреть еще один вопрос — о собственно меркурианских формах жизни! Кстати, и для Совета это будет небезынтересно. — Он повернулся к присутствующим. — Вчера нам удалось изловить существо, которое...

Старый астроном, однако, не дал ему продолжить.

— Спасибо, любезнейший! — раздраженно перебил он. — Совет обо всем будет информирован, не волнуйтесь. Сейчас не время говорить о пустяках. А до тех пор пока сирианский вопрос не будет решен, все прочее — пустяки! Вот так. Я считаю, что мы должны приостановить все работы.

— Как! — закричал Майндс. — Но в Проект вложено столько денег, времени и сил!

— Успокойтесь, дорогой Майндс, — тихо ответил Пивирейл. — Ну зачем так нервничать? Я же не призываю вовсе отказаться от Светового Проекта! Но согласитесь, в первую очередь, мы должны думать о безопасности! И сенатор Свенсон наверняка уж употребит все свое влияние, чтобы мы не отвлекались на посторонние предметы!

— Тем более, — подхватил Лакки, — что вы собираетесь отдать ему на съедение беднягу Бигмена, и он не станет слишком пристально следить за тем, как вы крушите сирианские полчища.

— На съедение, вы сказали? Что за странные мысли, Старр? — И седые брови Пивирейла поползли вверх.

— Если можно, — Бигмен нетерпеливо заерзал в кресле, — давайте перейдем к моему делу, мистер Пивирейл! Заодно и посмотрим, странные у Лакки мысли или не странные...

— Что ж, извольте... — кивнул астроном. — Поговорим о вас... Ну, так что же произошло между вами и Уртилом? Сразу хочу предупредить, что все вами сказанное будет записано на пленку.

— И я должен поклясться в том, что...

— О нет! — Пивирейл испуганно замахал рукой. — Ведь это не суд, Бигмен! Мы вам верим!

— Как угодно...

И Бигмен с удивительным бесстрашием, избегая обычных своих восклицаний и темпераментной жестикуляции, рассказал всю историю. Начал он с самых первых впечатлений об Уртиле, потом перешел к схватке в шахтах и, наконец, закончил дуэлью. Единственное, о чем умолчал марсианин, — так это об угрозах Уртила по отношению к Старру и Совету Науки.

Потом говорил доктор Гардома. Он подтвердил все уже сказанное о первой встрече Бигмена с покойным, а также описал случай с силовым ножом.

— Уртил довольно скоро оправился от последствий чрезмерного охлаждения организма, — сказал напоследок доктор. — И первое, о чем он спросил, было — состояние Бигмена. Когда же я сказал, что Бигмен практически здоров, — нужно было видеть выражение лица этого человека. А ведь Бигмен спас ему жизнь! Да, Уртил не был подвержен приступам благодарности — что нет, то нет.

— А вот это уже ваше личное мнение! — поспешно прервал его Пивирейл. — Не следует утомлять нас такими вещами!

Кук полностью сосредоточился на дуэли.

— Бигмен очень настаивал, — сказал он, — и дуэли было не избежать. Полагая, что при свидетелях, да еще при низкой гравитации, риска не будет никакого, и, в случае чего, можно будет вмешаться и прервать бой, я согласился. Ведь дуэль в противном случае состоялась бы все равно, но уже без свидетелей. Кто мог предвидеть, что все так обернется... Конечно, мне следовало посоветоваться с вами, сэр.

— Конечно! — Пивирейл кивнул. — Вам следовало это сделать непременно! Значит, Бигмен настаивал на дуэли именно при низкой гравитации?

— Да.

— Он намеревался убить Уртила?

— Он только сказал: «Я прибыю этого негодяя». Думаю, что это всего лишь оборот речи и он не планировал убийства.

Пивирейл повернулся к Бигмену.

— Может быть, вы прокомментируете этот момент?

— Прокомментирую, но чуть позже, — пробурчал Бигмен. — А пока отвечает мистер Кук — я настаиваю на перекрестном допросе.

— Что за глупости! — удивился Пивирейл. — Мы же не в суде!

— Послушайте, вы! — Бигмен уже начинал распалаться. — Смерть Уртила наступила не в результате несчастного случая! Это было убийство, хладнокровное убийство! И у меня есть доказательства!

Наступившая было тишина тут же сменилась многоголосием.

— Я настаиваю на перекрестном допросе! — зло крикнул Бигмен.

— А почему бы и нет? — поддержал его Лакки.

Пивирейл явно пребывал в замешательстве.

— Вообще-то, я... Бигмен, так сказать, не... — Это было все, что он мог сказать.

— Мистер Кук! — решительно начал Бигмен. — Объясните, пожалуйста, каким образом Уртилу стал известен наш с Лакки маршрут в шахты?

— А разве он знал ваш маршрут? — покраснев, спросил Кук.

— Вне всяких сомнений. Потому что он следовал параллельно, — а для этого, согласитесь, ему нужно было знать наши намерения. Но вот ведь штука! В разработке маршрута участвовало только три человека: мы с Лакки и вы, Кук. Как вы думаете, от кого Уртил мог получить интересные его сведения?

Кук растерянно смотрел на присутствующих.

— Не знаю...

— От вас, Кук, от вас!

— Неправда! Он мог просто подслушать!

— Теперь уже подслушивают карандашные пометки? До чего мы дошли! — Бигмен иронично улыбнулся. — Ну хорошо... С этим, кажется, разобрались... Пойдем дальше... Мистер Кук, как вы понимаете, Уртил не разбился бы при меркурианской гравитации. Но кто-то повысил ее уровень, и именно в самый опасный момент. Кто это сделал, на ваш взгляд?

— Понятия не имею.

— Та-ак... Вы, мистер Кук, первым подбежали к упавшему Уртилу! Вам, вероятно, не терпелось убедиться в том, что он мертв?

— Я протестую! И прошу оградить меня... — Кук, будучи не в силах продолжать, с возмущенным видом повернулся к Пивирейлу.

— Бигмен! — взволнованно воскликнул тот. — Вы обвиняете мистера Кука в убийстве?!

— Не я — факты, — спокойно ответил марсианин. — Сами посудите. Резкое изменение гравитации швырнуло все на пол. Естественно, для того чтобы подняться, потребовалось некоторое время. Когда тебе на загривок падает стофунтовая гиря, встать бывает трудновато. Но для Кука это оказалось совершенно плевым делом! Он, опередив всех, в мгновение ока был рядом с Уртилом!

— Ну, и что же вы этим хотите доказать? — закричал Кук.

— А то, что вы не упали в момент изменения гравитации. И знаете почему? Потому что вы знали все об этом заранее и за что-то ухватились. А откуда вам было знать? Наивный вопрос! Ведь это вы все и подстроили!

— Мистер Пивирейл! — подскочил Кук. — Должны же быть, в конце концов, какие-то пределы!

Но Пивирейл смотрел на него расширенными от ужаса глазами.

— Итак, подведем итоги. — Бигмен наслаждался мощью своего интеллекта. — Кук сотрудничал с Уртилом — это вне сомнений. Иначе тот не смог бы узнать наш маршрут. И сотрудничал он с ним не по душевной склонности, а из страха. Скорее всего, Уртил его шантажировал... Кук решил избавиться от своего опасного

дружка! Как нельзя кстати подвернувшаяся дуэль помогла ему реализовать эту идею. Все очень просто.

— Чушь! — сказал Кук и засмеялся. — Чушь собачья!

— А чтобы убедиться в моей правоте, — продолжил Бигмен, — необходимо всего лишь обыскать жилище Уртила. Там наверняка имеются документы, подтверждающие эту преступную связь. Не будь таковых, Кук вряд ли бы решился на убийство.

— По-моему, Бигмен прав, — подал голос Лакки.

— Ну что ж... — Пивирейл вздохнул. — Разумеется, мы немедленно...

— Подождите, — еле слышно выдохнул Кук. — Прошу вас, подождите. Я все объясню...

На лбу и впалых щеках Хенли Кука поблескивали капельки пота. Руки тряслись.

— Уртил пришел ко мне в первый же день своего пребывания на Меркурии. Мы перебросились несколькими незначительными фразами, после чего он с неожиданной откровенностью поведал мне следующее. У сенатора Свенсона имеются якобы доказательства крайней неэффективности нашей работы, сочетаемой с преступным распылением средств. И Пивирейла следует уволить, как неспособного в силу почтенного возраста все это пресечь. А на его место хорошо бы поставить меня.

— Кук! — с горечью воскликнул Пивирейл и медленно покачал головой.

— Я, естественно, согласился с ним, — со злорадным нажимом продолжил Кук. — Вы в самом деле староваты, сэр. И к тому же настолько одержимы своей сирианской манией, что я давно выполняю за вас всю работу. — И он вновь повернулся к Лакки. — Уртил уверил меня в том, что, если я буду сотрудничать с ним — мое восхождение по служебной лестнице неизбежно. И я поверил ему, потому что, как и все мы, был наслышан о могуществе сенатора Свенсона. С тех пор Уртил получал от меня всю интересующую его информацию. Изрядная часть этих документов была — по настоянию Уртила — скреплена моей подписью. Для облегчения судопроизводства, как мне объяснялось... А потом он стал меня шантажировать, пригрозив, что, в

случае моего отказа исправно сообщать ему все, касающееся Светового Проекта, а также деятельности Совета Науки, мои записи лягут на стол Пивирейла, вот на этот самый, и — прощай, карьера! И я опять согласился... Маршрут Старра и Бигмена? Пожалуйста! Чем занимается Майндс? А вот этим!.. Его аппетиты росли день ото дня, равно как и бесцеремонность по отношению ко мне. И однажды я понял, что этот человек когда-нибудь обязательно выдаст меня и даже глазом не моргнет. И что единственный способ избавиться от мерзавца — это убить его... Оставалось лишь дожидаться подходящего случая. И тут ко мне приходит Бигмен со своей гениальной идеей! Это было так кстати, так кстати! И я подумал: тебе дается шанс, и ты должен им воспользоваться... Дальнейшее вам всем известно. Уртил получил свое, причем в результате как бы несчастного случая, что бывает. Даже если бы был официально обвинен Бигмен — Совет сумел бы вытащить его из этой лужи. Таким образом, единственная жертва — Уртил, а он-то заслужил не одну такую смерть...

Первым, кто нарушил тягостное молчание, был Пивирейл.

— Кук, — ледяным тоном произнес он. — Надеюсь, вы понимаете, что эти милые излияния вынуждают меня немедленно освободить вас от занимаемой должности, а также подвергнуть аре...

— Да подождите вы! — строго прикрикнул на него Бигмен. — Мы еще не все выяснили! Послушайте, Кук, ведь вы убили Уртила лишь со второй попытки, не так ли?

— Со второй? — недоуменно переспросил Кук.

— Ну да! Вспомните продырявленный скафандр! Прежде чем оказаться в нашей с Лакки комнате, он ведь был, так сказать, предложен вами Уртилу? Но этот хитрюга обнаружил дефект и приказал отнести скафандр нам. Не пропадать же добру!

— Нет! — истопленно крикнул Кук. — Нет! Я не притрагивался к вашему дурацкому скафандру!

— Так я и думал. Значит, он порвался сам, — съязвил марсианин.

— Ты не прав, Бигмен. — Лакки, произнесший это, был предельно серьезен. — Кук не имеет никакого

отношения к этой истории. Скафандр был разрезан человеком, отдававшим приказы роботу.

Бигмен ошеломленно уставился на своего друга.

— Лакки! Неужели ты хочешь сказать, что это проделки сирианцев?

— Нет. Хотя бы потому, что на Меркурии нет никаких сирианцев. И никогда не было.

Результаты

Пивирейл вздрогнул от неожиданности.

— Что?! Никаких сирианцев?! Да вы понимаете, что вы такое несете, Старр?

— Понимаю.

Лакки подошел к столу Пивирейла и уселся на краешке.

— Я уверен, что мистер Пивирейл согласится со мной, как только выслушает все мои аргументы!

— Соглашусь? Ну конечно! Как же иначе! — Голос Пивирейла обрел неожиданную мощь и ярость. — Что вы тут еще собираетесь обсуждать? Все давно ясно! Кстати, я должен произвести арест Кука... — Он встал с очень озабоченным видом.

— Не волнуйтесь, сэр. — Лакки жестом усадил его. — Бигмен проследит за тем, чтобы Кук не сбежал.

— Ну что вы! — слабо возразил Кук, когда Бигмен с окаменевшим лицом придвинул к нему свое кресло.

— Мистер Пивирейл! — продолжил Лакки. — Давайте вспомним наш недавний замечательный банкет! В частности, ваши проникновенные слова о сирианских роботах! Кстати, вы прекрасно знали о том, что на Меркурии присутствует один из них...

— С чего вы взяли, Старр?

— Ведь Майндс рассказывал вам о загадочном существе, одетом в легкий скафандр и расхаживающем под невыносимо ласковыми лучами солнца как ни в чем не бывало!

— Да, — подтвердил инженер. — И мне давно следовало понять, что это не человек. Но... — И он сокрушенно развел руками.

— Вы, Майндс, в отличие от мистера Пивирейла, не имели опыта общения с роботами. — Лакки снова смотрел на астронома. — Другое дело — вы, сэр. Когда вам описывают внешний вид сирианского робота, вы сразу понимаете, что это сирианский робот и есть.

Пивирейл настороженно кивнул.

— Что же касается меня, то, как и Майндс, ни о каких роботах я даже не подозревал, во всяком случае, о роботах, орудующих здесь, на Меркурии. Не подозревал — поначалу. Но вы, сэр, вернее, ваши воспоминания навели меня на эту мысль. Меня — дилетанта!

Вновь последовал кивок Пивирейла, после которого он разомкнул уста.

— Вы правы, Старр. Я действительно знал, что это робот. Но я также понимал и всю степень опасности, исходящей от Сириуса! Вот почему до поры до времени я решил никого понапрасну не будоражить. Ведь наших собственных сил явно недостаточно для отражения сирианской агрессии.

Поблудневший Майндс пробормотал что-то свирепое.

— Сэр, но почему вы не сообщили об этом Совету?

— Видите ли, Старр. Я, признаться, боялся. Боялся, что мне никто не поверит, что меня просто-напросто отправят на пенсию как выжившего из ума старика. Я, откровенно говоря, не знал, как мне поступить. Уртил, присланный сюда, не вызывал никакого доверия. Его интересовала только собственная карьера, больше ничего. Когда появились вы, я подумал, что вот, наконец, у меня будет союзник, который поймет и разделит все мои тревоги, с которым мы станем говорить о Сириусе, об удивительных роботах...

— Кстати, о них... — сумел-таки вставить слово Лакки. — Помните, вы говорили об отношении сирианцев к своим роботам? О том, как их любят, балуют,

совершенно серьезно полагая, что даже сотня землян не стоит одного сирианского робота.

— Да, — часто закивал Пивирейл. — Это самая настоящая любовь, иначе не назовешь.

— Ну, а если так — разве отправили бы они одного из своих любимцев на Меркурий, не снабдив специальной защитой, — а значит, на верную гибель? Разве решились бы обречь его на верную смерть от жестоких солнечных лучей?

Пивирейл молчал.

— Даже у меня не поднялась рука, чтобы убить его, — и это в момент самой серьезной угрозы для моей жизни! А ведь я, если вы заметили, не сирианец! Возможна ли такая жестокость с их стороны?

— Цель, знаете ли, чего только не оправдывает... — усмехнувшись, заметил Пивирейл.

— Допустим... Допустим, что сирианцам было нестерпимо и без диверсий на Меркурии они уже просто не могли жить. Но они же должны были обеспечить надежную защиту позитронного мозга! Даже если, в виде исключения, разлюбили этого бедолагу! Робот ведь действовал бы намного эффективней!

Поднялся одобрителный шум.

— То есть... — Пивирейл судорожно проглотил слюну. — То есть вы полагаете, что это — не сирианец?

— И имею весьма веские основания для этого. Смотрите... Майндс дважды видел робота, и оба раза тот исчезал, как только к нему приближались. Чуть позже — в частной беседе — робот признался мне, что ему было приказано избегать людей. Его, вне сомнений, предупреждали о каждом приближении Майндса, предупреждали отсюда, из Купола. А со мной вышла осечка — я сделал вид, что, кроме шахт, ничего меня не интересует, и все в это поверили. Идем дальше... Робот — перед тем как умолкнуть окончательно, — попытался ответить на мой вопрос о том, кто же его хозяин. Я не могу ручаться, но, по-моему, это были каких-то два слова.

— Уртил!!! — радостно закричал Бигмен. — Он сказал: «Уртил»! Все совпадает!

— Может быть, может быть... — спокойно продолжил Лакки. — Он мог, впрочем, и не успеть договорить слова «землянин»...

— А также издать пару ничего не значащих звуков... — сухо закончил Пивирейл.

— Да-да, — согласился Лакки. — Не исключено. Но знаете ли, мистер Пивирейл, какой интересный вопрос возникает? А вот какой. У кого из присутствующих здесь была хоть однажды возможность стать счастливым обладателем самого настоящего сирианского робота?

Глаза Пивирейла сузились.

— Ну, у меня, допустим. И что?

— И все, сэр.

Потребовалось довольно продолжительное время, прежде чем утихли возбужденные крики.

Лакки встал. Лицо его было сурово.

— Как член Совета Науки, я заявляю, что с этого момента все, кто находится под Куполом, подчиняются мне. Ваш бывший руководитель Пивирейл снят со своего поста. Я уже связался со штаб-квартирой Совета — и для принятия соответствующих мер уже выслан корабль.

— Я требую, чтобы меня выслушали! — сдавленно выкрикнул Пивирейл.

— Чуть позже, сэр. Вначале выслушайте меня... Итак, вы единственный человек, у которого была возможность похитить сирианского робота. Ведь у вас там был свой персональный робот, не так ли?

— Так, но...

— Так вот, Пивирейл. Оттуда вы возвратились — с ним! Не знаю, каким уж образом вам удалось перехитрить сирианцев... Скорее всего, им не пришла в голову возможность такой кражи. Вероятно, робот не знал даже имени своего нового хозяина и называл вас «землянин»... Он прилежно выполнял все ваши команды, выводя из строя оборудование и скрываясь от людей.

— Ложь, — сквозь стиснутые зубы прошипел Пивирейл.

— Я бы на вашем месте не отпирался! Ведь Совет может запросить информацию у сирианцев. И выяснится, что робот RL-726 пропал именно в тот день, когда вы покинули Сириус. А поскольку между нами существует договор — они потребуют вашей выдачи. Не лучше ли признать свою вину и предстать перед судом Земли, не таким, возможно, суровым?

Пивирейл поднялся, медленно обвел всех невидящим взглядом и рухнул на пол.

Доктор Гардома тут же поспешил к нему.

— Все в порядке, — вскоре объявил он. — Но лучше бы ему лечь в постель.

Двумя часами позже, в присутствии Гардомы и Старра, Пивирейл дал свои первые показания.

Меркурий стремительно уменьшался. Лакки, который сидел в кресле своего «Метеора», выглядел усталым и озабоченным.

— В чем дело, Лакки? — спросил Бигмен.

— Я думаю о Пивирейле... Довольно нелепо все вышло. Ведь старик, вообще-то, хотел как лучше — однако методы... Сирианцы действительно не жалуют нас своей любовью, но зачем же так преувеличивать...

— Лакки, а его не выдадут сирианцам?

— Да нет же! Это была обыкновенная хитрость, которая ускорила признание... Вот как все получилось, Бигмен! Благородные, по сути, мотивы толкнули этого человека на преступление.

— А что Пивирейл имел против Светового Проекта, Лакки?

— Ты разве не помнишь его банкетную речь? О том, как Земля ослабляет себя, добывая все необходимое у черта на куличках. И как осуществление Светового Проекта сделает ее зависимой еще и от работы космических станций, а значит, еще более уязвимой. Все та же сирианская мания... Думаю, что первоначально он собирался лишь показать всем сирианского робота — как символ мощи врага. Но, увидев, что работы тут — уже полным ходом, он превратил робота в диверсанта... Появление Уртила напугало его. Ведь следователь мог докопаться до истины. И в комнате Уртила появляется разрезанный скафандр.

— Да уж, старик не терпел этого Уртила, даже слышать о нем не желал...

— Вот это меня и насторожило! Я не мог понять причину! А без причины, как известно, ничего не бывает...

— Тогда ты и раскусил его, да?

— Нет, Бигмен. Я раскусил его потом. И помог мне в этом все тот же скафандр с сюрпризом. Я подумал, что такую пакость легче всего было бы осуществить Пивирейлу. Он знал, какая комната предназначается для нас, и, не вызывая подозрений, мог проникнуть туда в любой момент. Но я никак не мог понять: для чего ему нужна моя смерть? Имя мое как будто бы ни о чем ему не говорило. Он даже принял меня за инженера, вроде Майндса. А ведь остальные — и тот же Майндс, и Гардома, и Уртил — знали всю мою биографию! И почему-то все эти слухи не достигли ушей Пивирейла! Потом я заговорил с ним о Церере — помнишь битву с пиратами? Я знал, что там находится крупнейшая обсерватория Системы и что Пивирейлу наверняка приходилось там бывать. Он подтвердил, что летал туда — изредка, правда... А Кук потом рассказывал, что — очень даже часто! Затем без всякой видимой причины Пивирейл вдруг стал меня убеждать в том, что был, мол, прикован к постели в тот момент, когда на Цереру напали пираты. И вот тут я все понял.

— А я — ничего... — вздохнул Бигмен.

— Но это же элементарно! С какой стати Пивирейл, которому часто приходилось бывать на Церере, решил обеспечить себе алиби именно на то время, когда было совершено нападение? Он прекрасно знал, кто я такой! А если знал — то почему пытался убить меня, да и Уртила, кстати? Ведь, в конце концов, мы оба были следователями! Чего же так опасался Пивирейл?.. И вот была произнесена речь о сирианцах. Загадочные рассказы Майндса сразу обрели новый смысл! Он видел робота! Робота, доставленного сюда сирианцами или же самим Пивирейлом! Я сразу склонился к последней версии, так как старик уж слишком живо рисовал коварство подлых сирианцев. Это было страховкой. В случае обнаружения робота, всегда можно было сказать: я же говорил?.. Мне нужны были доказательства. Иначе бы сенатор Свенсон в своей обычной манере обвинил бы нас в том, что мы пытаемся отвлечь внимание общественности от темных делишек Совета...

— Лакки! Но почему ты не поделился своими мыслями со мной? — возмутился Бигмен.

— Но ты же вечно занят своими дуэлями! Я просто не решался отвлекать тебя! — улыбнулся Лакки. — Так или иначе, но я решил поймать робота и использовать

его в качестве улики. К сожалению, сделать это не удалось, и признание Пивирейла пришлось чуть ли не выколачивать.

— Ну, а как теперь будет со Свенсоном, Лакки?

— Со Свенсоном у нас пока ничья. Он не сможет использовать в качестве козыря смерть Уртила, так как ему помешают показания Кука. Но и нам торжествовать не приходится. Два главных лица меркурианской обсерватории должны быть уволены за уголовные преступления, как ни крути.

— Черт возьми! Этот негодай будет опять пить нашу кровь!

— Видишь ли, Бигмен, сенатор Свенсон — не лучший, конечно, представитель рода человеческого, но именно он не дает Совету расслабиться. Кроме того, Совет Науки так же, как Конгресс и правительство, нуждается в критике. Если мы поставим себя выше ее — это будет началом нашего конца.

— Ну, тогда ладно. Пускай себе живет.

Лакки расхохотался и взъерошил рыжие волосы марсианина.

— И хватит об этом! Перед нами — звезды, и никто не знает, куда нас забросит завтра...

Лакки Старр и кольца Сатурна

Захватчики

Солнце сверкало бриллиантом в небе, достаточно большим, чтобы невооруженным глазом можно было разобрать: это нечто большее, чем обычная звезда, больше, чем крошечный, величиной с горошину, раскаленный добела шар.

Сюда, в просторы космоса, в окрестности второй по величине планеты Солнечной системы, Солнце отдавало лишь один процент света, который оно проливало на родную планету человека. И все же оно было самым ярким объектом в небе — даже четыре тысячи полных Лун вряд ли могли бы с ним сравниться.

Лакки Старр задумчиво смотрел на экран, в центре которого было изображение далекого Солнца. Вместе с ним в экран уставился Джон Бигмен Джонс. Полная противоположность высокому и стройному Лакки, Джон Бигмен Джонс, вытянувшись в полный рост, достигал лишь пяти футов и двух дюймов. Но этот коротышка не измерял себя в дюймах и позволял называть себя только средним именем: Бигмен.

— Ты знаешь, Лакки, до него отсюда почти девятьсот миллионов миль. Я имею в виду — до Солнца. Я никогда не был так далеко, — задумчиво сказал Бигмен.

Третий мужчина в кабине, Советник Бен Вессилевски, усмехнулся, глянув на них через плечо со своего места у пульта управления. Он был тоже крупным мужчиной, хотя и не таким высоким, как Лакки. Копна желтых волос вздымалась над его лицом, покрывшимся темным космическим загаром за время службы в Совете Науки.

— В чем дело, Бигмен? — поинтересовался он. — Неужели тебя пугает дальняя дорога?

— Клянусь Марсом, Весс! — завопил пронзительно Бигмен. — Ты уберешь руки от управления и повторить это.

Он обошел Лакки и направился уже к Советнику, когда руки Лакки опустились на плечи Бигмена и подняли его в воздух. Ноги Бигмена все еще двигались, как бы неся его в сторону Весса, но Лакки вернул своего друга-марсианина на прежнее место.

— Успокойся, Бигмен.

— Но, Лакки, ты же слышал. Этот верзила думает, что он более человек, чем я, лишь потому, что занимает места больше. Если у Весса рост шесть футов, то это означает лишь то, что в наличии лишний фунт сала...

— Ладно, Бигмен, — прервал Лакки. — И, Весс, ты тоже, поберегите юмор для сирианцев.

Он говорил негромко, но никаких сомнений в его авторитете не возникало. Бигмен откашлялся и уже спокойно спросил:

— Где Марс?

— По другую сторону Солнца.

— Все-то ты знаешь, — заметил коротышка раздосадованно. Потом лицо его прояснилось: — Постой-ка, Лакки, мы на миллион миль ниже плоскости эклиптики. Значит, мы должны видеть Марс ниже Солнца, хотя бы чуть-чуть выглядывающим из-за него. По-моему, так.

— Держи карман шире, увидим! В самом деле, он на градус или около того отстоит от Солнца, но это все равно слишком близко, и Марс тонет в ослепительном сиянии. А вот Землю, я думаю, ты можешь увидеть.

Лицо Бигмена передернулось в надменном отворачивании.

— Кому в космосе хочется видеть Землю? Там ничего нет, кроме людей; в большинстве своем сурков, которые никогда не отрывались даже на сотню миль от поверхности. Я бы не взглянул на нее, даже если бы в небе вообще не на что было смотреть. Предложи Вессу смотреть на нее. Это для него, — и он угрюмо отошел от экрана.

— Эй, Лакки, — предложил Весс, — как насчет того, чтобы сесть на Сатурн и посмотреть хорошенько на него под этим углом? Давай, я обещал тебе удовольствие.

— Не думаю, — возразил Лакки, — что вид Сатурна в эти дни доставит удовольствие.

Он сказал это непринужденно, но на минуту тяжелое молчание воцарилось в кабине пилотов «Метеора».

Все трое почувствовали изменение в атмосфере. Сатурн означал опасность. Сатурн стал новым олицетворением смерти для людей Земной Федерации. Для шести миллиардов людей Земли, для нескольких миллионов на Марсе, Луне, Венере, для сотрудников научных станций на Меркурии, Церере и на внешних лунах Юпитера Сатурн недавно и неожиданно стал смертоносным.

Лакки почувствовал, что он должен как-то изменить атмосферу, и, послушные прикосновению его пальцев, чувствительные радиоэлектронные антенны, установленные в корпусе «Метеора», мягко повернулись на своих подвесках. Как только это произошло, поле обзора на экране сместилось.

Звезды двигались через экран непрерывной чередой, и Бигмен, криво усмехнувшись, спросил:

— Какая-то из них Сириус, Лакки?

— Нет, мы движемся через Южную небесную полушару, а Сириус находится в Северной. Не желаешь ли взглянуть на Канопус?

— Нет, — ответил Бигмен. — Чего ради?

— Я просто подумал, что, возможно, интересно. Это вторая по яркости звезда, и ты мог бы принять ее за Сириус. — Лакки слегка улыбнулся. Его забавляло, что патриотически настроенный Бигмен, вероятно, испытывал досаду оттого, что Сириус, родная звезда главных врагов Солнечной системы (хотя сами они происходили от землян), был самой яркой звездой на небе Земли.

— Очень забавно, — проворчал Бигмен. — Давай-ка, Лакки, посмотрим Сатурн, а потом, когда возвратимся на Землю, ты поставишь шоу, от которого все будут в шоке.

Звезды на экране продолжили свое плавное движение, затем замедлились и остановились.

— Вот он — собственной персоной, — с некоторой торжественностью произнес Лакки.

Весс заблокировал рычаги управления и повернулся в кресле пилота, чтобы посмотреть на экран.

Это было похоже на полумесяц, только заметно раздававшийся, светящийся мягким желтым светом, более тусклым в центре, чем по краю.

— Как далеко мы от него? — спросил удивленно Бигмен.

— Думаю, около сотни миллионов миль, — заметил Лакки.

— Что-то не так. Где кольца? Я полагал, что их хорошо видно.

«Метеор» находился высоко над южным полюсом Сатурна. Из этого положения кольца должны были хорошо просматриваться.

— Кольца становятся размытыми на фоне планеты, Бигмен, из-за расстояния. Пожалуй, мы увеличим изображение и посмотрим поближе.

Пятнышко света, которое было Сатурном, расширилось и растянулось, разрастаясь во всех направлениях. И то, что представлялось полумесяцем, распалось на три части.

По-прежнему сохранялся центральный шар, выглядевший полумесяцем. Однако вокруг него, не касаясь шара ни в одной точке, шла огибающая его по кругу узкая полоска света, разделенная на две неравные части темной линией. В том месте, где полоска огибала Сатурн и достигала его тени, она обрывалась в темноту.

— Да, сэр Бигмен, — начал Весс свою лекцию. — Сам Сатурн имеет только семьдесят восемь тысяч миль в диаметре. С расстояния ста миллионов миль он представляется всего лишь светящейся точкой, тогда как, включая кольца, отражающая поверхность от одного конца до другого составит около двух сотен тысяч миль.

— Я все это знаю, — возмутился Бигмен.

— И вот что еще, — продолжал Весс, не обращая на него внимания, — с расстояния ста миллионов миль промежуток шириной семь тысяч миль между поверхностью Сатурна и внутренним краем колец совсем нельзя заметить, не говоря уже о промежутке в двадцать пять сотен миль, разделяющем кольца надвое. Эта черная линия называется делением Кассини, как ты знаешь, Бигмен.

— Я сказал, что знаю, — проревел Бигмен. — Послушай, Лакки, этот парень жаждет доказать, что я не ходил в школу. Может, я и не слишком блистал в учебе, но рассказывать мне о космосе?! Скажи, Лакки, скажи, чтобы он перестал прятаться у тебя за спиной, и я раздавлю его, как клопа.

Но Лакки сказал совсем другое:

— Можете увидеть Титан.

— Где? — хором отозвались Бигмен и Весс.

— Там, справа.

Титан выглядел крошечным полумесяцем и был примерно такого же размера, при нынешнем увеличении, который, по-видимому, имел Сатурн с кольцами без увеличения. Он находился близко к краю экрана.

Титан был единственной луной солидной величины в системе Сатурна. Но вовсе не его величина приковала пристальные взгляды Весса и Бигмена. Причем Весс смотрел с любопытством, а Бигмен — с ненавистью.

Настоящая причина крылась в том, что все трое были почти уверены: Титан — единственный мир в Солнечной системе, населенный людьми, которые не признают верховенство Земли. И вот внезапно он открылся как стан врага.

Это вдруг приблизило опасность.

— Когда мы войдем в систему Сатурна, Лакки?

— Нет настоящего определения тому, что является системой Сатурна, Бигмен. Большинство людей считает, что система какого-либо мира включает в себя все пространство, где самое отдаленное тело движется под гравитационным влиянием этого мира. Если так, то мы пока еще вне системы Сатурна.

— Однако сирианцы говорят... — начал Весс.

— Пошел ты в центр Солнца со своими сирианскими подонками, — взревел Бигмен, топая в гнев своими высокими сапогами. — Кого интересуется, что они гово-

рят? — Он топнул еще раз, будто все сирианцы должны были ощутить силу его ударов. (Его сапоги были истинно марсианской вещью. Их кричащая окраска, оранжево-черный изгибающийся узор громко возвещали о том, что их владелец рожден и вскормлен среди марсианских ферм и куполообразных городов.)

Лакки выключил экран. Приборы обнаружения на корпусе корабля втянулись, и внешняя обшивка корабля стала гладкой, блестящей и цельной, выделялась лишь выпуклость, которая опоясывала корму и несла на себе аэрав-устройство.

Лакки сказал:

— Мы не можем, Бигмен, позволить себе такой роскоши, как кого-интересует-что-они-говорят. В данный момент у сирианцев преимущество. Возможно, со временем мы выпроводим их из Солнечной системы, но в данный момент единственное, что мы можем, — играть по их правилам.

— Мы находимся в нашей собственной системе, — не сдавался Бигмен.

— Конечно, но Сириус оккупировал эту часть, и в ожидании межзвездной конференции Земля ничего не может с этим поделать, если не желает войны.

На это нечего было возразить. Весс вернулся к своим приборам, и «Метеор» с минимальным расходом энергии, используя до максимума силу притяжения Сатурна, продолжал быстро снижаться к полярным областям планеты.

Ниже, ниже, глубже в объятия того, что было теперь миром Сириуса, пространство которого кишело сирианскими кораблями на расстоянии почти пятидесяти триллионов миль от их родной планеты и всего лишь в семистах миллионах миль от Земли. Одним гигантским шагом Сириус одолел 99,999% расстояния между ним и Землей и основал военную базу у самого порога Земли.

Если Сириусу позволить остаться здесь, то потом в один прекрасный момент Земля опустится до статуса второразрядной державы под властью Сириуса. А в данный момент складывалась такая межзвездная политическая ситуация, что вся гигантская военная машина Земли, все ее могучие корабли и вооружение не могли оказать сопротивления.

Только трем мужчинам в одном маленьком корабле, по собственной инициативе и без ведома Земли, оставалось попытаться ловкостью и хитростью изменить ситуацию, зная, что, если они будут пойманы, они будут сразу же казнены захватчиками Солнечной системы как шпионы — в их собственной Солнечной системе! — и что Земля ничего не сможет сделать для их спасения.

2

Погоня

Еще месяц назад не было и мысли об опасности, ни малейшего представления, пока не грянул взрыв перед лицом правительства Земли. Неуклонно и методично Совет Науки чистил гнездо роботов-шпионов, которые наводнили Землю и ее владения и власть которых сокрушил Лакки Старр в снегах Ио.

Это было суровое и в известном смысле пугающее задание, ибо шпионаж был всепроникающим и эффективным, более того, его успехи были таковы, что вот-вот должны были достичь цели и нанести ужасный ущерб Земле.

Позже, в тот момент, когда ситуация, казалось, наконец полностью прояснилась, структура защиты Земли дала трещину. И тогда поздней ночью Гектор Конвей, Главный Научный Советник, разбудил Лакки.

Лакки, усиленно моргая, чтобы прогнать сон и прояснить взор, предложил кофе и только после этого удивленно спросил:

— Что случилось, дядя Гектор (Лакки звал его так со своих ранних сиротских дней, когда Конвей и Аугустус Генри были его опекунами), разве нет видеофонов?

— Я не доверяю видеофону, мой мальчик. Мы попали в ужасную беду.

— В каком смысле? — Лакки задал вопрос спокойно, но при этом быстро сбросил верхнюю часть своей пижамы и начал умываться.

Вошел Бигмен, потягиваясь и зевая.

— Эй, по какому случаю весь этот марсианский тарарам? — При виде Главного Советника его сонливость как рукой сняло. — Неприятности, сэр?

— Агент Х ускользнул от нас.

— Агент Х? Таинственный сирианец? — Глаза Лакки сузились. — Но насколько мне известно, Совет вынес решение, что его не было.

— Это было до того, как внезапно возникло дело робота-шпиона. Он очень умен, Лакки, ужасно умен. Нужен умный шпион, чтобы убедить Совет в том, что он не существует. Мне бы следовало направить тебя по его следу, но всегда оказывалось, что ты должен делать что-то еще. Так или иначе...

— Да?

— Ты знаешь, что, как показывает дело робота-шпиона, должно существовать центральное легальное агентство для сбора информации и что наиболее вероятное место нахождения этого агентства — Земля. В конце концов это снова вывело нас на след агента Х, и подозрение пало на человека по имени Джек Дорренс, работающего в «Акме Эйр Продактс» здесь, в Интернейшенел-Сити.

— Я не знал этого.

— Подозревались и другие. Но тут Дорренс увел частный корабль с Земли и стартовал прямо в момент аварийной блокировки. Нам повезло, что один из Советников был в Портовом Центре. Он сразу предпринял надлежащие действия и начал преследование. Когда до нас дошло сообщение о старте корабля во время блокировки взлетов, понадобилось время, чтобы выяснить, что из всех подозреваемых только Дорренс оказался без контрольного наблюдения. Он прошел мимо нас. Затем совпали несколько других моментов, и, в общем, он является агентом Х. Теперь мы в этом уверены.

— Ну ладно, дядюшка Гектор. В чем беда? Он же ушел.

— Мы знаем сейчас еще одно. Он взял с собой личную капсулу, и у нас нет сомнений, что эта капсула

содержит информацию, сбором которой от шпионской сети по Федерации он руководил, и он пока еще не успел вручить ее своим хозяевам. Это точно, но стоит этим сведениям попасть в руки сирианцев — и от нашей безопасности не останется и мокрого места.

— Вы сказали, что его преследовали. Его вернули назад?

— Нет. — Утомленный Главный Советник не сдержал своего раздражения. — Разве я был бы здесь, если бы его вернули?

— А корабль, на котором он сбежал, был оборудован для совершения скачка? — неожиданно осенило Лакки.

— Нет, — закричал Главный Советник. Лицо его покраснело, и он пригладил свои густые седые волосы, как если бы они встали дыбом от ужаса при одной мысли о скачке.

Лакки тоже облегченно вздохнул. Скачок, само собой разумеется, был прыжком через гиперпространство, при этом корабль выходил из обычного пространства и затем возвращался обратно в нужную точку в космосе на расстоянии многих световых лет, и все совершалось мгновенно.

В таком корабле агент X, очень похоже, удрал бы наверняка.

— Он работал один, — продолжил Конвей, — и бежал в одиночку. Вот почему ему удалось ускользнуть от нас. И корабль, который он взял, — межпланетный крейсер, управляемый одним человеком.

— А корабли, оборудованные для скачка через гиперпространство, не могут управляться одним оператором. По крайней мере, пока. Но, дядюшка Гектор, если он взял межпланетный крейсер, то, по-моему, ему больше ничего не нужно.

Лакки закончил мыться и стал быстро одеваться. Вдруг он повернулся к Бигмену.

— А ты чего ждешь? Живо одевайся!

Бигмен, сидевший на краю кушетки, чуть не перекувырнулся, слезая с нее.

— Вероятно, существует сирианский корабль, оборудованный для скачка через гиперпространство и ожидающий этого шпиона где-то в космосе, — предположил Лакки.

— Возможно. И корабль у него быстрый, так что мы не можем поймать его или даже приблизиться на расстояние выстрела. И остается...

— ...«Метеор». Я понял вас, дядюшка Гектор. Буду на «Метеоре» через час, и Бигмен со мной, если конечно он успеет натянуть свою одежду. Только дайте мне координаты местонахождения и курс преследующих кораблей и данные для идентификации корабля агента Х, и мы отправляемся в путь.

— Хорошо. — Изможденное лицо Конвея немного просветлело. — И, Дэвид, — он употребил настоящее имя Лакки, как всегда в моменты душевного волнения, — ты будешь осторожен?

— Вы попросили об этом людей на десяти других кораблях тоже, дядюшка Гектор? — усмехнулся Лакки, но голос его был мягким и нежным.

Бигмен один сапог уже натянул, другой — держал в руке. Он ловко похлопал маленькую кобуру, встроенную на бархатной поверхности ненадетого сапога.

— Отправляемся, Лакки? — Огонек энтузиазма горел в его глазах, и его маленькое плутоватое лицо сморщилось в свирепой ухмылке.

— Мы в пути, — сказал Лакки и взъерошил песочные волосы Бигмена. — Сколько времени мы ржавели на Земле? Шесть недель? Ну, это достаточно долго.

— Еще бы, — весело согласился Бигмен и натянул второй сапог.

Они миновали орбиту Марса, прежде чем установили нормальную эфирную связь с преследующими кораблями, используя при этом секретный шифр.

Отозвался Советник Бен Вессилевски с корабля «Гарпун».

— Лакки! — прокричал он. — Ты присоединяешься к нам? Превосходно! — Он ухмыльнулся с экрана и подмигнул: — Не покажешь ли кабину, чтобы глянуть на Бигменовскую страшную рожу? Или его нет с тобой?

— Я с ним, — заревел Бигмен, бросаясь между Лакки и экраном. — Думаешь, Главный Советник Конвей позволил бы этому балбесу куда-нибудь отправиться без меня? А кто будет присматривать, чтобы он не запутался в своих длинных ногах?

Лакки приподнял Бигмена и, несмотря на его протест, зажал у себя под мышкой.

— Кажется, связь с помехами, Весс, — сказал он. — Каково местонахождение корабля, за которым мы следуем?

Весс, становясь серьезным, сообщил данные:

— Это корабль «Космическая ловушка». Он частного владения, с законной регистрацией производства и продажи. Агент Х, должно быть, купил его под фиктивным именем и давно подготовил на крайний случай. Это отличный корабль, и он все увеличивает скорость. Мы отстаем.

— Каковы его силовые возможности?

— Мы это уточняем. Мы проверили заводскую документацию судна. В случае, если он выжмет все возможное из двигателей, корабль не сможет лететь с максимальной скоростью и придется либо уменьшить тягу двигателей, либо в жертву приносится маневренность при достижении места назначения. Мы рассчитываем загнать его именно в такую неприятную ситуацию.

— Однако, по-видимому, у него пока есть некоторый смысл увеличивать тягу двигателей корабля.

— Вероятно, — согласился Весс, — но даже если так, он не может это делать до бесконечности. Меня беспокоит, что он может ускользнуть от наших масс-детекторов, перескочив за астероиды. Если он использует разрывы в поясе астероидов, мы потеряем его.

Лакки знал эту уловку. Двигайся так, чтобы астероид находился между тобой и преследователем, и масс-детекторы преследователя скорее обнаружат астероид, чем корабль. Когда в зоне досягаемости окажется второй астероид, корабль перемещается от одного к другому, оставляя преследователя со всеми его приборами привязанным к первой глыбе.

— Он движется слишком быстро, чтобы маневрировать, — заметил Лакки. — Ему потребовалось бы полдня, чтобы снизить скорость.

— Понадобилось бы чудо, — искренне согласился Весс, — но чудо уже то, что мы сели ему на хвост, поэтому я почти жду, что другое чудо сведет на нет первое.

— Что было первым чудом? Шеф что-то говорил об аварийной блокировке.

— Да, это так. — И Весс подробно изложил историю, но это не заняло много времени. Дорренс, или агент Х (Весс назвал его тем и другим именем), усколь-

знул из-под наблюдения, используя аппарат, который искажил поисковый радиосигнал, тем самым сделав его бесполезным. (Аппарат был обнаружен, но фабричные клейма на нем были оплавлены, и даже невозможно было определить, был ли он сирианского производства.)

Он добрался до корабля «Космическая ловушка» без хлопот и приготовился взлететь: протонный микрореактор был активирован, двигатель и средства управления проверены, сверху чистое пространство — и тут в стратосфере появился с трудомдвигающийся грузовой корабль, поврежденный метеоритом и не имевший возможности посылать радиосообщения, отчаянно сигнализирующий, умоляя освободить пространство.

Был подан сигнал об аварийной блокировке. Все корабли в порту были тут же задержаны. Любому кораблю на старте, если только он уже не находился в полете, предписывалось отменить взлет.

«Космической ловушке» следовало отменить взлет, но она этого не сделала. Лакки Старр догадывался, какие чувства должен был испытывать на борту агент Х. Он владел новейшей информацией о Солнечной системе, и каждая секунда была на счету. Он не мог полагаться на то, что пройдет достаточно много времени, прежде чем Совет будет у него на хвосте. Отмени он свой взлет, и время задержки трудно предсказать. Пока еще поврежденный грузовой корабль медленно опустится, и машины «скорой помощи» примут членов экипажа и возможных пассажиров... Потом, когда взлетное поле снова освободят, понадобится реактивация микрореактора и повторная контрольная проверка. Нет, он не мог позволить себе задержку.

Итак, его реактивный двигатель выбросил струю, и он стартовал.

И все же агент Х смог ускользнуть. Звучал сигнал тревоги, полиция порта посылала отчаянные призывы «Космической ловушке», но именно Советник Вессилевски, служивший постоянной помехой в Портовом Центре, предпринял надлежащие меры. Он сыграл свою роль в поиске агента Х, и теперь, когда корабль стартовал в нарушение аварийной блокировки, он вызвал его подозрение. Конечно, поступок капитана корабля был слишком отчаянным, привлекающим внимание, чтобы предположить, что в космос взлетел агент Х, но Вессилевски начал действовать.

Опираясь на авторитет Совета Науки, власть которого уступала разве только что прямым распоряжениям Президента Земной Федерации, он приказал вывести корабли в космос, связался со штаб-квартирой Совета и возглавил погоню на «Гарпуне». Он был уже несколько часов в космосе, прежде чем Совет осознал ситуацию. И вскоре пришло сообщение, что Вессилевски действительно преследует агента X и что к нему присоединятся другие корабли.

— Ты сделал все, что мог, Весс. И как следует. Хорошая работа, — одобрил Лакки действия Советника.

Весс ухмыльнулся. Советники обычно избегают рекламы и внешних атрибутов славы, но одобрение товарищей всегда принималось с удовольствием.

— Я двигаюсь дальше, — передал Лакки. — Пусть один из ваших кораблей поддерживает со мной масс-контакт.

Он выключил визуальный контакт, и его сильные, мускулистые руки почти нежно легли на рычаги управления его корабля — «Метеора», во многих отношениях самого лучшего корабля в космосе.

«Метеор» имел самые мощные протонные микрореакторы, какие только возможно установить на корабле такого размера; реакторы мощностью почти достаточной для выполнения скачка через гиперпространство. Корабль имел ионный привод, который устранял значительную часть нежелательных эффектов ускорения посредством воздействия одновременно на все атомы на борту корабля, в том числе и на те, из которых состояли живые тела Лакки и Бигмена. Он даже имел аграустройство, недавно изобретенное и пока экспериментальное, которое позволяло маневрировать в сильных гравитационных полях больших планет. И сейчас могучие двигатели «Метеора» ровно, монотонно, чуть слышно жужжали, и Лакки почувствовал легкое давление обратной тяги, которая возникала при неполной компенсации ионным приводом. Корабль рвался в дальние пределы Солнечной системы — быстрее, быстрее, еще быстрее...

И все же агент X сохранял лидерство, «Метеор» сокращал расстояние между ними слишком медленно. Когда основной массив пояса астероидов остался далеко позади, Лакки проговорил:

— Похоже, дело плохо, Бигмен.

— Мы же запросто достанем его, Лакки, — удивился Бигмен.

— Я имею в виду то, куда он держит курс. Я был уверен, что его поджидает сирианский корабль-матка, чтобы подобрать его и совершить скачок к дому. Но такой корабль мог бы находиться вне плоскости эклиптики или прятаться в поясе астероидов. В обоих случаях вероятность его обнаружения невелика. Но агент X остается в эклиптике и движется за астероиды.

— Может, он просто пытается замотать нас, перед тем как направиться к кораблю?

— Может быть, — согласился Лакки, — а может, у сирианцев база на внешних планетах.

— Ну ты даешь, Лакки. — Маленький марсианин зашелся в смехе. — Прямо у нас под носом?

— Иногда именно под самым носом и трудно углядеть. Во всяком случае, его курс лежит прямо на Сатурн.

Бигмен сверился с компьютерами, которые непрерывно следили за курсом корабля агента X.

— Смотри, Лакки, — заметил он, — парень до сих пор на баллистическом курсе. Он не трогал свои двигатели на протяжении двадцати миллионов миль. Возможно, у него кончилась энергия.

— А возможно, он сберегает свою энергию для маневров в системе Сатурна. Там сильное гравитационное поле. По крайней мере, я *надеюсь*, что он сбережет энергию. Я *надеюсь на это*. — Худощавое, красивое лицо Лакки помрачнело, губы плотно сжались.

— Но, Лакки, почему ты беспокоишься за его энергию?! — изумился Бигмен.

— Потому что, если существует сирианская база в системе Сатурна, нам нужно, чтобы агент X привел нас к ней. У Сатурна один гигантский спутник весьма солидных размеров и множество осколочных спутников. Надо узнать точно, где находится база сирианцев.

— Вряд ли наш приятель настолько туп, чтобы повести нас туда. — Нахмурил брови Бигмен.

— Или позволить нам поймать его... Бигмен, просчитай-ка его курс вперед до точки пересечения с орбитой Сатурна.

Бигмен выполнил указание. Для компьютера это была обычная работа.

— А как насчет положения Сатурна в момент пересечения? Далеко ли будет Сатурн от корабля агента Х? — поинтересовался Лакки.

После короткой паузы, необходимой для получения данных об орбите Сатурна из таблиц эфемерид, Бигмен ввел их в компьютер. Несколько секунд работы вычислителя, и вдруг Бигмен в тревоге вскочил на ноги:

— Лакки! О пески Марса!

Лакки не нуждался в деталях.

— Итак, агент Х решил не приводить нас к сирианской базе. Если он будет следовать точно баллистическому курсу, как сейчас, он ударится в сам Сатурн — и безусловно погибнет.

Смерть в кольцах

С каждым часом все меньше оставалось сомнений в этом. Даже экипажи преследующих беглеца сторожевых кораблей, находившихся далеко позади «Метеора», слишком далеко для того, чтобы достаточно точно определить местоположение при помощи своих масс-детекторов, были обеспокоены.

Советник Вессилевски связался с Лакки Старром.

— О Лакки, куда он движется?

— Кажется, на Сатурн.

— Думаешь, на Сатурне его ждет корабль? Я знаю, он имеет тысячи миль атмосферы с давлением в миллион тонн, и без аэродвигателей они бы не смогли... Лакки! Ты допускаешь, что у них есть аэродвигатель и пузыри силового поля?

— По-моему, он просто собирается разбиться, чтобы мы его не поймали.

— Если умереть — это все, чего он желает, — сухо проговорил Весс, — почему он не разворачивается и не нападает, чтобы вынудить нас уничтожить его и чтобы, может быть, прихватить одного-двух из нас с собой?

— Согласен, или почему не замкнуть свои двигатели, и оставить Сатурн в сотне миллионов миль в стороне от курса? Меня беспокоит, почему он своими действиями привлекает внимание к Сатурну.

— Ну, тогда можешь ли ты его отрезать, Лакки? Космос свидетель, мы слишком далеко, — прервал молчание Весс.

Бигмен закричал со своего места у управляющей панели:

— Но, Весс! Если мы усилим ионный луч настолько, чтобы догнать его, мы будем двигаться слишком быстро, чтобы маневром отрезать его от Сатурна.

— Сделай что-нибудь.

— О космос, это разумный приказ, — съехидничал Бигмен. — Действительно полезный. «Сделай что-нибудь».

— Продолжай движение, Весс. Я что-нибудь сделаю, — спокойно отозвался Лакки.

Он выключил связь и повернулся к Бигмену.

— Он отвечает на наши сигналы, Бигмен?

— Ни слова.

— Теперь забудь об этом и сосредоточься на перехвате его луча связи.

— Не думаю, что он использует его, Лакки.

— Он может использовать его в последнюю минуту. Ему нужно будет воспользоваться этим шансом, в том случае, конечно, если ему есть что сказать. А пока мы атакуем его.

— Как?

— Ракетой. Просто маленький снарядик величиной с горошину, — и Лакки склонился над компьютером. Пока «Космическая ловушка» двигалась по известной им орбите, сложных вычислений не требовалось, чтобы направить дробинку в надлежащий момент с соответствующей скоростью для удара в убегающий корабль.

Лакки подготовил пулю. Она не предназначалась для взрыва. Она была только четверть дюйма в диаметре, но энергия протонного микрореактора выбросит ее со скоростью пятисот миль в секунду. Ничто в космосе не снизит этой скорости, и пуля пройдет через корпус «Космической ловушки», как сквозь масло.

Однако Лакки рассчитывал вовсе не на это. Пуля должна оказаться достаточно большой, чтобы ее обнаружили масс-детекторы намеченной жертвы. «Косми-

ческая ловушка» автоматически изменит курс, чтобы уйти от пули, и это собьет ее с прямого курса к Сатурну. Время, потраченное агентом Х на вычисление нового курса, позволит «Метеору» подойти ближе и применить магнитный захват.

Все это давало некоторый шанс, возможно, ничтожно малый, но, казалось, другого варианта действий нет. Лакки нажал контакт. Пуля удалилась в беззвучной вспышке, и стрелки корабельного масс-детектора прыгнули, затем, когда пуля удалилась, быстро успокоились.

Лакки вернулся в свое кресло. Пуле понадобилось два часа, чтобы коснуться (или почти коснуться) цели. Ему пришло в голову, что у агента Х, может быть, совсем иссякла энергия, что автомат может выдать команду на изменение курса, которая не сможет быть исполнена, что пуля пробьет, возможно, взорвет корабль, и в любом случае оставит его курс неизменным — на Сатурн.

Он почти сразу прогнал эти мысли. Было бы невероятным предположение, что агент Х истратил остаток энергии в тот момент, когда его корабль взял курс, явно ведущий к столкновению с планетой. Гораздо более вероятно, что часть энергии все же им оставлена.

Часы ожидания были ужасны. Даже Гектор Конвей, далеко на Земле, проявлял растущее беспокойство и держал прямой контакт по суб-эфиру.

— Но где в Сатурнианской системе, по-твоему, может быть база? — спросил он с тревогой.

— Если она существует, — осторожно предположил Лакки. — Если то, что делает агент Х, не является потрясающей попыткой ввести нас в заблуждение, тогда я бы сказал, что наиболее очевидным выбором является Титан. Это действительно большой спутник Сатурна, с втрое большей массой по сравнению с нашей Луной и более чем в два раза большей площадью поверхности. Если сирианцы спрятались под поверхностью, то попытка перекопать весь Титан для того, чтобы их найти, заняла бы много времени.

— Трудно поверить, что они отважились бы на это. Ведь фактически — это акт войны.

— Возможно, и так, дядюшка Гектор, но совсем недавно они уже попытались основать базу на Ганиমেде.

— Лакки, он перемещается! — раздался крик Бигмена.

Лакки взглянул на него в изумлении.

— Кто перемещается?

— «Космическая ловушка». Сирианский приятель.

— Я свяжусь с вами позже, дядюшка Гектор, — торопливо проговорил Лакки и выключил связь.

— Но ему же это ни к чему, Бигмен. Он же пока не обнаружил пулю.

— Посмотри и убедись, Лакки. Говорю тебе: он перемещается.

Моментально Лакки оказался у масс-детектора «Метеора». В течение долгого времени прибор показывал местоположение убегающей добычи. Он был настроен на свободный полет корабля через пространство, и движущийся объект на экране выглядел маленькой яркой звездочкой.

Но теперь это яркое пятнышко смещалось. Оно превратилось в короткую черточку.

— О великая Галактика! Конечно же! Теперь это имеет смысл. Как я мог подумать, что его главная задача — избежать захвата? Бигмен... — В голосе Лакки чувствовалось напряжение.

— Да, Лакки. Что? — Маленький марсианин был готов ко всему.

— Нас переигрывают. Теперь мы должны уничтожить его, даже если нам самим придется врезаться в Сатурн.

Впервые с тех пор, как год назад на «Метеоре» были установлены ионно-лучевые реактивные двигатели, Лакки прибавил аварийную тягу к главному двигателю. Корабль дрогнул, когда вся несомая им энергия была превращена в мощнейший толчок реактивной силы от гигантского выброса назад, который едва не сжег корабль.

— Но что это значит, Лакки? — Напряжение передалось Бигмену.

— Он направляется к Сатурну, Бигмен. Он только использовал могучую силу его гравитационного поля, чтобы опередить нас. Теперь он срезает курс вблизи планеты, чтобы попасть на орбиту. Он направляется к кольцам. Кольцам Сатурна. — Лицо Советника было искажено от напряжения. — Продолжай следить за

этим лучом связи, Бигмен. Он должен заговорить. Теперь или никогда.

Бигмен склонился над волновым анализатором с учащенным сердцебиением, хотя не мог взять в толк, почему мысль о кольцах Сатурна так взволновала Лакки.

Пуля «Метеора» пролетела теперь мимо цели не менее чем в пятидесяти тысячах миль. Но теперь сам «Метеор» был пулей, стремящейся к месту встречи, но и он тоже пройдет мимо.

Лакки застонал.

— Мы никогда не сделаем этого. Слишком мало пространства, чтобы сделать это.

Сатурн был теперь гигантом в небе, с кольцами, пересекавшими тонким шрамом его лицо. Желтый шар Сатурна был почти полным, ибо «Метеор» мчался к нему со стороны Солнца.

И вдруг Бигмен взорвался:

— Вот как, грязный приятель! Он растворяется в кольцах, Лакки. Теперь я понимаю, что ты имел в виду, говоря о кольцах.

Он яростно трудился у масс-детектора, но, кажется, безнадежно. Стоило части колец попасть в фокус — и каждое из образующих эти кольца неисчислимых твердых тел дало свою метку-звездочку на экране. Экран стал просто-напросто белым, и «Космическая ловушка» исчезла.

Лакки покачал головой.

— Ничего страшного. Мы достаточно близко, чтобы визуально определить местоположение. Приближается, по-моему, что-то еще.

Перед Лакки, бледным и сосредоточенным, находился экран для визуального наблюдения при максимальном усилении телескопа. «Космическая ловушка» виднелась на нем крошечным металлическим цилиндром, затемненным, но не скрытым веществом колец. Отдельные частицы в кольцах были не более чем крупный гравий и вспыхивали искорками, поскольку ловили и отбрасывали свет далеко от Солнца.

— Лакки! — крикнул Бигмен. — Я поймал его луч связи... Нет, нет, подожди... Да, я поймал его.

Теперь в кабине управления звучал дребезжащий, колеблющийся голос, неясный и искаженный. Проворные пальцы Бигмена работали над дешифрирующим

устройством, стараясь настроить его в соответствии с неизвестными характеристиками сирийской кодирующей системы.

Слова было исчезли, но потом слышались вновь. Повисла тишина, раздавалось лишь слабое жужжание записывающего устройства, постоянно фиксирующего все звуки.

— ...нет ...напр... сюда... — Пауза в то время, когда Бигмен неистово сражался со своими детекторами. — ...на хвосте и... невозможно стряхнуть... испорчено... и я должен сообщить... колец ...рна на нормальную орб... ...же запущ... рычаги управления вра... следую... координаты такие...

Затем все разом прекратилось — голос, помехи, треск.

— О проклятье! Что-то сломалось! — чуть ли не застонал от бессилия Бигмен.

— Здесь все в порядке, — возразил Лакки. — Это на «Космической ловушке».

Он видел, как это произошло через две секунды после прекращения передачи. (Передача через суб-эфир шла с практически неограниченной скоростью. А свет, который он видел через экран, преодолевал только 186 тысяч миль в секунду.)

Он видел, как задняя часть «Космической ловушки» засветилась вишнево-красным цветом, затем раскрылась и брызнула цветком плавящегося металла.

Бигмен застал самый конец зрелища, и он, и Лакки без слов наблюдали, как под воздействием радиации все охладилось и застыло.

Лакки покачал головой.

— Вблизи колец, даже если вы находитесь вне их основной массы, в космосе больше обычного летящих с огромной скоростью тел. Возможно, у него не хватило энергии, чтобы увести корабль с пути одного из этих кусочков. Или, может быть, два осколка вонзились в него с разных направлений. В любом случае — он был храбрым человеком и умным противником.

— Я не понял, Лакки. Что он делал?

— Ты не понял даже сейчас? Мне следовало самому сообразить это раньше. Его самой главной задачей было доставить находящуюся у него украденную информацию на Сириус. Он не рискнул использовать суб-эфир для передачи того, что, возможно, составляло тысячи

слов информации — из-за погони и вероятного прехвата его луча. Он вынужден был максимально сократить свое послание, оставив лишь самое существенное, и проследить за тем, чтобы капсула попала в руки сирианцев.

— Как он мог сделать это?

— То, что мы поймали из его сообщения, содержит слог «орб» — вероятно, соответствующий слову «орбита», и сочетание слов «...же запущен» явно означает «уже запущен».

Бигмен крепко сжал своими маленькими пальцами запястье Лакки.

— Он запустил капсулу в кольца, так, Лакки?! Кусочек гравия среди тьмы-тьмущей других кусочков, как пыль на Луне или капля воды в океане.

— Или, — подхватил мысль Лакки, — как кусочек гравия в кольцах Сатурна, что хуже всего. Конечно, он погиб, не успев дать координаты орбиты, которую выбрал для капсулы, так что сирианцы и мы на равных, и нам бы следовало поспешить.

— Начать искать? Сейчас?

— Сейчас! Если он готов был дать координаты, зная, что я дышу ему в затылок, он также должен был знать, что сирианцы были близко к... Свяжись с кораблями, Бигмен, и передай им новости.

Бигмен повернулся к передатчику, но даже не коснулся его. Кнопка приема светилась, сигнализируя о перехвате радиоволн. Радио! Обычная радиосвязь! Очевидно, кто-то находился близко (определенно в пределах системы Сатурна) и кто-то, более того, совершенно не тайлся, поскольку радиосвязь, в отличие от субэфирной связи, не составляло никакого труда перехватить.

Глаза Лакки сузились.

— Давай примем, Бигмен.

Послышался голос с легким акцентом, протяжно произносивший гласные и резко, отрывисто — согласные. Это был голос сирианца.

— ...себя, прежде чем мы вступим в схватку с вами и возьмем вас под стражу. У вас есть четырнадцать минут, чтобы подтвердить прием. — И снова после минутной паузы. — Властью Центрального Тела вам приказывают назвать себя, прежде чем мы вступим в

схватку с вами и возьмем вас под стражу. У вас есть четырнадцать минут, чтобы подтвердить прием.

— Прием подтверждается. Это «Метеор» Земной Федерации, мирно выходящий на орбиту в пространстве Земной Федерации. Никакой другой власти, помимо власти Федерации, не существует в этом пространстве, — холодно откликнулся Лакки.

Прошла секунда или две тишины (радиоволны распространяются всего лишь со скоростью света), и голос резко возразил:

— Власть Земной Федерации не признается в мире, колонизированном людьми Сириуса.

— Что это за мир? — поинтересовался Лакки.

— Необитаемая Сатурнианская система была взята во владение от имени нашего правительства по межзвездному закону, который присуждает любой необитаемый мир тем, кто колонизирует его.

— Не любой необитаемый мир. Любую обитаемую звездную систему.

Ответа не последовало. Затем голос бесстрастно проговорил:

— Вы находитесь в Сатурнианской системе, и вам предлагается немедленно удалиться. Любая задержка приведет к тому, что мы возьмем вас под стражу. Все последующие корабли Земной Федерации, заходящие на нашу территорию, будут взяты под стражу без дополнительного предупреждения. Ваше продвижение за пределы Сатурнианской системы должно начаться не позднее чем через восемь минут, или мы предпримем соответствующие действия.

Бигмен, с лицом, искаженным от яростного веселья, прошептал:

— Давай достанем их, Лакки. Давай покажем им, как старый «Метеор» может драться.

Но Лакки, не обращая на него внимания, спокойно передал по радио:

— Ваше замечание принято во внимание. Мы не признаем сирианскую власть, но мы сами принимаем решение уйти и сейчас так поступим.

Бигмен был потрясен.

— О, Лакки! Неужели мы собираемся бежать от компании сирианцев? Неужели мы собираемся оставить эту капсулу в кольцах Сатурна, чтобы сирианцы спокойно подобрали ее?

— Прямо сейчас, Бигмен, мы должны это сделать. —
Лицо Лакки побледнело и напряглось, но что-то в его
глазах совсем не соответствовало тому, что должно
быть в глазах отступающего человека. Все, что угодно,
только не это.

Между Юпитером и Сатурном

Самым старшим по званию офицером в преследующей эскадре (не считая, разумеется, Советника Вессилевски) был капитан второго ранга Майрон Бернольд. Ему не было еще и пятидесяти, а по своему телосложению он выглядел на десять лет моложе. Волосы его уже седели, но брови были все еще первоначального черного цвета, и тщательно выбритый подбородок отливал синевой.

Он пристально смотрел на гораздо более молодого Лакки Старра с явным презрением.

— И вы отступили?

«Метеор», взявший курс обратно по направлению к Солнцу, встретил корабли эскадры приблизительно на полпути между орбитами Юпитера и Сатурна. Лакки перешел на борт флагманского корабля.

— Я сделал все необходимое, — спокойно ответил ему Лакки.

— Когда враг вторгается в нашу родную систему, отступление невозможно просто-напросто. Вы должны были хоть лопнуть, но найти время предупредить нас, и мы прибыли бы, чтобы заменить вас.

— С каким количеством энергии, оставшейся в ваших микрореакторах, капитан?

Капитан вспыхнул.

— Это не имело бы значения, если бы взорвали космос. Но перед этим мы предупредили бы об опасности родную базу.

— И начали войну?

— Они начали войну. Сирианцы... Я собираюсь сейчас двинуться на Сатурн и атаковать.

Мускулистая фигура Лакки напряглась. Он был выше, чем капитан, и его хладнокровный взгляд не дрогнул.

— Как старший Советник Совета Науки, капитан, я выше вас по званию, и вы знаете это. Я не отдам распоряжения атаковать. Мой приказ — вернуться на Землю.

— Я бы скорее... — Капитан явно боролся со своим темпераментом. Его кулаки сжались. Сдавленным голосом он произнес: — Могу я спросить о причине такого приказа, сэр? — С иронией он сделал особое ударение на уважительном обращении. — Если, сэр, вы были бы так добры раскрыть те убедительные основания, которые у вас, безусловно, есть, сэр. Мое собственное понимание базируется на небольшой традиции флота. На традиции, сэр, что флот никогда не отступает, сэр.

— Если вы хотите мои объяснения, капитан, сядьте, и я их вам изложу. И не говорите мне, что флот не отступает. Отступление — это часть военных маневров, и офицер, который скорее позволил бы уничтожить свои корабли, чем отступить, не может быть командующим. Полагаю, в вас говорит только ваш гнев. Теперь, капитан, готовы ли мы начать войну?

— Я сказал вам, что они уже начали. Они вторглись в Земную Федерацию.

— Не совсем точно. Они заняли необитаемый мир. Беда в том, капитан, что скачок через гиперпространство сделал путешествие к звездам таким простым, что земляне колонизировали планеты других звезд задолго до колонизации более удаленных частей нашей собственной Солнечной системы.

— Граждане Земной Федерации высадились на Титане. В году...

— Мне известно о полете Джеймса Френсиса Хогга. Он высадился также на Оберон в системе Урана. Но это была лишь дальняя разведка, а не колонизация. Система Сатурна осталась необитаемой, а незаселенный мир принадлежит первой группе, которая колонизирует его.

— Если, — мрачно проговорил капитан, — эта необитаемая система планеты является частью необитаемой звездной системы. Сатурн не является таковым, если позволите. Он является частью нашей Солнечной системы, которая, клянусь завывающими чертами космоса, обитаема.

— Это так, но я не думаю, что есть какое-нибудь официальное соглашение на такой случай. Возможно, будет решение, что Сириус вправе занять Сатурн.

Капитан опустил кулак на свое колено.

— Меня не волнует, что говорят космические законники. Сатурн наш, и любой землянин, в чьих жилах течет кровь, согласится с этим. Мы вышибем сирианцев и предоставим нашему оружию утвердить закон.

— Но это как раз то, на что Сириус нас толкает!

— Тогда дадим ему то, что он хочет.

— Нас обвинят в нападении... Капитан, среди звезд находятся пятьдесят миров, которые никогда не забывают, что они когда-то были нашими колониями. Мы дали им свободу без войны, но они забывают это. Они только помнят, что мы все еще самый населенный и самый развитый из всех миров. Если Сириус закричит, что мы совершили неспровоцированную агрессию, то он объединит их всех против нас. Именно по этой причине он сейчас и пытается спровоцировать нашу атаку, и именно по этой причине я отказался от подобного приглашения и ушел.

Капитан прикусил нижнюю губу и хотел было ответить, но Лакки продолжал:

— С другой стороны, если мы ничего не сделаем, мы можем обвинить сирианцев в агрессии, и мы расколем общественное мнение во внешних мирах. Мы можем использовать это и склонить их на нашу сторону.

— Внешние миры на нашу сторону?

— Почему нет? Не существует звездной системы, которая не имела бы сотен необитаемых миров разной

величины. Они не захотят создавать прецедент, который подталкивал бы каждую систему вторгаться в любую другую систему для создания баз. Наибольшая опасность заключается в том, что мы обратим их в оппозицию к нам, если план действия будет выглядеть так, что мы, могущественная Земля, подавляем своим авторитетом наши бывшие колонии.

Капитан поднялся со своего кресла и промерил большими шагами помещение, затем вернулся к Лакки и сказал:

— Повторите ваш приказ.

— Но вы понимаете причину моего отступления?

— Да. Могу я получить приказ?

— Отлично. Я приказываю вам вручить эту капсулу с моим донесением, которую я сейчас вам дам, Главному Советнику Конвею. Вы не должны обсуждать все, что произошло во время этой погони с кем бы то ни было еще как по суб-эфиру, так и любым другим способом. Вы не должны предпринимать никаких враждебных действий — повторяю, никаких враждебных действий — против любых сирианских сил, если только не будете непосредственно атакованы. И если вы сойдете с вашего пути, чтобы встретить такие силы или если вы умышленно спровоцируете нападение, то вы будете судимы военным трибуналом и признаны виновным. Все ясно?

Капитан стоял с застывшим лицом. Его одеревеневшие губы с трудом выталкивали слова.

— При всем уважении к вам, сэр, не сочтет ли Советник возможным принять командование моими кораблями и самому передать послание?

Лакки Старр слегка пожал плечами.

— Вы очень упрямы, капитан, и я даже восхищаюсь вами. Бывают моменты в бою, когда такое упорство может быть полезно... У меня нет возможности передать это послание, поскольку моим намерением является вернуться на «Метеор» и снова стартовать к Сатурну.

Суровая неприязнь мигом слетела с лица капитана.

— Что?! Что вы сказали?!

— Думаю, что я ясно выразился, капитан. Я кое-что оставил там недоделанным. Моей первой задачей было

позаботиться о том, чтобы Земля была предупреждена об ужасной политической опасности, перед лицом которой мы стоим. Если вы примете на себя заботу об этом предупреждении, я могу продолжать то дело, с которым я теперь связан — там, в Сатурнианской системе.

Капитан широко ухмыльнулся.

— Ну, тогда это другое дело. Я был бы не прочь прогуляться с вами.

— Я знаю это, капитан. Уклонение от боя — задача для вас трудная, и я прошу вас сделать это, потому что, я надеюсь, вы можете справиться с трудными задачами. Теперь я хочу, чтобы каждый из ваших кораблей передал часть своей энергии в микрореакторные установки «Метеора». Мне будут нужны и другие запасы из ваших хранилищ.

— Вам стоит только попросить.

— Очень хорошо. Я вернусь на свой корабль и попрошу Советника Вессилевски сопровождать меня.

Он коротко попрощался с теперь совершенно дружелюбным капитаном, и затем Советник Вессилевски присоединился к нему, когда Лакки вошел в переходную трубу, извиляющуюся змеей между флагманским кораблем и «Метеором».

Труба между кораблями вытянулась почти на всю свою длину, и потребовалось несколько минут, чтобы преодолеть расстояние между кораблями по трубе. Она была без воздуха, но два Советника могли легко поддерживать контакт между скафандрами: звуковые волны распространялись по металлу, и голоса звучали, хотя и пронзительно, но достаточно отчетливо. В конце концов, никакая другая форма связи так не совершенна в смысле конфиденциальности, как звуковые волны на коротком расстоянии, поэтому именно в трубе Лакки имел возможность коротко поговорить со спутником.

Наконец Весс, слегка изменив тему, сказал:

— Послушай, Лакки, если сирианцы так стараются развязать конфликт, почему они позволили тебе все-таки уйти? Почему не вынудили принять бой?

— Что касается этого, Весс, то послушай-ка запись обращения сирианца. Явное отсутствие эмоций, а так же отсутствие угрозы нанесения действительного

ущерба — только возможность магнитного захвата. Я убежден, что это был корабль, пилотируемый роботом.

— Роботы!

— Да. Судя по твоей собственной реакции, какой она была бы у Земли, если бы эта затея удалась. Факт состоит в том, что эти корабли, пилотируемые роботом, не могут причинить никакого ущерба кораблям, пилотируемым человеком. Первый Закон робототехники — ни один робот не может причинить вред человеку — предотвратил бы это.

И это только увеличивает опасность. Если бы я атаковал — а этого они, вероятно, ожидали от меня, — сирианцы бы утверждали, что я совершил смертоносное и неспровоцированное нападение на беззащитное судно. А внешние миры понимают истины робототехники еще лучше, чем Земля. Нет, Весс, единственный способ воспрепятствовать им — это уйти, что я и сделал.

Тем временем они подошли к воздушному шлюзу «Метеора». Бигмен ждал их. На его лице появилась ухмылка облегчения, как всегда при встрече с Лакки даже после краткой разлуки.

— Эй! Вот это да! Ты не выпал из трубы между кораблями в конце концов и... Что здесь делает Весс?

— Он отправляется с нами, Бигмен.

Маленький марсианин выглядел недовольным.

— Зачем? У нас корабль для двух человек.

— Мы устроим гостя временно. А теперь нам бы лучше заняться отводом энергии с других кораблей и получением дополнительного оснащения по трубе. После чего мы готовимся к немедленному старту.

Лакки говорил твердо, резко переменив тему разговора.

Бигмен понял: лучше не спорить.

— Так точно, — проворчал он и, бросив сердитый взгляд на Советника Вессилевски, прошагал в машинное отделение.

Весс удивился:

— Что его так терзает? Я не сказал ни слова о его росте.

— Ну, ты должен понять малыша. Формально он не Советник, хотя фактически является таковым во всех

практических делах. Хотя сам не осознает этого. Ну и значит, думает, что, поскольку ты еще один Советник, мы будем общаться без него, скрывать наши маленькие тайны от него.

— Понимаю, — кивнул Весс. — Полагаешь ли ты в таком случае, что мы расскажем ему...

— Нет, — хотя и мягко, но достаточно определенно акцентировал Лакки. — Я сказал ему то, что следовало. Ты ничего не говори.

В этот момент вошел в кабину Бигмен и объявил:

— Машина впитывает энергию. — Затем перевел взгляд с одного на другого и проворчал: — О, извините, что помешал. Мне покинуть корабль, джентльмены?

— Сначала сбей меня с ног, Бигмен, — усмехнулся Лакки.

— О, парень, какая трудная задача! Ты думаешь, дополнительный слой сала поможет тебе? — С молниеносной быстротой Бигмен нырнул под руку Лакки, выброшенную в шутку по направлению к нему, и его кулаки замолотили по корпусу друга.

— Теперь чувствуешь себя лучше? — улыбнулся Лакки.

Бигмен отпрыгнул назад:

— Я попридержал удар. Не хочется, чтобы Главный Советник Конвей накричал на меня, что я больно тебя поколотил.

Лакки рассмеялся.

— Спасибо. Теперь слушай. Нужно рассчитать орбиту и отослать капитану Бернольду.

— Так точно. — Бигмен, казалось, успокоился, не осталось и следа от злости.

— Послушай, Лакки, — сказал Весс, — не хочется тебя расхолаживать, но мы не очень далеко от Сатурна. Мне кажется, сирианцы спокойно определяют наше местоположение и будут точно знать, где мы, когда мы вышли и куда летим.

— Я тоже так думаю, Весс.

— Но тогда каким образом в космосе нам незаметно покинуть эскадру, чтобы направиться к Сатурну и чтобы при этом сирианцы не узнали, где мы находимся и куда мы направляемся?

— Хороший вопрос. Мне было интересно, догадаться ли ты — как. Если даже ты не догадался, то теперь я вполне уверен, что сирианцы также не догадуются, ведь они не знают так хорошо детали нашей системы, как знаем их мы.

Весс откинулся в своем кресле пилота.

— Не темни, Лакки.

— Все очень просто. Корабли, включая наш, стартуют в плотном строю, так что, учитывая расстояние между сирианцами и нами, мы будем выглядеть на их масс-детекторах одним пятнышком. Мы сохраняем этот строй, летя к Земле по почти минимальной орбите, но позволяющей подойти достаточно близко к астероиду Идальго, который сейчас выдвигается к афелию.

— Идальго?

— Да, Весс, ты знаешь его. Это зарегистрированный астероид, известный с первобытных времен, еще до космических путешествий. Его особенность в том, что он выходит из пояса астероидов. В ближайшей точке он подходит к орбите Марса, а в наиболее удаленной точке он отдаляется почти до орбиты Сатурна. Теперь, когда мы будем проходить около него, Идальго также будет зафиксирован на экранах сирианских масс-детекторов, по силе, с которой будет светиться его отметка, они будут знать, что это астероид. Затем они увидят, что масса наших кораблей проходит мимо Идальго по направлению к Земле, и они не обнаружат менее чем десятипроцентного общего уменьшения в массе кораблей, которое произойдет, когда «Метеор» развернется и направится обратно от Солнца в тени Идальго. Путь Идальго вовсе не ведет прямо к нынешнему положению Сатурна, но после двух дней движения в его тени мы можем значительно удалиться от эклиптики по направлению к Сатурну и быть уверенными в том, что нас не обнаружили.

Весс поднял свои брови.

— Надеюсь, это сработает, Лакки.

Он понял стратегию. Плоскостью, в которой располагались все планеты и маршруты коммерческих космических полетов, была эклиптика. Никто практически никогда ничего не искал значительно выше или ниже этой зоны. Логично предположить, что космический

корабль, движущийся по орбите, намеченной Лакки, ускользнет от сирианских приборов. И все же на лице Весса сохранилось выражение неуверенности.

— Как ты думаешь, мы справимся с этим? — спросил Лакки.

— Может быть, и справимся, — ответил Весс. — Но даже если мы вернемся обратно... Лакки, я в этом участвую и сделаю свою работу, но позволь мне сказать один раз и больше к этому не возвращаться. Помоему, мы уже приговорены к смерти!

Скольжение вдоль поверхности Сатурна

И таким образом «Метеор» пронесся бок о бок с Идальго и вдали от эклиптики взял курс снова в направлении южных полярных областей второй по величине планеты Солнечной системы.

Еще ни разу в их пока еще короткой истории космических приключений не оставались Лакки и Бигмен в космосе в течение такого продолжительного времени без перерыва. Прошел уже примерно месяц с тех пор, как они покинули Землю. И все же маленький пузырь воздуха и тепла — их «Метеор» — представлял собой частицу Земли, которая могла поддерживать сама себя в таком состоянии в течение почти неограниченного времени.

Их запаса энергии, доведенного до максимума пожертвованиями других кораблей, хватило бы примерно на год, если не принимать во внимание возможное полномасштабное сражение, воздуха и воды, воспроизводимых в резервуарах с морскими водорослями, хватило бы на всю жизнь. Водоросли обеспечивали резерв пищи на тот случай, если бы кончились их обычные концентраты.

Лишь присутствие третьего человека создавало некоторое реальное неудобство. Как заметил Бигмен, «Метеор» был создан для двоих. Его необыкновенная концентрация энергии, скорости и вооружений стала возможной во многом благодаря продуманной экономии его жилых помещений.

Поэтому третьему пришлось спать на стеганом одеяле в кабине пилотов.

Лакки заметил, что некоторое неудобство компенсировалось преимуществом. Теперь можно было установить четырехчасовые дежурства у пульта управления вместо обычных шестичасовых.

На что Бигмен горячо возразил:

— Конечно, но, когда я пытаюсь заснуть на этом чертовом одеяле, а у приборов олух Весс, он делает так, что все сигнальные лампы светят мне прямо в лицо.

— Я проверяю разные аварийные сигналы, чтобы убедиться в их исправности. Таков порядок, — спокойно ответил Весс.

— И, — продолжал Бигмен, — он все время свистит. Послушай, Лакки, если он еще раз выдаст мне припев из «Моей милой Афродиты» — хоть еще раз, — я встану и обломаю ему руки и потом забью его этими обрубками до смерти.

— Весс, пожалуйста, воздержись от насвистывания припевов. Если Бигмен будет вынужден покарать тебя, то он зальет кровью всю пилотскую кабину, — очень серьезно предупредил Лакки.

Бигмен промолчал, но в следующий раз во время дежурства у приборов, он, направляясь к креслу пилота, умудрился наступить на кисть руки мелодично похрапывающего на одеяле Весса.

— О проклятье! — воскликнул марсианин, вздевая руки вверх и вращая глазами в ответ на свирепый вопль Весса. — А я и подумал, что это такое, под моими тяжелыми марсианскими сапогами? О, мой Весс, неужели это были твои маленькие пальчики?

— Теперь тебе лучше совсем не спать! — вопил Весс от боли. — Если ты заснешь, когда я буду у пульта, я раздавлю тебя, марсианская песчаная крыса, как клопа.

— Я так испуган, — запричитал Бигмен в притворных рыданиях, что вконец вывело из себя Лакки.

— Послушайте, — рассердился он, — любой из вас двоих, кто разбудит меня, потащится за «Метеором» в

своем скафандре на конце каната весь остаток путешествия.

Но когда Сатурн и его кольца стали видны совсем близко, они все собрались в кабине пилотов. Даже если посмотреть, как обычно, со стороны экватора, Сатурн представлял собой самое красивое зрелище в Солнечной системе, а со стороны полюса...

— Если я верно помню, — сказал Лакки, — даже исследовательский полет Хогта затронул эту систему только у Япета и Титана, так что он видел Сатурн лишь со стороны экватора. Если сирианцы не видели его по-иному, то мы первые люди, когда-либо видевшие его так близко с этого направления.

Как и в случае с Юпитером, мягкое желтое свечение поверхности Сатурна в действительности было солнечным светом, отраженным от верхних слоев бурной атмосферы глубиной в тысячи или более миль. И как и в случае с Юпитером, атмосферные возмущения проявлялись в виде зоны изменяющихся цветов. Но зоны не были полосами, как представлялось с обычного экваториального угла зрения. Они образовывали концентрические окружности неяркого коричневого, более светло-желтого и пастельно-зеленого цвета вокруг сатурнианского полюса как центра.

Но даже это зрелище не шло ни в какое сравнение с кольцами. При их нынешнем удалении кольца вытянулись на угол в двадцать пять градусов, в пятьдесят раз шире, чем полная Луна Земли. Внутренний край колец был отделен от планеты промежутком в сорок пять угловых минут, в котором хватило места для довольно свободного размещения объекта размером с полную Луну. Кольца, окружающие Сатурн, нигде не касались его поверхности. Так, во всяком случае, виделось с «Метеора». Они были видны на три пятых своей окружности, остальное же резко обрезалось тенью Сатурна. На трех четвертях пути к наружному краю кольца находился черный промежуток, известный как деление Кассини. Он был шириной около пятнадцати минут, плотная полоска черноты, разделяющая кольца на две светлые части неравной ширины. Во внутренней кромке колец — мерцающая россыпь сверкающих искорок, так называемая траурная каемка.

Общая площадь колец в восемь раз превышала площадь шара Сатурна. Более того, кольца были явно ярче, чем сам Сатурн, так что в целом, по крайней мере, девяносто процентов света, доходящего к ним от планеты, шло от ее колец. Количество света, достигавшего их, было примерно в сто раз большим, чем от полной Луны.

Даже Юпитер, каким он видится со столь поразительно близкой Ио, нельзя было сравнить с этим. Когда Бигмен в конце концов заговорил, с его губ сорвался лишь шепот:

— Лакки, как получается, что кольца такие яркие? Сам Сатурн выглядит тускло. Это не оптическая иллюзия?

— Нет, это реальность. Сатурн и кольца получают от Солнца одинаковое количество света, но отражают вовсе не одинаковое. То, что мы видим исходящим от Сатурна, это свет, отраженный от атмосферы, состоящей в основном из водорода и гелия плюс немного метана. Она отражает около шестидесяти трех процентов света, падающего на нее. Кольца, в основном твердые глыбы льда, посылают обратно как минимум восемьдесят процентов, что делает их значительно более яркими. Глядеть на кольца — все равно что глядеть на снег.

— И нам нужно найти одну снежинку на снежном поле, — посетовал Весс.

— Но черную снежинку, — взволнованно проговорил Бигмен. — Послушай, Лакки, если все частицы кольца — лед, а мы ищем капсулу, которая представляет собой металл...

— Полированный алюминий, — уточнил Лакки, — отразит даже больше света, чем лед. Он будет просто слепящим.

— Ну, тогда, — Бигмен в отчаянии посмотрел на кольца, находившиеся в полумиллионе миль отсюда, но все столь огромные даже на таком расстоянии, — это дело безнадежное.

— Посмотрим, — проговорил Лакки уклончиво.

Бигмен сидел за пультом управления, регулируя орбиту короткими бесшумными вспышками ионного двигателя. Великолепно отлаженные приборы управления

агравом делали «Метеор» значительно более маневренным в этом столь близком к массе Сатурна пространстве, чем любой сирианский корабль.

Лакки находился у масс-детектора, который чутко прощупывал пространство в поисках какого-либо предмета, фиксируя его местонахождение посредством измерения его отклика на гравитационную силу корабля, если он был мал, или влияния его гравитационной силы на корабль, если он был велик.

Весс только что проснулся и вошел в кабину пилота, где царил тишина и напряженность в эти минуты снижения к Сатурну. Бигмен наблюдал за лицом Лакки краешком глаза.

Лакки все более погружался в свои мысли и становился менее общительным по мере того, как приближался Сатурн.

— Не думаю, что тебе следует так потеть над масс-детектором, Лакки, — прервал молчание Весс. — Здесь не будет кораблей. Мы встретим корабли тогда, когда опустимся к кольцам. Возможно, даже много. Сирианцы тоже будут искать капсулу.

— Согласен, поскольку так оно и есть.

— Может быть, — мрачно проговорил Бигмен, — эти приятели уже нашли капсулу.

— Даже это возможно, — согласился Лакки.

Они теперь разворачивались, начиная движение вдоль окружности шара Сатурна, сохраняя дистанцию в восемь тысяч миль от его поверхности. Дальняя часть колец (или, по крайней мере, часть, которая была освещена Солнцем) незаметно сливалась с Сатурном, так как их внутренняя кромка спряталась за гигантской выпуклостью.

У колец, которые ближе к планете, внутренняя траурная каемка более заметна.

— Ты знаешь, я не вижу края этого внутреннего кольца, — удивился Бигмен.

— Возможно, края и нет. Самая внутренняя часть основных колец находится всего лишь в шести тысячах миль над видимой поверхностью Сатурна, а атмосфера Сатурна может простираться на это расстояние, — очень даже миролюбиво отозвался Весс.

— Шесть тысяч миль!

— Очень разреженная, но достаточно плотная для того, чтобы создавать трение для самых ближних кусков гравия и заставлять их кружить ближе к Сатурну.

Те, которые продвигаются ближе, образуют траурную кайму. Чем ближе они движутся, тем больше трение, так что они вынуждены двигаться еще ближе. Вероятно, частицы находятся на всем пути вниз, к Сатурну, причем часть из них сгорает, попадая в более плотный слой атмосферы.

— Значит, кольца не будут существовать вечно, — заметил Бигмен.

— Вероятно, нет. Но они будут существовать еще миллионы лет. Достаточно долго для нас. — Весс помолчал и мрачно добавил: — Слишком долго.

— Я покидаю корабль, джентльмены, — прервал их Лакки.

— Зачем? — закричал Бигмен.

— Хочу посмотреть снаружи, — коротко ответил Лакки, натягивая скафандр.

Бигмен бросил быстрый взгляд на автоматическое записывающее устройство масс-детектора. Ни одного корабля в космосе. Лишь редкие изломы линии, но ничего существенного. Да еще дрейфующие метеориты, разбросанные повсюду в Солнечной системе.

— Займи место у масс-детектора, Весс. Пусть он все время работает. — Лакки надел шлем и защелкнул его. Он проверил измерительные приборы на груди, давление кислорода и двинулся к воздушному шлюзу. Его голос теперь раздался из маленького радиоприемника на панели управления. — Я буду использовать магнитный канат, так что не делайте внезапных выбросов энергии.

— Когда ты снаружи? Думаешь, я сумасшедший? — возмутился Бигмен.

Лакки появился в поле зрения у одного из иллюминаторов, за ним змеиными кольцами вился кабель, не образуя в отсутствие притяжения гладкой кривой.

Маленький ручной реактор в его закованном в латы кулаке выстрелил маленькой реактивной струей, ставшей в слабом солнечном свете едва видимым облаком крошечных ледяных частиц, которое рассеялось и исчезло. Лакки, по закону действия и противодействия, переместился в обратном направлении.

— Как ты думаешь, что-то неладно с кораблем? — спросил Бигмен.

— Если это так, — ответил Весс, — то на панели управления ничего не видно.

— Тогда чем занимается большой начальник?

— Я не знаю.

Но Бигмен бросил на Советника подозрительный, свирепый взгляд, затем повернулся снова, чтобы следить за действиями Лакки.

— Если ты думаешь, — проворчал он, — что так как я не являюсь Советником...

— Может, он просто захотел побыть несколько минут вне пределов досягаемости твоего голоса, Бигмен, — пошутил Весс.

Масс-детектор в автоматическом режиме методично прощупывал пространство вокруг них, градус за градусом, при этом экран становился чисто-белым всякий раз, когда он продвигался слишком далеко в сторону Сатурна.

— Я хочу, чтобы что-нибудь произошло, — вдруг заявил Бигмен, как бы стряхивая с себя уныние от слов Весса.

И что-то произошло.

Весс, вернувшись взглядом к масс-детектору, увидел подозрительный всплеск на записывающем устройстве. Он быстро зафиксировал на нем прибор, подключил вспомогательные обнаружители и следил за ним в течение двух минут.

— Это корабль, Весс, — взволнованно сказал Бигмен.

— Похоже, — неохотно согласился Весс.

Одинокая масса могла означать большой метеорит, но здесь был также выброс энергии, который мог исходить только из микрореакторных двигателей корабля; энергии именно того вида и именно в тех количествах. Это так же хорошо идентифицировалось, как отпечатки пальцев. Любой мог даже обнаружить некоторые отличия от структуры энергии, вырабатываемой земными кораблями, и безошибочно установить, что этот объект — сирианский корабль.

— Он направляется к нам, — заметил Бигмен.

— Не прямо. Вероятно, он не отваживается рисковать в условиях гравитационного поля Сатурна. Все же он медленно приближается и примерно через час сможет установить против нас заграждение... Чему, о космос, ты так радуешься, ты, марсианский фермач?

Разве не ясно, ты, ком сала? Это объясняет, почему Лакки там, снаружи. Он знал, что приближается корабль, и он ставит ловушку для него.

— Как, о космос, он мог узнать, что приближается корабль? — изумился Весс. — Еще десять минут назад не было никаких показаний масс-детектора. Он не был даже сфокусирован в нужном направлении.

— За Лакки не беспокойся! У него есть способ узнать. — Бигмен, довольный, ухмылялся.

Весс пожал плечами, подвинулся к панели управления и позвал в передатчик:

— Лакки! Ты слышишь меня?

— Конечно, я тебя слышу, Весс. Что случилось?

— В зоне досягаемости масс-детектора сирианский корабль.

— Как близко?

— Около двухсот тысяч, и приближается.

Бигмен, наблюдавший в иллюминатор, заметил вспышку ручного реактора Лакки, и ледяные кристаллы вихрем закружились прочь от корабля. Лакки возвращался.

Я вхожу, — предупредил он

Бигмен заговорил сразу же, как только Лакки снял с головы шлем и открылись коричневая копна волос и ясные карие глаза.

Ты ведь знал, что приближается корабль, не Лакки?

Нет, Бигмен. И мысли было. Не понимаю, каким образом они обнаружили нас так быстро. Возникает слишком много вопросов, чтобы считать простым совпадением появление сирианцев в этом районе.

Бигмен постарался скрыть свою досаду.

Хорошо, в таком случае не разнести ли нам его в космосе, Лакки?

Не стоит вновь себя подвергать опасным политическим последствиям, возможным после нашего напа-

дения. Кроме того, на нас возложена определенная миссия, а это более важно, чем игры в войну с другими кораблями.

— Я понимаю, — прервал его нетерпеливо Бигмен. — Существует капсула, которую нам нужно найти, но...

Марсианин удрученно покачал головой. Капсула есть капсула, он понимал ее значимость. Но ведь и хороший бой — это хороший бой, и политические аргументы Лакки об опасности агрессии к нему не относятся, если все равно будет развязана война.

— Что мне делать в таком случае? — буркнул он. — Держаться прежнего курса?

— И ускорить движение. Направиться к кольцам.

— Если мы так поступим, то они направятся туда вслед за нами.

— Совершенно верно. У нас начнется состязание.

Бигмен медленно вернулся к контрольному пункту, и протонный распад в микрореакторе пошел с невероятной силой.

Корабль понесся вдоль выпуклого изгиба Сатурна.

Сразу же под ударами радиоволн ожил приемный диск.

— Мы вступим в активный контакт с ними? — спросил Бигмен.

— Нет, известно, что они скажут. Капитуляция, или нас захватят магнитными щупальцами.

— Да?

— У нас сейчас только один шанс — бежать.

Сквозь ущелье

— Из-за одного дурацкого корабля, Лакки? — завопил Бигмен.

— Времени хватит и на бой, только попозже, Бигмен. Дело прежде всего.

— Но это означает, что мы снова покидаем Сатурн. Лакки мрачно улыбнулся.

— Не в этот раз, Бигмен. На этот раз мы создадим базу в системе этой планеты, и как можно скорее.

Корабль стремительно понесся к кольцам. Лакки оттеснил Бигмена от пульта управления, став на его место.

— Появилось множество кораблей, — тревожно сообщил Весс.

— Где? К какому спутнику они ближе всего?

Весс реагировал быстро.

— Они все в районе кольца.

— Хорошо, — пробормотал Лакки, — тогда мы еще поохотимся за капсулой. Сколько там кораблей?

— Вдали видны пять, Лакки.

— Между нами и кольцами есть корабли?

— Показался шестой. Мы неуязвимы, Лакки. Они слишком далеко от нас, чтобы прицельно стрелять, но,

похоже, они намерены следовать за нами до тех пор, пока мы не покинем систему Сатурна.

— Или пока наш корабль не будет уничтожен, так?

Кольца Сатурна увеличивались и наконец заполнили весь экран своей снежной белизной; корабль тем временем все быстрее мчался вперед. Лакки не сделал ни одного движения, чтобы снизить скорость.

Вдруг Бигмен подумал, что Лакки старается намеренно разбить корабль среди колец. Он непроизвольно вскрикнул:

— Лакки!

И тут кольца исчезли.

Бигмен изумился. Его руки потянулись к рукояткам управления видеоэкрана.

— Где они? Что случилось? — закричал он.

Весс, потевший над масс-детектором и с беспокойством лохмативший свои желтые волосы, бросил через плечо:

— Деление Кассини.

— Что?

— Промежуток между кольцами.

— Ох! — Шок миновал. Бигмен стал вращать окуляром смотрового люка на корпусе корабля, и снежная белизна колец постепенно снова заполнила экран. Он маневрировал еще осторожнее.

Сначала показалось одно кольцо. Затем пространство, черное пространство. Затем другое кольцо, чуть-чуть более тусклое. Внешнее кольцо было покрыто нетолстым слоем ледяного гравия. И опять пространство между кольцами. Деление Кассини. Здесь нет гравия. Только широкая черная брешь.

— Она большая, — заметил Бигмен.

Весс вытер пот со лба и посмотрел на Лакки.

— Мы пролетим насквозь, Лакки?

Лакки не отрывал глаз от пульта управления.

— Через несколько минут, Весс, мы пройдем насквозь. Дыши спокойно и надейся.

Весс повернулся к Бигмену и быстро проговорил:

— Несомненно, брешь большая. Я тебе говорил, что она две с половиной тысячи миль шириной. Полно ангаров для кораблей, как раз то, что тебя так напугало.

— Твой голос звучит чуть-чуть нервозно для такого парня высотой в шесть футов, — произнес Бигмен. — Тебе кажется, что Лакки летит чересчур быстро?

— Смотри, Бигмен, если мне придет в голову сесть на тебя, то...

— Да в той твоей части, на какой ты сидишь, мозгов больше, чем в твоей голове, — захохотал довольный своей шуткой Бигмен.

— Через пять минут мы будем в делении Кассини, — предупредил Лакки.

Бигмен удивился и повернулся к смотровому экрану:

— Время от времени в расщелине какое-то мерцание.

— Это гравий, Бигмен, — пояснил Лакки. — Деление Кассини свободно от него в отличие от самих колец, а они на сто процентов не свободны. И если мы заденем один из этих кусочков на пути через...

— Один шанс из тысячи, — прервал его Весс, пожимая плечами.

— Один шанс из миллиона, но именно этот один шанс из миллиона пришелся на агента X в его «Космической ловушке»... Мы почти у самой границы бреши. — Его руки уверенно лежали на рычагах управления.

Бигмен глубоко вздохнул, он весь напрягся в ожидании удара, который расколет корпус корабля, а может быть, и превратит протонный микрореактор в бушующее пламя красной энергии. По крайней мере, все закончилось бы до того...

— Порядок, — спокойно сказал Лакки.

Весс шумно выдохнул.

— Мы уже прошли насквозь? — удивился Бигмен.

— Конечно, мы уже прошли насквозь, глупенький марсианин, — ухмыльнулся довольный Весс. — Кольца всего лишь десять миль толщиной, и, как ты думаешь, сколько секунд требуется на преодоление всего десяти миль?

— И мы уже на другой стороне? — не верил Бигмен.

— Можешь быть в этом уверен. Постарайся найти кольца на видеоэкране.

Бигмен изменил угол обзора, посмотрел назад, затем вверх и снова вверх, захватывая большое пространство.

— Виден какой-то туманный контур.

— И это все, что ты увидишь, дружок. Теперь ты находишься на теневой стороне колец. Солнце освещает другую сторону, и свет не проникает через десяти-мильный плотный слой гравия. Скажи, Бигмен, что пре-

подают по астрономии в марсианских школах, что-нибудь вроде — «мерцай, мерцай, маленькая звездочка»?

Бигмен медленно выпятил нижнюю губу.

— Ты знаешь, свиная башка, мне хотелось бы заполнить тебя на один сезон на марсианскую ферму. Я спустил бы с тебя шкуру и посмотрел бы, что за мясо у тебя — думаю, всего фунтов десять, и все в твоей большой ноге.

— Я по достоинству оценил бы вашу аргументацию, Весс, если бы вы с Бигменом отложили ее до лучших времен. Не проверил бы ты, что там, на масс-детекторе? Будь добр!

— Будь спокоен, Лакки. Эй, с ним не все в порядке. Насколько резко ты намерен изменить курс?

— Насколько способен корабль. Мы останемся под кольцами на таком расстоянии, на каком возможно.

Весс кивнул.

— О'кей, Лакки. Это выведет из строя их систему обнаружения.

Бигмен ухмыльнулся. Сработано превосходно. Ни один из масс-детекторов не может опознать «Метеор» из-за влияния массы колец Сатурна, а оптическое обнаружение сквозь кольца было просто невероятно.

Лакки вытянул свои длинные ноги, и мускулы на его спине плавно задвигались, когда он потянулся и нагнулся, слегка напрягая руки и плечи.

— Сомневаюсь, — сказал Лакки, — чтобы у какого-либо из сирианских кораблей хватило смелости последовать за нами через ущелье. У них нет аграва.

— О'кей, пока все хорошо. Но куда мы теперь летим? Кто-нибудь мне скажет? — спросил Бигмен.

— Нет секрета, — ответил Лакки. — Мы направляемся к Мимасу. Мы полетим, придерживаясь колец, пока не приблизимся вплотную к Мимасу насколько удастся, а тогда сделаем стремительный бросок через разделяющее нас пространство. Мимас находится всего в тридцати тысячах миль от колец.

— Мимас? Это одна из лун Сатурна, не так ли?

— Верно, — включился в разговор Весс. — Ближайшая к планете.

Их полет теперь выравнился, и «Метеор» помчался вокруг Сатурна теперь уже с запада на восток по линии, параллельной его кольцам.

Весс поудобнее уселся на пледе и, ехидно улыбаясь, обратился к Бигмену.

— Не желаешь ли ты чуть-чуть заняться астрономией? Если в грецком орехе, находящемся в твоём черепе, есть хотя бы малюсенькое пространство, я могу рассказать тебе, что такое брешь в кольцах.

Любопытство и презрение боролись в душе маленького марсианина.

— Ну, давай, давай быстрее, ты, невежественный обалдуй. Давай, я послушаю твой бред.

— Не бред, — высокомерно отреагировал Весс. — Слушай и учись. Внутренние части двух колец обращаются вокруг Сатурна за пять часов. Самые удаленные их части совершают оборот за пятнадцать часов. Справа, где находится деление Кассини, материал, из которого состоит кольцо, если там что-то есть, должен двигаться по окружности со средней скоростью, совершая круг за двенадцать часов.

— Ну и что?

— Так, спутник Мимас, к которому мы направляемся, делает оборот вокруг Сатурна за двадцать четыре часа.

— И опять же — ну и что?

— Все частицы в кольце притягиваются так или иначе спутниками, поскольку они и спутники вращаются вокруг Сатурна. Притяжение на Мимасе наибольшее, так как он ближе всего расположен к Сатурну. Обычно притяжение идет сейчас в одном направлении, а через час в другом, так что все аннулируется. Если бы в делении Кассини находился гравий и каждый второй раз он совершал свое вращение, то Мимас оказался бы на том же самом месте в небе, двигаясь в старом направлении. Часть гравия постоянно движется вперед, так что он закручивается в спираль и перемещается во внешнее кольцо; другие части гравия оттягиваются назад, так что они движутся по внутреннему кольцу. Они не остаются там, где находятся; части кольца освобождаются от частиц, и вот — ты получаешь деление Кассини и два кольца.

— Это так? — тихо спросил Бигмен. Разумом он понимал, что Весс рассказал ему все правильно. — Тогда как туда попадает какая-то часть гравия, в эту брешь? Почему он весь не переместился во внешнее кольцо к настоящему времени?

— Потому что, — ответил Весс с высокомерным видом превосходства, — некоторые частицы постоянно либо втягиваются, либо выталкиваются из-за случайного воздействия сателлитов, но ни одна из них никогда надолго не останавливается... И надеюсь, ты запишешь все это, Бигмен, потому что я могу тебе позже задать несколько вопросов.

— Пошел бы ты куда подальше! — проворчал Бигмен.

Улыбаясь, Весс вновь повернулся к своему масс-детектору. Но то, что он там увидел, моментально стерло улыбку с его лица.

— Лакки!

— Да, Весс?

— Кольца нас не прикрывают.

— Что?

— Ну, посмотри сам. Сирианцы приближаются. Кольца им больше не мешают.

— Ну и ну, как же это могло случиться?

— Это нельзя считать слепым везением, ведь все восемь кораблей оказались на нашей орбите. Мы проделали поворот под прямым углом, и они изменили соответственно свою орбиту. Они, должно быть, обнаружили нас.

Лакки костяшками пальцев задумчиво потер подбородок:

— Если они это сделали, значит, они это сделали. Нет смысла обсуждать факт, что они не смогут этого сделать. Это может означать только то, что у них есть нечто, чего нет у нас.

— Никто и никогда не утверждал, что сирианцы тупицы, — заметил Весс.

— Нет, но иногда некоторые из нас действуют так, как будто наши враги — глупцы, будто весь научный прогресс сосредоточен только в умах Совета Науки и пока сирианцам не удастся узнать наши секреты, у них ничего не будет. А порой и я попадаю в такой переплет... Ну что ж, двинулись.

— Куда двинулись? — потребовал ответа Бигмен.

— Я уже сказал тебе, Бигмен, — ответил Лакки. — На Мимас. Но они придут туда после нас.

— Понятно. Это только означает, что мы должны лететь туда скорее, чем когда-либо... Весс, а не могут

они перерезать нам путь, прежде чем мы достигнем Мимаса?

— Нет, если им не удастся ускорить свой полет, по крайней мере, в три раза, по сравнению с нашим.

— Отлично. Отдавая сирианцам должное, я не могу поверить, что у них большая мощность, чем у «Метеора». Итак, мы выполним это.

— Но, Лакки, — вмешался Бигмен, — ты сошел с ума. Давай лучше сражаться, или совсем уберемся из системы Сириуса. Мы не можем приземлиться на Мимасе.

— Извини, Бигмен, но у нас нет выбора. Мы должны приземлиться на Мимасе.

— Но они нас, несомненно, заметят. Они будут следовать за нами вплоть до Мимаса, и нам тогда придется драться, так почему же не вступить в бой теперь, когда мы с помощью агравы можем маневрировать, а они нет?

— Они не собираются следовать за нами на Мимас.

— Почему же они не последуют?

— Ну, Бигмен, мы же хотели отправиться в кольца и забрать то, что осталось от «Космической ловушки»?

— Но тот корабль взорвался.

— Вот именно.

В приборном отсеке наступило молчание. «Метеор» рванулся через пространство, медленно сворачивая в сторону от Сатурна, затем полетел быстрее, выскользнув из-под самого дальнего кольца в открытый космос. Впереди лежит Мимас, сверкающий мир, видимый в форме крошечного полумесяца. В диаметре он имел всего лишь 320 миль.

Пока еще далеко позади виднелась плотная группа кораблей сирианского флота.

Мимас увеличивался в размере. Наконец вступила в действие передняя тяга «Метеора», и корабль начал сбрасывать скорость.

Но Бигмену казалось просто невероятным, чтобы Лакки со своим космическим опытом мог так просчитаться. Он сдержанно проговорил:

— Слишком поздно, Лакки. Мы не успеем снизить скорость, чтобы приземлиться. Нам необходимо перейти на спиральную орбиту, пока скорость значительно не уменьшится.

— Нет времени для вывода корабля на спираль вокруг Мимаса, Бигмен. Мы летим прямо.

— Но это невозможно! На такой скорости!

— Вот именно, на это, я надеюсь, сирианцы и не решатся.

— Но, Лакки, они будут правы.

— Не хочется это говорить, Лакки, но я согласен с Бигменом, — поддержал Весс марсианина.

— Нет времени аргументировать или объяснять, — бросил Лакки и склонился над приборами.

На видеоэкране Мимас летел на них с сумасшедшей скоростью. Бигмен облизнул враз пересохшие губы.

— Лакки, если ты думаешь, что лучше такой путь, чем сдать в плен, то о'кей. Тогда вперед. Но, Лакки, если мы намерены продолжать двигаться, не лучше ли нам завязать бой? Может, мы сумеем сначала рассчитаться с одним из этих парней?

Лакки покачал головой и ничего не сказал. Его руки двигались теперь так быстро, что Бигмен не успевал уследить, что он делал. Скорость уменьшалась все еще медленно.

Внезапно Весс протянул руку, как будто хотел силой отодвинуть Лакки от приборов, но Бигмен быстро положил свою руку ему на запястье. Бигмен понимал, что они идут на верную смерть, но его безграничная вера в Лакки оставалась непоколебимой.

Они летели все медленнее, медленнее, медленнее, только этого торможения было явно недостаточно — Мимас заполнял собой уже весь видеоэкран.

Сверкнув при падении на смертельной скорости, «Метеор» врезался в поверхность Мимаса.

а и а

И больше ничего.

Раздался резкий свист, столь знакомый Бигмену. Так было всегда, когда корабль проникал в атмосферу.

Атмосферу?

Но ведь это невозможно. Ни один мир, по размеру равный Мимасу, не мог обладать атмосферой. Бигмен посмотрел на Весса, который вдруг вновь сел на плед, беспомощный и бледный, но так или иначе удовлетворенный.

Бигмен шагнул к Лакки:

— Лакки...

— Не теперь, Бигмен.

И внезапно Бигмен понял то, что делал Лакки с приборами. Он манипулировал термоядерным лучом. Бигмен подбежал к видеозэкрану и направил камеру прямо вперед.

Да, теперь не оставалось никаких сомнений, он окончательно понял идею Лакки. Термоядерный луч считали самым могущественным «тепловым лучом» со времени его открытия. Он применялся главным образом как оружие ближнего боя, но, совершенно точно, никто

никогда его не использовал так, как теперь им воспользовался Лакки.

Струя дейтерия, бьющая перед носом корабля, искривилась под воздействием мощного магнитного поля, и на много миль впереди все озарилось ядерной вспышкой от мощного импульса из микрореактора. Сохранись силовой импульс хотя бы некоторое время, он обязательно должен был разрушить корабль; и миллионной доли секунды было достаточно. После этого распространилась сама собой дейтериевая реакция и ужасное термоядерное пламя сжигало все, достигая трехсот миллионов градусов.

Этот пылающий шар, возникший перед поверхностью Мимаса, вонзился в тело спутника, пробуравив в его организме туннель. В этот туннель со свистом влетел «Метеор». Парообразная субстанция Мимаса служила атмосферой, которая их окружала, помогая снизить скорость корабля, вместе с тем повышая температуру внешней обшивки корабля до опасной отметки.

Лакки посмотрел на измеритель температуры обшивки.

— Весс, добавь побольше энергии в катушки испарения.

— Для этого потребуется вся вода, какая у нас есть, — ответил Весс.

— Сделай это. Нам не нужна вода для собственного потребления в этом море.

Вода под сильным напором пошла к внешним змеевикам из пористой керамики, в которых она испарялась, способствуя снижению температуры, возникшей от испарения. Но вода испарялась столь же быстро, сколь быстро подавалась в змеевики. Температура обшивки продолжала нарастать.

Но нарастала более медленно. Постепенно снижалась и скорость корабля, и Лакки уменьшил силу струи дейтерия и отрегулировал магнитное поле. Горящее пятно термоядерного дейтерия становилось все меньше и меньше. Свист атмосферы также уменьшился.

Наконец струя исчезла полностью, и корабль понесло вперед, в твердую стену, где он продолжил свой путь, расплавляя окружающую массу своим жаром, и наконец остановился.

Только теперь Лакки сел.

— Джентльмены, — обратился он к своим коллегам. — Простите, у меня не было времени для объяснения, но решение пришло в самую последнюю минуту, управление кораблем отняло у меня всю мою энергию. Как бы то ни было — добро пожаловать во чрево Мимаса!

Бигмен вздохнул во всю глубину легких и проговорил:

— Никогда не думал, что ты станешь использовать термоядерную струю, чтобы проложить путь летящему кораблю в недра этого мира.

— Обычно это невозможно, — сказал Лакки. — Уж так случилось, что Мимас — это особый случай. Таков и Энцеладус, следующий спутник.

— Как это происходит?

— Они представляют собой снежные комья. Астрономы знали об этом давно, еще до космических путешествий. Их плотность меньше, чем у воды, и они отражают около восьмидесяти процентов света, который падает на них, так что вполне понятно, что они могут быть только из снега плюс чуть замерзшего аммиака, тоже не слишком плотно сбитого.

— Верно, — присоединился к разговору Весс. — Кольца — это лед, и те первые два спутника тоже представляют собой всего-навсего скопления льда слишком удаленные, чтобы стать составной частью колец. Вот почему Мимас так легко плавится.

— Но добрая часть работы еще впереди, — заметил Лакки. — Давайте начнем.

Они оказались в настоящей пещере, образовавшейся под действием термоядерного луча, и были зажаты со всех сторон. Туннель, который они проделали, когда проникали внутрь, сжимался по мере их движения, пар конденсировался и замерзал. На масс-детекторе появились показатели, свидетельствовавшие о том, что они углубились почти на сотню миль от поверхности спутника. Из-за массы льда над ними пещера даже при слабой гравитации Мимаса медленно сжималась.

«Метеор» постепенно зарывался все глубже, протыкая Мимас насквозь, подобно раскаленной проволоке, вонзенной в масло, и, когда они достигли точки в пяти

милях от поверхности, они остановились и образовали кислородный пузырь.

Поскольку топливных запасов, да и запасов продовольствия и водорослей, в резервуарах хватало надолго, Весс покорно пожал плечами:

— Ну что ж, это на время станет моим домом; давайте сделаем его удобным.

Бигмен очнулся ото сна. Он скривил лицо, глянув с горьким осуждением.

— Бигмен, в чем дело? — поинтересовался Весс. — Неужели будешь скучать по мне?

— Справлюсь как-нибудь. Через два-три года я, пролетая мимо Мимаса, брошу тебе письмо. — Затем он воскликнул: — Послушай, я слышал, ты что-то говорил, думая, что я сплю без задних ног. О чем речь? Секреты Совета?

Лакки смущенно покачал головой.

— Все в свое время, Бигмен.

Позднее, когда Лакки с Бигменом остались на корабле одни, Советник сказал:

— Действительно, Бигмен, почему бы тебе не остаться здесь вместе с Вессом?

— Ну конечно. Стоит два часа побыть с ним вместе в клетке — и я разрублю его топором на части и положу на лед, чтоб сохранить для его родственников. — Затем добавил: — Ты это серьезно, Лакки?

— Вполне серьезно. То, что произойдет в дальнейшем, может быть для тебя более опасным, чем для меня.

— Да? А зачем мне эта радость?

— Если ты останешься с Вессом, то, что бы ни случилось со мной, тебя отсюда заберут в течение двух месяцев.

Бигмен попятился. Его маленький рот скривился:

— Лакки, если ты прикажешь мне остаться тут для того, чтобы здесь что-то делать, о'кей. Я выполню это, но, когда сделаю, я хотел бы присоединиться к тебе. Но если ты хочешь просто оставить меня здесь, чтобы спасти, тогда как ты сам отправляешься навстречу опасности, мы закончим разговор. У меня с тобой нет больше дел, а без меня ты, переросший дружище, не сможешь выполнить дело, и ты знаешь, что не выполнишь его. — Марсианин быстро заморгал глазами.

— Но, Бигмен... — начал Лакки.

— Ладно, я буду в опасности. Ты что, хочешь, чтобы я подписал бумагу, где сказано, что я беру ответственность на себя, что ты ни при чем? Хорошо. Я подпишу. Это тебя удовлетворяет, Советник?

Лакки с нежностью схватил Бигмена за волосы и подергал его голову взад-вперед.

— Да, пытаться заботиться о тебе — это все равно что черпать воду решетом.

Весс возвратился в отсек и объявил:

— Дистиллятор установлен и работает.

Вода из ледяной субстанции Мимаса пошла в резервуары «Метеора», наполняя их и заменяя ту воду, которая была использована для охлаждения корабля. Часть выделенного аммиака была тщательно нейтрализована и помещена в отсеке обшивки, где его можно было использовать в резервуарах с водорослями в качестве азотного удобрения.

И тогда они прошли в воздушный пузырь с изящно очерченными ледяными стенами и осмотрели довольно уютное помещение.

— О'кей, Весс, — наконец проговорил Лакки, крепко пожав ему руку. — По-моему, ты все устроил.

— Я сделал все, что мог, Лакки.

— Тебя заберут отсюда, примерно через два месяца, во что бы то ни стало. Тебя отсюда возьмут значительно раньше, если дела пойдут как следует.

— Ты поручил мне эту работу, — холодно произнес Весс, — и она будет сделана. Ты сосредоточишься на своем задании и заодно позаботишься о Бигмене. Следди, чтобы он не вывалился из койки и не поранился.

— Не думай, что я не понимаю вашего тайного сговора. Вы оба занимаетесь интригами и не рассказали мне... — начал возмущенный Бигмен.

— В корабль, Бигмен, — прервал его Лакки и подтолкнул марсианина вперед. Тот отчаянно сопротивлялся, пытаясь закончить свою отповедь Вессу.

— О, Лакки, — воскликнул он, как только они вернулись на корабль. — Посмотри, что он сделал. Достаточно того, что ты от меня скрываешь ваши проклятые тайны Совета, но ты к тому же позволил этому обалдую оставить за собой последнее слово.

— Ему предстоит тяжелая работа, Бигмен. Он должен остаться здесь, в то время как мы улетаем и добавляем ему беспокойства. Так пусть хоть получит

удовольствие от того, что последнее слово осталось за ним.

Они легко оторвались от Мимаса в том месте, с которого ни Солнце, ни Сатурн не были видны. На темном небе самым большим объектом был Титан, расположившийся у подножия небосклона, и его величина едва достигала четверти видимого диаметра земной Луны.

Его шар был наполовину освещен Солнцем, и Бигмен мрачно взирал на его изображение. Энтузиазм покинул его.

— И именно там находятся сирианцы, не так ли? — спросил он.

— Думаю — да.

— И куда мы направляемся? Назад, в кольца?

— Верно.

— А если они обнаружат нас опять?

Должно быть, это был сигнал. Приемный диск загорелся, оживая.

Лакки это встревожило.

— Они обнаружили нас слишком легко.

Он установил контакт. На этот раз это был не безжизненный голос робота, отсчитывающего минуты. Напротив, это был резкий, вибрирующий, полный жизни голос, и, несомненно, он принадлежал сирианцу.

— ...рр, пожалуйста, ответьте! Я пытаюсь установить контакт с Советником Дэвидом Старром с Земли. Дэвид Старр, пожалуйста, ответьте! Я пытаюсь...

— Советник Старр у микрофона. Кто вы?

— Я Стен Девур с Сириуса. Вы проигнорировали требование наших кораблей-автоматов и возвратились в нашу планетную систему. Поэтому вы наш пленник.

— Кораблей-автоматов?

— Управляемых роботами. Вам это понятно? Наши роботы могут вполне удовлетворительно управлять кораблями.

— Я это понял.

— Так я и думал. Они следовали за вами, когда вы вышли за пределы нашей системы, затем повернули назад под прикрытием астероида Идальго. Они проследовали за вами во время вашего полета от эклиптики к

южному полюсу Сатурна, потом через деление Кассини, под кольцами, а затем и внутрь Мимаса. Вам да не удастся ускользнуть из-под нашего надзора.

— И что же делает ваши наблюдения столь эффективными? — спросил Лакки, стараясь говорить ровным и спокойным голосом.

— О, уверен, землянин не понимает, что сирианцы могут иметь свои собственные методы. Но это неважно. Мы несколько дней ожидали вашего выхода из норы в Мимасе, куда вы так остроумно проникли при помощи направленной термоядерной реакции. Это нас так позабавило, что мы позволили вам скрыться. Некоторые из нас даже стали заключать пари по поводу того, как скоро вы высунете снова свой нос. Тем временем наши корабли, укомплектованные экипажами из роботов, окружили вас. Вы не преодолеете и тысячи миль, и мы взорвем, если захотим.

— Только, конечно же, не с помощью ваших роботов, которые не могут причинять вред людям.

— Дорогой мой Советник Старр, — раздался насмешливый голос сирианца, — разумеется, роботы не причинят вред человеческим существам, если они случайно узнают, что здесь человеческие существа. Но видите ли, роботы, управляющие оружием, тщательно проинструктированы, что на вашем корабле летят только роботы. Они не испытывают угрызений совести из-за уничтожения роботов. Не хотите ли капитулировать?

Бигмен вдруг наклонился к самому микрофону и прокричал:

Послушай ты, ублюдок, а что если мы сначала выведем из строя несколько ваших жестянок-роботов? Как вам это понравится? (Во всей Галактике было известно, что сирианцы считали разрушение роботов чуть ли не убийством.)

Но Стен Девур был непоколебим.

— Это то существо, с которым вы поддерживаете дружбу, Советник? Бигмен? Если так, то у меня никакого желания вступать с ним в разговор. Скажите ему и осознайте сами: я сомневаюсь, успеете причинить ущерб хотя бы одному кораблю, прежде чем будете уничтожены. Думаю, дам вам, пожалуй, пять минут для решения. Что вы предпочитаете: уничтожение или капитуляцию? Со своей стороны, я давно

встречи с вами, так что примите как надежду — вашу капитуляцию. Идет?

Лакки на мгновение застыл, стиснув зубы.

Бигмен спокойно смотрел на него, скрестив руки на своей маленькой груди, и ждал.

Прошли три минуты, и Лакки медленно, но четко проговорил:

— Я отдаю свой корабль и его содержимое в ваши руки, сэр.

Бигмен молчал.

Лакки прервал связь и повернулся к маленькому марсианину. Беспокойно и смущенно Советник кусал нижнюю губу.

— Бигмен, ты должен понять. Я...

Бигмен пожал плечами.

— Мне действительно это не нравится, Лакки, но я понял после нашего приземления на Мимасе, что ты умышленно решил сдать сирианцам сразу же, как мы полетели второй раз к Сатурну.

К Титану

Лакки вскинул брови.

— Как ты это узнал, Бигмен?

— Я не так глуп, Лакки. — Маленький марсианин был важен и чрезвычайно серьезен. — Ты помнишь, когда мы держали курс к южному полюсу Сатурна, и ты покинул корабль? Это было как раз перед тем, как сирианцы заметили нас и мы были вынуждены отогнать их огненной струей к делению Кассини.

— Да.

— У тебя была причина так поступать. Ты не говорил какая, потому что полностью был поглощен своим делом и находился в напряжении, а потом мы ударили от сирианцев. Ну а когда мы строили помещение для Весса на Мимасе, я сразу же осмотрел «Метеор» снаружи и понял, что ты работал на аграв-блоке. Так ты все устроил, что мог взорвать всю установку нажатием кнопки на панели управления.

Лакки мягко проговорил:

— Аграв-блок — это единственная абсолютно сверхсекретная установка на «Метеоре».

— Мне это известно. И я исходил из того, что ты хорошо знаешь: если ты вступаешь в бой, то не имеешь

права покинуть «Метеор», не взорвав его вместе с нами. Чтобы уничтожить аграв-блок и все остальное. Если ты решил взорвать только аграв, а все остальное сохранить невредимым, значит, ты не думал вступать в бой. Ты собирался капитулировать.

— И об этом-то ты так грустно размышлял, когда мы приземлились на Мимасе.

— Ладно, Лакки, я ведь с тобой, что бы ты ни предпринял, — вздохнул Бигмен и отвел взгляд, — но капитуляция — не шутка.

— Согласен, но можешь ли ты придумать другой способ, как добраться до их базы? Наше дело, Бигмен, всегда не забава. — И Лакки коснулся переключателя скоростей на контрольной панели. Корабль слегка вздрогнул, когда наружные детали аграва превратились в кипящую белую массу и в виде капель стали отрываться от корабля.

— Ты думаешь, что сможешь вырваться отсюда? И это причина капитуляции?

— В какой-то мере.

— А не взорвут ли они нас, как только поймают?

— Думаю, они этого не сделают. Если бы они хотели нас уничтожить, они могли это совершить в космосе, как только мы оторвались от Мимаса. Подозреваю, что мы нужны живыми... И если мы останемся в живых, у нас теперь есть Весс на Мимасе, как своего рода заслон. Я вынужден был подождать, пока мы не организуем этот заслон, прежде чем позволить себе капитулировать. Вот ради чего мы рисковали свернуть себе шею на Мимасе.

— Возможно, Лакки, они знают и о нем. Похоже, они знают обо всем.

— Может быть, и так, — задумчиво согласился Лакки. — Этот сирианец знал, что ты был моим партнером, может, он думает, что мы образуем пару, а не трио, и не станет искать третьего человека. По-моему, просто замечательно, что я не настоял на том, чтобы ты остался вместе с Вессом. Если бы я вышел один, сирианцы стали бы тебя искать и принялись обследовать Мимас. Конечно, если бы они обнаружили тебя и Весса... я уверен, они не уничтожили бы вас... Нет, пока я находился в их руках, я мог бы что-то делать... — Он разговаривал сам с собой и наконец совсем замолчал.

Молчал и Бигмен, и первым звуком, нарушившим тишину, был хорошо знакомый лязг, который отдался в стальном корпусе «Метеора». Магнитный провод вошел в контакт, связывая их с другим кораблем.

— Кто-то к нам пожаловал, — беззвучно проговорил Бигмен.

На видеозкране им удалось различить сначала часть провода, затем фигуру, размахивающую рукой вверх-вниз, чтобы привлечь внимание, затем она исчезла. Потом корабль вздрогнул, как от удара грома, и зажегся сигнал воздушного шлюза.

Бигмен привел в движение рычаг, открывающий наружную дверь шлюза, подождал следующего сигнала, затем закрыл наружную дверь, открыв внутреннюю.

И вошел захватчик.

Но он не был одет в скафандр, ибо это был не человек. Перед ними предстал робот.

В Земной Федерации также были роботы, в том числе и весьма совершенные, но в значительной мере они были заняты в точно обозначенных рамках, что не позволяло им вступать в контакт с человеческими существами помимо тех, кто ими управлял. Так что, хотя Бигмен и видел роботов, но не так уж много. Поэтому он внимательно разглядывал вошедшего.

Он был подобно всем сирианским роботам большим и блестящим. Его внешняя форма отличалась однообразной простотой, соединения конечностей и торса были так хорошо сделаны, что почти не были заметны.

А когда он заговорил, Бигмен замер. Потребовалось немало времени, чтобы привыкнуть к почти настоящему человеческому голосу, раздающемуся из металлической имитации человеческого существа.

— Добрый день, — произнес робот. — В мою обязанность входит наблюдение за тем, чтобы ваш корабль и вы сами в безопасности прибыли к месту назначения. Первая часть информации, которую мне следует получить, заключается в следующем: не повлиял ли взрыв, который заметили на корпусе вашего корабля, на снижение его навигационных возможностей?

Его голос был глубоким и мелодичным, без эмоций и с явным сирианским акцентом.

— Взрыв не подействовал на космические достоинства корабля, — ответил Лакки.

— Что же тогда произошло?

— Его произвел я сам.

— Зачем?

— Этого я не могу сказать.

— Очень хорошо. — Робот сразу же оставил тему. Человек может настаивать, угрожать силой. Робот — никогда. Он продолжил: — Я обязан управлять космическими кораблями, сконструированными и построенными на Сириусе. Я смогу управлять этим космическим кораблем, если вы объясните мне сущность различных приборов, которые я здесь вижу.

— О, Лакки, — вклинился Бигмен, — мы не должны ничего рассказывать этой штуковине, верно?

— Он не может нас заставить что-нибудь рассказать, Бигмен, но коль скоро мы капитулировали, какой еще дополнительный ущерб мы причиним этим объяснением, которое поможет им доставить нас туда, куда мы летим?

— Давай сперва выясним, куда мы должны отправиться? — Бигмен обратился к роботу резким тоном: — Ты! Робот! Куда ты заберешь нас?

Робот уставился в Бигмена красным немигающим глазом.

— По инструкции мне не позволено отвечать на вопросы, не относящиеся к моему непосредственному заданию.

— Ну, смотри. — Взволнованный Бигмен отбросил руку Лакки, пытающегося его удержать. — Куда бы ты ни завез нас, сирианцы причинят нам зло, возможно даже убьют. Если ты не хочешь повредить нам, помоги нам вырваться, пойдем с нами... Ох, Лакки, позволь мне договорить или ты сам хочешь?

Но Лакки твердо покачал головой, и заговорил робот:

— Я уверен, что вам не будет нанесен никакой вред. А теперь, если бы я мог получить инструкции относительно способа пользования этим аппаратом, я немедленно бы приступил к выполнению моего задания.

Шаг за шагом Лакки объяснил ему систему управления кораблем. Робот показал превосходное знакомство с существом рассматриваемых технических вопросов, тщательно проверил каждый прибор, чтобы убедиться в правильности полученных сведений, и к концу объясне-

ний Лакки стало очевидно, что он великолепно освоил управление «Метеором».

Лакки улыбнулся, и в его глазах засветилось искреннее восхищение.

Бигмен затащил его в их кабину.

— С чего это ты скалишь зубы?

— Бигмен, этот робот — великолепная машина. Мы должны признать заслуги сирианцев. Они сумели создать роботов, работающих с таким искусством.

— О'кей, но давай потише. Я не хочу, чтобы он слышал то, что я собираюсь сказать. Послушай, ты решил сдаться только ради того, чтобы попасть на Титан и получить информацию о сирианцах. Конечно же, мы можем никогда не вырваться, и тогда что толку от этой информации? Но теперь у нас есть этот робот. Если мы сумеем заставить его помочь нам убраться отсюда прямо сейчас, то получим то, что хотели. У робота должна быть масса информации о сирианцах. Таким образом мы добудем больше информации, чем если бы приземлился на Титане.

Лакки покачал головой.

— Звучит хорошо, Бигмен. Но как ты предлагаешь убедить робота присоединиться к нам?

— Во-первых, Закон. Мы растолкуем ему, что на Сириусе всего лишь пара миллионов жителей, в то время как в Земной Федерации — свыше шести миллиардов. Мы объясним, что важнее уберечь от близящейся беды большее количество людей, чем незначительное меньшинство, так что Первый Закон на нашей стороне. Ну как, Лакки?

— Беда в том, — сказал Лакки, — что сирианцы являются специалистами в управлении роботами. Этот робот, возможно, запрограммирован на то, что он теперь не причиняет никакого вреда ни одному человеческому существу. Он ничего не знает о шести миллиардах жителей Земли, кроме того, что услышит от тебя, а это не совпадает с его программой. Ему нужно видеть, что человеческому существу угрожает реальная опасность, чтобы отбросить инструкции.

— Я постараюсь.

— Отлично. Вперед. Для тебя это хорошая практика.

Бигмен приблизился к роботу, который уверенными движениями рук направлял стремительно несущийся

сквозь космическое пространство «Метеор» на новую орбиту.

— Что ты знаешь о Земле? О Земной Федерации? — приступил к выполнению своего плана марсианин.

— По инструкции я не должен отвечать на вопросы, не относящиеся к моему непосредственному заданию, — ответил робот.

— Приказываю тебе игнорировать прежние инструкции.

В ответе робота почувствовалось чуть заметное колебание:

— По инструкции мне не позволено получать инструкции от неправомочного лица.

— Мои указания даются тебе для того, чтобы предотвратить зло, которое может быть причинено человеческим существам. Значит, их следует выполнять, — настаивал на своем Бигмен.

— Я уверен, что человеческим существам не угрожает никакая опасность, и я не чувствую никакой грозящей беды. Мои инструкции обязывают меня воздерживаться от ответа на запретные побуждения, если они бесполезно повторяются.

— Ты лучше послушай. Зло надвигается. — И Бигмен вдохновенно говорил в течение некоторого времени, но робот больше не отвечал.

— Бигмен, ты напрасно тратишь силы, — заметил Лакки.

Бигмен лягнул робота по сверкающей лодыжке. Потом с силой ударил по корпусу корабля, вот и весь эффект от разговора. С покрасневшим от злости лицом он шагнул к Лакки.

— Просто великолепно! Человеческие существа совершенно бесполезны из-за того, что какой-то кусок металла имеет свои собственные идеи! Мы даже не знаем, куда мы направляемся.

— Нам для этого не нужен робот. Я проверил курс. Мы летим к Титану.

Они оба стояли у видеозэкрана в течение последних часов приближения к Титану. Это был третий самый большой спутник в Солнечной системе (лишь Ганимед у

Юпитера и Тритон у Нептуна были больше, и то ненамного), и из всех спутников он обладал наиболее плотной атмосферой.

Воздействие его атмосферы было заметно даже с дальнего расстояния. На большинстве спутников (включая Луну Земли) терминатор — то есть линия, разделяющая дневное и ночное время, — был резким: по одну сторону — тьма, по другую — свет. Но в данном случае было не так.

Полумесяц Титана был очерчен скорее полосой, чем четкой линией, и рожки полумесяца выходили далеко вперед и почти соединялись туманным изгибом.

— У Титана атмосфера почти такая же плотная, как и на Земле, Бигмен, — проговорил Лакки.

— Пригодная для дыхания? — поинтересовался Бигмен.

— Нет, не пригодная. В ней преобладает метан.

Появилась, по крайней мере, дюжина других кораблей. Их можно было разглядеть невооруженным глазом. Они спускались к Титану один за другим, сходя с космической трассы.

Лакки покачал головой.

— Двенадцать кораблей выделено для одного этого мероприятия. Должно быть, они находятся здесь уже долгие годы, занимаясь строительством и подготовкой. Как мы сможем их когда-нибудь изгнать отсюда, если не при помощи войны?

Бигмен и не пытался ответить.

К тому же резкий свист пучков газа, завихряющихся вокруг обтекаемого корпуса корабля, безошибочно свидетельствовал, что они вошли в атмосферу.

Бигмен беспокойно смотрел на циферблаты, регистрирующие температуру корпуса, но опасности не было. Робот уверенно управлял кораблем. Корабль снижался к Титану по тугой спирали, одновременно теряя скорость и высоту, так что от трения о плотные слои атмосферы температура резко повысилась.

Лакки опять засиял от восхищения.

— Он управлял кораблем, совершенно не затратив топлива. Честно говоря, по-моему, он мог бы посадить нас в нужном месте, используя атмосферу в качестве единственного тормоза.

— Что в этом хорошего, Лакки? — удивился Бигмен. — Если эти роботы могут управлять кораблем, как этот, то как мы можем надеяться когда-нибудь победить сирианцев, а?

— Мы обязаны научиться создавать своих собственных роботов, Бигмен. Эти роботы — достижение человека. Люди, достигшие этого, сирианцы, да, но они — человеческие существа, и все другие люди также могут вместе с ними гордиться таким достижением. Если нас страшат результаты их открытий, давай постараемся состязаться с ними или даже превзойти их. Но нет смысла отрицать ценность их достижений.

Поверхность Титана открылась из-под бледной атмосферной дымки. Они могли теперь различать горные кряжи: не остроконечные, скалистые пики безвоздушного мира, а сглаженные горные массивы свидетельствовали, что здесь поработали ветры и погода. Вершины были обнажены, в ущельях и долинах лежал глубокий снег.

— На самом деле это не снег, — пояснил Лакки, — а замерзший аммиак.

И конечно, всюду было безлюдно. Расположенные между горных кряжей холмистые равнины были либо покрыты снегом, либо представляли собой голую скалистую местность. Никаких признаков жизни. Ни рек, ни озер.

И тогда...

— О великая Галактика! — воскликнул Лакки.

Появился купол. Плоский купол достаточно обычного вида для внутренних планет. Купол был того же типа, что на Марсе и на мелководьях океанов Венеры, но купол, построенный сирианцами здесь, на необитаемом Титане, выглядел бы респектабельным городом даже на давно колонизированном Марсе.

— Мы спали, а они в это время строили, — вздохнул Лакки.

— Когда радиокomentаторы растрезвонят об этом, — заметил Бигмен, — не очень здорово это будет выглядеть для Совета Науки.

— О космос, в Солнечной системе, которая исследована вдоль и поперек и где периодически проверяется каждый камешек, затерялся мир, подобный Титану!

— Кто бы мог подумать...

— Членам Совета Науки следовало бы подумать. Народ системы поддерживает их и верит в то, что они думают и заботятся о нем. И мне тоже следовало бы подумать.

Голос робота прервал их.

— Этот корабль приземлится после еще одного облета вокруг спутника. Принимая во внимание ионный мотор на борту этого корабля, не потребуются специальные предосторожности в связи с приземлением. Тем не менее чрезмерная беззаботность может нанести вред, и я не могу идти на это. Поэтому я должен попросить вас лечь и пристегнуть ремни.

— Неужели надо повиноваться этому куску металлической трубы, которая нам указывает, как нам вести себя в космосе! — возмутился Бигмен.

— Вот именно, — сказал Лакки, — тебе лучше лечь. Он нас силой заставит лечь, если мы этого не сделаем. Это его обязанность — следить, чтобы нам не был причинен вред.

Бигмен внезапно крикнул:

— Скажи, робот, как много людей приземлилось здесь, на Титане?

Ответа не последовало.

Поверхность спутника стремительно приближалась, притягивая их к себе. «Метеор» пошел к точке приземления хвостом вниз, двигатели сделали последний рывок, перед тем как заглохли, завершив свою работу.

Робот отвернулся от приборов управления.

— Вы целыми и невредимыми прибыли на Титан. Мои непосредственные задачи выполнены, и я хочу теперь передать вас наставникам.

— Стену Девуру?

— Это один из наставников. Вы можете беспрепятственно покинуть корабль. Температуру и давление вы найдете нормальными, а гравитация приближена к вашей норме.

— Мы прямо сейчас можем выйти? — спросил Лакки.

— Да. Наставники вас ждут.

Лакки кивнул. Так или иначе, но ему не вполне удалось справиться с охватывающим его необычным волнением. Хотя сирианцы были главным врагом в его столь недолгой, но бурной карьере в Совете Науки, он никогда не видел живого сирианца.

Он вышел из корабля, шагнув на выдвижную площадку выхода, Бигмен приготовился последовать за ним, и оба остановились в полнейшем изумлении.

Враг

Лакки поставил ногу на первую ступеньку лестницы, ведущей к поверхности спутника. Бигмен выглянул из-за широкой спины друга. Оба застыли с открытыми ртами.

Все вокруг выглядело так, как если бы они приземлились на поверхности Земли. Если над ними и была сводчатая крыша — свод из твердого металла и стекла, — то она была невидима в ярком свете голубого неба, и, была ли это иллюзия или нет, — в небе плыли летние облака.

Перед ними простирались лужайки и тянулись ряды зданий, перед которыми там и здесь были разбиты цветочные клумбы. Неподалеку бежал открытый ручей, а через него были переброшены маленькие каменные мостки.

Дюжинами спешили куда-то роботы, механически сосредоточенные, каждый своим путем, каждый со своим собственным заданием.

В нескольких сотнях ярдов поодаль стояли группой пять существ — сирианцы! — и с любопытством наблюдали за пришельцами.

Резкий и властный голос обрушился на Лакки и Бигмена:

— Эй, вы там! Спускайтесь! Спускайтесь, я сказал. Не теряйте времени!

Лакки посмотрел вниз. Высокий человек стоял внизу у лестницы, уперев руки в бока и широко расставив ноги. Его узкое, оливкового цвета лицо с выражением высокомерия было обращено к ним. Его темные волосы были подстрижены простым ежиком по сирианской моде. К тому же у него была аккуратная и хорошо подстриженная бородка и тонкие усики. Его одежда была просторной и пестрой; рубашка распахнута на шее, а ее рукава доходили лишь до локтя.

— Если вы, сэр, так торопитесь — пожалуйста, — откликнулся Лакки.

Он качнулся и шагнул, балансируя руками, на лестницу, его гибкий стан грациозно изогнулся безо всяких усилий. Он оторвался от корабля, спустился по последним двенадцати ступенькам и очутился лицом к лицу с человеком, стоящим внизу. Его ноги слегка спружинили, чтоб амортизировать толчок, и, вновь выпрямившись, он легко отскочил в сторону, чтобы и Бигмен мог спрыгнуть.

Человек, рядом с которым оказался Лакки, был достаточно высоким, но все-таки на дюйм ниже его. Вблизи можно было разглядеть рыхлость кожи сирианца и одутловатость его лица.

Сирианец нахмурился, и его нижняя губа оттопырилась в презрительной гримасе:

— Акробаты! Обезьяны!

— Ничуть, сэр, — со спокойным добродушным юмором отозвался Лакки. — Земляне.

Человек сказал:

— Ты Дэвид Старр, но зовут тебя Лакки. Что это означает на жаргоне землян и что это означает на нашем языке?

— Это означает «счастливчик».

— Похоже, ты недолго был «счастливчиком». Я Стен Девур.

— Я догадался об этом.

— Вы, видимо, удивлены всем увиденным, а? — Обнаженной рукой Девур обвел окружающий ландшафт. — Это прекрасно.

— Да, но нужна ли это трата энергии?

— Трудом роботов по двадцать четыре часа в сутки это можно сделать, и у Сириуса достаточно энергии для этого. А у Земли, по-моему, ее нет.

— У нас есть все необходимое, ты узнаешь об этом, — спокойно ответил на это Лакки.

— Узнаю? Пошли, я поговорю с тобой в своем кабинете. — Он властно махнул пяти другим сирианцам, которые, сгрудившись, глазели на землянина, который до недавнего времени был таким везучим врагом Сириуса и которого наконец-то поймали.

Сирианцы ответили приветствием на жест Девура и тотчас же, повернувшись на каблуках, разошлись в разные стороны.

Девур сел в маленький открытый экипаж, который приблизился на бесшумном диагравитационном двигателе. Его плоское дно, без колес и какого-либо другого механического приспособления, висело в шести дюймах над поверхностью. Другой экипаж подъехал к Лакки. Каждый управлялся, разумеется, роботом.

Лакки сел во второй автомобиль. Бигмен двинулся вслед за ним, но робот-водитель, протянув руку, вежливо преградил ему вход.

— Эй... — начал Бигмен.

Лакки прервал его:

— Мой друг едет со мной, сэр.

Впервые Девур направил свой пристальный взгляд на Бигмена, и необъяснимый огонь ненависти вспыхнул в его глазах.

— Меня абсолютно не интересует этот предмет, — процедил сквозь зубы он. — Если ты заинтересован в его компании, можешь пока взять его с собой, но мне не хотелось бы иметь от него лишнее беспокойство.

Бигмен с побелевшим лицом посмотрел на сирианца.

— Я тебя сейчас побеспокою своей правой, ты ублю...

Но Лакки схватил его и строго прошептал ему на ухо:

— Сейчас, Бигмен, ты ничего не сможешь сделать. Малыш, сейчас придется потерпеть. — И Лакки втянул его в автомобиль. Девур в это время сохранял полное безразличие.

Машины начали плавное движение, напоминавшее полет ласточки, и через две минуты замедлили ход перед одноэтажным зданием из белого гладкого кирпича.

ча, ничем не отличавшегося от остальных зданий, кроме темно-красной отделки окон и дверей, и по подъездной дорожке проехали вдоль одной из его сторон. На всем протяжении короткого путешествия им не повстречалось ни одного человеческого существа — одни роботы.

Девур первым прошел через сводчатую дверь в маленькую комнату с конференц-столом и альковым, в котором стоял большой диван. С потолка лился голубовато-белый свет, такой же голубовато-белый, как и под открытым небом.

Слишком синий, подумал Лакки, затем вспомнил, что Сириус более крупная, более горячая и поэтому более голубая звезда, чем Солнце Земли.

Робот принес два подноса с едой и высокими, покрытыми инеем стаканами с пенистым молочно-белым содержимым. Нежный фруктовый аромат наполнил воздух, и после долгих недель, проведенных в корабле, Лакки в предвкушении вкусной еды улыбнулся про себя. Один поднос поставили перед ним, другой — перед Девуром.

Лакки сказал роботу:

— Мой друг тоже хотел бы получить то же самое.

Робот, быстро взглянув на Девура, который, словно окаменев, смотрел вдаль, ушел и вернулся с еще одним подносом. Во время еды никто не проронил ни слова. Землянин и марсианин пили и ели с удовольствием.

После того как подносы унесли, сирианец заговорил:

— Прежде всего я должен заявить, что вы — шпионы. Вы проникли на территорию Сириуса и получили предупреждение о необходимости покинуть ее. Вначале вы ее покинули, а затем вернулись, делая всяческие усилия, чтобы замаскировать ваше возвращение. По законам межзвездного кодекса мы имеем полное право немедленно расправиться с вами, и это будет выполнено, хотя сейчас ваши действия заслуживают милосердия.

— Это какие же действия? — поинтересовался Лакки. — Приведите мне хоть один пример, сэр.

— С удовольствием, Советник. — Черные глаза сирианца засветились интересом. — Имеется капсула информации, которую наш человек до своей гибели установил в кольцах.

— Ты полагаешь, что она у меня?

Сирианец снисходительно засмеялся.

— Во всем космосе нет ни единого шанса для этого. Мы ни в коем случае не позволили бы тебе приблизиться к кольцам менее чем на полусветовой скорости. Ну, спокойно — ты очень умный Советник. Мы так много слышали о тебе и твоих подвигах, даже на Сириусе. Были моменты, когда ты, скажем так, слегка мешал нам.

Внезапно Бигмен включился в разговор и резко выкрикнул:

— Совсем чуть-чуть: задержал вашего шпиона на Юпитере-9, добился прекращения вашей практики пиратства на астероидах, помог вас изгнать с Ганимеда...

— Советник, ты успокоишь это, — вспыхнув от гнева, потребовал Стен Девур. — Меня раздражает скрип этого предмета, который ты прихватил с собой.

— Тогда говорите то, что вы хотите сказать, — властно потребовал Лакки, — не оскорбляя моего друга.

— Что я хочу, так это чтобы ты помог мне найти капсулу. Скажи мне, только избавь меня от своего невероятного остроумия, как бы ты взялся за это дело? — Девур оперся о стол локтями и в ожидании пытливо посмотрел на Лакки.

— С какой информации мне начать?

— Только с той, мне кажется, какую ты получил. Последние сообщения нашего человека.

— Да, мы получили информацию. Не всю, но достаточную для того, чтобы понять, что он не дал координаты той орбиты, на которой поместил капсулу, и достаточную для того, чтобы знать, что он ее все-таки оставил.

— Да?

— С тех пор как этот человек довольно давно ускользнул от наших собственных агентов и почти преуспел с выполнением своей миссии, я пришел к выводу, что он умен.

— Он был сирианец.

— Это, — с важной учтивостью кивнул Лакки, — не одно и то же. В данном случае, однако, мы можем предположить, что он не сумел поместить капсулу в кольца таким образом, чтобы вы легко ее обнаружили.

— И следующий твой вывод, землянин?

— И если он поместил капсулу в сами кольца, то ее просто невозможно найти.

— Ты так думаешь?

— Да. И единственную альтернативу этому вижу в том, что он отправил ее на орбиту внутри деления Кассини.

Девур откинул назад голову и громко рассмеялся.

— Это приятно слышать от Лакки Старра, великого Советника, тратящего свою умственную энергию на эту проблему. Я думал, что ты предложишь что-нибудь удивительное, что-нибудь совершенно потрясающее. А вместо этого только предположения. Советник, а что если я скажу тебе, что мы без твоей помощи нашли такое решение сразу и что наши корабли прочесали деление Кассини почти в тот момент, как капсула была сброшена?

Лакки кивнул. (Если большинство личного состава баз на Титане находилось в кольцах, наблюдая за поисками капсулы, то это отчасти объясняло малочисленность людей на самой большой базе.)

— Ну, что ж, поздравляю вас и напоминаю, что деление Кассини велико и в нем есть некоторое количество гравия. К тому же капсула может оказаться из-за притяжения Мимаса на непостоянной орбите. В зависимости от ее положения ваша капсула будет медленно двигаться по внутреннему или внешнему кольцу, и если вы ее в ближайшее время не найдете, то она навечно потеряна для вас.

— Твоя попытка попугать меня глупа и бесполезна. Даже внутри самих колец капсула выглядела бы все же алюминием по сравнению со льдом.

— Большинство масс-детекторов не может отличить алюминий ото льда.

— Это относится к масс-детекторам твоей планеты, землянин. Спросил ли ты себя, как мы выследили тебя, несмотря на твой топорный трюк с Идальго и твою авантюру с Мимасом?

— Я удивлен этим, — честно признался Лакки.

Девур снова рассмеялся:

— Ты прав, что удивляешься. Очевидно, Земля не обладает селективным масс-детектором.

— Совершенно секретным? — поинтересовался вежливо Лакки.

— Нет, в принципе — нет. Наш детекторный луч использует мягкие X-лучи, которые по-разному разбрасываются различными веществами в зависимости от массы их атомов. Некоторые из них возвращались отра-

женными к нам, и, анализируя отраженный луч, мы можем отличить металлический космический корабль от твердого астероида. Когда космические корабли проходят мимо астероида, движущегося тем временем своим путем, регистрируется значительная металлическая масса, которой он раньше не обладал, и совсем не трудно прийти к выводу о том, что вблизи от астероида находится крадущийся космический корабль, на котором необоснованно предполагают, что их не обнаружили. Ну как, Советник?

— Понятно.

— Понимаешь ли ты то, что никоим образом не сумеешь замаскироваться с помощью колец Сатурна или даже самого Сатурна? Металла совсем нет в кольцах или во внешней поверхности Сатурна до глубины десять тысяч миль. Даже внутри Мимаса не удалось бы спрятаться. Через несколько часов мы узнали бы, что вы там делаете. Мы могли бы обнаружить металл подо льдами Мимаса или же то, что осталось от вашего погибшего корабля. Но затем металл начал движение, и мы узнали, что вы все еще находитесь у нас. Мы разгадали ваш термоядерный трюк и только выжидали.

— Пока игра за вами.

— А теперь ты думаешь, что мы не сможем найти капсулу, даже если она путешествует по кольцам или была прежде всего помещена в кольцах?

— Хорошо, тогда как получилось, что вы до сих пор ее не нашли?

На мгновение лицо Девура помрачнело, будто он заподозрил в вопросе сарказм, но еще не успел Лакки вежливо полюбопытствовать, как он грубо прервал его:

— Мы найдем. Но это лишь вопрос времени. И поскольку ты не можешь помочь нам впредь в этом деле, то нет никакого резона откладывать экзекуцию.

— Сомневаюсь, что ты действительно понимаешь значение только что сказанного тобой. Погибнув, мы станем для вас очень опасными.

— Может, от вас живых в какой-то мере и существует угроза, но я не могу поверить, что ты это говоришь всерьез.

— Мы — члены Совета Науки Земли. Если нас убьют, Совет не забудет этого и не простит. Возмездие будет направлено в одинаковой степени как против Сириуса, так и против тебя лично. Запомни это.

— Думаю, что знаю об этом больше, чем ты думаешь, — возразил Девур. — Это создание, которое прилетело вместе с тобой, не член вашего Совета.

— Формально, может быть, и нет, но...

— А ты сам, если ты позволишь мне закончить, намного больше чем просто его член. Ты приемный сын Гектора Конвея, Главного Советника, и ты являешься гордостью Совета. Поэтому, возможно, ты и прав. — Губы Девура растянулись в кривой усмешке. — Может быть, существуют условия, давай подумаем об этом, при которых для нас более выгодно оставить тебя в живых.

— Что за условия?

— В ближайшие недели Земля созывает межзвездную конференцию наций, чтоб рассмотреть то, что они называют нашим вторжением на их территорию. Может быть, ты знаешь об этом.

— Я предлагал такую конференцию, когда первым узнал о существовании этой базы.

— Хорошо. Сириус согласился на эту конференцию, и встреча вскоре состоится на вашем астероиде — Весте. Земля, похоже, — Девур улыбнулся более широко, — торопится. И мы уступим им, ибо мы не боимся ее результатов. Внешние миры большей частью не любят Землю и вовсе не обязаны ее любить. Наш собственный случай — лучшее подтверждение тому. Однако мы могли бы сделать все намного более драматично, если бы нам удалось представить доказательства земного лицемерия. Земляне созывают конференцию; они говорят, что желают разрешить дело мирными средствами; но в то же самое время они послали военный корабль на Титан с инструкциями разрушить нашу базу.

— Эти инструкции ко мне не относятся. Я действовал без инструкций, и у меня не было намерения принять какой-либо военный акт.

— Тем не менее, если ты подтвердишь то, что я сказал, это произведет большое впечатление.

— Я не могу свидетельствовать в пользу того, что не является правдой.

Девур проигнорировал его слова и жестоко сказал:

— Пусть они знают, что тебе не давали наркотиков и не обследовали. Дай показания по собственной воле, как мы проинструктируем тебя. Пусть конференция узнает, что премированный член Совета Науки, сам сын

Конвея, принял участие в незаконной вооруженной авантюре в то самое время, когда Земля лицемерно созывала конференцию и провозглашала приверженность миру. Это раз и навсегда решило бы дело.

Лакки сделал глубокий вздох и посмотрел в холодное улыбающееся лицо.

— И это все? Дача фальшивых показаний в обмен на жизнь?

— Совершенно верно. Воспользуйся случаем: сделай свой выбор.

— Это исключено. Я не хотел бы стать лжесвидетелем в подобном деле.

Глаза Девура сузились в щелки.

— Я думаю, ты захочешь. Наши агенты тщательно изучали тебя, Советник, и мы знаем твои слабые места. Ты можешь скорее предпочесть смерть, чем сотрудничать с нами, но тебе, как землянину, присуще чувство жалости к слабому, калеке, уроду. Ты вынужден будешь сделать это, чтобы предотвратить, — и мягкая, пухлая рука сирианца внезапно поднялась, указывая пальцем на Бигмена, — его смерть.

Наставники и роботы

— Спокойно, Бигмен, — прошептал Лакки.

Маленький марсианин сгорбился в кресле, его глаза взволнованно следили за Девуром.

— Не стоит нас запугивать, — заметил Лакки. — Экзекуция на так проста в мире роботов. Роботы не могут нас убить, и я не уверен, что вы или ваши коллеги хладнокровно готовы убить человека.

— Конечно, нет, если ты подразумеваешь под убийством гильотинирование или расстрел. И к тому же нет ничего пугающего в быстрой смерти. Предположим, однако, что наши роботы подготовили разоруженный корабль. Твоего — ух! — компаньона можно приковать к одной из переборок корабля с помощью роботов, которые, конечно, позаботятся, чтобы не причинить ему вреда. Корабль можно снабдить автопилотом, который выведет его на орбиту, далекую от вашего Солнца и за пределами эклиптики. Нет ни единого шанса, что об этом когда-либо кто-либо узнает на Земле. Это будет путешествие в вечность.

Бигмен прервал его:

— Лакки, они никогда не поступят так со мной. Ни за что не соглашайся.

Девур продолжил, не обращая на него внимания:

— Твой компаньон получит достаточно воздуха и тубик с водой в пределах досягаемости, чтоб утолить жажду. Конечно, он будет один и не получит никакой пищи. Голод — это медленная смерть, а голод при полном одиночестве в космосе — это самая ужасная вещь, какую только можно представить.

— Это подлый и бесчеловечный способ обращения с военнопленным, — возмутился Лакки.

— Это не война. Вы ведь только шпионы. И во всяком случае, необязательно, чтобы это случилось, а, Советник? Тебе следует лишь подать знак, что ты готов признаться в том, что ты намеревался атаковать нас и согласен подтвердить это лично на конференции. Я уверен, ты примешь во внимание просьбы того предмета, с которым ты дружишь.

— Просьбы! — сильно покраснев, Бигмен вскочил на ноги.

Девур вдруг повысил голос:

— Этот предмет следует взять под стражу. Действуйте!

Два робота молчаливо стали по обе стороны Бигмена, схватив его за руки. На момент Бигмен скорчился от боли и, приложив все силы, оторвался от пола, но его руки остались неподвижными, крепко зажатыми роботами.

Один из роботов монотонно произнес:

— Пусть господин не сопротивляется, иначе господин причинит себе вред, несмотря на все, что мы можем сделать.

— У тебя будет двадцать четыре часа на раздумье. Уйма времени, а, Советник? — И Девур взглянул на сверкающие цифры на полоске декорированного металла, которая опоясывала его левое запястье. — И тем временем мы приготовим наш разоруженный корабль. Если он не пригодится, на что я надеюсь, ну что же, ведь это труд роботов, а, Советник? Сиди там, где находишься, бесполезно стараться оказать помощь твоему компаньону. Он останется пока невредим.

Бигмена вывели из комнаты; Лакки, наполовину приподнявшись со своего кресла, беспомощно наблюдал за этим.

На маленьком ящике на конференц-столе вспыхнул свет. Девур перегнулся и коснулся его, и светящаяся

трубка появилась над ящиком. В ней возникло изображение головы. Раздался голос:

— Йонг и я получили сообщение о том, что у тебя Советник, Девур. Почему нам сказали только после его приземления?

— А какая разница, если это уже сделано, Зейон? Теперь вы знаете. Вы придете?

— Конечно. Мы хотим встретиться с Советником.

— Приходите тогда в мой офис.

Спустя пятнадцать минут прибыли два сирианца. Оба такие же высокие, как и Девур; оба с оливкового цвета кожей (более значительное ультрафиолетовое излучение Сириуса вызывает потемнение кожи, сообразил Лакки), но они были старше. Подстриженные волосы одного из них отливали стальной сединой. Он был тонкогуб и говорил быстро и четко. Его представили как Харрига Зейона, а его одеяние свидетельствовало о том, что он был членом Космической Службы Сириуса.

Другой начинал уже лысеть. На предплечье у него был шрам, и выглядел он старым космическим волком. Это был Баррег Йонг, тоже из Космической Службы.

— Ваша Космическая Служба, по-моему, что-то вроде нашего Совета Науки, — сказал Лакки.

— Да, это так, — важно подтвердил Зейон. — В этом смысле мы коллеги, хотя находимся в другом лагере.

— Значит, член Службы — Зейон. И член Службы Йонг. А мистер Девур...

Девур не дал Лакки договорить:

— Я не являюсь членом Космической Службы. Вовсе не нужно, чтобы я был им. Сириусу кто-то может служить и вне Службы.

— Особенно, — заметил Йонг, положив руку на шрам на предплечье, как бы прикрывая его, — если этот кто-то является племянником директора Центрального Управления.

— Что означает этот сарказм, Йонг? — вскочил Девур.

— Никакого сарказма. Это буквально. Родство позволяет вам приносить Сириусу больше пользы.

Это было лишь сухой констатацией факта, и Лакки не подозревал о вражде между двумя стареющими

членами Службы и молодым и, без сомнения, влиятельным родственником повелителя Сириуса.

Зейон попытался наладить отношения и, повернувшись к Лакки, мягко спросил:

— Наши предложения приняты тобой?

— Вы имеете в виду предложение, чтобы я солгал на межзвездной конференции?

Зейон посмотрел на него с досадой и легким недоумением:

— Я имею в виду, что ты присоединишься к нам, станешь сирианцем.

— По-моему, мы не подошли к этому пункту.

— Ладно, тогда рассмотрим этот вопрос. Наша Служба хорошо тебя знает, и мы уважаем твои способности и достижения. Они работали на Землю, которая однажды должна погибнуть как биологический факт.

— Биологический факт? — нахмурился Лакки. — Сирианцы, происходят от землян.

— Да, это так, но не ото всех землян; только от некоторых, от лучших, от тех, которые проявили инициативу и силу, чтобы достигнуть звезды и колонизировать ее. Мы сохранили наше происхождение в чистоте; мы не допускаем появления хилых или со слабыми генами. Мы избавляемся от непригодных в нашей среде, так что теперь мы — чистая раса сильных, способных и здоровых, в то время как Земля остается конгломератом больных и уродливых.

Девур прервал его:

— У нас здесь есть образец такого, это компаньон Советника. Он приводит меня в бешенство и вызывает отвращение у меня, просто находясь со мной в одной комнате; обезьяна, человеческое существо ростом в пять футов, уродливый чурбан...

— Он лучше тебя, сирианец, — медленно проговорил Лакки.

Девур поднялся, дрожа, со сжатыми кулаками. Зейон быстро подошел к нему и положил руку на плечо.

— Девур, сядь, пожалуйста, и позволь мне продолжить. Сейчас не время для отвлеченных споров. — Девур грубо сбросил его руку и сел на свое место. Наставник Зейон серьезно продолжил: — Для внешних миров, Советник Старр, Земля представляет страшную угрозу, бомбу недочеловечества, готовую взорваться и заразить чистую Галактику. Мы не хотим, чтобы это

произошло; мы не можем позволить, чтобы это произошло. Вот за что мы боремся: за чистую человеческую расу, состоящую из достойных.

— Состоящую из тех, кого вы считаете достойными, — возразил Лакки. — Но достоинства проявляются во всех видах и формах. Великие люди Земли происходят от высоких и низких, от людей, обладающих всеми формами головы, разным цветом кожи и говорящих на разных языках. Разнообразие — вот в чем наше спасение и спасение всего человечества.

— Ты просто повторяешь, как попугай, нечто, что ты выучил. Советник, ты не можешь не видеть, что в действительности ты один из нас. Ты высокий, сильный, сложен, как сирианец; ты храбр и мужествен, как сирианец. Зачем смешивать пену Земли с людьми, подобными тебе, только из-за того, что ты родился на Земле?

— Итог всего этого, наставник, заключается в том, что вы хотите заставить меня прийти на межзвездную конференцию на Весте и там заявить о своем желании помогать Сириусу, — проговорил Лакки.

— Помогать Сириусу, да, но заявление должно быть искренним. Ты шпионил за нами. Твой корабль был вооружен.

— Вы впустую тратите свое время. Мистер Девур уже обсуждал со мной этот вопрос.

— И ты согласился стать сирианцем, ты им в действительности и являешься? — Лицо Зейона загорелось ожиданием.

Лакки бросил мимолетный взгляд на Девура, рассматривавшего с безразличием костяшки своих рук.

— Правда, мистер Девур выдвинул предложение в несколько иной форме, — уклонился от ответа Лакки. — Может, прежде чем информировать вас о моем прибытии, он хотел обсудить со мной один на один этот вопрос и использовать для этого свои методы. Короче, он просто сказал, что я должен посетить конференцию на сирианских условиях и что мой друг Бигмен будет послан на разоруженном космическом корабле умирать голодной смертью.

Оба сирианских наставника повернулись к Девуру, который продолжал созерцать костяшки пальцев.

Йонг медленно проговорил, обращаясь к Девуру:

— Сэр, это не в традициях Службы...

Девур внезапно взорвался:

— Я — не член Службы и не дам и половины кредитного билета за ваши традиции. Я отвечаю за эту базу и за ее безопасность. Вы оба назначены сопровождать меня как делгаты на конференцию на Весте, чтобы представлять там Службу, но я — глава делегации, и на мне лежит ответственность за успех конференции. Если этому землянину не нравится тот вид смерти, который уготован его другу-обезьяне, то ему остается только пойти на наши условия, и он согласится на них еще быстрее благодаря вашему предложению сделать из него сирианца. И слушайте дальше. — Девур поднялся из кресла, прошел быстро в дальний угол комнаты, затем повернулся, глядя прямо в застывшие лица наставников, которые слушали его с дисциплинированным самоконтролем. — Я устал от вашего постоянного вмешательства. У Службы было достаточно времени, чтобы обогнать Землю, и она сделала ничтожно мало в этом отношении. Пусть этот землянин слушает, что я говорю. Он знает это лучше, чем кто-либо другой. Достижения Службы жалки, и именно я заманил в ловушку этого Старра, а не Служба. У вас, джентльмены, кишка тонка, и я намерен восполнить...

В этот момент робот распахнул дверь и произнес:

— Наставники, я должен извиниться за вторжение без вашего приказа, но я обязан рассказать вам нечто касающееся маленького господина, который был взят под стражу...

— Бигмен! — воскликнул Лакки, вскочив на ноги. — Что с ним случилось?

После того как Бигмена вывели из комнаты два робота, он напряженно обдумывал положение. Неужели на самом деле нет путей к освобождению? Он был достаточно реалистичен, чтобы думать пробиться сквозь орду роботов и без посторонней помощи убежать с базы, столь хорошо охраняемой, будь даже в его распоряжении «Метеор», чего в действительности не было.

Это более чем очевидно.

Лакки склоняют пойти на бесчестье и предательство, жизнь Бигмена была приманкой.

Лакки ни в коем случае не должен соглашаться на это. Ему не следует спасать жизнь Бигмена ценой предательства. Не должен он также спасать свою честь, пожертвовав Бигменом, и потом испытывать вину за это до конца своих дней. Есть единственная возможность избежать и того и другого. Бигмен пришел к этому решению хладнокровно. Если он выберет такой способ смерти, против которого Лакки ничего не сможет предпринять, то большого землянина не смогут ни в чем обвинить, да и сам себя он не сможет ни в чем обвинить. И Бигмен не был бы больше предметом сделки.

Бигмена втиснули в маленький диагравитационный экипаж и одну-две минуты куда-то везли.

Но этих двух минут хватило, чтобы у него в голове четко сложился план. Его годы, проведенные с Лакки, были годами счастья. Он прожил полнокровную жизнь и не испытывал страха перед смертью. Теперь он мог спокойно умереть. Но прежде он должен еще этим вечером использовать малейшую возможность расквитаться с Девуром. В его жизни не было случая, чтобы человек, оскорбивший его, ушел от возмездия. Он не мог умереть, не сравняв счет. Мысль о высокомерном сирианце наполняла Бигмена таким гневом, что временами он не мог сам себе сказать, что им движет — дружба к Лакки или ненависть к Девуру.

Роботы вытащили его из диагравитационного экипажа, и один ощупал бока марсианина своими крючковатыми металлическими лапами нежно и опытно снизу вверх, как обычно ищут оружие.

Бигмен на мгновение запаниковал, безуспешно стараясь оттолкнуть руку робота.

— Меня обыскали на корабле, прежде чем разрешили покинуть его, — закричал он, но робот продолжил обыск, не обращая на него никакого внимания.

Второй снова схватил его, собираясь поместить в камеру. Итак, наступило время. Однажды он уже был в настоящей камере — в помещении с мощными стенами его задача станет намного тяжелее.

Бигмен отчаянно взбрыкнул ногами и перекувыркнулся между роботами. Но роботы крепко держали его руки.

Один из них произнес:

— Мне неприятно, господин, что вы поставили себя в такое положение, которое причиняет вам боль. Если вы будете вести себя спокойно и не сопротивляться выполнению поставленного перед нами задания, то мы будем сжимать вас как можно легче.

Но Бигмен вновь брыкнулся и затем пронзительно закричал:

— Моя рука!

Роботы разом стали на колени и мягко положили Бигмена на спину.

— Вам больно, господин?

— Вы, глупые болваны, сломали мне руку. Не касайтесь ее! Привезите какого-либо человека, который знает, как позаботиться о сломанной руке, или робота, который это умеет, — закончил он со стоном, и его лицо скривилось от боли.

Роботы медленно, глядя на него, отступили. Они не испытывали никаких чувств, да и не могли их иметь. Но внутри их находились извилины позитронного мозга, ориентация которых контролировалась потенциалами и контрпотенциалами, основанными на Трех Законах робототехники. Выполняя установку одного из Законов, Второго — обязательность повиновения приказу, они в данном случае причинили человеческому существу боль и тем самым нарушили высший Закон, Первый, гласящий, что они никогда не могут причинить вред человеческому существу. В результате этого в их позитронном мозгу должен был возникнуть хаос.

Бигмен выкрикнул резко и повелительно:

— Помогите... проклятье... помогите!..

Это был приказ, основанный на власти Первого Закона. Человеческому существу был причинен вред. Роботы повернулись, стали удаляться, а правая рука Бигмена потянулась к голенищу его сапога и проникла внутрь. Он быстро поднялся с игольчатым пистолетом, согретым теплом его руки.

Услышав шум, один из роботов возвратился, его голос звучал неясно и хрипло, как признак ослабленного действия сбитого с толку позитронного мозга.

— Как, разве господин не пострадал? — Второй робот тоже вернулся.

— Отведите меня к вашим сирианским наставникам, — строго бросил Бигмен.

Это был другой приказ, но он больше не подкреплялся Первым Законом. Человеческому существу, в конце концов, не был причинен вред. Это открытие не вызвало ни потрясения, ни удивления. Стоящий ближе робот просто произнес чуть более ясным голосом:

— Поскольку ваша рука в действительности не пострадала, это обязывает нас выполнить наш первый приказ. Просим пройти с нами.

Бигмен не терял времени. Его игольчатый пистолет беззвучно сверкнул — и голова робота превратилась в брызги плавящегося металла. Это его доконало.

— Это не сможет разрушить наше функционирование, — сказал второй робот и двинулся к нему.

Самозащита была для робота лишь Третьим Законом. Робот не мог отказаться от выполнения приказа (Второй Закон), опираясь лишь на Третий Закон. Поэтому он был готов двинуться на нацеленный на него игольчатый пистолет. Со всех сторон приближались уже другие роботы, без сомнения, вызванные по радио в тот момент, когда Бигмен притворился, что у него сломана рука.

Все они двигались навстречу игольчатому пистолету, но их было довольно много, и какие-то вполне могли ускользнуть от его выстрелов. Те, которым удастся спастись, затем схватят его и отправят в тюрьму. Он терял надежду на столь необходимую ему быструю смерть, и перед Лакки снова вставала невыносимая альтернатива.

Оставался единственный выход. Бигмен приставил игольчатый пистолет к своему виску.

Бигмен против всех

Бигмен пронзительно выкрикнул:

— Ни шагу вперед! Чуть кто двинется, я стреляю в себя. Значит, вы меня убьете.

Он сам нервничал из-за возможного выстрела. Если ничего не получится, то придется выстрелить.

Но роботы остановились. Не двигался ни один. Глаза Бигмена медленно перебегали справа налево. Один робот лежал на земле, обезглавленный, бесполезная груда металла. Один стоял, чуть вытянув руки по направлению к нему. Еще один застыл с приподнятой в шаге ногой на расстоянии ста футов от него.

Бигмен медленно повернулся, из здания вышел робот. Он остановился на пороге. Еще несколько роботов находились поодаль. Будто ледяной ветер коснулся их всех, мгновенно парализовав.

Вступил в силу Первый Закон. Все остальное: приказы, их собственное существование — все отошло на второй план. Они не могли двигаться, если движение наносило вред человеческому существу.

И тогда, передохнув, Бигмен начал отдавать приказы:

— Все роботы, кроме одного, — он указал на того, что стоял около него, ближайшего, который был ком-

паньоном разрушенного, — уходите. Немедленно приступайте к выполнению вашего первоначального задания и забудьте обо мне и о том, что здесь сейчас произошло. Отказ повиноваться будет означать мою немедленную смерть.

Итак, все, кроме одного робота, должны оставить его.

Он обошелся с ними грубо и теперь с напряженным лицом ожидал, не пойдет ли позитронный процесс столь интенсивно, что сможет причинить вред иридиевой трубке, образующей тончайшую мозговую структуру робота.

У него, как и у землянина, существовало недоверие к роботам, и все же он в какой-то мере надеялся, что все будет как нужно.

Все роботы, кроме одного, теперь ушли. Дуло игольчатого пистолета все еще было приставлено к виску Бигмена.

— Отведи меня назад к твоему наставнику, — велел он роботу и с трудом сдержался, чтобы не выругаться, да вряд ли этот робот понял бы оскорбительный намек. — Сейчас же, — приказал он, — и быстро. Нельзя допустить, чтобы какой-либо наставник или робот стали помехой на нашем пути... У меня игольчатый пистолет, и я выстрелю в любого приблизившегося к нам наставника или убью самого себя.

Робот хрипло проговорил (первый признак плохого функционирования позитронов, как однажды Лакки объяснил Бигмену, — изменение в тембре голоса):

— Я выполняю приказ. Господин может быть уверен, что я ничего не сделаю, что может повредить ему или другому господину.

Он повернулся и направился к диагравитационному экипажу. Бигмен шел за ним. Он был готов к возможному обману с его стороны, но ничего не произошло. Робот был машиной, следовавшей нерушимым правилам действия. Он должен был это помнить. Только человеческие существа могут лгать и жульничать.

Когда они остановились у офиса Девура, Бигмен твердо сказал:

— Я подожду в машине. Я не хочу из нее выходить. Войди и скажи наставнику Девуру, что господин Бигмен на свободе ожидает его.

Бигмен пытался снова преодолеть искушение выругаться, но на этот раз не выдержал — уж слишком близко был Девур.

— Скажи ему, что он может захватить меня с помощью игольчатого пистолета или кулаков, мне безразлично. Скажи, что если он слишком гнушается сделать либо то, либо другое, то я приду и заберу его отсюда на Марс.

Стен Девур смотрел недоверчиво на робота, его темное лицо приняло угрожающий вид, а злые глаза сверкали из-под нависших бровей.

— Ты говоришь: он на свободе? И вооружен?

Девур посмотрел на двух наставников, которые, в свою очередь, с неописуемым изумлением глядели на него. (Лакки в ужасе прошептал: «Неукротимый Бигмен разрушит все, а также распрощается со своей собственной жизнью».)

Наставник Зейон тяжело поднялся.

— Ну, Девур, вы не исключаете, что робот лжет, а? — Он подошел к телефону на стене и набрал аварийную комбинацию цифр. — Если у нас на базе находится землянин, вооруженный и решительный, то нам лучше начать действовать.

— Но как получилось, что он вооружен? — Девур все еще не преодолел замешательства, но теперь он двинулся к двери.

Лакки последовал за ним, и сирианец сразу же пришел в себя:

— Старр, вернись.

Он повернулся к роботу:

— Оставайся с этим землянином. Он не должен покидать это здание ни при каких обстоятельствах.

Теперь, по-видимому, он принял решение. Он выбежал из комнаты и, как обычно, захватил тяжелый бластер. Зейон и Йонг колебались, быстро взглянули на Лакки, затем на робота и, приняв решение, также последовали за Девуром.

Обширное пространство перед офисом Девура утопало в искусственном свете, напоминавшем слабую

голубоватую окраску атмосферы Сириуса. Бигмен стоял один в центре, а на расстоянии ста ярдов от него находились пять роботов. С другой стороны приближались еще роботы.

— Подойдите и возьмите его, — прорычал Девур, указывая ближайшим роботам на Бигмена.

— Они не подойдут ближе, — прокричал в ответ Бигмен. — Если они сделают хотя бы шаг в мою сторону, я зажгу твое сердце в груди, и они знают, что я это сделаю. По крайней мере, они не станут рисковать. — Он стоял спокойно и усмехался.

Девур вспыхнул и поднял свой бластер.

— Смотри не причини сам себе вреда этим бластером. Ты держишь его слишком близко к телу, — продолжал дерзить Бигмен.

Его правый локоть был опущен на ладонь левой руки. Его правый кулак мягко сжимался, пока он говорил, и из дула игольчатого пистолета, торчащего между вторым и третьим пальцами, вырвалась струя дейтерия, управляемая мгновенно установленным магнитным полем. Требовалось мастерство высшего порядка, чтобы точно регулировать сжатие и позицию большого пальца, но Бигмен всем этим владел. Ни один человек в Солнечной системе не обладал большим искусством. На кончике дула бластера Девура появилась крошечная белая искорка, и Девур завопил от удивления и опустил его.

— Я не знаю, кто эти двое, но если кто-либо из вас сделает движение, чтобы достать бластер, то вам уж не удастся закончить это движение, — предупредил Бигмен.

Все замерли. Йонг наконец опомнился и спросил:

— Как тебе удалось вооружиться?

— Робот, — усмехнулся Бигмен, — оказался таким же несообразительным, как и парень, который управляет им. Роботы, обыскивавшие меня на корабле и потом здесь, были проинструктированы кем-то, кто не знал, что марсианин использует свои сапоги не только для того, чтобы надевать их на ноги.

— И как тебе удалось избавиться от роботов?

— Я вынужден был разрушить одного из них, — холодно ответил Бигмен.

— Ты разрушил робота? — Нечто вроде электрошока охватило трех сирианцев.

Бигмен почувствовал нарастание напряженности. Его не беспокоили роботы, стоящие вокруг, но в любой момент мог появиться еще один сирианец и выстрелить ему в спину с безопасной дистанции.

Место между лопатками заняло в ожидании выстрела. Конечно, была бы вспышка. Он ее совсем бы не почувствовал. И после этого они потеряли бы возможность оказывать давление на Лакки и, мертвый или нет, Бигмен вышел бы победителем.

Разумеется, он хотел сначала решить судьбу Девура, этого изнеженного сирианского ублюдка, который сидел напротив него за столом и говорил вещи, которые ни один человек во Вселенной не мог сказать ему, Бигмену, и остаться в живых.

— Я мог расстрелять вас всех. Приступим ли мы к переговорам? — хладнокровно произнес маленький марсианин.

— Ты не можешь нас расстрелять, — спокойно возразил наставник Йонг. — Расстрел означал бы, что землянин начал военные действия на планете сирианцев. Это может означать войну.

— Кроме того, — прорычал Девур, — если ты атакуешь, это освободит роботов. Они станут скорее защищать трех человек, чем одного. Брось на землю свой игольчатый пистолет и вернись под их стражу.

— Хорошо, отошлите роботов, и я капитулирую.

— Роботы вновь тебя захватят, — сказал Девур и, повернувшись к другим сирианцам, добавил: — У меня по коже мурашки бегут, когда я вынужден разговаривать с этим бесформенным гуманоидом.

Пистолет Бигмена сразу же вспыхнул, маленький огненный шарик взорвался в футах от глаз Девура.

— Скажи снова что-нибудь подобное — и я навсегда ослеплю тебя. Если роботы сделают движение, все вы трое получите то же, прежде чем они подойдут к нам. Это может означать войну, но вы трое не увидите этого, если это случится. Прикажите роботам уйти, и я сдамся Девуру, если он сам сможет взять меня. Я брошу свой игольчатый пистолет одному из вас двоих и сдамся.

Зейон сказал жестко:

— Это звучит разумно, Девур.

Девур все еще потирал свои глаза.

— Возьмите тогда его пистолет. Подойдите и схватите его.

— Подожди, — сказал Бигмен, — пока не двигайся. Я хочу получить от вас слово чести, что меня не расстреляют или не отдадут роботам. Девур сам должен взять меня.

— Мое слово чести тебе? — взорвался Девур.

— Мне. Но не твое. Слово чести одного из тех двух. Они облачены в форму Космической Службы, и я поверю их слову. Если я отдам им игольчатый пистолет, будут ли они стоять безучастно и позволят ли тебе, Девур, подойти и взять меня голыми руками?

— Я даю тебе слово чести, — твердо сказал Зейон.

— И я тоже, — добавил Йонг.

— Что это такое? У меня нет никакого желания прикасаться даже к этому созданию, — заявил Девур.

— Боишься? — мягко спросил Бигмен. — Я слишком велик для тебя, Девур? Ты всячески обзывал меня. Так не хочешь ли ты использовать свои мускулы вместо своего трусливого рта? Вот игольчатый пистолет, наставники, — и он швырнул пистолет Зейону, тот протянул руку и ловко поймал его.

Бигмен ждал. Теперь смерть?

Но Зейон положил игольчатый пистолет в карман.

Девур закричал:

— Роботы!

И Зейон закричал с той же силой:

— Роботы! Оставьте нас!

— Мы дали ему слово, — обратился Зейон к Девуру. — Ты должен будешь сам взять его под стражу.

— Или мне подойти к тебе? — выкрикнул Бигмен с вызывающей насмешкой.

Девур прорычал что-то неразборчивое и быстро двинулся к Бигмену. Маленький марсианин ждал, слегка пригнувшись, затем сделал небольшой шаг в сторону, чтобы уклониться от руки, протянутой к нему, и быстро распрямился, подобно плотно сжатой пружине.

Его кулак нанес по лицу наставника тупой удар, подобно молоту, ударившему по качану капусты, и Девур отступил назад, пошатнулся и сел на землю. Оглушенный, он с изумлением смотрел на Бигмена.

Его правая щека стала красной, струйка крови медленно текла из уголка рта. Он прикоснулся к ней пальцем, отвел руку и удивленно уставился на кровь.

— Землянин на самом деле выше, чем кажется, — заметил Йонг.

— Я не землянин, я марсианин... — поправил Бигмен. — Вставай, Девур. Или ты слишком слаб? Ты ничего не можешь сделать без помощи роботов? Они вытирают тебе рот, когда ты ешь?

Девур хрипло завопил и вскочил на ноги, но не бросился на Бигмена, а закружил вокруг него, тяжело дыша.

Бигмен тоже кружился, внимательно наблюдая за тяжело дышащим человеком, изнеженным хорошей жизнью и заботой роботов, он видел его нетренированные руки и неуклюжие ноги. Сирианец, в этом Бигмен был уверен, никогда прежде не дрался на кулаках.

Бигмен снова шагнул, внезапно схватил сирианца уверенным движением за руку и заломил ее. Девур издал дикий вопль, рванулся и упал ничком.

— В чем дело? Я — не человек, я всего лишь вещь. Что тебя беспокоит? — отступил Бигмен.

Девур смотрел со смертельной тоской в глазах на двух наставников. Он поднялся на колени и застонал, коснувшись рукой той стороны тела, на которую упал.

Двое сирианцев не сделали ни одного движения, чтобы помочь ему. Они флегматично наблюдали за тем, как Бигмен снова и снова швырял Девура на землю.

Наконец Зейон шагнул вперед:

— Марсианин, ты здорово изувечишь его, если будешь продолжать в том же духе. Наше согласие тебе было дано на то, чтобы позволить Девуру взять тебя голыми руками. И фактически, по-моему, ты получил то, чего хотел, когда давал свое согласие. Вот и все. Сдайся теперь спокойно мне, или я воспользуюсь игольчатым пистолетом.

Но Девур, шумно дыша, выпалил:

— Отойди, отойди, Зейон. Теперь уже слишком поздно. Назад, я говорю. — Взвизгнув, он воскликнул: — Роботы! Ко мне!

— Он сдастся мне, — возразил Зейон.

— Не сдастся, — сказал Девур, его разбитое лицо кривилось от физической боли и огромной ярости. —

Не сдастся. Слишком поздно для этого... Ты, робот, самый ближайший к нему — я не интересуюсь твоим серийным номером, — ты! Взять его, взять эту вещь! — Его голос возвысился до визга, когда он указывал на Бигмена. — Разружьте его! Разломайте его! Разломайте его на составные части!

— Девур! Ты сошел с ума! Робот не может сделать то, чего ты требуешь, — крикнул Йонг.

Робот продолжал стоять. Он не двигался.

И тогда Девур сказал:

— Ты не можешь причинить вред человеческому существу, робот. Я не просил тебя об этом. Но это — не человеческое существо.

Робот повернулся, чтобы посмотреть на Бигмена.

— Он не хочет верить этому. Ты можешь считать меня не человеком, но робот знает лучше, — закричал в ответ Бигмен.

— Робот, посмотри на него, — настаивал Девур. — Он говорит, и у него человеческая фигура, но ты действуюешь так же, а ты не являешься человеком. Я могу доказать тебе, что это не человек. Когда-либо ты видел, чтобы человек в полный рост был таким маленьким? Это доказывает, что он не человек. Это животное, и оно причинило мне вред. Ты должен разрушить его.

— Спасайся под крылышком у маменьки-робота, — крикнул Бигмен с насмешкой.

Но робот сделал первый шаг к нему.

Йонг шагнул и стал между роботом и Бигменом.

— Я не могу позволить этого, Девур. Робот не должен делать этого, потому что нет никакого другого повода, кроме как напряжение потенциала, побуждающего его к разрушению.

Но Девур хрипло прошептал:

— Я — твой начальник. Если ты сделаешь что-либо, чтоб остановить меня, завтра я тебя вышвырну со Службы.

Привычка повиноваться была сильной. Йонг отступил, но на его лице появилось выражение глубокого страдания и ужаса.

Робот двинулся быстрее, и теперь Бигмен сделал осторожный шаг назад.

— Я человеческое существо, — сказал он.

— Это не человек! — дико закричал Девур. — Это не человек. Разломай на куски эту вещь. Медленно...

Озноб пробежал по Бигмену, и во рту у него пересохло. На это он не рассчитывал. Быстрая смерть, да, но такое...

Отступать было некуда, и без игольчатого пистолета ему не убежать. Позади находились другие роботы, и все слышали слова о том, что он не человек.

Капитуляция

На раздувшемся и разбитом лице Девура появилась улыбка. Она причинила ему боль, поскольку одна губа была разбита, и он рассеянно приложил носовой платок к ней, но глаза его смотрели на робота,двигающегося прямо к Бигмену, и тот, казалось, ничего еще не понимал.

У маленького марсианина было всего лишь шесть футов для отступления, и Девур не сделал никакого усилия, чтобы поторопить приближающегося робота или двинуть тех, что находились в тылу у Бигмена.

— Девур, ради спасения Сириуса, в этом нет необходимости, — предостерег Йонг.

— Без замечаний, Йонг, — настойчиво произнес Девур. — Этот гуманоид разрушил робота и, возможно, причинил вред другим. Нам потребуется проверка каждого робота, оказавшегося под его грубым воздействием. Он заслуживает смерти.

Зейон поднял было руку, чтобы остановить Йонга, но раздумал и опустил ее.

— Смерть? Хорошо, — согласился Йонг, — но тогда отправь его на Сириус, подвергни суду и казни с соответствующим приговором. Или устрой суд здесь, на

базе, и в соответствии с ним накажи его. Но это не будет расправой. Просто из-за того, что он ударил...

Девур, разозлившись, внезапно закричал:

— Хватит! Ты слишком часто вмешиваешься. Ты арестован. Зейон, возьми его бластер и передай мне.

И он быстро отвернулся, не желая даже на минуту оставлять без своего присмотра Бигмена:

— Выполняй, Зейон, или я с помощью всех дьяволов космоса уничтожу и тебя.

Нахмутив брови и ничего не говоря, Зейон протянул руку к Йонгу. Йонг колебался, его пальцы крепко сжимали приклад бластера, в гневе наполовину вынутого из кобуры.

Зейон настойчиво прошептал:

— Не надо, Йонг. Не давай ему повода. Он будет арестован, когда его сумасшествие отойдет. Так будет.

Девур приказал:

— Подай мне бластер!

Дрожащей рукой Йонг рванул его из кобуры и бросил с силой Зейону. Последний отшвырнул его под ноги Девуру, и Девур поднял его.

Бигмен, который сохранял молчание все это время, занятый мучительными поисками выхода из создавшегося положения, теперь, когда железная рука робота сжала его запястье, прокричал:

— Не тронь меня!

На миг робот заколебался, и тут же его хватка ослабла. Другая его рука потянулась к локтю Бигмена. Девур засмеялся резким, пронзительным смехом.

Йонг повернулся на каблуках и сказал сдавленным голосом:

— По крайней мере, я не обязан наблюдать это трусливое преступление. — И поэтому он не увидел того, что последовало за этим...

Лакки с трудом заставлял себя сохранять спокойствие, когда три сирианца вышли из комнаты. С чисто физической точки зрения, он не мог сломать робота голыми руками. Конечно, где-то в здании могло быть оружие, которое он мог использовать для уничтожения робота, затем выйти и даже разделаться с тремя сирианцами.

Но все равно не было возможности ни покинуть Титан, ни добиться победы над всей базой.

Хуже всего, если бы его убили — и в конце концов это могло случиться, — тогда поставленные перед ним задачи не были бы выполнены, а он не мог этим рисковать.

— Что произошло с господином Бигменом? Быстро расскажи главное, — приказал он роботу.

Робот выполнил приказ, и Лакки слушал его с напряжением и болезненным вниманием. Временами он слышал невнятное бормотание робота, его шепелявое произношение отдельных слов, неясность речи, что возникло в результате двойного травмирующего воздействия на роботов со стороны Бигмена: сначала, когда он притворился раненым, а затем, когда угрожал нанести вред человеку.

Лакки вздыхал про себя. Робот разрушен. Сила сирианского закона должна со всей полнотой распространяться и на Бигмена. Лакки достаточно хорошо был знаком с сирианской культурой и с их отношением к своим роботам, чтобы знать: оправдательных мотивов для уничтожения робота не существует.

Как теперь спасти импульсивного Бигмена?

Лакки вспомнил свою нерешительную попытку оставить Бигмена на Мимасе. Он не предусмотрел всего, но его испугало поведение Бигмена в том щекотливом положении, в каком они теперь оказались. Он мог настоять на том, чтобы остался там Бигмен, но что пользы в том? Даже когда он всего лишь думал об этом, он понимал, что нуждается в компании Бигмена.

И он обязан спасти его. Любым способом обязан спасти его.

Он быстро пошел к двери здания, робот вяло преградил ему дорогу:

— Согласно моим инструкциям, господин не может покинуть здание ни при каких обстоятельствах.

— Я не уйду из здания, — сказал Лакки резко. — Я только подошел к двери. У тебя нет инструкций препятствовать этому.

На миг робот замолчал, затем, запинаясь, проговорил:

— Согласно моим инструкциям, господин не должен покинуть здание ни при каких обстоятельствах.

В отчаянии Лакки попытался его отстранить, но робот его схватил, сжал в своих объятиях и затем мягко оттолкнул обратно.

Лакки в нетерпении закусил губу. Невредимый робот, подумал он, может интерпретировать свои инструкции расширительно. Этот робот, однако, поврежден. Это сводило его способность понимания лишь к восприятию голой сути.

Но он должен увидеть Бигмена. Он подбежал к конференц-столу. В его центре находилось трехмерное, воспроизводящее изображение устройство. Девур пользовался им, когда два наставника вызвали его.

— Ты, робот! — позвал Лакки.

Робот прогремел к столу.

— Как работает изображающий репродуктор? — спросил Лакки.

Робот медлил. Его речь становилась все более хриплой.

— Рычаги управления спрятаны.

— Где спрятаны?

Робот показал ему, неуклюже сдвинув в сторону панель.

— Отлично, — воскликнул Лакки. — Могу я настроиться на пространство перед зданием? Покажи мне. Сделай это.

Он отошел в сторону. Робот работал, неумело нащупывая кнопки.

— Сделано, господин.

— Тогда позволь посмотреть. — Изображение внешнего пространства возникло на экране стола в уменьшенном виде, фигуры людей были еще меньше. Робот отошел и стал тупо смотреть куда-то вдаль.

Лакки не позвал его назад. Звука не было, но пока он нащупывал кнопку регулятора звука, его внимание приковала драма, которая разыгралась перед ним. Девур дрался с Бигменом. Бигмен — боец!

Как этот маленький чертенок заставил двух сирийцев стоять в стороне и не мешать тому, что происходило? Иначе, конечно, Бигмен был бы разорван в клочья своими противниками. Однако Лакки от увиденного не стало веселее. Это могло закончиться только смертью Бигмена, и Лакки знал, что Бигмен понимал это и не волновался. Марсианин шел на верную смерть, исполь-

зуя любую возможность, чтобы отомстить за обиду...
Ах, один из наставников остановил бой.

В это время Лакки нашел звуковой регулятор. Слова вырвались из репродуктора: неистовый призыв Девура к роботам и его приказ, чтобы они разрушили Бигмена.

В первые секунды Лакки не был уверен, что расслышал все правильно, но затем он в отчаянии ударил кулаками по столу и впал в натающую панику.

Он должен выбраться отсюда, но как?

Он был наедине с роботом, получившим только одну инструкцию: любой ценой парализовать Лакки.

Неужели нет ничего более важного, чем этот приказ? У него не было даже оружия, с помощью которого он мог бы пригрозить покончить жизнь самоубийством или уничтожить робота.

Его взгляд упал на телефон на стене. В последний момент он видел возле него Зейона, к нему, видимо, обращались при крайней необходимости, как в случае с вестями о Бигмене.

— Робот! Быстро, — потребовал Лакки. — Что здесь следует сделать?

Робот приблизился, посмотрел на светящуюся легким красным светом комбинацию кнопок и произнес с мучительной медлительностью:

— Насс'вник приказал всем роботт'м приготовить боевой псст.

— Как мог бы я приказать всем роботам на самом деле отправиться на боевые посты? Отменив немедленно все предшествующие приказы?

Робот уставился на него, и Лакки почти в бешенстве схватил руку робота и дернул ее:

— Скажи мне. Скажи мне.

Мог ли механизм понять его? Или его разрушенный мозг все еще находится под властью последних остатков инструкции, которая предостерегает его от сообщения такой информации?

— Скажи мне! Или сделай это сам, сделай это!

Робот, ничего не говоря, вяло протянул палец к прибору и медленно нажал на две кнопки. Затем его палец поднялся на дюйм и замер.

— Это все? Ты сделал? — спросил Лакки в отчаянии.

Но робот только повернулся и вялой походкой, при-
волакивая заметно ногу, подошел к двери и исчез.

Неслышными шагами Лакки устремился за ним вон из здания, чтобы преодолеть ту сотню ярдов, которая отделяла его от Бигмена и трех сирианцев.

Йонг, отвернувшись в ужасе от предполагаемой ледящей душу сцены уничтожения человеческого существа, не услышал криков агонии, которых ожидал. Вместо этого послышалось испуганное ворчанье Зейона и дикий крик Девура.

Он обернулся. Робот, державший за руку Бигмена, отпустил его. Он тяжело убежал прочь. Остальные роботы в обозримом пространстве также спешили убежать.

И землянин, Лакки Старр, каким-то непонятным образом оказался рядом с Бигменом.

Лакки склонился над Бигменом, а маленький марсианин, зло размахивая своей левой рукой, тряс головой. Йонг услышал, как тот шептал:

— Опоздай ты на одну минутку, Лакки, только на одну минуту позже и...

Девур хрипло и бесполезно зывал к роботам, и тогда громкоговоритель внезапно наполнил воздух громом:

— КОМАНДУЮЩИЙ ДЕВУР, ПОЖАЛУЙСТА, ИНСТРУКЦИИ. НАШИ ПРИБОРЫ НЕ РЕГИСТРИРУЮТ НИКАКИХ ПРИЗНАКОВ ВРАГА. ОБЪЯСНИТЕ ПРИКАЗ ПО БОЕВЫМ ПОСТАМ. КОМАНДУЮЩИЙ ДЕВУР...

— Боевые посты, — ошеломленно пробормотал Девур. — Неудивительно, что роботы... — Его глаза уставились на Лакки. — Ты сделал это?

— Да, сэр.

Девур надул губы и хрипло проговорил:

— Мудрый, изобретательный Советник! На миг ты спас свою обезьяну. — Его бластер целился в грудь Лакки. — Отправляйся в мой офис. Ты тоже, Зейон. Все вы.

Видеоприемник на его столе сумасшедше жужжал. Очевидно, отчаявшись найти Девура в офисе, его обезумевшие подчиненные пустили громкоговоритель на полную мощь.

Девур выключил звук, но оставил слабое изображение.

— Отменяю приказ о боевых постах. Это была ошибка.

Человек на другом конце связи сказал что-то, запинаясь, и Девур резко ответил:

— С изображением все в порядке. Живее! Каждый возвращается к своему прежнему заданию. — И почти против воли его рука в нерешительности повисла между лицом и экраном, как будто он испугался, что кто-то другой каким-то образом сможет наладить изображение и тогда увидит его разбитое лицо и удивится этому.

Ноздри Йонга раздулись, когда он заметил это, и он медленно протер глаза покрытой шрамами рукой.

Девур сел за свой стол.

— Остальным стоять, — приказал он и посмотрел угрюмо по очереди всем в лицо. — Этот марсианин умрет, может быть, не от рук роботов или не в обезоруженном корабле. Я подумаю об этом; и если ты, землянин, полагаешь, что спас его, то будь уверен, что я придумаю что-то еще более забавное. У меня великое воображение.

— Я требую, чтобы его считали военнопленным, — заявил Лакки.

— Но войны нет, — ответил Девур. — Он же шпион. Он заслуживает смерти. Он убийца робота. Он дважды заслуживает смерти. — Его голос внезапно задрожал. — Он поднял руку на меня. Он заслуживает смерти дюжину раз.

— Я выкупаю моего друга, — прошептал Лакки.

— Он не продается.

— Я заплачу высокую цену.

— Каким образом? — свирепо ухмыльнулся Девур. — Выступив свидетелем на конференции, как я тебе предлагал? Теперь уже слишком поздно. И этого недостаточно.

— Этого я никогда не смогу сделать, — сказал Лакки. — Я не буду лгать во вред Земле, но существует правда, и я могу ее рассказать; правда, о которой вы не знаете.

Бигмен резко его прервал:

— Не торгуйся с ним, Лакки.

— Обезьяна права, — поддержал Девур. — Не торгуйся. Ты ничего не сможешь сделать мне такого, чтобы выкупить его. Я не продам его даже за всю Землю.

Неожиданно вошел Йонг.

— Я бы согласился и на меньшее. Послушаем Советника. Их жизни, возможно, стоят той информации, которой они располагают.

— Не провоцируй меня. Ты под арестом, — оборвал его Девур.

Но Йонг поднял стул и швырнул его с треском:

— Я не признаю твоего ареста. Я наставник. Ты не можешь собственноручно наказать меня. Ты не осмелишься, как бы я тебя ни провоцировал. Ты обязан сохранить меня для суда. И на любом суде у меня есть что сказать.

— А именно?

Вся неприязнь стареющего наставника к молодому аристократу выплеснулась наружу:

— Обо всем, что произошло сегодня: как пятифутый землянин бил тебя до тех пор, пока ты не взвыл и Зейон не вынужден был вступить, чтобы спасти тебе жизнь. Зейон выступит свидетелем. Все на базе запомнят, что ты не осмелился показать свое лицо в течение нескольких дней после сегодняшнего происшествия. Или у тебя хватит мужества показать разбитое лицо до того, как оно заживет?

— Умолкни!

— Не хочу молчать. Мне не потребуется ничего говорить, если ты прекратишь ставить свою личную ненависть выше блага Сириуса. Слушай то, что собирается сказать Советник. — Он повернулся к Лакки. — Я обещаю тебе честное соглашение.

— Что еще за честное соглашение? — проговорил Бигмен. — Ты и Зейон однажды проснетесь утром и обнаружите себя случайно убитыми, а Девур будет весьма сожалеть и пошлет вам цветы, только после этого уже некому будет рассказать, как он призывал на помощь роботов, чтобы спрятаться за их спиной, когда марсианин вытряхивал из него душу. И все пойдет так, как ему угодно. Итак, из-за чего торгуемся?

— Ничего подобного не произойдет, — твердо сказал Йонг, — потому что я рассказал всю историю одному из роботов в течение того часа, что был здесь. Девур не знает, какому роботу, и не узнает. Если же Зейон или я сам умрем каким-то неестественным образом, история будет передана полностью в общественный суб-эфир. Я совершенно уверен, что Девур будет

старательно заботиться, чтобы с Зейоном и мной ничего не случилось.

— Мне не нравится это, Йонг, — затряс головой Зейон.

— Тебе это понравится, Зейон. Ты засвидетельствуешь его избиение. Не думаешь ли ты, что он сделает себе хуже из-за тебя, не прими ты предохранительных мер? Идем, мне надоело жертвовать честью Службы ради племянника властителя.

— Хорошо, что за информация у тебя, Советник Старр?

— Это больше чем информация, — проговорил глухо Лакки. — Это капитуляция. Есть еще один Советник в пространстве, которое вы называете территорией Сириуса. Согласитесь признать моего друга в качестве военнопленного и сохранить ему жизнь, забыв об инциденте с уничтожением робота, и я выдам этого другого Советника.

Накануне полета на Весту

Бигмен, который до самого конца был уверен, что у Лакки есть какая-то уловка, ужаснулся. Он душераздирающе закричал:

— Нет, Лакки! Нет! Такой ценой я не хочу освободиться!

Девур откровенно удивился:

— Где? Ни один корабль не мог проникнуть сквозь нашу оборону. Это ложь.

— Я доставлю вас к этому человеку, — устало сказал Лакки, — если мы достигнем соглашения.

— О силы! — прорычал Йонг. — Ведь это и есть соглашение.

— Подожди, — зло прервал его Девур. — Я признаю, что это может представлять для нас ценность; но предлагает ли Старр откровенно выступить на конференции на Весте и сообщить о том, что другой Советник вторгся на нашу территорию и сам Старр добровольно раскрыл его тайное местопребывание?

— Это так, — ответил Лакки. — Я признаюсь в этом.

— Слово чести Советника? — презрительно усмехнулся Девур.

— Я уже сказал, что дам показания.

— Ну что ж, идет, — сказал Девур, — поскольку наши наставники хотят получить эту информацию, у тебя есть возможность в обмен на нее получить ваши жизни. — Внезапно его глаза яростно вспыхнули. — На Мимасе. Это так, Советник? Мимас?

— Ты прав.

— Клянусь Сириусом! — Девур вскочил в волнении. — Мы едва не проворонили его. Службе, по-видимому, это не пришло в голову.

— Мимас? — задумчиво повторил Зейон.

— Служба пока его не получит, — злобно глядя на него, заявил Девур. — На «Метеоре» было три человека, очевидно, все трое вышли на Мимасе, двое вернулись на борт корабля, один же остался там. Мне кажется, именно в вашем отчете, Йонг, утверждалось, что Старр всегда работает в паре.

— Он всегда так действовал, — возразил Йонг.

— И у вас не хватило сообразительности предугадать возможность присутствия третьего человека? Когда мы отправимся на Мимас? — Казалось, Девур подавил в себе яростное стремление к мести под влиянием этого неожиданного развития событий, возвратившись к той насмешливой иронии, которую демонстрировал, когда двое землян опустились на Титане. — Своим присутствием ты доставишь нам удовольствие, Советник, не так ли?

— Конечно, мистер Девур, — кивнул Лакки.

Бигмен отошел, опустив голову. Теперь он почувствовал себя плохо, даже хуже, чем в момент приближения робота, когда металлические клешни сжали его руку, готовые ее сломать.

«Метеор» снова летел в космосе, но уже не как независимый корабль. Его взяли в жесткие магнитные объятия, и он шел в соответствии с импульсами от мотора сопровождающего сирианского корабля.

Полет от Титана до Мимаса занял полных два дня, и это было тяжелое для Лакки время, полное горьких, тревожных ожиданий.

С ним не было Бигмена, его у него забрали и поместили на сирианском корабле. (Как подчеркнул Девур,

находясь на разных кораблях, они стали заложниками соответствующего поведения каждого из них.)

Вторым на корабле был сирианский наставник Харриг Зейон. С ним было нелегко. Он не пытался обратить Лакки Старра в сирианскую веру, и Лакки не мог удержаться, чтобы не перейти в наступление по этому поводу. Он спросил, был ли Девур, по мнению Зейона, образцом высшей расы человеческих существ, которые населяют планеты Сириуса.

Зейон отвечал неохотно:

— Девур не принес пользы ни на Службе учебной, ни на Службе порядка. Он слишком эмоционален.

— Ваш коллега Йонг, похоже, считает последнее самым серьезным недостатком. Он не делает секрета из своего невысокого мнения о Девуре.

— Йонг является... является представителем экстремистского течения среди наставников. Тот шрам на руке он получил во время каких-то звездных волнений, сопровождавших приход к власти нынешнего руководителя Центрального Управления.

— Дяди Девура?

— Да. Служба была на стороне предыдущего руководителя, и Йонг честно исполнял приказы. В результате при новом режиме он не получил повышения по службе. О, они отослали его сюда и назначили в комитет, который представлял Сириус на Весте, но фактически он оставался в подчинении Девура.

— Племянника руководителя.

— Да. И Йонга это возмутило. Сам Йонг не может понять, что Служба является государственной организацией, и нет никаких вопросов в отношении ее политики или политики лиц или групп, которые ею руководят. В других отношениях он прекрасный наставник.

— Но вы не ответили на вопрос, считаете ли вы Девура соответствующим требованиям сирианской элиты.

— А что у вас на Земле? У вас разве никогда не было неподходящих правителей? Или даже преступных? — разозлился Зейон.

— Да, были, — признался Лакки, — но на Земле мы — разнообразная масса; мы отличаемся друг от друга. Ни один правитель не может оставаться у власти очень долго, если он не идет на компромиссы. Стоящие за компромисс правители, может быть, не динамичны,

но зато они не тираны. На Сириусе вы развивались в сторону единообразия, и правитель может идти на крайности ради этого единообразия. По этой причине автократия и насилие в политике представляют собой исключение на Земле, а у вас же они становятся правилом.

Зейон вздохнул, и прошли долгие часы, прежде чем он снова заговорил с Лакки. Разговор продолжался до тех пор, пока Мимас на видеоэкране не увеличился в размерах, и они должны были сбросить скорость перед приземлением.

— Скажи мне, Советник (я говорю о твоей чести), это своего рода уловка? — в конце спросил Зейон.

У Лакки засосало под ложечкой, но он сказал спокойно:

— Что вы подразумеваете под уловкой?

— Действительно ли на Мимасе находится Советник?

— Да. Чего вы боитесь? Того, что у меня на Мимасе есть какое-то силовое замаскированное приспособление, предназначенное отправить всех нас в небытие?

— Может быть, что-то в этом роде.

— А что я в таком случае выиграю? Уничтожу один из сирианских кораблей и дюжину сирианцев?

— Зато будет восстановлена твоя репутация.

Лакки пожал плечами.

— Я заключил сделку. Там у нас есть Советник. Я пойду и заберу его, он не окажет сопротивления.

— Очень хорошо. Думаю, в конце концов ты не стал бы сирианцем. Лучше тебе оставаться землянином.

Лакки горько улыбнулся. Вот что, значит, было причиной горького юмора Зейона. Его представление о чести вступало в противоречие с поведением Лакки, несмотря на то что таким образом он собирался принести пользу Сириусу.

С Центрального Порта Интернейшенел-Сити, Земля, Главный Советник Гектор Конвей собирался лететь на Весту. Он ничего не слышал о Лакки с тех пор, как «Метеор» скрылся в тени Идальго.

Краткий доклад, представленный капитаном Бернольдом, был достаточно специфическим и отличался,

как обычно, твердым здравым смыслом, присущим Лакки. Созыв конференции был единственным выходом из создавшегося положения. Президент сразу понял это, и, хотя некоторые члены кабинета были настроены воинственно, их позиция не прошла.

Даже Сириус (совсем как и предсказывал Лакки) энергично поддержал эту идею. Очевидно, сирианское правительство надеялось, что конференция не удастся и приведет к войне. Внешние события давали им карты в руки.

Именно этот факт следовало во что бы то ни стало держать в тайне от общественности. Если бы все подробности были переданы через суб-эфир без тщательной подготовки, возмущенная общественность, несомненно, подталкивала бы правительство Земли к войне против всей Галактики. Созыв конференции только бы ухудшил положение, его могли интерпретировать как трусливое предательство в пользу сирианцев.

Но и полная секретность была просто невозможна, к тому же и пресса была разозлена и возмущена выхолощенными правительственными отчетами. С каждым днем положение ухудшалось. Президенту следовало любым способом продержаться до начала конференции. А если бы конференция провалилась, то существующая ситуация показалась бы медом по сравнению с той, которая надвигалась.

Последовавшее затем всеобщее негодование обрушилось бы на Совет Науки, он был бы совершенно дискредитирован и уничтожен, Земная Федерация лишилась бы своего могущественного оружия как раз тогда, когда она более всего нуждалась в нем.

Уже несколько недель Гектор Конвей не спал без снатворного и впервые за всю свою карьеру всерьез подумывал об отставке.

Он тяжело поднялся и направился к кораблю, подготавливаемому к запуску. Через неделю он будет на Весте для предварительных дискуссий с Доремо. Этот старый красноглазый государственный деятель способствовал балансу сил. В этом не было сомнения. Его могущество держалось на слабости окружающего его маленького мира. Он был, пожалуй, самым честным и бескорыстным нейтралом в Галактике, и даже сирианцы прислушивались к нему.

Если бы Конвей сумел достучаться до него, чтобы начать с...

Он едва заметил приближающегося к нему человека и остановился, чтобы избежать столкновения.

— Эй! Что такое? — воскликнул с досадой Конвей.

Человек притронулся к полям шляпы:

— Жан Дьепп из Транс-суб-эфира, шеф. Я хотел бы знать, не ответите ли вы на несколько вопросов?

— Нет, нет. Я уже готов подняться на борт корабля.

— Понимаю, сэр. Но у меня есть важная причина, чтобы задержать вас. Другого шанса у меня может и не быть. Вы, конечно, направляетесь на Весту.

— Да, конечно.

— Чтобы обсудить грубые нарушения закона на Сатурне?

— Ну и что?

— Чего вы ожидаете от конференции, шеф? Вы полагаете, что Сириус прислушается к резолюциям и голосованию?

— Да, думаю, это будет так.

— Вы думаете, что голоса будут против него?

— Уверен в этом. Теперь я могу пройти?

— Простите, сэр, но как раз теперь возникло нечто очень важное, о чем должны знать люди Земли.

— Прошу вас, только не говорите мне, о чем они, по вашему мнению, должны знать. Уверю вас, что благодеяние людей на Земле близко моему сердцу.

— И именно поэтому Совет Науки разрешит иностранным правительствам голосовать за или против вторжения на территорию Земной Федерации? Этот вопрос отложен до вашего собственного решения?

Конвей не мог не заметить скрытой угрозы во внешне вежливых, но настойчивых вопросах репортера. Вблизи от корабля за спиной репортера он увидел Государственного секретаря, беседующего с группой других представителей печати.

— Чего вы добиваетесь? — устало спросил он.

— Боюсь, шеф, что общественность сомневается в добросовестности Совета. И еще раз в этой связи: Транс-суб-эфир принял сообщения сирийского радиовещания, которые не доведены до широкой публики. Мы нуждаемся в ваших комментариях по поводу этих сообщений.

— Никаких комментариев. Сообщения сирийского радиовещания годятся только для домашнего употребления, но не содержат ничего, заслуживающего комментариев.

— Этот отчет был довольно обстоятельным. Кстати, где сейчас Советник Дэвид Старр, легендарный Лакки? Где он?

— Что?

— Продолжим, шеф. Я знаю, что агенты Совета не любят гласности, но разве Советник Старр не был послан на Сатурн с секретной миссией?

— Ну, если это так, молодой человек, неужели вы думаете, что я вам скажу об этом?

— Да, если уже на Сириусе говорят об этом. Для них это уже не секрет. Они говорят, что Лакки Старр вторгся в Сирийскую систему и был схвачен. Это правда?

— Я ничего не знаю о настоящем местонахождении Советника Дэвида Старра, — жестко проговорил Конвей.

— Не означает ли это, что он, возможно, находится сейчас в системе Сатурна?

— Это означает, что я ничего не знаю о его местонахождении.

Репортер наморщил нос:

— Отлично. Если вы думаете, что фраза «Шеф Совета Науки признается в том, что не знает о местонахождении одного из своих лучших агентов» звучит лучше, то это ваше дело. Но в обществе растут настроения, направленные против Совета. Идут разговоры о недееспособности Совета, допустившего, чтобы Сириус получил преимущества на Сатурне, и о его попытках оправдать свои действия ради спасения своей политической репутации.

— Вы разговариваете в оскорбительном тоне. До свидания, сэр.

— Сирийцы определенно утверждают, что Лакки Старр захвачен в системе Сатурна. Никаких комментариев и по этому поводу?

— Нет. Позвольте пройти.

— Сирийцы говорят, что Лакки Старр будет на конференции.

— О? — На момент Конвей не смог подавить своего интереса.

— Похоже, что вас задело, шеф. Вся штука заключается в том, что сирианцы убеждены: Старр будет давать показания в их пользу.

— Поживем — увидим.

— Вы признаете, что он будет на конференции?

— Мне ничего не известно об этом.

Репортер отступил в сторону.

— Превосходно, шеф. А сирианцы между тем говорят, что Старр уже дал им ценную информацию и что сирианцы на основе этого готовы обвинить нас в агрессии. Интересно, что собирается делать Совет? Бороться с нами или против нас?

Чувствуя себя в западне, Конвей измученно пробормотал:

— Никаких комментариев, — и двинулся к кораблю.

Репортер прокричал ему вслед:

— Старр — ваш приемный сын, не так ли, шеф?

На миг Конвей обернулся. Затем, не сказав ни слова, поспешил на корабль.

Ну что ему говорить? Что он мог сказать, кроме того, что впереди его ждет межзвездная конференция, более важная для Земли, чем любое другое совещание в истории? То, что эта конференция дает огромные преимущества Сириусу. Что весьма велики шансы, что мир, Совет Науки, Земная Федерация — все будет уничтожено.

И что только тонкий щит, создаваемый усилиями Лакки, может спасти их. Больше, чем что-либо еще — больше даже, чем проигранная война — Конвея угнетала мысль о том, что, если сирианская сводка новостей верна и если конференция, несмотря на нестандартные действия Лакки, все же провалится, Лакки останется в истории как архипредатель Земли! И лишь очень немногие знают истину.

На Весте

Государственный секретарь Ламонт Финни был профессиональным политиком, прослужив около пятнадцати лет в законодательных органах, и его отношения с Советом Науки никогда не были очень дружественными. Теперь он постарел, здоровье его не улучшилось, и он стал брюзгой. Официально он возглавлял делегацию Земли на Весту. В действительности, однако, и Конвей очень хорошо это понимал, будучи главой Совета Науки, именно он, Главный Советник, должен быть готовым взять на себя всю ответственность за провал конференции, если она провалится.

Финни сделал это понятным, прежде чем корабль, один из самых лучших космических лайнеров Земли, взмыл вверх.

— Пресса почти не контролируется. Ваше положение, Конвей, неважное, — сказал он.

— И всей Земли также.

— Ваше, Конвей.

Конвей мрачно проговорил:

— Ну что ж, у меня нет никаких сомнений относительно того, что, если дела пойдут плохо, Совет не сможет ожидать поддержки от правительства.

— Да, боюсь, никакой поддержки не будет. — Тщательно заботясь об уменьшении неприятностей при взлете, Государственный секретарь пристегнулся ремнями и убедился, что бутылочка с пилюлями против космической болезни у него под рукой. — Правительственная поддержка, оказанная вам, означала бы лишь отставку правительства, и возникло бы множество неприятностей в связи с военным положением. Мы не можем допустить политическую нестабильность.

Конвей подумал, что Финни совсем не верит в благоприятный результат конференции, он ожидает войны, и вслух сказал:

— Послушайте, Финни, если произойдет самое худшее, мне понадобятся голоса, чтобы спасти репутацию Советника Старра от...

Финни мгновенно поднял свою седую голову с гидравлической подушки кресла и посмотрел на него потухшими глазами.

— Невозможно. Ваш Советник отправился на Сатурн самовольно, не спрашивая разрешения, не получив никакого приказа. Он добровольно шел на риск. Если дело обернется плохо, то это его вина. Что еще мы можем сделать?

— Я знаю, он...

— Я не знаю, — настаивал политик. — Я ничего не знаю официально. Вы достаточно долго участвовали в общественной жизни, чтобы знать, что при определенных условиях народ нуждается в козле отпущения и настоятельно его требует. Советник Старр станет козлом отпущения.

Он снова откинулся на подушку и закрыл глаза. Конвей откинулся рядом с ним. Где-то в другом конце корабля другие люди находились на своих постах, и слышался нарастающий гул двигателей, их рев достиг пика, когда корабль оторвался от стартовой площадки и исчез в небе.

«Метеор» парил над Вестой на высоте тысячи миль, схваченный ее слабым притяжением, медленно кружил вокруг нее, блокировав двигатели. К нему пришвартовалась маленькая спасательная шлюпка, отошедшая от сирианского корабля. Наставник Зейон покинул «Мете-

ор», чтобы присоединиться к сирианской делегации на Весте, и его место занял робот. В спасательной шлюпке находились наставник Йонг и Бигмен.

Лакки удивился, когда на видеоэкране показалось лицо Йонга.

— Что вы делаете в космосе? Бигмен с вами?

— Да. Я его страж. Думаю, вы ожидали увидеть робота.

— Да, конечно. Или после событий последнего времени они не доверяют роботам Бигмену?

— Нет, это только маленькая уловка Девура для того, чтобы я не присутствовал на конференции. Это пощечина Службе.

— Наставник Зейон будет там, — заметил Лакки.

— Зейон, — фыркнул Йонг. — Он подходящий человек, но он их сторонник. Он не может осознать, что Служба — это больше, чем слепое повиновение приказам сверху; у нас моральный долг перед Сириусом, и задача Службы — следить, чтобы планета управлялась в соответствии с нерушимыми принципами чести, которыми руководствуется и сама Служба.

— Как Бигмен? — поинтересовался Лакки.

— Вполне прилично. Он выглядит несчастным. Странно, что такая странно выглядящая личность имеет более твердое чувство долга и чести, чем личность, подобная вашей.

Лакки стиснул зубы. Оставалось немного времени, и всякий раз, когда Йонг принимался рассуждать о потере чести Лакки, он волновался. Ведь отсюда был лишь шаг до вопроса, не имеет ли Лакки каких-либо шансов восстановить свою честь, а тогда они могли заинтересоваться истинными намерениями Лакки, после чего...

Йонг пожал плечами.

— Ну, ладно, я обязан сделать так, чтобы все было хорошо. Я отвечаю за ваше благополучие. И своевременно мы опустим вас перед конференцией.

— Постойте, наставник. Вы оказали мне услугу, вернувшись на Титан...

— Я ничего не сделал для вас лично. Я исполнял долг.

— Тем не менее вы спасли жизнь Бигмену и мне. Может так случиться, что по окончании конференции ваша жизнь, не исключено, окажется в опасности.

— Моя жизнь?

Лакки сказал озабоченно:

— Один раз я уже получил доказательство того, что Девур способен по той или иной причине решить отделаться от вас из-за риска, что сирианцы узнают о его драке с Бигменом.

Йонг горько улыбнулся:

— Его ни разу не было видно за все путешествие, он находился все время в своей кабине из-за лица. Так что я в достаточной безопасности.

— И все же, если вы посчитаете себя в опасности, сразу обратитесь к Гектору Конвею, шефу Совета Науки. Клянусь, он примет вас как политического изгнанника.

— Думаю, вы говорите из добрых побуждений, но мне кажется, что после конференции именно Конвей будет нуждаться в политическом убежище. — И Йонг отключил связь.

А Лакки посмотрел вниз на мерцающую Весту и грустно подумал о том, что в конце концов шансов в пользу предположений Йонга значительно больше.

Веста — один из крупнейших астероидов. По размеру она была меньше Цереры, которая имела в диаметре более пятисот миль и считалась великаном среди астероидов, но благодаря своей двухсотпятнадцатимильной окружности Веста попадала во второй класс астероидов вместе с Палладой и Юноной.

С Земли Веста казалась самым ярким астероидом из-за того, что ее оболочка состояла в основном из карбоната кальция, в то время как другие астероиды были покрыты более темными силикатами и металлическими окислами.

Ученые много размышляли об этом странном отклонении ее химического состава (о чем они не подозревали до недавней высадки на нее; до этого древние астрономы полагали, что Веста лежит под слоем льда или замерзшего карбона диоксида), но не пришли ни к какому выводу. Принимая во внимание эту особенность, ее называли «мраморным миром».

«Мраморный мир» служил базой для космических кораблей, начиная с первых дней битвы с космическими пиратами пояса астероидов. Естественные пещеры

под ее поверхностью были расширены и герметизированы, и там хватало места для размещения кораблей и для хранения двухлетнего запаса провизии для их команд.

Теперь база более или менее устарела, но с небольшой реконструкцией пещер она могла представлять (и представляла) наиболее подходящее место для встречи делегатов со всех концов Галактики.

Внизу находились склады с продовольствием и водой, там же были и предметы роскоши, в которых пилоты не отказывали себе. Пройдя через мраморную поверхность и оказавшись внутри астероида, вы не могли отличить местную обстановку от интерьера превосходного земного отеля.

Делегация Земли, как хозяева (Веста считалась территорией Земли; даже сирианцы не могли оспорить это), занималась размещением гостей. Во всех номерах имелись приспособления, позволявшие регулировать в них давление и создавать атмосферные условия, к каким делегаты привыкли. Делегаты с Уоррена, к примеру, имели номера с кондиционированным воздухом, умеренно охлажденным в соответствии с прохладным климатом на их родной планете.

Больших осложнений не произошло и с делегацией от Элама. Этот маленький мир вращался вокруг красной карликовой звезды. Окружающие условия были таковы, что никому и в голову не могла прийти мысль о возможности процветания там человеческих существ. Неутомимая человеческая изобретательность сумела преодолеть его существенные недостатки.

Нехватка света мешала земным растениям развиваться там как следует, тогда использовали искусственное освещение и вырастили особые породы растений, так что зерно Элама и его сельскохозяйственные продукты были высшего качества, которое вряд ли можно было превзойти где-либо в другом месте Галактики. Процветание Элама базировалось на его сельскохозяйственном экспорте, и в этом другие миры, более защищенные природой, не могли с ним состязаться.

Видимо, в результате слабого света эламского солнца у эламитов не было биологической защиты — кожной пигментации. Жители его обладали чрезвычайно светлой кожей.

Глава делегации Элама, например, был почти альбинос. Это был Агас Доремо, на протяжении более тридцати лет признанный лидер нейтральных сил в Галактике. По каждому вопросу, который возникал между Землей и Сириусом (последний, конечно, представлял экстремистские силы Галактики, выступающие против Земли), он стремился сохранить между ними равновесие.

Конвей и на этот раз рассчитывал на то, что Доремо сумеет его сохранить. Он вошел в номера, предназначенные для эламитов, с дружелюбным выражением лица. Стараясь избежать излияния чувств, он сердечно пожал всем руки. Он сощурился в слабом красноватом свете и взял стакан эламинского напитка.

— Ваши волосы тоже стали совсем белыми, с тех пор как я видел вас, Конвей, такими же белыми, как и у меня, — заметил Доремо.

— Прошло много времени с нашей последней встречи, Доремо.

— Значит, они побелели не из-за событий последних месяцев?

Конвей печально улыбнулся.

— Это оказало бы свое воздействие в том случае, если бы они были темными.

Доремо кивнул, продолжая потягивать напиток.

— Земля сама поставила себя в такое неприятное положение.

— Это так, и все же по всем правилам логики Земля права.

— Да? — уклончиво молвил Доремо.

— Не знаю, много ли вы размышляли, прежде чем поднять этот вопрос...

— Достаточно много.

— Не хотите ли вы обсудить его предварительно...

— А почему бы и не обсудить? Сирианцы уже были у меня.

— Ах! Уже?

— Я останавливался на Титане по пути сюда. — Доремо покачал головой. — Они устроили там отличную базу, насколько я мог заметить; они сразу же снабдили меня темными очками — как ужасен этот голубой свет Сатурна, который, конечно, так вреден для зрения. Вы должны доверять им, Конвей; они делают замечательные вещи.

— И вы решили, что они имеют право колонизировать Сатурн?

— Мой дорогой Конвей, я знаю только одно — я хочу мира, — твердо произнес Доремо. — Война никому не принесет добра. Ситуация, однако, такова: сирианцы овладели системой Сатурна. Как можно вытеснить их оттуда, не прибегая к войне?

— Существует только один путь, — проговорил Конвей. — Если другие внешние миры уяснят, что они должны рассматривать Сириус как агрессора, то Сириус не сможет противостоять всей Галактике.

— Ах, но каким образом можно убедить внешние миры голосовать против Сириуса? — спросил Доремо. — Многие из них, уж простите меня, пожалуйста, традиционно относятся к Земле с подозрением, к тому же они скажут, что система Сатурна была необитаемой.

— Но это была явная оккупация, после того как Земля первой признала независимость внешних миров, как результат гегелевской доктрины, согласно которой способной к независимости следует считать лишь систему, не меньшую, чем звездная система. Когда мы говорим о неоккупированной планетной системе, то подразумевается, что она является частью неоккупированной звездной системы как целого.

— Я согласен с вами. Я признаю, что это был захват. Однако этот захват никогда не подвергался испытанию. Теперь же это произойдет.

— Вы думаете, — мягко сказал Конвей, — что было бы мудрым не считать это захватом, принять новый закон, согласно которому было бы разрешено любому постороннему лицу проникать в систему и колонизировать там незаселенные планеты?

— Нет, — ответил Доремо решительно, — я так не думаю. Я думаю, в наших общих интересах следует продолжать рассматривать звездные системы как неделимое целое, но...

— Но?

— На этой конференции разгорятся страсти, делегатам будет нелегко логически сблизить свои позиции. Если я осмелюсь посоветовать Земле...

— Давайте. Это неофициально и не войдет в отчет.

— Мне хотелось бы сказать: не рассчитывайте на поддержку на этой конференции. Позвольте Сириусу на этот раз остаться на Сатурне. В конце концов он

превысит свою власть, и тогда вы сможете созвать новую конференцию с большей надеждой на успех.

Конвей покачал головой.

— Невозможно. Если мы потерпим здесь провал, у нас разгорятся страсти; они уже разгораются.

Доремо пожал плечами:

— Страсти повсюду. Я в целом настроен весьма пессимистически.

— Но если вы сами уверены в том, что Сириус не должен находиться на Сатурне, неужели вы не постараетесь убедить в этом других? Вы влиятельная личность, обладающая авторитетом в Галактике. Я не прошу вас поступать вопреки своим убеждениям. Это провело бы борозду между войной и миром.

Доремо оставил свой бокал и вытер губы салфеткой.

— Именно так я поступил бы охотнее всего, Конвей, но на этой конференции я не осмелюсь даже сделать и попытки. Сириус имеет основания действовать по-своему, и Эламу опасно становиться у него на пути. Мы — маленький мир... В конце концов, Конвей, если вы созвали эту конференцию, чтобы достичь мирного решения, зачем вы одновременно посылаете свои военные корабли в систему Сатурна?

— Это то, что вам рассказали сирианцы, Доремо?

— Да. Они сообщили мне некоторые факты, которыми они располагают. Мне показали даже захваченный корабль землян, который летел на Весту, ведомый с помощью магнитных щупалец сирианского корабля. Мне сказали, что не кто иной, как Лакки Старр, о котором даже мы на Эламе слышали многое, находится на его борту. Я знаю, что Старра сейчас препроводили на Весту для дачи показаний.

Конвей медленно наклонил голову.

— Теперь, — продолжал Доремо, — если Старр подтвердит военные действия против сирианцев — а он это сделает, другого и не может быть, коль сирианцы разрешают ему дать показания, — тогда это все, что нужно конференции. Все другие аргументы отпадут. Старр, мне это известно, ваш приемный сын.

— До некоторой степени, да, — пробормотал Конвей.

— Вы понимаете, что это еще хуже. И если вы скажете, что он действовал без санкций Земли, как я предполагаю, то вы должны...

— Это действительно так, — подтвердил Конвей, — но я не готов сказать, что мы предъявим ему претензии.

— Если вы отречетесь от него, никто вам не поверит. Делегаты внешних миров поднимут крик о «вероломстве Земли», о ее лицемерии. Сириус приложит к этому все усилия, и я не смогу ничего сделать. Я не смогу даже подать свой голос в защиту Земли... Земле в настоящий момент лучше уступить.

Конвей отрицательно качнул головой:

— Земля не сможет пойти на это.

— Тогда, — сказал Доремо с бесконечной грустью, — это будет означать войну, войну всех нас против Земли, Конвей.

Конференция

Конвей опорожнил свой бокал. Затем поднялся, чтобы уйти, на лице его было выражение крайнего отчаяния.

Как запоздалое объяснение прозвучали его слова:

— Но, вы знаете, мы ведь не слышали еще показаний Лакки. Если результаты не будут такими плохими, как вы полагаете, если его показания окажутся даже не наносящими вреда, то не смогли бы вы тогда выступить в защиту мира?

Доремо пожал плечами:

— Вы хватаетесь за соломинку. Да, да, в том маловероятном случае, если конференция не бросится врассыпную в результате выступления взлелеянного вами сына, я сделаю свой взнос. Как я вам уже сказал, я действительно на вашей стороне.

— Благодарю вас, сэр. — Они вновь пожали друг другу руки.

Доремо глядел вслед уходящему. Главному Советнику, грустно покачивая головой. За дверью Конвей остановился, чтоб восстановить дыхание. Все оказалось на-

много хуже, чем он ожидал. Теперь только бы сирианцы выпустили Лакки.

Как и предполагалось, конференция открылась на непреклонной и официальной ноте. Каждый выступающий был мучительно корректен, и, когда появилась делегация Земли, чтоб занять свои места в центре зала и на его правом краю, все делегаты встали, в том числе и сирианцы, сидящие в центре зала и с левой стороны.

Затем поднялся Государственный секретарь, представляющий интересы хозяев, чтобы произнести ответственную речь. Он говорил в общих выражениях о мире и о том, что дверь открыта для продолжения экспансии человечества в Галактике; об общем происхождении и братстве всех людей, о серьезных бедах, которые принесет война. Он изо всех сил постарался не упоминать об особой точке зрения, не упомянул сирианцев и сверх всего не произнес никаких угроз.

Ему благосклонно аплодировали. Затем конференция избрала Агаса Доремо председателем (он был единственным человеком, на избрание которого согласились обе стороны), и после этого она приступила к рассмотрению главного вопроса.

Конференция была закрыта для публики, но для репортеров, представляющих разные миры, были устроены специальные кабины. Они не могли интервьюировать отдельных делегатов, но им было разрешено слушать и посылать не просмотренные цензурой отчеты.

Заседания, как это бывало обычно на таких межзвездных собраниях, шли на интерлингве, смешанном языке, который использовался во всей Галактике.

После краткой речи Доремо, превозносившего достоинства компромисса и страстно призывавшего делегатов не быть упрямыми и не рисковать миром, идти на взаимные уступки, чтобы сохранить мир, было вновь предоставлено слово Государственному секретарю Земли.

На этот раз секретарь выступил в полемике хорошо и убедительно.

Однако невозможно было ошибиться относительно враждебности позиций разных делегатов. Эта враждебность, как мгла, висела над залом.

Конвей сидел рядом с ораторствующим секретарем, опустив подбородок на грудь. В обычных условиях было бы ошибкой Земли представить свой основной доклад в самом начале конференции. Это означало бы выпустить все лучшие заряды до того, как стала хорошо видна цель. Это дало бы Сириусу возможность обрушиться с сокрушающими возражениями.

Но в данном случае именно этого хотел Конвей.

Он вытащил носовой платок, провел им по лбу и поспешно положил его обратно, надеясь, что никто этого не заметил. Он не хотел, чтобы заметили его волнение.

Сириус придержал свои возражения, и, без сомнения, по договоренности стали подниматься и выступать с краткими речами представители трех внешних миров, которые заведомо находились под сирианским влиянием. Каждый выступающий избегал касаться главной темы, но убежденно настаивал на агрессивных устремлениях Земли и на ее претензиях снова поставить правительством Галактики под свою власть.

Наконец спустя шесть часов после начала конференции вызвали Стена Девура, и он не спеша встал. Со спокойной осторожностью он подошел к трибуне и стоял там, глядя вниз на делегатов, с выражением гордой самоуверенности на оливковом лице. (На нем не было и следа недавней стычки с Бигменом.)

Конвей был уверен, что всем делегатам известно о том, что Лакки Старр будет давать показания. Они ожидали этого явного унижения Земли с волнением и радостью.

Наконец очень спокойно Девур начал свою речь. Сначала шло историческое вступление. Возвращаясь к тем дням, когда Сириус был колонией Земли, он перечислил обиды тех дней. Он слегка затронул гегелевскую доктрину, давшую независимость Сириусу и другим колониям, и назвал ее лицемерной, ибо затем он перечислил одно за другим мнимые усилия Земли восстановить свое владычество.

Перейдя к современности, он сказал:

— Сейчас нас обвиняют в стремлении колонизировать незанятый мир. Мы признаем себя виновными в этом. Нас обвиняют в том, что мы захватили пустой мир и превратили его в прекрасное обиталище для человеческих существ. Мы признаем себя виновными и в этом. Нас обвиняют в расширении пределов обитания человеческой расы в мире, возможность чего отвергалась другими. Мы признаем себя виновными и в этом.

Нас нельзя обвинить в применении насилия по отношению к кому бы то ни было в ходе развития. Нас нельзя обвинить и в провоцировании войны, в убийствах и нанесении оскорблений во время нашей оккупации. Нас нельзя обвинить также вообще в каком-либо преступлении. Напротив, можно только констатировать, что на расстоянии не менее миллиарда миль от мира, который мы столь мирно оккупировали, существует другой оккупированный мир по имени Земля.

Мы не осведомлены, хочет ли она что-либо предпринять в отношении нашего мира — Сатурна. Мы не применяем насилия по отношению к Земле, и она не может обвинить нас ни в чем. Мы просим только предоставить нам возможность заниматься самими собой, и, наоборот, мы будем рады предоставить Землю самой себе.

Они говорят, что Сатурн принадлежит им. Почему? Разве они когда-то оккупировали его спутники? Нет. Проявляли ли они интерес к нему? Нет. В течение многих тысяч лет они могли спокойно захватить его, но хотели ли они этого? Нет. Именно только после того как мы высадились на нем, они внезапно проявили свою заинтересованность в нем.

Они говорят, что Сатурн вращается вокруг того же самого Солнца, что и Земля. Мы признаем это, но мы одновременно подчеркиваем, что этот факт к делу не относится. Незанятый мир и есть незанятый мир, невзирая на особую орбиту, по которой он путешествует в космосе. Мы первыми колонизировали его, и он наш.

Сегодня я сказал, что Сириус оккупировал всю систему Сатурна без применения какого-либо насилия и не нанес миру какого-либо ущерба. Мы много не разглашествоваем о мире, как поступает Земля, но мы, по крайней мере, проводим миролюбивую политику на деле. Когда Земля выступила за созыв конференции,

мы сразу же приняли это предложение во имя спасения мира, хотя нет ни малейшего сомнения в нашем праве собственности на систему Сатурна.

Но что Земля? Отказалась ли она от своих взглядов? Они весьма преуспели в разговорах о мире, но их действия на деле противоречат их словам. Они выступают за мир, а практикуют войну. Они требуют конференции и в то же самое время снаряжают военную экспедицию. Короче, в то время как Сириус рисковал своими интересами во имя мира, Земля, наоборот, делает все, чтобы спровоцировать войну против нас. Я могу доказать это устами самого члена Совета Науки Земли.

Он поднял руку, когда произносил последнюю фразу, и драматическим жестом указал на выход, где внезапно возникло пятно света. Там стоял Лакки Старр, высокий и вызывающе прямой.

Лишь приземлившись на Весте, Лакки наконец-то снова увидел Бигмена. Маленький марсианин подбежал к нему. Йонг же наблюдал за ними, строго улыбаясь.

— Лакки, — попросил Бигмен. — О, Лакки, не соглашайся на это. Они не смогут заставить тебя сказать хоть слово, если ты не захочешь, и неважно, что потом будет со мной.

Лакки медленно покачал головой:

— Подожди, Бигмен. Подожди только один день.

Йонг подошел и взял Бигмена за локоть.

— Простите, Старр, но нам он нужен, пока вы не выполнили свою миссию. Девур постоянно думает о заложнике, и с этой точки зрения, думаю, он прав. Вы собираетесь выступить перед лицом представителей своего собственного народа, и бесчестье будет тяжелым.

Лакки сам нервничал вплоть до того момента, когда он оказался в дверном проеме и почувствовал на себе взгляды, ощутил тишину и замершее дыхание зала. Стоя на свету, Лакки видел не отдельных делегатов конференции, а огромную темную массу. Лишь после того как роботы подвели его к свидетельскому месту, лица людей стали выплывать из тьмы и он смог увидеть Гектора Конвея в первом ряду.

На миг Конвей улыбнулся ему устало и взволнованно, но Лакки не осмелился ответить ему улыбкой. Наступал критический момент, и ничего нельзя было допустить такого, что могло бы вызвать беспокойство у сирийцев.

Девур жадно смотрел на землянина, смакуя триумф от его появления.

— Джентльмены, — возгласил он, — я хочу на время превратить конференцию в своего рода судилище. У меня здесь есть свидетель, и я желал бы, чтобы его послушали все делегаты. Мне выпал прекрасный случай, когда он согласился говорить, он — землянин и важный агент Совета Науки.

Затем с внезапной резкостью он обратился к Лакки:

— Ваше имя, гражданство и положение, пожалуйста.

Лакки ответил:

— Я, Дэвид Старр, уроженец Земли и член Совета Науки.

— Подвергались ли вы воздействию наркотиков, физической обработке или какому-либо насилию над разумом, что заставило бы вас дать показания?

— Нет, сэр.

— Вы говорите добровольно и будете говорить правду?

— Я говорю добровольно и скажу правду.

Девур повернулся к делегатам:

— Кому-то из вас может прийти на ум, что разум Советника Старра в действительности все же подвергся обработке, о чем он и сам не подозревал, или что, может быть, он отрицает наличие повреждения его умственных способностей, не осознавая того, что оно налицо. Если так, то любой член этой конференции, обладающий соответствующей квалификацией, может его обследовать. Я знаю, что такие есть среди вас. Требуется ли кто-нибудь такого обследования?

Но никто не требовал такого обследования, и Девур продолжил, обратившись к Лакки:

— Когда вы впервые обнаружили сирийскую базу внутри системы Сатурна?

Сжато, без эмоций, глядя прямо в зал, Лакки рассказывал о своем первом посещении системы Сатурна, о требовании покинуть ее.

Конвей слегка кивнул и заметил, что Лакки опустил полностью сведения о капсуле и о шпионских действиях агента Х. Агент Х мог быть только преступником с Земли. Очевидно, сирианцы не хотели упоминания о своем собственном шпионаже в это время, и, похоже, Лакки был готов продолжить с ними сотрудничество в этом вопросе.

— А вы покинули систему Сатурна после предупреждения?

— Да, сэр.

— Навсегда?

— Нет, сэр.

— Как вы поступили в последствии?

Лакки описал уловку с Идальго, посещение южного полюса Сатурна, полет через глубокое ущелье в кольцах к Мимасу.

Девур прервал его:

— Мы когда-либо применяли насилие к вашему кораблю?

— Нет, сэр.

Девур снова повернулся к делегатам:

— Не следует полагаться лишь на сказанное Советником. У меня здесь есть снимки погони за кораблем Советника, летящим к Мимасу.

Лакки остался стоять в освещенном пространстве, остальная часть зала утопала во мраке, делегаты смотрели в трехмерном изображении эпизоды полета «Метеора», спешащего к кольцам и внезапно исчезнувшего в глубоком ущелье, которое было плохо видно, ибо его изображение было расположено в самом углу фотографии.

На следующем фото был запечатлен стремительный полет корабля внутрь Мимаса и его исчезновение во вспышке красного света и пара.

В этот момент Девур не мог не почувствовать, что в зале нарастает скрытое восхищение смелостью землянина, поэтому он раздраженно заметил:

— Наша неспособность настигнуть корабль Советника объясняется наличием на нем аграв-двигателя. Маневры вблизи Сатурна поэтому были более затруднены для нас, чем для него. По этой причине мы не смогли добраться до Мимаса раньше его и из-за этого не были психологически подготовлены осуществить это.

Если бы Конвей осмелился, он мог бы громко крикнуть в ответ на это: «Дурак!» Девур заплатит за это мгновение зависти. Конечно, упоминая об аграве, он стремился вызвать страх у внешних миров перед научными достижениями Земли, и это тоже можно считать его ошибкой. Страх мог сильно разрастись.

— Ну а теперь о том, что произошло после вашего отлета с Мимаса! — обратился Девур к Лакки.

Лакки рассказал, как он был схвачен, и Девур, намекая на то, что Сириус обладает более совершенным масс-детектором, сказал:

— И тогда, сразу же на Титане, вы дали нам новую информацию относительно вашей деятельности на Мимасе, так?

— Да, сэр. Я рассказал вам, что на Мимасе остался еще один Советник, а потом я сопровождал вас на Мимас.

Этого, по-видимому, делегаты не знали. Поднялся шум, но Девур заставил всех замолчать. Он закричал:

— У меня есть также телефото отлета Советника с Мимаса, куда его послали для создания секретной базы против нас как раз в то время, когда Земля созвала эту конференцию, якобы заботясь о мире.

Опять затемнение в зале и снова трехмерное изображение. Конференция могла в деталях наблюдать приземление на Мимасе, видеть его расплавленную поверхность, следить за тем, как Лакки исчез в построенном туннеле и Советник Бен Вессилевски оказался на борту корабля. В последних сценах демонстрировалось внутреннее помещение Весса под поверхностью Мимаса.

— Как вы видите, это полностью оборудованная база, — сказал Девур. Затем, повернувшись к Лакки, спросил: — Может, все ваши действия в течение всего этого времени получили официальное одобрение на Земле?

Это был главный вопрос, и не было сомнения в том, каков будет ответ, которого жаждали, но тут Лакки заколебался, в то время как аудитория ждала, затаив дыхание, а Девур нахмурился.

Наконец Лакки произнес:

— Я хочу сказать вам подлинную правду. Я не получил непосредственного разрешения на повторное воз-

вращение на Сатурн, но я знаю, что во всем, что я делал, я получил бы полное одобрение Совета Науки.

И это признание вызвало сильное волнение среди репортеров и шум в зале. Делегаты конференции поднялись со своих мест и начали кричать: «Голосовать! Голосовать!»

Судя по всему, конференция на этом завершилась, и Земля проиграла.

Попался, который кусался

Агас Доремо поднялся, ударяя традиционным молотком и совершенно безуспешно призывая к порядку. Конвей с трудом продвигался среди моря угрожающих жестов и свиста и потянул рукоятку автоматического выключателя — раздался старый, сообщающий о пиратах сигнал тревоги. Среди ужасного шума и гама прорезалось пронзительное дребезжание с попеременным повышением и понижением звука, это восстановило среди делегатов необычайную тишину.

Конвей отключил сигнал, и Доремо с неожиданным спокойствием быстро произнес:

— Я согласился с предложением Главного Советника Земной Федерации Гектора Конвея подвергнуть перекрестному допросу Советника Старра.

Раздались крики «Нет, нет», но Доремо упрямо продолжил:

— Я прошу конференцию оставаться беспристрастной в этом вопросе. Главный Советник заверил меня, что перекрестный допрос будет кратким.

Посреди шороха и шепота Конвей приблизился к Лакки. Он улыбался, но слова его звучали сухо:

— Советник Старр, мистер Девур не спросил вас о целях, какие вы преследовали. Ответьте мне, зачем вы проникли в систему Сатурна?

— Чтобы колонизовать Мимас, шеф.

— Считаете ли вы, что имели на это право?

— Это был незанятый мир, шеф.

Конвей повернулся лицом к затихшим в замешательстве делегатам.

— Советник Старр, вы могли бы повторить это?

— Я хотел доставить человеческие существа на Мимас, незанятый мир, принадлежащий Земной Федерации, шеф.

Девур поднялся, яростно выкрикнув:

— Мимас — это часть системы Сатурна!

— Верно, — сказал Лакки, — но Сатурн — это часть Солнечной системы Земли. По вашей же интерпретации, Мимас является только незанятым миром. А чуть позже вы признались, что сирианские корабли никогда не приближались к Мимасу, пока на него не приземлился мой корабль.

Конвей улыбнулся. Значит, Лакки также заметил ошибку, допущенную Девуром.

— Советника Старра не было здесь, мистер Девур, когда вы произносили свою вступительную речь, — сказал Конвей. — Позвольте мне процитировать из нее пассаж, слово в слово: «Незанятый мир есть незанятый мир, несмотря на его особую орбиту, по которой он движется в космосе. Мы колонизовали его первыми, и он наш».

Главный Советник повернулся к делегатам и продолжил, тщательно взвешивая каждое слово:

— Если верна точка зрения Земной Федерации, тогда Мимас принадлежит Земле, потому что он обращается вокруг планеты, которая обращается вокруг нашего Солнца. Если верна точка зрения Сириуса, то и тогда Мимас все равно принадлежит Земле, потому что он не был занят и мы колонизовали его первыми. Сирианская же линия рассуждения, основанная на том факте, что какой-то другой спутник Сириуса был колонизован Сириусом, к данному случаю не имеет никакого отношения.

В конечном счете, проникнув в мир, принадлежащий Земной Федерации и выдворив оттуда нашего колониста, Сириус тем самым совершил акт развязывания

войны и продемонстрировал свое лицемерие, отказывая другим в тех правах, которые присвоил себе.

И в этот момент, когда снова поднялся переполох в зале, именно Доремо заявил следующее:

— Джентльмены, позвольте сказать. Факты, приведенные Советником Старром и Конвеем, неопровержимы. Они демонстрируют полную анархию, в которую будет ввергнута Галактика, если восторжествует сирианская точка зрения. Каждая незаселенная скала стала бы источником спора, каждый астероид — угрозой миру. Сирианцы своими действиями показали свою неискренность...

Так произошел неожиданный и полный переворот на конференции.

Если бы позволило время, Сириус, возможно, мог собраться с силами, но Доремо, опытный и хитрый парламентарий, подвел конференцию к голосованию в тот момент, когда сторонники сирианцев были совершенно деморализованы и не готовы были выступить против очевидных и вновь приведенных фактов.

Три мира проголосовали в поддержку Сириуса. Это были Пенфесилейя, Дуварн и Муллен, маленькие миры, находившиеся, как всем было известно, под политическим влиянием Сириуса. Остальная часть, более пятидесяти голосов, была на стороне Земли. Сириусу предписывалось освободить захваченных землян. Также предписывалось демонтировать его базу и в течение месяца покинуть Солнечную систему.

Выполнить принятые решения невозможно было без применения военной силы, но Земля была готова к войне, а Сириус был поставлен перед необходимостью воевать, не рассчитывая на поддержку внешних миров. На Весте теперь не оказалось ни единого человека, кто ожидал победы Сириуса при таких условиях.

Девур, тяжело дыша, с перекошенным лицом, еще раз встретился с Лакки.

— Это был непристойный трюк, — сказал он. — Этот ваш план загнать нас в...

— Вы вынудили меня, — спокойно возразил Лакки, — поставив под угрозу жизнь Бигмена. Вы помните

это? Или, может, вам хотелось бы, чтобы детали этого стали известны?

— Ваш друг-обезьяна еще у нас, — начал злобно Девур, — проголосует конференция или нет...

Главный Советник Конвей, присутствовавший при этом, улыбнулся:

— Если вы имеете в виду Бигмена, Девур, то у вас его нет. Он в наших руках вместе с наставником по имени Йонг, который сообщил мне, что Советник Старр снабдил его охранным свидетельством на случай необходимости. Очевидно, он почувствовал, что при вашем настоящем настроении для него небезопасно сопровождать вас назад на Титан. Могу ли я предложить, чтобы и вы подумали, не опасно ли для вас возвращение на Титан? Если вы хотите просить убежища...

Но Девур молча повернулся и ушел.

Доремо распылся в улыбке, когда прощался с Конвеем и Лакки.

— Вам, молодой человек, будет очень приятно увидеть Землю, осмелюсь сказать.

Лакки кивнул, согласившись с ним:

— Сэр, через час я отправляюсь домой на лайнере, буксирующем бедный «Метеор», и, откровенно говоря, теперь нет ничего более радостного для меня, чем это.

— Ну что ж! И поздравляю с великолепно сделанной работой. Когда шеф Конвей просил меня в начале заседания предоставить ему время для перекрестного допроса, я согласился, но думал, что он, должно быть, сошел с ума. Когда вы начали давать показания и он одобрил их, я был уверен, что он сумасшедший. Но очевидно, все это было заранее спланировано.

Конвей подтвердил это:

— Лакки прислал мне набросок плана своих действий. Конечно, это было не за час или два до того, как мы окончательно уверились в том, что все будет выполнено.

— Думаю, вы очень верили в Советника, — сказал Доремо. — Вот почему во время первого вашего разговора со мной вы просили, чтобы я выступил на вашей стороне, если вдруг показания Лакки обманут ожидания. Тогда я, конечно, не понял, что вы имели в виду, но, когда наступило время, мне все стало ясно.

— Я благодарен вам за то, что вы всем своим авторитетом поддержали нас.

— Я поддержал тех, на чьей стороне была справедливость... Вы искусный оппонент, молодой человек, — похвалил он Лакки.

Лакки улыбнулся:

— Я прежде всего рассчитывал на неискреннюю позицию сирианцев. Если они действительно верили в то, что провозглашали именно свою точку зрения, то мой коллега, Советник, покинул бы Мимас, и все мы в результате наших стараний получили бы маленький сателлит из льда и тяжелую войну.

— О да. Ну что ж, без сомнения, у делегатов возникнут новые мысли, когда они вернутся домой, и они будут злиться на Землю, на меня и даже на самих себя, я думаю, из-за того, что им пришлось обратиться в паническое бегство. Хладнокровно подумав, они поймут, что здесь они восстановили принцип неделимости звездных систем, и, думаю, что они тогда поймут, что польза от этого принципа превысит любой урон, нанесенный их гордости и предрассудкам. Я действительно думаю, эту конференцию будут изучать историки как нечто важное и нечто такое, что способствовало великому делу мира и благоденствию Галактики. Я абсолютно удовлетворен этим.

И весьма энергично он пожал обоим руки.

Лакки и Бигмен снова оказались вместе, и, хотя корабль был большой, со множеством пассажиров, они были заняты лишь собой. Марс остался позади них (Бигмен более часа наблюдал его с большим удовольствием), а Земля была не так уж далеко.

Бигмен никак не мог овладеть голосом, в котором звучало смущение.

— О Лакки! Я никогда, ни разу не заметил того, что ты делал. Я думал... Ну я не хочу говорить о том, что я думал. Только мне хочется, чтобы ты предупреждал меня.

— Бигмен, я не мог. Это как раз то, чего я не мог сделать. Не понимаешь? Я обязан был убедить сирианцев во внедрении Весса на Мимас и не дать им возможности понять суть замысла. Я не мог перед ними обнаружить то, что я хотел в действительности сделать, не мог допустить, чтобы они сразу поняли, что это ловуш-

ка. Я должен был все сделать так, чтобы казалось, что меня вынудили к этому вопреки моей воле. Вначале, уверяю тебя, я не знал точно, как я сумею осуществить это, но я знал лишь одно — если ты узнаешь о плане, Бигмен, ты выдашь секрет.

— Я выдал бы секрет? Да знаешь ли ты, земляной червь, что и под дулом бластера из меня ничего не выудишь!!!

— Знаю. Никакие мучения не принудили бы тебя к этому, Бигмен. Но ты мог сделать это случайно. Ты плохой актер, сам знаешь. Ты сразу же стал бы сумасшедшим, так или иначе это вывело бы тебя из себя. Вот почему я хотел оставить тебя на Мимасе, помнишь? Я знал, что не смогу рассказать тебе о задуманном плане действий, и знал также, что ты не принял бы того, что я собирался сделать, и страдал бы из-за этого. Вот как это все было. Однако ты мне принес неожиданную удачу.

— Я? Избив этого подонка?

— Косвенно, да. Это дало мне повод сделать вид, будто я в действительности обмениваю свободу Весса на твою жизнь. Пришлось меньше прикладывать усилий, чтобы отдать Весса при каких-то условиях, которые я должен был бы выдумать, не будь тебя. В результате же того, что произошло с тобой, мне не нужно было совсем ничего выдумывать. Это была хорошая сделка.

— Ну и ну, Лакки.

— Вот так-то, Бигмен. К тому же ты был в таком отчаянии, что они ни разу не заподозрили нашей уловки. Любой, кто наблюдал за тобой со стороны, был бы совершенно убежден в том, что я действительно предал Землю.

— О пески Марса! Я должен был знать, что ты не сделал бы ничего подобного. Я оказался просто олухом.

— Я рад, что ты был олухом, — рассмеялся Лакки и с нежностью взлохматил волосы маленького марсианина.

Когда Конвей и Весс присоединились к ним во время обеда, Весс сказал:

— Наше возвращение домой будет вовсе не таким, каким его представлял бедняга Девур. Суб-эфир на корабле был полон белибердой, которую они опубликовали на Земле о нас, особенно, конечно, о тебе.

Лакки нахмурился:

— Да, за это не поблаговаришь. В будущем это здорово затруднит нашу работу. Реклама! Только подумайте, что бы они говорили, если бы сирианцы оказались хотя бы на дюйм проникательнее, не поддались гневу и не ушли с конференции в последнюю минуту.

Конвей даже вздрогнул:

— Лучше не думать. Но как бы там ни было, нечто подобное ожидает Девура.

— По-моему, он выкрутится. Его спасет дядя, — заметил Лакки.

— Во всяком случае, — подвел итог Бигмен, — мы разделались с ним.

— Так ли? — утрюмо проговорил Лакки. — Не знаю.

И в течение некоторого времени трапеза проходила в полном молчании.

Конвей, очевидно, стремясь смягчить внезапно возникшую напряженность, решил прервать молчание:

— Конечно, в известном отношении сирианцы не могли позволить Вессу остаться на Мимасе, и мы не дали им шансов. В конце концов они искали капсулу в кольцах, и, насколько им было известно, Весс, лишь в тридцати тысячах миль за пределами колец могло...

Бигмен уронил вилку, и его глаза стали как блюдца.

— Взрывающаяся ракета!

— В чем дело, Бигмен? — спросил добродушно Весс. — Ты что-то вдруг вспомил и пошевелил мозгами?

— Заткнись, болван! — рявкнул Бигмен. — Послушай, Лакки, во всей этой суматохе мы забыли о капсуле агента Х. Она все еще в кольцах, если сирианцы ее уже не нашли. Если она не у них, то у них есть еще пара недель, чтобы ее обнаружить.

Конвей сразу же ответил:

— Я думал об этом, Бигмен. Но честно говоря, считаю, что она потеряна навсегда. Вряд ли ты сможешь что-нибудь найти в кольцах.

— Но, шеф, разве Лакки не рассказал вам о многочисленных специальных масс-детекторах с Х-лучами, которые у них есть и...

Все теперь смотрели на Лакки. Странное выражение появилось у него на лице — будто он не мог решить, то ли ему смеяться, то ли ругаться.

— О великая Галактика! — воскликнул он. — Я совершенно забыл об этом.

— О капсуле? — спросил Бигмен. — Ты забыл о ней?

— Да. Я забыл, что она у меня. Она здесь. — И Лакки выхватил из кармана что-то металлическое диаметром примерно в дюйм и положил на стол.

Быстрые пальцы Бигмена первыми протянулись к ней, он ее поворачивал и так и эдак, потом и остальные по очереди рассматривали ее.

— Это капсула? Ты уверен в этом? — недоверчиво спросил Бигмен.

— Вне всяких сомнений. Мы, конечно, ее вскрыем и убедимся в этом окончательно.

— Но когда, как, где... — Они все устремили на него вопрошающие взгляды.

— Простите меня, — стал оправдываться Лакки. — Я действительно... Вы помните те несколько слов, которые мы перехватили от агента X как раз перед тем, как взорвался его корабль? Помните отрывки слов «нормальная орб...», которые, по нашему мнению, означали «нормальная орбита»? Ну, сирианцы сделали естественное предположение, что «нормальная» означает «обычная», и, следовательно, капсула будет выведена на «обычную орбиту» для частиц колец, и искали ее там.

Однако «нормальная» означает также и «перпендикулярная». Кольца Сатурна движутся с запада на восток, следовательно, капсула с нормальной орбитой в кольцах двигалась бы прямо с севера на юг или с юга на север. И это имеет смысл, потому что тогда капсула не потеряется в кольцах.

Далее, любая орбита вокруг Сатурна, идущая прямо на север и на юг, должна проходить над северным и южным полюсами независимо от вариаций. Мы приблизились к южному полюсу Сатурна, и я следил за масс-детектором, чтобы обнаружить что-либо на орбите подходящего типа. В полярном пространстве едва ли есть какие-нибудь частицы. И я почувствовал, что смогу опознать капсулу, если она там. Мне не хотелось говорить об этом, потому что вероятность была невелика, а я не люблю пробуждать несбыточные надежды.

Но что-то регистрировалось на масс-детекторах, и у меня появился шанс. Я сравнил скорости и тогда покинул корабль. Как ты позже догадался, Бигмен, я воспользовался случаем, чтобы помудрить с аgrav-устройством, рассчитывая на капитуляцию в дальнейшем, но в то же время я забрал капсулу.

Когда мы приземлились на Мимасе, я оставил ее среди катушек воздушного кондиционера в помещении Весса. Когда же мы вернулись за ним, чтобы передать его Девуру, я забрал капсулу и положил ее в карман. Как обычно, меня обыскали в поисках оружия, когда я садился вновь на корабль, но обыскивающий меня робот не посчитал дюймовый шарик оружием... В этом один из серьезных недостатков применения роботов. Во всяком случае, вот и вся история.

— Почему же ты все это не рассказал нам? — закричал Бигмен.

Лакки выглядел сконфуженным.

— Я собирался. Честно. Но после того как я забрал капсулу и вернулся на корабль, нас уже заметили сирианцы, помнишь, и встал вопрос, не попытаться ли удрать от них. А после этого действительно, если ты помнишь, не было ни одного момента, когда что-то не возникало. По правде, я не знаю, почему я больше не вспоминал о ней, чтобы кому-то все это рассказать.

— Не мозги, а решето, — с пренебрежением фыркнул Бигмен. — Неудивительно, что тебе нельзя отправляться куда-либо без меня.

Конвей рассмеялся и хлопнул марсианина по спине.

— Верно, Бигмен, позаботься о большом болване и будь уверен, он знает свой путь.

— Когда-нибудь, — сказал Весс, — и у тебя будет свой собственный путь.

И корабль, рассекая атмосферу Земли, пошел на посадку.

Содержание

Лакки Старр и океаны Венеры <i>перевод с английского А.Левкина</i>	7
Лакки Старр и большое солнце Меркурия <i>перевод с английского А.Козловского</i>	135
Лакки Старр и кольца Сатурна <i>перевод с английского С.Никоненко</i>	259

МАСТЕРА ФАНТАСТИКИ 5

Айзек Азимов

Ответственный за выпуск *Е.Чутов, А.Московкин*

Оператор компьютерной верстки *И.Пантелеева*

Главный редактор *А.Захаренков*

Редактор *Л.Усачева*

Технический редактор *К.Казаченко*

Корректор *Е.Ошуркова*

Художник *А.Сергунин*

Мастера фантастики 5: Пер. с англ.—
Р.: Полярис, 1992.—400 с.

ISBN 5-88132-013-1

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.06.92. Лицензия
№ 2-0477. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. листов 12,5. Печать высокая.
Бумага тип. № 2. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1361.

Издательская фирма «Полярис»
Латвийская республика, 226039, г. Рига, в/я 22

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и ин-
формации Российской Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия
Октября, 46.

